ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

Вып. 3
2019

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

MONGOLIAN STUDIES

(Монгол судлал)

2019. № 3

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение» («Монгол судлал») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер свидетельство ПИ №ФС77-77106 от 03.09.2019. ISSN 2500-1523 (Print)

Журнал «Монголоведение» («Монгол судлал») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам монголоведения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре монгольских народов и определяющих их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Монголоведение» («Монгол судлал») — содействие развитию отечественного и зарубежного монголоведения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по монголоведению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем монголоведения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня монголоведных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология); языкознание; литературоведение и фольклористика.

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: mongoloved@kigiran.com
сайт: http://kigiran.com/pubs/index.php/mongolian

© Калмыцкий научный центр
Российской академии наук, 2019
© Коллектив авторов, 2019

MONGOLIAN STUDIES
(Монгол судлал)
Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 3, 2019. Certificate of registration ПИ No. ФС77-77106.
ISSN 2500-1523 (Print)

The Mongolian Studies is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Mongolian studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating the history and culture of Mongolic peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the Mongolian Studies journal is to facilitate development of domestic and foreign Mongolian studies; to publish original and translated articles, reviews on Mongolian studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international academic cooperation within current problems of Mongolian studies.

The goal of the journal is to establish a high level of Mongolian academic research that would involve the use of contemporary scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies
Subscription index: 39464

Founding Institution, Editorial Board, Publisher —
Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:
8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: mongoloved@kigiran.com
web-site: http://kigiran.com/pubs/index.php/mongolian

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2019
© Collective of authors, 2019

Главный редактор:
канд. филол. наук В. В. Куканова, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук А. Алимаа, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук, чл.-корр. С. А. Арутюнов, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
д-р ист. наук Э. П. Бакаева, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
д-р филол. наук А. Бирталан, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);.
д-р филол. наук, академик АН Монголии Л. Болд, Институт языка и литературы
АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук Н. Л. Жуковская, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);
д-р филол. наук В. Л. Кляус, Институт мировой литературы РАН
(Россия, г. Москва);
д-р ист. наук Ю.Конагая, Японское Общество содействия науке,
Национальный музей этнологии (Япония, г.Токио);
д-р филол. наук И. В. Кульганек, Институт восточных рукописей РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук К. В. Орлова, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук У. Б. Очиров, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук И. Ф. Попова, Институт восточных рукописей РАН
(Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук Г. Ц. Пюрбеев, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук На. Сухэбаатар, Монгольский государственный университет образования
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук Таяа, Университет Внутренней Монголии (КНР, г. Хух-Хото);
д-р ист. наук Н. Хишигт, Институт истории и археологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук К. Хамфри, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж)
д-р филол. наук Чао Гету, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
д-р ист. наук , академик АН Монголии С. Чулуун,
Институт истории и археологии АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);.
д-р филол. наук А. Д. Цендина, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);;
д-р ист. наук Д. Шорковиц, Институт социальной антропологии им. Макса Планка
(Германия, г. Берлин)

Редактор: Р. Г. Саряева
Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн: Д. В. Татнинов
Верстка: С. П. Хулхачиева

Editor-in-Chief
Cand. Sc. (Philology) V. Kukanova, Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Editorial Board:
Dr. Sc. (Philology) A. Alimaa, Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
Dr. Sc. (History), Corresponding Member S. A. Arutyunov, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow);
Dr. Sc. (History) E. P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Russia, Elista);
Dr. Sc. (Philology) A. Birtalan, ELTE University (Hungary, Budapest);.
Dr. Sc. (Philology), Academician L. Bold, Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
Dr. Sc. (History) N. L. Zhukovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow);
Dr. Sc. (Philology) V. L. Klyaus, Institute of the World Literature of the RAS (Russia, Moscow);
Dr. Sc. (History) Yu. Konagaya, Japan Society for the Promotion of Science, National Museum of Ethnology (Japan, Tokyo);
Dr. Sc. (Philology) I. V. Kulganek, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Russia, St. Petersburg);
Dr. Sc. (History) K. V. Orlova, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
Dr. Sc. (History) U. B. Ochirov, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Russia, Elista);
Dr. Sc. (History) I. F. Popova, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Russia, St. Petersburg);
Dr. Sc. (Philology) G. Ts. Pyurbeev, Institute of Linguistics of the RAS (Russia, Moscow);
Dr. Sc. (History) Na. Sukhebaatar, Mongolian State Pedagogical University (Mongolia, Ulaanbaatar);
Dr. Sc. (Philology) Tayaa, Inner Mongolia University (PRC, Hohhot);
Dr. Sc. (History) N. Khishigt, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
Dr. Sc. (History) C. Humphrey, University of Cambridge (Britain, Cambridge)
Dr. Sc. (Philology) Chao Getu, Minzu University of China (PRC, Beijing);
Dr. Sc. (History), Academician S. Chuluun, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);.
Dr. Sc. (Philology) A. D. Tsendina, Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics,
Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);;
Ph D. (History) D. Schorkowitz, Max Planck Institute of Social Anthropology (Germany, Berlin)

Editor: R. G. Saryaeva
Translator: S. V. Dzhagrunov
Design: D. V. Tatninov.
Page layout: S. P. Hulhachieva

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Команджаев А. Н., Бичеев Б. А., Сухэбатаар Н. Из архивного наследия В. Л. Котвича 368

Отечественная история

Белоусов С. С. Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии 394

Сартикова Е. В. Рост и регулирование состава Калмыцкой областной партийной организации (1920-е – первая половина 1930-х гг.) 407

Куканова В. В., Баянова А. Т. Полнотекстовая база данных по калмыцкому зарубежью 425

Очиров У. Б. Жители Калмыкии — военнослужащие РККА, награжденные за участие в Сталинградской битве: статистическое исследование 440

Этнология и антропология

Содномпилова М. М., Неманова Э. А. Представления о зарождении жизни и ее качестве в мировоззрении монгольских народов 465

Шараева Т. И. «Моя бабушка курит трубку…» 479

Митруев Б. Л. Об ойратской рукописи «Зерцало менге» из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва 508

Митыпова Н. И. Правое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII–XIX вв. 519

Орлова К. В. Религиозный фактор и этническая идентичность калмыков после 1771 года 531

Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с В. П. Санчировым 543

Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (*продолжение–3*) 564

Лингвистика

Гедеева Д. Б. Увольнительное письмо как жанр калмыцкой деловой письменности XVIII вв. 583

Мулаева Н. М. О функционировании лексемы *hазр* ‘земля’ (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») . . 594

Бачаева С. Е. Прилагательные, выражающие тактильные ощущения в калмыцком языке (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) 613

Ярмаркина Г. М. Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах 629

Бембеев Е. В. Анализ лексических единиц раздела «одежда» (на материале эпоса «Джангар») 640

Лиджиева Л. А., Убушиева Б. Э., Шурунгова Б. А., Мушаев В. Н. Типология пространственных значений и средств их выражения в калмыцком языке (на примере падежных форм) 656

Фольклористика и литературоведение

Убушиева Т. А. Старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтә теегм» в исполнении Валентины Ильцарановой 673

Бичеев Б. А. Образ благочестивой женщины в поучениях тибетского царя Усун Дебескерту 689

CONTENT

General history

Komandzhaev A. N., Bicheev B. A., Sukhbaatar N. Professor W. L. Kotwicz: Archival Heritage Revisited 368

National history

Belousov S. S. The Road-Related Peopling of Astrakhan Governorate: Revisiting the System of Umyot Settlements 394

Sartikova E. V. Kalmyk Oblast Party Organization: Membership Growth and Structure Regulation (1920s – Early to Mid-1930s) . . 407

Kukanova V. V. , Bayanova A. T. A Full-Text Kalmyk Expatriate Community Database 425

Ochirov U. B. Kalmykia's Red Army Soldiers and Officers Awarded Military Decorations for Participation in the Battle of Stalingrad: a Statistical Study 440

Ethnology and anthropology

Sodnompilova M. M., Nemanova E. A. Worldview of Mongolic Peoples: Representations of the Beginnings of Human Life and Its Prospective Quality 465

Sharaeva T. I. 'My Grandmother Smokes a Pipe…' 479

Mitruev B. L. 'The Mirror of Menge': One Oirat Manuscripts from the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic Revisited 508

Mitypova N. M. The Buryat Tribal Aristocracy: Legal Status of Its Representatives in the 17th – 19th-Century National Customary Law 519

Orlova K. V. Kalmyks after the Year 1771: the Religious Factor and Ethnic Identity 531

Guchinova E.-B. M. 'Everyone's Got His Own Siberia': a Biographical Interview with Vladimir P. Sanchirov 543

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: 27 September–26 October) 564

Linguistics

Gedeeva D. B. Enfranchisement Letters as a Genre of 18th-Century Kalmyk Official Writing 583
Mulaeva N. M. The Epic of Jangar: Functioning of the Lexeme назр / γazr 'Earth' Revisited 594
Bachaeva S. E. Kalmyk Adjectives of Tactile Perception: a Case Study of the Jangar Epic and Kalmyk National Corpus 613
G. M. Yarmarkina. Kalmyk Official Letters of the 18th Century: Social Position-Related Naming Units and Their Equivalents in Russian Translations 629
Bembeev E. V. The Epic of Jangar: Analyzing Lexemes of the Cluster 'Clothes' 640
Lidzhieva L. L., Ubushieva B. E., Shurungova B. A., Mushaev V. N. Spatial Values and Means of Their Expression in the Kalmyk Language (an Insight into Case Forms) 656

Folklore and literary studies

Ubushieva T. A. 'Tövtä Teegm': an Old Kalmyk Lingering Folk Song from Valentina Iltsaranova's Repertory 673
Bicheev B. A. 'The Story of Usun Debeskertu Khan': Image of the Virtuous Woman according to the Tibetan King's Homilies . . . 689

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.47).066
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-368-393

Из архивного наследия В. Л. Котвича

Александр Нармаевич Команджаев[1], Баазр Александрович Бичеев[2], Сухэбаатар Надмидын[3]

[1] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, документоведения и архивоведения
ORCID: 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: bazar@mail.ru

[3] Монгольский государственный университет образования (пр. Энхтайваны, Улан-Батор, Монголия)
доктор исторических наук, профессор
ORCID: 0000-0002-0438-5871. E-mail: na_sukhbaatar4@yahoo.com

Аннотация. *Введение.* Вопросам перекочевки части ойратов на Волгу посвящен ряд работ отечественных и зарубежных историков. Однако у исследователей нет единого мнения о причинах этого исторического события. Одним из тех, кто долгие годы по крупицам отыскивал в отечественных архивах документы, проливающие свет на причину прихода калмыков на Волгу, был известный монголовед В. Л. Котвич. В 1919 г. им была опубликована статья «Русские архивные материалы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.», в которой была обнародована часть архивных материалов, обнаруженных им в отечественных архивах. Большую часть документов опубликовать не удалось в связи с переездом В. Л. Котвича в Львовский университет в Польше. *Цель* настоящей статьи — ввод в научный оборот текста двух статей В. Л. Котвича, обнаруженных в его личном архиве в Польше (г. Краков). *Материалы.* Источником для настоящей работы послужили архивные материалы из личного архива В. Л. Котвича. Долгие годы он не оставлял попыток обнародовать обнаруженные им в отечественных архивах данные о перекочевке части калмыков на Волгу. Об этом свидетельствует его переписка с руководством Калмыцкой автономной области, которая хранится в личном архиве

монголоведа. Там же хранятся две рукописные статьи, подготовленные им в начале 1920-х гг. для публикации в журнале «Ойратские известия». Однако после выхода четырех номеров в двух книгах журнал прекратил свое существование. *Выводы.* Содержание двух этих статей свидетельствует о том, что они не потеряли своей актуальности и вполне могут быть стать весомым вкладом в современную калмыцкую археографию.
Ключевые слова: В. Л. Котвич, архив, рукопись, ойраты, волжские калмыки
Благодарности. Исследование проведено в рамках внутривузовского гранта Калмыцкого государственного университета по проекту «Экологическая обусловленность калмыцкого кочевого хозяйства».
Для цитирования: Команджаев А. Н., Бичеев Б. А., Сухэбаатар На. Из архивного наследия В. Л. Котвича. Монголоведение. 2019; (3): 368-393. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-368-393

UDC 94(470.47).066
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-368-393

Professor W. L. Kotwicz: Archival Heritage Revisited

Aleksandr N. Komandzhaev[1], Baazr A. Bicheev[2], Sukhbaatar N.[3]

[1] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor
ORCID: 0000-0002-7064-7315. E-mail: ak.narma@mail.ru

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: bazar@mail.ru

[3] Mongolian State University of Education (Enkhtaivany Ave., Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (History), Professor
ORCID: 0000-0002-0438-5871. E-mail: na_sukhbaatar4@yahoo.com

Abstract. *Introduction.* A number of both Russian and foreign historical works deal with the migration of part of the Oirats to the Volga. However, researchers have still come to no consensus on what exactly had caused the latter. One of those to have been scrupulously searching the domestic archives for documents that would shed light on the actual reason of the arrival of the Kalmyks to the Volga was the famous Mongolist W. L. Kotwicz. In 1919, he published the article 'Russian Archival Materials on Relations with the Oirats in the 17th and 18th Centuries' which introduced a series of archival papers he had discovered in Russia's archives. But subsequent to W. L. Kotwicz's relocation to Lviv University (Poland), the bulk of the documents was never published. *Goals.* The paper aims to introduce into scientific discourse two articles by W. L. Kotwicz found in his personal archives in Poland (Krakow). *Materials.* The work deals with archival materials from the researcher's personal papers. For long years he

persevered in his attempts to publish the discovered archival data. This is evidenced by his correspondence with the leadership of Kalmyk Autonomous Oblast contained in the Mongolist's archives. The latter also happened to include two manuscript articles prepared by him in the early 1920s for publication in the Oirat News journal. However, only four journal issues (clustered in two volumes) had been released before it ceased to exist. *Conclusions.* The contents of the two works indicates that those are as essentially relevant and can still make a decent contribution to modern Kalmyk archaeography.
Keywords: W. L. Kotwicz, archives, manuscript, Oirats, Volga Kalmyks
Acknowledgements. The reported study was granted by Gorodovikov Kalmyk State University — project name 'Ecological Conditions of the Kalmyk Nomadic Economy'.
For citation: Komandzhaev N. A., Bicheev B. A., Sukhbaatar N. Professor W. L. Kotwicz: Archival Heritage Revisited. Mongolian Studies. 2019; (3): 368-393. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-368-393

Известный монголовед, тюрколог и алтаист В. Л. Котвич (1872–1944) неоднократно бывал в кочевьях волжских калмыков. В калмыковедении с его именем связана запись десяти песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Котвич 1958], а также ряд других изданий, посвященных калмыцкому фольклору и языку [Котвич 1905; Котвич 1929].

В. Л. Котвич воспитал целую плеяду учеников, ставших непревзойденными авторитетами в области востоковедения: Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Б. Ринчен, М. Левицкий, Ц.-Д. Номинханов [Полянская 2012].

Будучи лингвистом, В. Л. Котвич на протяжении всей своей жизни уделял большое внимание и вопросам истории монгольских народов. Им была осуществлена огромная работа по выявлению архивных материалов, касающихся русско-ойратских отношений. Его труд «Русские архивные материалы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.», опубликованный в 1919 г., не потерял своей актуальности и остается востребованным у современных исследователей истории монгольских народов [Котвич 1919].

И. Я. Златкин в своем труде «История Джунгарского ханства», отмечая, что работа В. Л. Котвича «носит по преимуществу источниковедческий характер», приводит его слова о том, что «источники для освещения этого периода, обнимающего 150 лет, еще не только не использованы, но и не приведены в должную известность» [Златкин 1983: 12, 59].

После публикации своего труда В. Л. Котвич продолжил свои архивные изыскания. Вскоре у него накопилось значительное

количество новых архивных данных, освещающих перекочевку части ойратов из Джунгарии к берегам Волги. Уже в 1922 г. он пытается решить вопрос о введении в научный оборот выявленных архивных документов, но осуществить это начинание ему не удалось.

В своем письме от 20 августа 1940 г., адресованном С. А. Козину, он пишет: «По одному вопросу хочу даже просить Вашего доброго совета. В московских архивах я в свое время полностью скопировал документы, касающиеся истории ойратов и калмыков от первого о них упоминания половины XVII в., т. е. до утверждения калмыков в Поволжье, а кое-что из следующей эпохи. Академия наук СССР думала кое-что издать (есть даже постановление от 1922 г.), однако мой отъезд приостановил это дело[1]. Не пожелало ли бы нынешнее калмыцкое правительство издать эти документы в связи с подобными изданиями, ведущимися ныне по разным Советским республикам? Материалов хватило бы на приличный том. Быть может, подобный вопрос уже ставился и калмыками?» [Переписка 1967: 199].

Материалы, сохранившиеся в архиве В. Л. Котвича, свидетельствуют о том, что в 1922 г. он обращался к правительству Калмыцкой автономной области с просьбой о публикации собранных им источников. В официальном ответе калмыцкого правительства от 31 марта 1928 г. сообщается о готовности опубликовать статью В. Л. Котвича «К истории движения калмыков из Джунгарии на Запад» в виде отдельной брошюры, в связи с прекращением издания журнала «Ойратские известия»[2].

Марта 31 дня 1928 г. № 3494/57

Профессору Львовского Университета

Владиславу Людвиговичу Котвичу

Калмыцкий Областной Исполнительный Комитет сообщает Вам, что Ваша статья под заглавием «К истории движения калмыков из Джунгарии на Запад», присланная Вами для журнала «Ойратские известия» и полученная в конце декабря 1922 года, не могла быть напечатана тогда, за прекращением названного издания.

[1] В 1923 г. В. Л. Котвич переехал во Львов в Польшу, где стал профессором Львовского университета [Полянская 2012: 111].

[2] Известно, что четыре номера журнала были изданы в 1922 г. в двух книгах. Затем журнал прекратил свое существование в связи с финансовыми трудностями.

В настоящее время Калмоблисполком находит возможным напечатать Вашу статью в виде отдельной брошюры и, спрашивая Вашего согласия на то, просит указаний относительно направления к Вам гонорара за статью, из расчета 75 руб. за печатный лист в 40.000 букв.

Вместе с тем Калмоблисполком обращается к Вам с просьбой о присылке Ваших новейших печатных трудов, касающихся монголов и калмыков, равно как и о присылке таких Ваших работ по истории калмыков, какие могут быть напечатаны в Калмобласти.

Председатель Калмоблисполкома (*М. М. Мунянов*)

И. д. Секретаря (*С. П. Егоров*)

По всей видимости, В. Л. Котвич принял предложение калмыцкого правительства об издании его статьи в виде отдельной брошюры, но попросил прислать ему отдельные листы его статьи для внесения правок. В письме Калмыцкого областного исполкома, подписанном теперь уже новым руководителем, выражается готовность к сотрудничеству с известным монголистом.

Мая 3 дня 1928 г. № 3492/57

Профессору Львовского Университета

Вл. Л. Котвичу

По Вашему письму от 14 апреля с. г. Калмыцкий Областной Исполком препровождает Вам 1, 2, 3 и 4 лист: (всего 4 листа) Вашей статьи «К истории движения калмыков из Джунгарии на Запад» для дополнений, какие Вы наметили сделать в этой Вашей ученой работе.

Принимая указываемые Вами условия по части гонорара, Калмоблисполком высказывает готовность позаботиться о доставлении к Вам новейших изданий Калмобласти, а также и некоторых прежних изданий, касательно приволжских калмыков.

Председатель Калмоблисполкома (*Э. К. Кикеев*)

Секретарь (*С. П. Егоров*)

Нам не известны причины, по которым присланные В. Л. Котвичем две его статьи так и не были изданы. Сам же он, воодушевленный появившейся возможностью публикации своих работ, пишет в своей статье следующее: «Ныне, пользуясь любезным предложением Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, я решил издать те из указанных документов, которые имеют ближайшее отношение к вопросу о расселении ойратских племен в начале XVII в.».

Публикуемые ниже две статьи В. Л. Котвича хранятся в его архиве в Польше[1]. Орфография и пунктуация сохранены авторские, однако в некоторых случаях в квадратных скобках указываются необходимые знаки пунктуации, кроме того, в квадратных скобках дается указание на лист. Первая статья «Из истории движения калмыков на запад» представляет собой рукопись, написанную убористым почерком на четырех листах (см. приложение 1). В ней автор, дав краткий обзор имеющихся на тот момент работ по данной проблеме, раскрывает некоторые факты, предшествовавшие появлению калмыков на Волге. Он пишет, что «следует признать окончательно отпавшим предположение, что выселение торгутов, так же как впоследствии движение хошутов на юг, явилось результатом раздоров в среде ойратского союза. Причины этого были более разнообразными, и на первый план необходимо поставить факт внешнего характера».

Вторая статья — «Из истории движения ойратов на запад» представляет собой машинописный текст с правкой В. Л. Котвича. Она более обширна по своему содержанию и состоит из 13 листов (см. приложение 2). Статья представляет собой краткий очерк исторического содержания, в котором автор попытался в общих чертах представить «картину прошлого ойратов».

Несмотря на то, что обе статьи были написаны во второе десятилетие прошлого столетия они, несомненно, представляют интерес как для специалистов-монголоведов, так и для истории калмыцкой исторической науки в целом.

Литература

Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 332 с.

Котвич 1919 — *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. I–III // Оттиск из Известий Российской академии наук. 1919. СПб.: [б. и.], 1919. I. С. 791–822; II. С. 1071–1092; III. С. 1199–1214.

Котвич 1958 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 196–199.

[1] Копии этих двух статей удалось получить из архива В. Л. Котвича в Кракове благодаря настойчивым усилиям канд. филол. наук Т. Н. Богрдановой.

Котвич 1905 — *Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Изд-во фак-та Восточных языков СПб. ун-та, 1905. 111 с.

Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е // Хонхо. Ржевнице: Изд. Калмыцкой комиссии культурных работников, 1929. 418 с.

Переписка 1967 — Переписка В. Л. Котвича и С. А. Козина // Ученые записки. Вып. 5. Серия филология. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 193–199. 237 с.

Полянская 2012 — *Полянская О. Н.* Монголоведные исследования В. Л. Котвича (1872–1944). К 140-летию со дня рождения // Вестник Бурятского университета. Педагогика. Филология. Философия. № 7. Улан-Удэ, 2012. С. 108–114.

References

[Correspondence between W. L. Kotwicz and S. A. Kozin]. In: [Scholarly Notes]. Vol. 5. Ser. ‘Philology Research’. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1967. Pp. 193–199. (In Russ)

Kotwicz W. L. [A Grammar of Spoken Kalmyk]. 2nd ed. (In: Khonkho journal). Revnice: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1929. 418 p. (In Russ.)

Kotwicz W. L. [Kalmyk Riddles and Proverbs]. St. Petersburg: Faculty of Oriental Languages, St. Petersburg Imperial University, 1905. 111 p. (In Russ.)

Kotwicz W. L. Russian archival documents on relations with the Oirats in the 17th and 18th centuries. Parts I–III. Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. 1919. No. 1, pp. 791–822; no. 2, pp. 1071–1092; no. 3, pp. 1199–1214. (In Russ.)

Kotwicz W. L. The Jangariad and jangarchis. In: [Philology and History of Mongolic Peoples: Commemorating Acad. B. Ya. Vladimirtsov]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 196–199. (In Russ.)

Polyanskaya O. N. The Mongolian studies of V. L. Kotwich (1872–1944). To the 140th anniversary of his birthday. The Buryat State University Bulletin. Ser. ‘Pedagogy. Philology. Philosophy’. 2012. No. 7. Pp. 108–114. (In Russ.)

Zlatkin I. Ya. [History of the Dzungar Khanate: 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)

Приложение 1

[Л.1]

ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ КАЛМЫКОВ НА ЗАПАД

Выдающийся факт широкого расселения ойратских или калмыцких племен из Джунгарии в первой половине XVII в. стал привлекать к себе, еще со времен академиков Миллера, Фишера и Палласа, внимание исследователей, но целый ряд связанных с ним вопросов первостепенного значения продолжают оставаться темным. Таковы, прежде всего, причины, вызвавшие расселение, способ, коим она совершалась, точная хронология отдельных событий. Автор даже новейшей ценной работы «Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России», которым открылись «Ойратские известия», проф. Н. Н. Пальмов должен был в некоторых случаях ограничиться более или менее вероятными предположениями и сопоставлениями.

С XVIII в. нам прибыло очень мало новых данных, а между тем[,] такие данные[,] доныне еще почти не использованные, все же имеются[,] и хранятся они, как это отмечено проф. Пальмовым в предисловии к его труду, в московских архивах. В своей статье, помещенной в «Известиях Р. Академии Наук» за 1919 г. «Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII–XVIII вв.» я старался высказать богатство материалов этого рода и ценность их для науки. В том же 1919 г. в Лондоне вышел в прекрасном издании, обширный (2 т.) труд *«Russia, Mongolia, China»*[,] в котором автор *John Baddeley,* также работавший в московских архивах, положил даже начало использованию их данных, но, несмотря на объем этого труда, мы находим в нем не столько решение указанных выше вопросов, сколько наглядное подтверждение значения архивных документов.

Пользуясь этими документами, я коснусь в настоящей статье вкратце некоторых фактов, предшествовавших появлению калмыков на р. Волге.

Прежде всего, следует признать окончательно отпавшим предположение, что выселение торгутов, так же как впоследствии движение хошутов на юг, явилось результатом раздоров в среде ойратского союза. Причины этого были более разнообразными, и

на первый план необходимо поставить факт внешнего характера. Этот важный вопрос требует специального освещения, и им я надеюсь заняться впоследствии. Теперь же можно отметить, что движение торгутского вождя Хо-Ӧрлӧка не было изолированным действием. Вместе с ним уходили из Джунгарии и другие ойратские племена, в том числе и их предполагавшиеся соперники, и все они продолжали вести общими силами борьбу как со старым, так и новым врагами.

Путь, по которому происходило выселение, первоначально шел по [Л. 2] долине Черного Иртыша, мимо оз. Зайсан, с дальнейшим направлением в сторону г. Тары. Возможно, что несколько позже, с ослаблением давления со стороны казак-киргизов, прибавился еще другой путь — «Джунгарские ворота» (между озером Эби-нор и Ала-куль), ведшие прямо на запад.

Первое появление калмыков к западу от оз. Зайсана произошло не ранее 1595 г., а вероятно лишь после смерти хана Кучума. Во всяком случае, уже в 1601 г. «черные калмыки», т. е. ойраты, упоминаются наряду «с белыми» (теленгутами) и ногайдаки в наказе Тарскому воеводе с предписанием проведывать про них вести, не «чаять ли от них к сибирским городам и на волости проходу». В дальнейшем калмыки быстро и широко раскинулись по сибирским степям, и движение это носило характер не систематического продвижения вперед, а стремительных набегов, за которым следовал, в случае необходимости, столь же стремительный отход.

Действия в районе сибирских поселений и волостей облегчались калмыкам тем, что они взяли под свое покровительство сыновей Кучума и даже породнились с ними, чем обеспечили себе симпатии и даже прямое содействие со стороны татар. Движение на запад натолкнулось на противодействие ногайцев, и борьба с ними затянулась на долгие годы, но все-таки не могла остановить это движение.

Уже под 1604–5 гг. мусульманский писатель Абуль-газы отмечает первое нападение калмыков на Хиву (Ургенч). В 1606 г., согласно архивным данным, происходит первое боевое столкновение с русскими (удачное для последних) в районе Тарского уезда. В 1607 г. в Тару являются посланцы от 5 виднейших ойратских тайшей, в числе коих находился Урлюков сын Шевгей, и затем направляются в

Москву, где их принимает царь Василий Шуйский в феврале 1608 г. Ответное русское посольство уже не нашло калмыков в Сибири, так как все они вернулись в Джунгарию для совместной борьбы с монголами. Но уже в 1611 г. русский посланец Прокопий Вражский, посетивший летом этого года кочевья князя Иштерека, в своем статейном списке говорит о нападении калмыков на ногайцев, как об обычном явлении, причем калмыки приходили из-за Яика и в то время ногайцы стояли от них на заставе на Яике[1].

В 1613 г. отмечен факт повторяющихся из года в год подъездов калмыков и ногайцев и в другом районе, между Эмбой и Иргизом на пути русских [Л. 3] посланце в Персию[2]. Вслед затем калмыки продвигаются и по направлению к Уфе.

Таким образом, еще ранее 1618 г., который обычно считается началом движения торгутов из Джунгарии, калмыки, имея в авангарде торгутские силы, успели оттеснить ногайцев, своих главных противников при движении на запад, и стать полновластными господами всей степи между Джунгарией и Уралом. В дальнейшем борьба, в общем успешная для калмыков, шла в бассейне этой реки и далее по направлению к Волге.

Проследить ход последующих событий, и в частности, установить время и обстоятельства первого появления калмыков на Волге можно было бы с наибольшей достоверностью по донесениям Астраханского и Уфимского воевод, но их отписки в Москву поступали в Приказ Казанского дворца и, вероятно, погибли во время пожаров, происходивших в этом приказе.

В делах Посольского и Сибирского приказов сохранилось лишь небольшое число таких отписок, в том числе одна отписка Астраханского воеводы Ивана Салтыкова от конца 1631 г., коей с полной ясностью устанавливается, что в это время калмыков на Волге, вопреки общепринятому мнению, не было. Передовой отряд, во главе со старшим сыном Хӧ-Ӧрлӧка Дайчином, стоял на р. Эмбе, а сам Хӧ-Ӧрлӧк находился, еще далее на юго-восток. Это, конечно, еще не решает в отрицательном смысле вопроса о первом появлении калмыков на берегах Волги. Возможно, что тот набег на ногайцев о котором говорит отписка, случился в 1630 г. или ранней весной

[1] Чтения в И. общ. Ист. и Древн. Росс., 1915, кн. 4 (255), стр. 25–26.

[2] Веселовский. Памятники диплом. и торг. сношений Московской Руси с Персией, II, стр. 171–175, 259–260. Ср. также ЗВО Арх. Общ., III, стр. 365–370.

1631 г., и что тогда именно калмыки и достигли Волги, но затем с обычной быстротой откатились за Урал, где их и нашли русские посланцы.

Ввиду значительного интереса, который представляет указанная отписка Салтыкова, она приводится здесь полностью[1].

[Л. 4] *Михаилу Федоровичу всеа Русиі по своей вере шертовали ж бы на том, что ему, Урлюк тайше, и братю ево и детям и племянником и улусным их людям тебе, великому государю, служить и прямит и быть под твоею государевою высокою рукою в холопстве во веки неотступным и твоих государевых русских людей нигде не побивати и в полон не имати и на нагайские б, государь, улусы войною не приходить и не побивать и жон и детей не имать и ни в которые государства не продавать и под твои государевы украинные городы и на уезды войною не приходить и тебе б, великому государю, ни в чем не изменити. И которые, государь, торговые люди учнут в твою государеву отчину в Астарахан и к бусному Караганскому пристанищу ходити своими товары из бухар и из Юргенч и их не побивать и не грабить и от сторонних, государь, воинских людей оберегать и дорога очистит.*

И как, государь, ис калмыцких улусов от Урлюк тайши з братію и з детьми и с племянники сын боярский Гаврило Русанов да толмач Куземка Артемьев в Астарахан приедут, и что, государь, нам, холопам твоим, в распросе скажут, и мы, холопы твои, к тебе, к государю, отпишем.

На этом отписка Астраханского воеводы кончается, и последующие его донесения в Московском архиве мною не обнаружены. Остается поэтому неизвестным, как отнесся Хö-Öрлöк к образу действий своих посланцев, которые[,] по словам воеводы, принесли шерти в вечном холопстве Московскому царю. Такой акт является совершенно неожиданным, и едва ли он был одобрен торгутским вождем.

Принятие русского подданства не соответствовало той политике, которой ойратские тайши неизменно держались в то время в своих сношениях с сибирскими и другими воеводами и непосредственно с московским двором и не вызывалось и местными условиями. Можно даже предполагать, что здесь произошло недоразумение, а именно

[1] Отписка сохранилась в б. Моск. Глав. Арх. М.И.Д., калм. дел., № 3, лл. 1–27, без обычной пометки о времени получения. В списке Архива она помечена «около 1640 г.», но здесь очевидное недоразумение: из первых же строк видно, что отписку нужно отнести к 7140 г., т. е. к 1631 г. по Р. Хр., при том, судя по концу, к октябрю месяцу.

что ойратские посланцы клялись лишь в том, что не будут нападать на ногайцев, находившихся под «высокой рукой» московского царя.

Вл. Котвич

Приложение 2

[Л.1]

ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ОЙРАТОВ НА ЗАПАД

Введение

Группа племен, известная под названием ойратов или калмыков, сыграла в истории Центральной Азии видную роль. К сожалению, об ее происхождении и деятельности, особенно в начальный период, сохранились лишь неопределенные и недостаточные сведения, которые не дают в настоящее время возможности нарисовать ясную картину прошлого ойратов. В общих чертах оно представляется в следующем виде.

В эпоху завоевания, начатых Чингис-ханом, ойраты входили в состав общемонгольских войск, и их отряды не раз участвовали в далеких походах. Известно, что такие отряды находились, например, в армии Хулагу, который был послан, по постановлению общемонгольского курултая в 1256 г. для завоевания Персии, Мессопотамии и вообще Передней Азии, и остались там на долгое время. Однако центр ойратских кочевьев, вероятно, сыздавна находился в нынешней северо-западной Монголии и в эпоху всемирного господства монголов вошел в пределы главного монгольского нутука, которым распоряжались общемонгольские ханы, и таким образом оказались между главным нутуком и 3 западными уделами, во главе которых стояли сыновья Чингис-хана: Джучи, Джагатай и Угедей и их потомки.

К концу XIV в. главный нутук не только лишился Китая, но и понес ряд сильных поражений от китайских войск. Западные уделы сильно изменили свой первоначальный характер вследствие распространения ислама и преобладания турецкого элемента. Взаимные раздоры между уделами подорвали престиж правивших уделами монгольских династий. При этих условиях основы прежней монгольской государственности оказались потрясенными как на востоке, в главном нутуке, так и на западе, в уделах, и в это именно время выступили на политическую арену, как самостоятельная сила, ойраты.

Ойраты жили сплошной массой и благодаря этому сохранили свою национальность, свои старые традиции. Они тяготели к главному нутуку и потому все свое внимание обратили на восток, стремясь к возрождению, уже под своим руководительством, этого [Л. 2] нутука и к обратному завоеванию Китая. Все монгольские племена постепенно подчинились власти ойратских вождей Махаму, Тогона и Эсэня, их войска взяли в плен в 1449 г. китайского императора и подступили под стены Пекина. Эсень принял титул хана, но вслед затем трагически погиб в 1454 г. от руки заговорщиков, не оставив после себя достойного преемника. Господство ойратов, продолжавшееся около полустолетия, довольно быстро сходит на нет, и воспоминанием о нем осталось с тех пор резкое деление главного монгольского нутука на две взаимно враждующие части: ойратов на западе и монголов — на востоке.

Монголы спустя некоторое время вновь усилились и даже объединились под властью своих ханов, потомков Чингис-хана, ойраты же постепенно оттеснялись из монгольских кочевьев. Некоторые союзники ойратов, как баргу-буряты, оторвались и потеряли с ними всякую связь, сами же ойраты отступили на запад, где находились их старые кочевья, и, в конце концов, расположились в стране, прилегающей к Алтайскому хребту. Главным центром их кочевьев сделалась долина Черного Иртыша.

Занятые кочевья, однако, оказались тесными для всей массы ойратов, а с другой стороны, они сохранили еще достаточно сил и энергии для попыток к их расширению. Это повело к длительной борьбе со всеми соседями ойратов, которые, то нападая, то отбиваясь от нападений, проявляют значительную сплоченность. Сохранившееся среди них доныне предание такими образными словами характеризует их положение: «Четыре ойрата живут, сомкнувшись в четырехугольник, подобный клыкам лютых зверей и иглам ежей».

Свои наступательные действия ойраты предпринимают главным образом по 3 направлениям: с одной стороны, они стремятся продвинуться на юг к Тянь-Шаньским горам, как естественному рубежу занятой страны, с другой — на восток, стараясь овладеть частью северной Монголии или Халхи, с третьей — на запад, пытаясь достигнуть реки Или. Их общая цель, видимо, овладение всей страной между Алтаем и Тянь-Шанем, т. е. всей Джунгарией, и возможное

продвижение на восток до Хангая. Это втягивает их в борьбу на юге с владетелями Могулистана или Восточного Туркестана, на востоке с монголами, на западе с киргизами-казаками и узбеками. Борьба ведется более интенсивно сначала на юге, затем [Л. 3] на востоке, наконец, на западе, но всюду с переменным успехом и долгое время без особого результата: за победой следует поражение и даже иногда утрата той или иной частью ойратов независимости.

К половине XVI ст. борьба становится особенно напряженной со стороны Монголии. Ойраты продвигаются на восток, занимают Кара-Корум на Орхоне. Но против них выступает хан из племени Тумэт (из юго-восточной Монголии), известный под титулом Алтан-хана, который претендовал на господство во всей Монголии. В 1552 г. оттесняет их обратно на запад, а через 10 лет войска того же Алтан-хана, предводимые его племянником, проникают далеко вглубь ойратских кочевьев и наносят ойратам сильное поражение на р. Иртыше.

Вслед затем против ойратов выступает один из сильнейших князей Халхи Абатай-хан, которому удается в 1577 г. на некоторое время подчинить ойратов своей власти и поставить над ними своего наместника. После смерти Абатай-хана и свержения его наместника против ойратов выступает в 1587 г. их ближайший сосед с северо-востока хотогойтский князь Убаши хун-тайчжи в союзе с урянхайским Сайан-Маджихом, но на этот раз ойраты успешно отражают нападение, и Убаши гибнет в битве.

По-видимому, это была одна из наиболее блестящих побед ойратов, так как память о ней до сих пор жива среди них, и предание о ней пользуется большой популярностью. Однако на других фронтах ойраты понесли в то время ряд неудач, хотя, по-видимому, частичных. Владетель округа Хами в Восточном Тянь-Шане оттеснил в 1588 г. группу ойратов далеко на юг к границам Китая. На западе казацкий хан Тевеккуль подчинил своей власти некоторую часть ойратов, поставив над ними своего брата, и сам, приняв в 1594 г. титул «царя казацкаго и калмыцкого», под которым и вступил в сношения с Китайским двором.

Вскоре усилилось давление и со стороны восточных соседей, монголов. С начала XVII в. во главе хотогойтов и урянхайцев появляются энергичные князья, которые в русских документах

именуются алтын-ханами, т. е. золотыми царями.[1] Они [Л. 4] столь сильно нажимают на ойратов, что те, не будучи в состоянии дать отпора и испытывая такое же давление и с других сторон, покидают свои кочевья и начинают двигаться на северо-запад, по единственно свободному направлению, а именно по долине Черного Иртыша и проникают в Западную Сибирь как раз в то время, когда там рушилось под ударами русских Сибирское царство, этот последний остаток в Азии старого улуса Джучи.

Ойраты входят в соприкосновение с Московским государством[2].

* * *

После свержения монгольского ига и окончательного падения Золотой Орды Московское государство стало быстро продвигать свои пределы на восток, постепенно занимая земли и покоряя племена, входившие ранее в состав владений Джучия и его потомков. В 1552 г. пало под ударами московских ратей Казанское царство, через два года за ним последовало Астраханское, через 30 лет наступила очередь и Сибирского царства. Во всех этих государствах, возникших на развалинах удела Джучия, монгольский элемент уже давно уступил место турецкому, более сильному своей численностью. Находившиеся там небольшие группы монголов забыли свой язык, усвоили ислам и мусульманскую культуру. Только правящая династия возводила свой род к Чингис-хану и еще сохраняла силу монгольская административная система. Завоевание русскими упомянутых царств ликвидировало и эти остатки прежней монгольской государственности. Взамен ее Москве пришлось, создав новый государственный строй и, прежде всего, прибрать к своим рукам разбредшиеся было племена, которые раньше входили в состав разрушенных государств.

[Л. 5] Такой именно период переживала Западная Сибирь, когда

[1] На такой гордый титул эти князья, игравшие в Монголии сравнительно незначительную роль, не имели никакого права и едва ли сами им пользовались. По всей вероятности, этот титул возник среди соседних сибирских инородцев, которым упомянутый князь мог импонировать своей силой — быть может, под влиянием каких-либо легенд об упомянутом выше Алтан-хане тумэтском, который также боролся с ойратами; через посредство же инородцев титул алтан-хана мог распространиться и среди русских, тем более, что сами алтан-ханы не считали нужным протестовать против употребления в сношениях с ними этого титула.

[2] Факты, послужившие основанием для приведенного выше очерка, читатель найдет в более подробном изложении, хотя и в несколько ином освещении, в монументальном труде Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край».

там стали появляться впервые ойраты. Последний сибирский хан Кучум потерпел ряд неудач, и его военные силы и вообще подданные рассеялись. Русские начали подчинять своей власти одно племя за другими и углубляться все далее на восток. Этапы этого проникновения отмечались постройкой укрепленных пунктов; так возник ряд городов: в 1586 г. — Тюмень, в 1587 г. — Тобольск, в 1594 г. — Тара, в 1604 г. — Томск. От этой линии опорных пунктов русское влияние стало постепенно распространяться также и к югу: туда манили русских завоевателей не только степи с их кочевым населением и многочисленными стадами, но также и богатый культурный край, лежащий между реками Сыру-Дарьей и Аму-Дарьей, так называемая Бухара или Бухария.

Русские старались вновь воссоздать прекратившиеся было с их приходом старые торговые и вообще культурные связи между означенным краем и бассейном Оби, и в новые построенные русскими города стали действительно прибывать из Бухарии мусульманские купцы, именовавшиеся бухарцами и тезиками. Могло казаться, что вся Западная Сибирь до бассейна Аральского моря и Алтайских гор станет легкой добычей Москвы. Однако появление ойратов неожиданно осложнило положение дел и надолго задержало продвижение русских в таком направлении.

* * *

Первые сведения об ойратах были получены русскими еще в конце XVI ст., при разведках о хане Кучуме. Эта разведка производилась при посредстве бывших подданных Кучума, так называемых юртовских татар в бассейне Оби, которые должны были выразить покорность русским. Эти татары называли ойратов калмыками, и от них имя «калмык» было усвоено и русскими, которые стали с тех пор пользоваться исключительно им как в повседневной жизни, так и во всех официальных сношениях. Настоящее же имя этого народа «ойрат», равно как и наименования входивших в его состав отдельных племен, по-видимому, долгое время оставались неизвестными русским.

[Л. 6] Благодаря татарам и русским термин «калмык» распространился далеко на запад и прочно утвердился на всем пространстве от Оби до Волги и Дона, а с течением времени был усвоен и той

частью ойратов, которая оторвалась от главной их массы и своими кочевьями раскинулась по рекам Уралу, Волге, Дону и Тереку. Там имя «калмык» стало национальным и почти совершенно вытеснило в повседневной жизни старое наименование «ойрат».

С другой стороны, наименование «калмык» стало применяться русскими тоже по примеру юртовских татар, также к одному племени турецкого происхождения — телеутам (теленгитам или алтайцам) в верховьях р. Оби, по-видимому, благодаря тому, что это племя рано признало свою зависимость от ойратов и очень часто выступало с ними солидарно. Все же различие между ойратами и телеутами, по-видимому, с самого начала ясно сознавалось русскими и нашло себе выражение в том, что первые именовались черными калмыками, а вторые — белыми. Такое различение находим уже в документе 1601 г.[1]

* * *

Непосредственное соприкосновение русских с ойратами последовало в самом начале XVII ст. В то время русские считали себя господами всей Западной Сибири и старались подчинить своей власти все проживавшие там племена как мирными средствами, так и силой оружия. Ту же политику они применили и к ойратам, когда те появились в бассейне Иртыша. Со своей стороны ойраты, теснимые в Джунгарии монголами и киргиз-казаками, искали свободных земель и, располагая значительными силами, могли подчинить своей власти или оттеснить прежних обитателей сибирских степей, таких же, как и они, кочевников.

[Л. 7] Подобные стремления должны были неминуемо привести к столкновению между русскими и ойратами, и положение осложнялось еще тем, что на те же земли и племена притязали еще хан Кучум и его сыновья. Последние, считая русских более опасным врагом, поспешили войти в соглашение с ойратами и завязать с ними дружественный, а по временам и родственные отношения, чтобы использовать их силы в своей борьбе с русскими.

[1] Напротив того, сами телеуты (алтайцы) употребляли термин «ойрат» так же, как и разные турецкие племена, жившие далее на восток, именно в бассейне р. Енисея (см. Г. Ф. Миллер «Описание Сибирского Царства», СПБ., 1750, стр. 20). Так как за время существования Ойратского государства телеуты входили в его состав, то стали, по-видимому, именовать себя ойратами. Имя «ойрат» сохранилось у телеутов доныне, как воспоминание о лучших, легендарных временах их существования, и когда после революции телеуты получили возможность образовать автономную область, они дали ей наименование Ойратской.

Однако ойраты не ставили своей целью окончательного переселения в Сибирь. Теснимые в Джунгарии, они только временно уходили в большем или меньшем количестве в Сибирь и пользовались всяким удобным случаем для того, чтобы вернуться в джунгарские степи и продолжать там борьбу со своими врагами. Притом они нередко оставляли в Сибири свои семьи и стада и вновь возвращались туда в случае неудачи. Кроме того, ойраты нуждались в разного рода предметах, которые могли доставать удобнее всего из русских городов в обмен на свой скот, который был необходим русским.

Такое положение вещей вынуждало ойратов вести осторожную политику в отношении русских. Поэтому, производя иногда набеги на земли, находившаяся в ведении московских властей, ойраты с другой стороны пробовали завязать с русскими дружественные, особенно торговые сношения, а в тяжелые для себя минуты не останавливались даже перед намеками о готовности войти с Москвой в постоянную связь, намеки, которые русскими принимались за прямое предложение стать под высокую руку московских царей.

* * *

Так в пределах Джунгарии и прилегающей к ней части Сибири осталось только главное ядро ойратских племен, которые и образовали там во второй половине XVII ст. настоящее Ойратское государство, последнюю кочевую державу. От этого ядра отделились две группы ойратов, [Л. 8] которые, приняв деятельное участие в обороне Джунгарии, не пожелали в дальнейшем участвовать в общей жизни, а предпочли обособиться и создать самостоятельные государственные организмы.

С одной стороны, левое крыло ойратов, состоявшее главным образом из торгутов во главе с Хо-Урлюком и его сыновьями, осело в степях между Уралом и Доном, с другой стороны, восточное[,] или вернее, юго-восточное крыло, состоявшее преимущественно из хошутов под начальством Гуши-хана и его сыновей, заняло область Куку-нора и Тибет. Общая до той поры история ойратов разделилась около половины XVII ст. на 3 части, только изредка и в слабой форме между собой соприкасавшиеся.

* * *

Указанный знаменательный период истории ойратов стал привлекать к себе внимание европейских исследователей с первой половины XVIII ст., когда еще существовала упомянутая ойратская держава, однако и доныне он остается мало изученным. В этом согласны все писатели, которые интересовались прошлым ойратов. Об этом свидетельствуют и весьма сильно разнящиеся взгляды, которые высказывались этими писателями даже по основным вопросам, подлежащим освещению.

Однако существует ли для их изучения достаточно источников и использованы ли они в надлежащей степени?

Имея в виду, что от первого момента появления ойратов в Сибири, когда они переживали период большой политической слабости, все дальнейшее их усиление и сопутствовавшее ему расселение произошло на глазах русских, материалов для истории нужно искать, прежде всего, в России. И действительно, мы находим их в русских архивах, как сибирских, так и московских.

Ойраты вначале появились в степях между Иртышем и Обью, и потому с ними пришлось иметь дело властям городов Тары и Томска, затем с продвижением на запад они проникли в районы, подведомственные городам Тюмени и Тобольску. С течением времени Тобольск сделался центральным пунктом по сношениям с ойратами. В архивах всех этих городов и оказались многочисленные документы, касающиеся этих сношений.

[Л. 9] На сибирские архивы большое внимание обратил академик Г. Ф. Миллер, участник большой академической экспедиции 1733–1743 гг., и по его поручению были изготовлены копии с важнейших документов, касавшихся истории Сибири, в том числе и по сношениям с ойратами. Эти копии были доставлены в центр и переданы на хранение в Академию наук, и таким образом большое количество документов было спасено для науки, так как почти все сибирские архивы сгорели. На основании изготовленных в Сибири копий Миллер написал свой труд «Описание Сибирского царства» (СПБ., 1750, 2 изд. 1787), а за ним другой академик J. E. Fischer — труд «Sibirische Geschichte» (СПБ., 1768)[1] и в этих трудах находим довольно много сведений об ойратах.

[1] Этот труд появился в 1772 г. в русском переводе под заглавием «Сибирская история».

Впоследствии портфелями Миллера пользовались и другие исследователи, а некоторое количество документов, касавшихся ойратов, было полностью напечатано во II т. «Русской Исторической Библиотеки».

Сибирские воеводы доносили о своих отношениях к ойратам в Москву, главным образом в Сибирский Приказ, по которому проходили и ответные грамоты и наказы в Сибирь. Посольскому приказу приходилось иметь дело с ойратскими посольствами, приезжавшими в Москву, и таким образом в архивах обоих этих приказов тоже накопилось большое количество актов по сношениям с ойратами, в том числе дубликатов документов, которые хранились в Сибири и лишь отчасти были скопированы для Миллера. Однако документы центральных архивов очень мало привлекали к себе внимание исследователей, и только в 1884 г. в VIII номере «Русской Исторической Библиотеки» была опубликована серия актов из архива Сибирского Приказа, а в 1919 г. J. F. Baddeley издал ряд документов из архива Посольского Приказа в своем монументальном труде «Russia, Mongolia, China».

В 1918–19 гг. мне довелось довольно подробно ознакомиться с документами по сношениям с ойратами в XVII ст. в упомянутых центральных архивах, хранящихся в Москве[1].

Причем оказалось, [Л. 10] что эти документы дают довольно ясное представление о проникновении ойратов в Сибирь и их там деятельности и что только небольшая часть этих документов была до сих пор издана и вошла в научный оборот. Характерно, напр., что Миллер и Фишер имели в своем распоряжении ойратские документы только от 1604 г. и притом лишь из Томского архива, тогда как городу Таре пришлось иметь дела с ойратами еще до основания Томска и при том значительно более оживленные. Этим объясняется отрывочный характер сведений, которые сообщают об ойратах названные академики, умалчивая напр[имер] о столь крупном факте, как приезд в Москву в 1607–1608 гг. первого ойратского посольства.

В архиве Сибирского Приказа нашлись неизвестные ранее документы из Тарского архива, восходящие к 1596 г., и особенно подробно освещающие обстоятельства отправки помянутого Посольства и последующие переговоры с ойратами, затянувшиеся до 1610 г. К

[1] Результаты моих работ в Московских архивах изложены в статье «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.», помещенной В «Известиях Российской Академии наук» за 1919 г. (Петроградъ,1921).

сожалению, и переписка, которая велась по г. Таре, не дошла до нас полностью. В Сибири она, по-видимому, погибла, в Москве оказалась лишь серия списков с наказов и грамот, посылавшихся из Москвы тарским воеводам. Донесения или так наз[ываемые] отписки последних, содержавшие особенно подробные сведения о сношениях с ойратами, не сохранились. Однако благодаря усвоенному московскими канцеляриями обыкновению начинать всякую грамоту обстоятельным изложением содержания полученной с места отписки, картина этих сношений изображена и в грамотах достаточно подробно.

На следующем месте после русских архивных документов нужно поставить исторические традиции и записи самих ойратов. Этот источник сведений был широко использован также в XVIII ст. академиком П. С. Палласом, который собранный им среди приволжских калмыков данные поместил в известном труде «Sammlung historischer Nahrichten über mongolische Völkerschaften» (I, СПБ., 1776). Позднее ойратскими источниками пользовались Ю. Лыткин в труде «Материалы для истории ойратов» («Астрах. губ. вед.», 1860–61), К. Ф. Голстунский в труде «Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для [Л. 11] волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши» (СПБ., 1880) и А. М. Позднеев в разных своих статьях.

Кроме того, были изданы в полном тексте и отчасти в переводе:

1. Упоминавшееся выше предание о походе монгольского Убаши-хун-тайджия против ойратов в 1587 г. (текст и перевод);

2. Сказание о дорбон-ойратах Батур-Убуши-Тюменя (текст и перевод);

3. «Краткая история калмыцких ханов (текст).

Историей ойратов интересовались и китайские писатели, и в китайских анналах и иных сочинениях содержатся очень подробные сведения о позднейшем периоде помянутой истории, начиная примерно с последней четверти XVIII ст. Однако кое-какие сведения можно почерпнуть и об интересующем нас периоде. Частично эти сведения были извлечены из китайских сочинений европейскими учеными также еще в XVIII ст. и благодаря этому с давних пор стали доступны исследователям. Здесь можно указать на труды:

Deguignes. «Historie generale des Hunss, des Turcs et des Mongols» (Paris, 1778);

Mailla. «Historie generale de la China» (T. XI, Paris);

Монах Иоаким. «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана» (СПБ. 1829); «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV ст. до настоящего времени» (СПБ., 1834).

Китайское сочинение «Мэн-гу-ю-му-дзи» в переводе П. С. Попова (СПБ., 1895).

* * *

Приведенными источниками не исчерпываются материалы по истории ойратов. Некоторые данные можно найти напр[имер], еще у мусульманских историков. Но они имеют уже второстепенное значение и касаются преимущественно более позднего времени[1].

Попытки использовать научный материал для освещения истории ойратов в первой половине XVII ст. делались неоднократно как в общих очерках истории монголов или ойратов, так и в разного рода статьях. Важнейшими из числа более новых работ нужно признать следующие:

[Л. 12] Howorth H. N. History of the Mongols. V. I (London, 1878);

Позднеев А. Астраханские калмыки и их отношения к России (ЖМНПр. 1886, март);

Позднеев А. К истории зюнгарских калмыков (приложение к сочинению Н. Веселовского «Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван-Робтану нап. от. арт. Ивана Унковского» (СПБ., 1887);

Courant M. L'Asia Centrale aux XVII-e et XVIII siecle — Empire Kalmouk ou Empire Mantshon? Lyon-Paris, 1912.

Арх. Гурий. Очерки по истории распространия христианства среди монгольских племен. Ч. I (Казань, 1915).

Пальмов Н. Н. Исторический очерк астраханских калмыков (Ойратские известия, 1921, в. III–IV.

Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII в. Ч. I. Астрахань, 1926.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. II. (Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Ленинград, 1926.

В общем, ойраты не могут пожаловаться на недостаток внимания к себе со стороны европейских историков. Наибольшее значение

1 Подробный обзор источников для истории ойратов дан в упомянутой выше статье «Русские архивные документы» и т. д. (Изв. Акад. Наук, 1919, 792–813).

имеет последняя работа, принадлежащая перу известного путешественника по Средней Азии и ее историка Г. Е. Грумм-Гржимайло. Она основана на тщательном изучении всего имеющегося в европейской литературе материала, причем история ойратов, входя составной частью в общую историю Средней Азии, особенно рельефно заявляет роль, которую ойратам было суждено в ней сыграть.

Автор добросовестно старался отдать отчет во всех темных и спорных вопросах прошлого ойратов и в пределах доступных ему данных выполнил мастерски поставленную себе задачу. И если, тем не менее, он оказался не раз вынужденным оставить тот или иной вопрос открытым, если с другой стороны не всегда возможно в полной мере разделить делаемые им выводы, то объясняется это исключительно недостаточностью доступных исследователям материалов. Вот почему теперь, когда благодаря неутомимой энергии Г. Е. Грумм-Гржимайло мы уже имеем критическую сводку того, что до сих пор сделано по ойратскому вопросу, особенно сильно (Л. 13) ощущается потребность в издании новых материалов.

Нельзя поэтому не приветствовать почина, который сделал в этом направлении автор двух предшествующих трудов проф. Н. Н. Пальмов. Им предпринято исследование одного из провинциальных архивов, к которому до сих пор очень мало обращались историки, но в котором сохранялись в большом количестве акты по истории приволжских калмыков с 1713 г., именно Астраханский Калмыцкий Архив (б[ывший]. Архив Управления Калмыцким народом). В результате историческая литература обогатилась целым рядом новых документов и серией этюдов по истории приволжских калмыков.

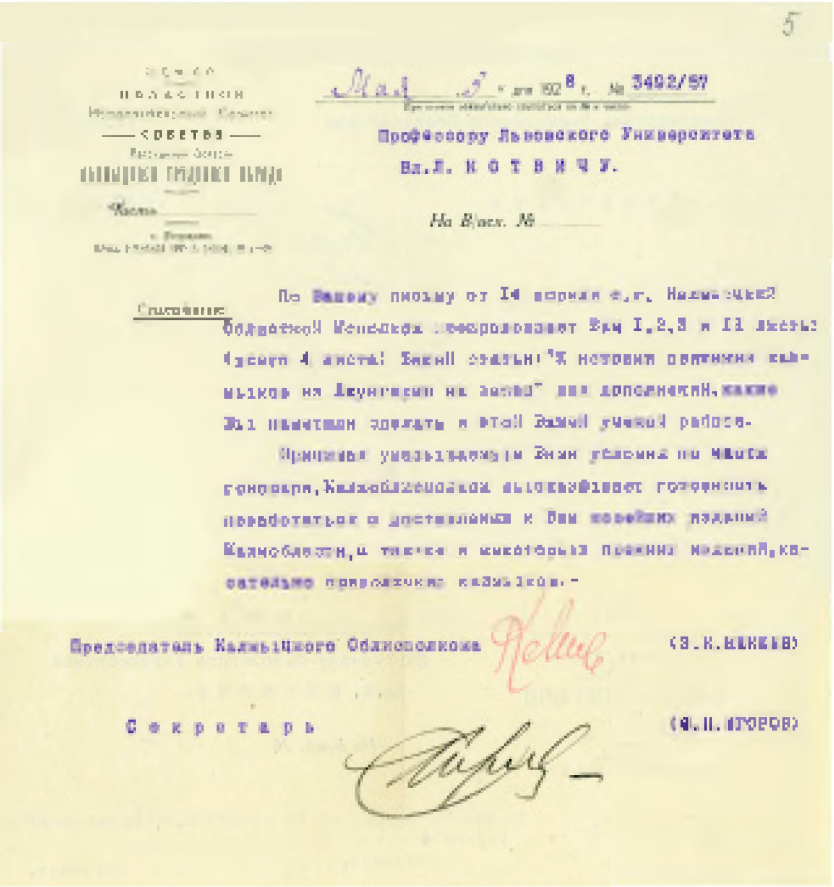
В моих портфелях также накопилось значительное количество новых документов по истории ойратов в XVII в., извлеченных из центральных московских архивов: Сибирского и Посольского Приказов. Уже в 1922 г.[1] возникал вопрос об издании важнейших из этих документов полностью, но тогдашние неблагоприятные условия издательства не позволили осуществить этого предположения. Ныне, пользуясь любезным предложением Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, я решил издать те из указанных документов, которые имеют ближайшее отношение к вопросу о расселении ойратских племен в начале XVII в.

[1] Известия Академии Наук, 1922.

В первом издаваемом ныне выпуске работы излагаются сведения о первой, нахлынувшей в Сибирь ойратской волне, которая повела к занятию обширных пространств между Обью и Иртышем, и к появлению в Москве в 1608 г. первого ойратского посольства. События доводятся до 1610 г. Главным» источником послужила книга II Сибирского Приказа, содержащая отписки грамоте Тарскому воеводе.[1]

[1] Русские архивные документы. Стр. 1081–1082.

Приложение 3



5

ИСПОЛКОМ
Исполнительный Комитет
СОВЕТОВ
Калмыцкой Автономной Области

Часть

Мая 7 дня 1928 г. № 3492/57

Профессору Львовского Университета
Вл.Л. КОТВИЧУ.

На В/исх. №

Сообщение

По Вашему письму от 14 апреля с.г. Калмыцкая Областная Исполком информирует Вас I,2,3 и II листы 4 листа! Вашей статьи "К истории движения калмыков на Джунгарии на запад" для дополнений, какие Вы пожелаете сделать в этой Вашей ученой работе.

Принимая указываемые Вами условия по мнению говорит, Калмобласпоком выражает готовность переработать и дополнения к Вам новейших изданий Калмобласпом, а также и некоторых ценных изданий, касающихся прошлого калмыков.-

Председатель Калмыцкого Облисполкома (З.К.НЕКЕЕВ)

Секретарь (Ф.П.ИГОРОВ)

1

Р. С. Ф. С. Р.

ОБЛАСТНОЙ
Исполнительный Комитет
Советов
Автономной Области
КАЛМЫЦКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА
Часть Общая
г. Астрахань,
Почтовый, 9 Февраля 1925 г. Телеф. № 1-46.

Марта 31 дня 1927 г. № 7445 /57

При сдаче обязательствующим на № 1 чтения

Профессору Львовского Университета
Владиславу Людвиговичу
КОТВИЧУ
По Писк. №

Содержание:

Об издании в/статьи "К истории движения калмыков из Джунгарии на Запад".

Калмыцкий Областной Исполнительный Комитет сообщает Вам, что Ваша статья под заглавием: "К истории движения калмыков из Джунгарии на Запад", присланная Вами для журнала "Сайгатские Известия" и полученная в конце декабря 1922 года, не могла быть напечатана тогда, за прекращением названного издания.

14.II.28.

В настоящее время Калмобиспоплком находит возможным напечатать Вашу статью в виде отдельной брошюры и, спрашивая Вашего согласия на то, просит указаний относительно направления к Вам гонорара за статью, из расчета 75 рублей за печатный лист в 40.000 букв.

Вместе с тем, Калмобиспоплком обращается к Вам с просьбой о присылке Ваших новейших печатных трудов, касающихся монголов и калмыков, равно как и о присылке таких Ваших работ по истории калмыков, какие могут быть напечатаны в Калмобласти.-

Председатель Калмобиспоплкома (М.И.Мунинов)

И.д. Секретаря (С.П.Егоров)

91

ИЗЪ ИСТОРІИ ДВИЖЕНІЯ ОЙРАТОВЪ НА ЗАПАДЪ.

Введеніе.

Группа племенъ, извѣстная подъ названіемъ ойратовъ или калмыковъ, сыграла въ исторіи Центральной Азіи видную роль. Къ сожалѣнію, объ ея происхожденіи и дѣятельности, особенно въ начальный періодъ, сохранились лишь неопредѣленныя и недостаточныя свѣдѣнія, которыя не даютъ въ настоящее время возможности нарисовать ясную картину прошлаго ойратовъ. Въ общихъ чертахъ оно представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ эпоху завоеваній, начатыхъ Чингисъ-ханомъ, ойраты входили въ составъ общемонгольскихъ войскъ и ихъ отряды принимали участіе въ далекихъ походахъ. Извѣстно, что такіе отряды находились, напримѣръ, въ арміи Хулагу , который былъ посланъ, по постановленію общемонгольскаго курултая въ 1256 г. для завоеванія Персіи, Месопотаміи и вообще Передней Азіи, и остались тамъ на долгое время. Однако центръ ойратскихъ кочевьевъ, вѣроятно, съ давнаго времени находился въ нынѣшней сѣверо-западной Монголіи и въ эпоху всемірнаго господства монголовъ вошелъ въ предѣлы главнаго монгольскаго нутука, которымъ распоряжались общемонгольскіе ханы, оказались между главнымъ нутукомъ и 3 западными удѣлами, во главѣ которыхъ стояли сыновья Чингисъ-хана: Джучи, Джагатай и Угедей и ихъ потомки.

Къ концу XIV в. главный нутукъ не только лишился Китая, но и понесъ рядъ сильныхъ пораженій отъ китайскихъ войскъ. Западные удѣлы сильно измѣнили свой первоначальный характеръ вслѣдствіе распространенія ислама и преобладанія тюркскаго элемента; внутренніе раздоры между удѣлами подорвали престижъ правившихъ удѣлами монгольскихъ династій. При этихъ условіяхъ основы прежней монгольской государственности оказались потрясенными какъ на востокѣ, въ главномъ нутукѣ, такъ и на западѣ, въ удѣлахъ, и въ это именно время выступили на политическую арену, какъ самостоятельная сила, ойраты.

Ойраты были сплоченной массой и благодаря этому сохранили свою національность, свои старыя традиціи. Они тяготѣли къ главному нутуку и потому все свое вниманіе обратили на востокъ, стремясь къ возрожденію, уже подъ своимъ руководительствомъ, этого

УДК 93
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-394-406

Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии

Сергей Степанович Белоусов[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье исследована система заселения Астраханской губернии умётами — небольшими по численности поселениями, созданными в целях обслуживания трактов, имеющих важное значение для экономического и административного развития региона. Рассмотрены причины, цели, содержание и результаты умётной политики. *Цель* статьи — осветить одну из малоизвестных страниц в истории заселения Астраханской губернии, раскрыв причины, цели, содержание и результаты проводившейся государством в XIX в. умётной политики. *Методы.* В процессе изучения использовались сравнительно-исторический и историко-генетический методы умётной политики. Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Астраханской области, учреждений государственной статистики, Полного собрания законов Российской империи, воспоминания отдельных лиц. *Выводы.* Автор приходит к выводу о том, что обращение к умётной системе заселения было вызвано, с одной стороны, тяжёлыми природными условиями региона, с другой — необходимостью освоения сухопутных путей сообщения, непосредственно и косвенно влияющих на уровень экономического развития. Идея умётной системы была сформулирована и реализована на практике государственными властями, которые определяли порядок и условия заселения, размеры населенных пунктов и контингент поселян. Умётная система сыграла положительную роль в освоении переселенцами Крымского и солевозных трактов, пролегавших в зоне, не благоприятной для проживания человека. Она также способствовала формированию в краю кочевников сети стационарных поселений, которые создавали предпосылки для преобразований в кочевых обществах.

Ключевые слова: Астраханская губерния, калмыки, умётная система заселения, переселенцы, Крымский и солевозные тракты

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Белоусов С. С. Умётная система заселения трактов в Астраханской губернии. Монголоведение. 2019; (3): 394-406. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-394-406.

UDC 93
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-394-406

The Road-Related Peopling of Astrakhan Governorate: Revisiting the System of Umyot Settlements

Sergey S. Belousov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines the system of umyots (Rus. *умёт*) that had been used to facilitate the peopling of Astrakhan Governorate. Those were minor settlements established to maintain roads significant for the economic and administrative development of the region. The paper provides an insight into the reasons, goals, contents, and results of the policy. *Goals.* The study seeks to investigate the unexplored aspect in the history of the peopling of Astrakhan Governorate's lands. *Methods.* The comparative historical and historical genetic methods were employed to deal with the umyot policy. *Materials.* The paper analyzes documents housed by the State Archive of Astrakhan Oblast and once issued by public statistical departments, ones contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and memoirs of certain individuals. *Conclusions.* It is concluded the use of the umyot system was caused, on the one hand, by severe natural conditions, and, on the one hand, by the need to develop land routes that directly and indirectly affected the level of economic development. This idea was formulated and implemented by government authorities who determined the order and conditions of the peopling, sizes of settlements, and population structure of colonists. The umyot system played a positive role in the development of the Crimean and Solevozny (Rus. 'salt transportation') roads to have run across areas unfavorable for human habitation. It also facilitated the establishment of a network of stationary settlements in the nomadic territories, thus, predetermining further transformations within nomadic communities.
Keywords: Astrakhan Governorate, Kalmyks, umyot system of peopling, colonists, Crimean and Solevozny roads
Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).
For citation: Belousov S. S. The Road-Related Peopling of Astrakhan Governorate: Revisiting the System of Umyot Settlements. Mongolian Studies. 2019; (3): 394-406. DOI: 10.22162/2500-1523-2019- 3-394-406.

Введение

На процесс освоения Астраханской губернии переселенцами большое влияние оказывали природные, политические, демографические и иные условия, что предопределило многообразие различных форм, методов и систем заселения. Одной из таких систем заселения была умётная, которую власти применили в процессе освоения Крымского и солевозного трактов в XIX – начале XX вв. Данная система историками специально не изучалась, обычно исследователи ограничивались только упоминанием о ней. Более всего материалов по истории умётной системы содержится в работах исследователей, занимавшихся изучением прошлого соляной промышленности Нижнего Поволжья: Д. Гаврилова [Гаврилов 1869], А. Головащенко [Головащенко 1877], Т. М. Акимовой [Акимова 1936], И. И. Шульги [Шульга 2008].

Отдельные сведения о ней встречаются также в трудах историков И. В. Борисенко [Борисенко 1991], С. С. Белоусова [Белоусов 2014] и в коллективных обобщающих трудах, посвященных истории субъектов Нижнего Поволжья [Очерки истории 1993; Очерки истории 1995; История Астраханского края 2000; История Калмыкии 2009]. Интересный материал об умётах содержится также в работе краеведа А. Клушина, посвящённая истории образованного из умёта с. Александровки [Клушин 2018].

Цель статьи — осветить эту малоизвестную страницу в истории заселения Астраханской губернии, раскрыв причины, цели, содержание и результаты умётной политики.

В процессе изучения использовались сравнительно-исторический и историко-генетический методы исследования. Источниковую базу составили материалы Государственного архива Астраханской области, учреждений государственной статистики, Полного собрания законов Российской империи, воспоминания отдельных лиц.

Основная часть

Умётная система заселения трактов возникла в Астраханской губернии в связи с началом в ней в середине XVIII в. государственной разработки соляных месторождений. Первоначально основные усилия правительства направлялись на организацию добычи соли на крупнейшем месторождении России — Эльтонском озере, возле ко-

торого был учреждён промысел и была сформирована необходимая для его функционирования инфраструктура. Для транспортировки добытой соли власти пригласили всех желающих, а для её складирования (перед отправкой в другие губернии) построили на левом берегу р. Волги специальные соляные амбары.

Желание перевозить соль изъявили чумаки, происходившие в основном из государственных крестьян современных Полтавской, Черниговской и Харьковской областей Украины. Вскоре выяснилось, что чумакам каждый раз ездить на о. Эльтон за солью из мест своего проживания, перевозить её к волжским пристаням, потом возвращаться домой, неудобно, поэтому им разрешили селиться на левом берегу Волги вблизи соляных складов (амбаров). В императорском указе от 15 марта 1754 г. говорилось, что «всем тем малороссиянам, кои там обретаются и к возке соли обзаводились волами и всякими припасами, как при Саратове, так и при Дмитровске, на луговой, а не нагорной стороне, позволить жительство иметь и скот свой пасти, лес рубить на починку их телег свободно, ибо, ежели им того дозволено не будет, и увидят себе в том от граждан тесноту, то б не могли они отойтить в свои отечества, откуда уже высылать их будет не без труда» [ПСЗ РИ 1830: 40–41]. Текст документа ясно свидетельствует о том, что правительство было сильно заинтересовано в услугах профессиональных перевозчиков грузов и потому стремилось закрепить их на постоянное жительство в Астраханской губернии. Солевозчикам предоставили высокие земельные наделы в размере 30 дес. на мужскую душу, и ещё дополнительно по 30 дес. на мужскую душу в качестве поощрительной меры, если они обещали продолжать заниматься соляным извозом. Земли им отводились хорошего качества и в удобных местах.

Созданные государством благоприятные условия для хозяйственной деятельности чумаков привлекли в край новых переселенцев. Солевозчики основали слободы: Покровская, Николаевская, Узморье, Пестравка, Котово и др. От слобод Николаевская и Покровская к озеру Эльтон были проложены солевозные тракты и вырезаны для каждого из них прилегающие территории, на расстояние 40 вёрст в глубь степи, правда, в 1832 г. размеры этих территорий были уменьшены до 10 вёрст [Шульга 2008: 157]. Отведенная солевозным трактам земля предназначалась как для

проезда, так для прокормления скота чумаков и считалась казённой собственностью.

Наиболее протяженный тракт к о. Эльтон начинался от слободы Покровской — его длина составляла 274 версты, дорога от слободы Николаевской простиралась на расстояние 127 в. Начиная от упомянутых слобод, которые все располагались вблизи р. Волги, и до о. Эльтон не имелось ни одного поселения, где возчики и волы могли отдохнуть, пополнить запасы воды, продовольствия и двигаться дальше. И воду, и продукты чумакам приходилось возить с собой, что было достаточно неудобно. Тракты пролегали в местности неблагоприятной для проживания человека, поскольку здесь отсутствовали водные источники, летом царила жара, остро ощущался дефицит земель, пригодных для развития земледелия и даже скотоводства. При таких условиях создавать сколь-нибудь значительные поселения вдоль солевозных трактов не имело смысла, поэтому власти для их обслуживания решили ограничиться учреждением на них умётов — маленьких придорожных поселений из одного–двух дворов. Чтобы привлечь в них на постоянное жительство людей, были введены налоговые льготы финансового и хозяйственного характера.

В обязанности жителей умётов входили: поддержание в чистоте и исправности устроенных властями для путников колодцев, платная доставка почты от слободы Николаевской до о. Эльтон и обратно, перевозка проезжавших по делам службы чиновников и предоставление им станционной комнаты, уход за заболевшими солевозчиками и их волами. За данные услуги умётчики освобождались от всех государственных податей и повинностей [Гаврилов 1869: 267], кроме того, каждый их двор получил в пользование по 105 десятин удобной земли для занятия земледелием и скотоводством.

В начале 1830-х гг. умётчиков наделили землей, и они приступили к исполнению своих обязанностей. Возникшие на трактах умёты располагались на расстоянии 6 вёрст друг от друга, но были и такие, интервал между которыми составлял 2, 11, 15 вёрст.

Солевозный тракт от слободы Покровской к оз. Эльтон действовал до 1850 г., затем его закрыли ввиду нерентабельности. Всего, по данным местных краеведов, на нём было положено начало 21 населенному пункту.

На тракте от слободы Николаевская до оз. Эльтон было учреждено 22 умёта, которые в 1859 г. насчитывали 30 дворов и 432 жителя (219 муж. и 213 жен.) [Списки населенных мест 1861: 23–24].

В 1860-е гг. на данном тракте побывал некто Д. Гаврилов, написавший впоследствии под впечатлением увиденного в поездке статью «Елтонский соляной промысел», опубликованную в 1869 г. в одном из номеров журнала «Русский вестник» [Гаврилов 1869].

Гаврилов так описывал природу местности, через которую проходил Николаевский солевозный тракт: «С рассветом представилась глазам нашим безотрадная картина плоской степи, с низенькою полусгоревшей уже травой; ни деревцо, ни кустик, ни возвышения; ни ручеек не оживляют этой печальной местности. Изредка попадаются едва заметные углубления степи, в которых ещё не совсем пересохла весенняя вода, называемые здесь „лиманами": на них трава посвежее и годится для сенокоса <...> Вода для питья добывается только из колодцев, и то не совсем пресная: чем ближе к Елтону, тем заметнее в ней соленый вкус» [Гаврилов 1869: 270]. О самом тракте он писал: «Определенной дорожной линии по солевозному тракту нет; всякий едет, где находит более удобным; множество колей прорезано на всей десятиверстной ширине тракта соляным транспортом, тянущимся беспрерывно от Елтона к Волге. Дорога совершенно ровная, вообще довольно гладкая, и в сухое время была бы удобна для езды, если бы не пыль, лежащая густым слоем по всей степи. Поднимаемая ветром и тяжёлыми ногами волов пыль, она буквально ослепляет и задушает едущего, пробирается всюду, на платье и за платье, в чемоданы и ящики. Ветер, легко разыгрывающийся в ровной степи, образует настоящие пыльные тромбы; мы несколько раз видели как пыльные столбы, крутясь, словно на оси, мчались по степи, и, что замечательно, иногда не по направлению ветра, но в разные стороны, как бы играя и резвясь» [Гаврилов 1869: 271].

Природные условия накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь и хозяйственные занятия умётчиков, большинство которых являлись потомками государственных крестьян, переселившихся из центральных и восточных губерний современной Украины. Д. Гаврилов отмечал отрицательные последствия влияния климата на здоровье жителей умётов: «Зной и засуха — постоянные явления здешнего лета, вследствие совершенного отсутствия лесов

и вод. Надобно думать, что эти условия климата, в соединении с дурнокачественной водой, действуют не совсем хорошо на здоровье жителей; умётчики, условия жизни которых вообще не хуже, если не лучше, чем у большинства русских крестьян, не могут похвалиться здоровьем; те, которых мы видели, вообще сложены не сильно, многие даже хилы; лихорадки и тифоидальные горячки нередки; в путешествии нашем мы застали в одном умёте большую половину жителей больными горячкой, а остальных переболевшими той же болезнею» [Гаврилов 1869: 271].

Несмотря на тяжёлые условия жизни, умётчики не покидали умётов, так как их содержание приносило хорошие доходы, что позволяло жить зажиточно [Гаврилов 1869: 268]. Умётчики, помимо содержания умётов, занимались также разведением скота и хлебопашеством, при этом последнее занятие из-за безводия и нашествий сусликов было развито в меньшей степени.

Численность населения умётов постоянно увеличивалась, но не вследствие миграционного притока, а в результате естественного прироста. Семьи разрастались, но не разделялись, поскольку это было невыгодно в экономическом отношении. Дело в том, что земля и право пастьбы скота предоставлялись только одной семье, выделившийся из семьи не имел права на земельный надел и пастьбу скота, ибо он уже не являлся содержателем умёта. По этой причине каждый умётчик предпочитал жить одной большой семьёй — двором, в состав которого входили несколько семей. Должность умётчика была наследственной, в случае его смерти или невозможности либо нежелания исполнять обязанности содержания умёта она передавалась другому члену семьи. Если умётчик не выполнял взятых на себя обязательств или был плохого поведения, то власти отстраняли его от работы и заключали договор с другим человеком, но обязательно из числа членов той же семьи. Такая система способствовала укреплению стабильности состава населения умётов.

На рубеже 1860–1870-х гг. в жизни умётчиков Николаевского тракта наступили большие перемены, вызванные главным образом закрытием в 1864 г. государственной разработки соли на о. Эльтон и передачей соледобычи частным лицам. По этой причине, а также ещё и потому, как считает А. Головащенко, что умётчики перестали добросовестно выполнять свои обязанности по содержанию умётов

[Головащенко 1877: 36], власти приняли решение отказаться от услуг умётчиков. В 1870 г. умёты закрыли, а их жителей переселили в один умёт, образовав в 1871 г. на его основе село Александровку. В 1871 г. поселение насчитывало 56 дворов и 541 чел., а к 1916 г. его население возросло до 175 дворов и 1 066 жителей [Клушин 2018].

Оставшиеся после наделения землёй нового поселения земли бывших умётчиков были разбиты на 8 участков (не менее 10 вёрст в длину каждый) и сданы в аренду 8 крестьянам Царевского уезда Астраханской губернии. За право пользоваться арендными участками на них возложили обязанности иметь на каждом участке по 2 почтовые тройки лошадей, экипаж для перевозки людей и проводника, поддерживать в надлежащем состоянии и ремонтировать колодцы, оказывать помощь фурщикам (лечить за свой счёт их заболевший скот и ремонтировать поломанные фуры), охранять от потрав скотом и распашек посторонними лицами прилегающие к тракту пастбища и сенокосные места. Арендаторы, таким образом, должны были выполнять многие функции бывших умётчиков.

За содержание станций каждому арендатору предоставили право пользоваться от 50 до 175 дес. земли, за присмотр за колодцем — от 52 до 105 дес., а также бесплатно выпасать в количестве от 150 до 370 голов крупного и от 400 до 1 300 голов мелкого скота на своём участке. Кроме этого, им разрешили косить сено в лиманах по тракту [Головащенко 1877: 30].

После упразднения Покровского и Николаевского солевозных трактов соль с озера Эльтон стали возить по тракту в слободу Владимировку, где её перегружали на пристани в баржи и отправляли в поволжские губернии России. На этом тракте были учреждены 6 умётов, обслуживающие солевозцев на о. Эльтон. От упомянутой слободы в 1867 г. был проложен солевозный тракт на озеро Баскунчак, которое со второй половины 1860-х гг. стало основным объектом соледобычи в Астраханской губернии. Длина тракта составляла 50 верст, ширина — от 10 до 30 верст. В 1874 г. власти заключили контракт сроком на 12 лет с умётчиками данного тракта; согласно которому каждый из них за содержание одной тройки лошадей с экипажем получал право пользоваться от 100 до 150 дес. земли и выпасать по 50 голов крупного и 500 голов мелкого скота [Головащенко 1877: 21].

С 1865 по 1885 гг. в Астраханской губернии велась разработка соляного месторождения на горе Чапчачи, от которой был проложен солевозный тракт к расположенному от неё в 83 верстах озеру Баскунчак. От горы Чапчачи соль доставлялась к Баскунчакскому соляному промыслу, а оттуда в слободу Владимирскую. Для обслуживания солевозного тракта Чапчачи – Баскунчак были устроены 4 умёта, которые взяли в аренду астраханские купцы на тех же условиях, как и арендаторы участков тракта: Баскунчак – Владимировка [Головащенко 1877: 35].

Умётная система была применена для освоения Крымского тракта, имевшего большое значение для экономической жизни региона. По тракту осуществлялась перевозка грузов из г. Астрахани в Область войска Донского, а также в города Владикавказ, Чёрный Яр, Ставрополь и обратно. Он пролегал через центральную часть Калмыцкой степи, связывая воедино все её районы, способствуя тем самым их прямому сообщению с губернскими и уездными городами Астраханской и Ставропольской губерний, Области войска Донского. Помимо всего прочего, Крымский тракт соединял Астраханско-Кизлярский и Царицынско-Ставропольский тракты, что значительно облегчало управление селениями последнего.

На Крымском тракте и его ответвлениях было избрано для поселений 34 места, из них 15 приходились на центральное направление. В 1863–1865 гг. переселенцами на нём было основано 6 небольших посёлков, которые все располагались в относительно благоприятных для проживания человека местах в районе Ергенинской возвышенности, в остальных же местах желающих поселиться из-за тяжелейших природных условий так и не нашлось. Таким образом, незаселенным остался большой участок тракта, пролегавший по низменной степи между поселениями Астраханского уезда и Ергенинской возвышенности. Так как желающих поселиться здесь и не предвиделось, то власти решили прибегнуть к умётной системе заселения.

23 февраля 1876 г. вышел специальный указ, объявивший о создании на контрактной основе умётов на незаселенных местах Крымского тракта. В начале 1880-х гг. взять в содержание 3 умёта согласились калмык, русский крестьянин и купец, однако оставались ещё 5 урочищ, на которые никто не пожелал поселиться. Люди от-

казывались там водворяться из-за песчанистой почвы и отсутствия водных источников, сенокосов, пастбищ [ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 11]. «Ввиду таких причин нужно полагать, — отмечал в своём рапорте 5 августа 1885 г. в Департамент общих дел Министерства государственных имущества Главный попечитель калмыцкого народа Н. О. Осипов, — что в заселении тракта едва ли представляется возможность…» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 11об.].

Вскоре против поселения на тракте умётчиков выступили калмыки, которые были недовольны тем, что содержатели умётов начали наращивать скотоводство в торговых целях и тем самым стеснять калмыков в пастбищах. В мае 1885 г. общество калмыков Икицохуровского улуса приговором постановило ходатайствовать о недопущении крестьян селиться умётами и предложило принять на себя их обязательства по отбыванию подводной повинности. Калмыков поддержал Главный попечитель калмыцкого народа Н. О. Осипов, заметив, что умётчики не приносят особой пользы, он внёс предложение, чтобы после истечения срока новые контракты не заключались без предварительного одобрения их калмыками [ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 12об.], а если правительство всё же сочтёт необходимым продолжить курс по привлечению переселенцев к заселению умётов Крымского тракта, то им отвести земельные наделы, что облегчит контроль администрации за выпасаемым количеством скота [ГА АО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 672. Л. 13].

Н. О. Осипов разработал новый вариант проекта контракта с умётчиками, который в 1886 г. был утверждён Министерством государственных имуществ. По нему умётчик обязывался в течение 2-х лет выстроить в умёте дом со всеми положенными службами, постоянно иметь наготове две тройки лошадей со сбруей, повозкой и ямщиком, за это ему предоставлялось право бесплатно пользоваться 150 дес. калмыцкой земли и выпасать на калмыцких землях скот в количестве 50 голов крупного и 500 голов мелкого скота [ГА АО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 210. Л. 32].

Заключение

С помощью умётной системы заселения удалось освоить тракты, имеющие важное значение для экономики, но пролегавшие в зоне, неблагоприятной для проживания человека. Вдоль них была создана

сеть маленьких поселений, некоторые из которых впоследствии разрослись и повысили свой статус до уровня селений и посёлков. Для административно-территориальных образований казахов и калмыков Астраханской губернии — «Калмыцкой степи» и «Внутренней киргизской орды» умёты имели большое значение ещё и потому, что они способствовали формированию в краю кочевников сети стационарных поселений.

Необходимо отметить, что возникновение умётной системы заселения было вызвано, с одной стороны, тяжёлыми природными условиями региона, с другой — необходимостью освоения сухопутных путей сообщения, непосредственно и косвенно влияющих на уровень экономического развития. Идея заселения дорог умётами была сформулирована и реализована на практике государственными властями, которые определяли порядок и условия заселения, размеры населенных пунктов и контингент поселян.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Sources

[State Archive of Astrakhan Oblast].

Литература

Акимова 1936 — *Акимова Т. М.* Поволжские чумаки. Исторический очерк о поволжских украинцах. Саратов: Саратовск. кр. изд-во, 1936. 34 с.

Белоусов 2014 — *Белоусов С. С.* Государственная политика по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья (вторая половина XVIII–XIX вв.) // History and Historians in the Context of the Time. 2014. Vol (13). № 2. С. 68–75.

Борисенко 1991 — *Борисенко И. В.* Очерки исторической географии Калмыкии. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. ин-т общ. наук АН СССР, 1991. 299 с.

Гаврилов 1869 — *Гаврилов Д.* Елтонский соляной промысел. Из путевых заметок // Русский вестник. Т. 83. № 9. 1869. С. 265–289.

Головащенко 1877 — *Головащенко А.* Соляные промыслы Астраханской губернии // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань: Тип. Астраханск. губ. статист. комитета, 1877. С. 1–46.

История Астраханского края 2000 — История Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астраханск. гос. пед. ун-та, 2000. 1122 с.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

Клушин 2018 — *Клушин А.* Село Александровка [электронный ресурс] // https://bykovo-media.ru/podshivka/selo-aleksandrovka (дата обращения: 20.08.2019).

Очерки истории 1993 — Очерки истории Саратовского Поволжья / под ред. И. В. Пороха. Т. 1. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, ИИЦ АО «Заволжье», 1993. 271 с.

Очерки истории 1995 — Очерки истории Саратовского Поволжья / под ред. И. В. Пороха. Т. 2. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1995. 316 с.

ПСЗ РИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи/. Собрание 1. Т. XIV. СПб.: Тип. II Отделения собственной Его Императорского величества канцелярии, 1830. С. 40–41.

Списки населенных мест 1861 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 2. Астраханская губерния. СПб: Центр. статист. комитет Мин-ва внутренних дел, 1861. XVI, 51 с.

Шульга 2008 — *Шульга И. И.* Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 156–159.

References

[Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. XIV. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Pp. 40–41. (In Russ.)

[History of Astrakhan Lands]. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 2000. 1122 p. (In Russ.)

[History of Kalmykia from the Earliest Times to the Present Days]. Vol. I. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

[Lists of Settlements of the Russian Empire Compiled and Published by the Central Statistical Committee of the Internal Affairs Ministry]. Is. 2: Astrakhan Governorate. St. Petersburg: Central Statistical Committee of Internal Affairs Ministry, 1861. XVI, 51 p. (In Russ.)

[Saratov Lands of the Volga Region: Historical Essays]. I. V. Porokh (ed.). Vol. 1. Saratov: Saratov State University, Zavolzhye, 1993. 271 p. (In Russ.)

[Saratov Lands of the Volga Region: Historical Essays]. I. V. Porokh (ed.). Vol. 2. Saratov: Saratov State University, 1995. 316 p. (In Russ.)

[State Archive of Astrakhan Oblast].

Akimova T. M. [The Volga Chumaks: a Historical Sketch of the Volga Ukrainians]. Saratov: Saratov Krai Publ., 1936. 34 p. (In Russ.)

Belousov S. S. State policy on the formation of a network of stationary settlements on Kalmyk lands in the Lower Volga Region and steppe Ciscaucasia (the second half of the 18th – 19th centuries). History and Historians in the Context of the Time. 2014. Vol (13). No. 2. Pp. 68–75. (In Russ.)

Borisenko I. V. [Essays on Kalmykia's Historical Geography: the Pre-October Era]. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences (USSR Acad. of Sc.), 1991. 299 p. (In Russ.)

Gavrilov D. The Elton lake saltern: travel notes. Russkiy vestnik. 1869. Vol. 83. No. 9. Pp. 265–289. (In Russ.)

Golovashchenko A. Salterns of Astrakhan Governorate. In: [Transactions of Astrakhan Governorate Statistical Committee]. Astrakhan: Astrakhan Govern. Statist. Committee, 1877. Is. 5. Pp. 1–46. (In Russ.)

Klushin A. [The Village of Aleksandrovka]. An Internet resource: https://bykovo-media.ru/podshivka/selo-aleksandrovka (accessed: August 20, 2019). (In Russ.)

Shulga I. I. The Volga salt carriers. Vestnik of Saratov State Socio-Economic University. 2008. No. 5. Pp. 156–159. (In Russ.)

УДК 321.74:9
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-407-424

Рост и регулирование состава Калмыцкой областной партийной организации (1920-е – первая половина 1930-х гг.)

Евгения Викторовна Сартикова[1]

[1] Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-3472-6435. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В 1920-е – первой половине 1930-х гг. одним из главных вопросов партийного строительства было регулирование роста и количественного состава рядов партии. С каждым годом увеличивалось число партийных ячеек и их членов. Вместо малочисленных групп создавались партийные организации. Улучшался и их качественный состав. Чтобы рационализировать расстановку партийных сил и наладить строгий учет членов партии, регулярно проводились кадровые чистки. *Цель* настоящей статьи — проанализировать динамику численности парторганизации Калмыкии в рассматриваемый период. *Материалы.* Источниковедческой основой статьи являются документы Национального архива Республики Калмыкия, в том числе впервые вводимые в научный оборот. *Методы.* При подготовке исследования применялся количественный метод. Степень достоверности результатов исследования обеспечивается соответствием метода исторического исследования цели последнего, привлечением значительного объёма документальных архивных источников. *Выводы.* В результате исследования автор делает вывод о том, что деятельность партийной организации Калмыкии в сложнейших условиях способствовала укреплению партийных рядов, их росту, выработке новых форм и методов работы. Повысился образовательный уровень коммунистов, произошли заметные сдвиги в социальном и национальном составе парторганизации, в частности увеличилось число рабочих-коммунистов в основном за счет передовых рабочих рыбных промыслов. На местах для проведения чистки создавались партийные комиссии. Всего между 1921–1936 гг. из Калмыцкой партийной организации было отчислено 2 049 коммунистов.

Ключевые слова: Калмыкия, Калмыцкая автономная область, учредительная партийная конференция, Калмыцкая областная партийная организация, динамика количественного состава, кадровые чистки

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ гос. регистрации АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Сартикова Е. В. Рост и регулирование состава Калмыцкой областной партийной организации (1920-е – первая половина 1930-х гг. Монголоведение. 2019; (3): 407-424. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-407-424.

UDC 321.74:9
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-407-423

Kalmyk Oblast Party Organization: Membership Growth and Structure Regulation (1920s – Early to Mid-1930s)

Evgeniya V. Sartikova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate, Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-3472-6435. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Abstract. *Introduction.* In the 1920s and early to mid-1930s, membership growth and structure regulation became a primary issue of party construction. From year to year there appeared new party cells. Small groups were being replaced by party organizations with better quality members. To rationalize the balance of power and develop strict record keeping of party members, cadre purges were held on a regular basis. *Goals*. The paper seeks to analyze Kalmykia's party membership dynamics during the period under consideration. *Materials.* The work examines a range of related documents housed by the National Archive of the Republic of Kalmykia, including ones newly introduced into scientific discourse. *Methods*. The study employs the method of analysis which proved instrumental in investigating the membership growth of Kalmyk Party Organization. The degree of credibility of the results obtained is secured by that the historical research method complies with the goals of the study, and by that a significant number of documentary archival sources have been involved. *Conclusions.* The research concludes the activities conducted by Kalmykia's party organization under heaviest conditions did facilitate the strengthening of the Party's structures, improvement of the latter, and elaboration of new operational forms and methods. The educational level of Communists was raised, certain changes in social and national composition of the party organization occurred, e.g., numbers of worker Communists increased, basically through employing advanced fishery workers. Local party commissions would be established to conduct the cadre purges. So, between 1921 and 1936, a total of 2 049 Communists were 'cleansed' out of Kalmyk Party Organization.

Keywords: Kalmykia, Kalmyk Autonomous Oblast, foundation party conference, Kalmyk Oblast Party Organization, membership quantitative dynamics of membership, cadre purges

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sartikova E. V. Kalmyk Oblast Party Organization: Membership Growth and Structure Regulation (1920s – Early to Mid-1930s). *Mongolian Studies*. 2019; (3): 407-424. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-407-424.

Первая Калмыцкая областная конференция РКП(б), состоявшаяся 18–20 февраля 1921 г., оформила создание областной партийной организации, избрала руководящие партийные органы. Калмыцкая парторганизация сразу же развернула работу по дальнейшему развитию партийных ячеек, созданию улусных комитетов партии, подготовке кадров новых хозяйственных и партийно-советских работников, улучшению агитационно-массовой и информационной работы среди трудящихся. В некоторых учреждениях и организациях были созданы группы коммунистов.

Калмыцкий обком партии вырабатывал новые формы и методы руководства ячейками, совершенствовал организационную структуру партийных органов на местах, принимал меры по усилению роли улусных партийных организаций, укреплению партийных рядов. Одним из главных вопросов в деятельности парторганизации в те годы было регулирование количественного состава Калмыцкой областной партийной организации.

В советской историографии данный аспект рассматривался в брошюре [Бадмаев 1969] и статьях [Киевская 1975б; Киевская 1975в; Сангаева 1971] в русле официальной политики партии, количественный и качественный рост партийных рядов анализировался с точки зрения социализации Калмыкии.

В современной литературе отдельные сюжеты проблемы исследовались в монографиях и статьях: [Максимов 2002; Максимов 2004; Гладкова 2005; Гладкова 2006; Гладкова 2008; Бадмаева 2009; Сартикова 2017].

Как только закончились военные действия на территории Калмыцкой степи, после образования Калмыцкой автономной области (1920 г.) партия и её региональные организации завершали перестройку своей работы, переводя ее с военных на мирные рельсы.

Большое значение в политическом и хозяйственном развитии регионов Юга России имели решения X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г. В резолюции X съезда РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе содержалась конкретная программа ликвидации фактического неравенства народов [Стенографический отчет 1963: 603–604]. Прежде всего, большое внимание было уделено подготовке кадров коренной национальности.

Задача заключалась в том, чтобы помочь им развить сеть просветительных учреждений на родном языке для ускоренной подготовки местных квалифицированных кадров, советских и партийных работников во всех областях управления.

После X съезда партии ЦК РКП(б) провел первую кадровую чистку. «В опубликованном 27 июля 1921 г. в „Правде" обращении ЦК ко всем партийным организациям „Об очистке партии" сформулирована цель: чтобы „наша партия более, чем когда бы то ни было, была вылита из одного куска"» [Красовицкая 2014: 183]. Численность партии сократилась с 732 тыс. до 410 тыс. человек. Более 1/3 исключено за «нестойкость», «лодырничество», «как ненужный элемент» («сомнительный», «колеблющийся», «балласт», «неподготовленный»). Из них почти 25 % «вычищено» за «дискредитацию советской власти», «шкурничество», «карьеризм», «пьянство», «буржуазный образ жизни», «разложение в быту», религиозные убеждения, взяточничество, шантаж. 3,1 % покинули партию добровольно, в том числе в знак протеста против введения нэпа [Красовицкая 2014: 183–184].

В Калмыцкой областной партийной организации чистка проходила с августа 1921 г. по январь 1922 г. В ходе чистки из рядов партии было исключено 147 чел., осталось 609 чел. Итоги чистки калмыцкой партийной организации были подведены на III партконференции. Во время чистки был установлен количественный состав парторганизации: она состояла из 609 членов и кандидатов РКП; по национальному составу в организации было 203 калмыка, 399 русских и 5 членов других национальностей. Во время чистки 147 членов РКП(б) исключили, в том числе 20 выбывших добровольно. В процентном отношении исключенные составляли 24,5 %. Причинами исключения из партии являлись нарушения партийной дисциплины [Сангаева 1971: 63–64].

Вслед за этим по стране проходила Всероссийская перепись коммунистов. В Калмыцкой парторганизации она была проведена в марте – апреле 1922 года. В улусы были направлены партийные работники Сиверс, Майоров, Симонов, Загорянский и другие.

Приводимая ниже таблица наглядно показывает число ячеек и коммунистов в 1922 г.

Таблица 1. Число ячеек и коммунистов в 1922 г.
[*Table 1*. Numbers of party cells and Communists as of 1922]

Название областей и уездов	Число ячеек		Число коммунистов				Итого ком-в
	Всего	Из них в городах	Членов		Кандидатов		
			Всего	Из них в городах	Всего	Из них в городах	
Автономная область калмыцкого народа	9	9	406	200	89	18	495

Источник: [Всероссийская перепись 1922: 78, 85].

В парторганизации Калмыцкой области насчитывалось 65,8 % членов русских и 30,8 % калмыков. Из 127 членов партии калмыков только 2 чел. владели разговорным русским языком. По социальному положению русских рабочих насчитывалось 36,9 %, а крестьян — 36,5 %, среди калмыков — рабочих 19,7 %, крестьян — 27,6 %. Женщин в организации было 5,6 % от общего числа членов, члены-калмычки составляли 3,1 % (всего 4 члена из 127), причем из них имели партстаж: 1 человек — с 1919 г., 1 — с 1920 г. и 2 — с 1921 г. [Всероссийская перепись 1922: 22].

Более половины коммунистов были крестьяне, 81 % из них проживали в сельской местности, и из 29 партийных ячеек 19 зарегистрированы в начале 1922 г. как крестьянские [Всероссийская перепись 1922], что характеризует Калмыцкую парторганизацию по социальному составу как крестьянскую.

По партстажу коммунисты Калмыцкой парторганизации были представлены следующим образом: вступивших до 1904 г. — 4 человека, с февраля 1917 г. по октябрь 1917 г. — 17, от октября 1917 г. до 1919 г. — 70; с 1919 г. — 111; с 1920 г. — 167; с 1921 г. — 108. Таким образом, средний партстаж членов организации составлял 1,5 года. Средний возраст коммунистов составлял около 29,3 года; 90 % членов организации имели возраст от 28 до 30 лет [Киевская 1975в: 94–95].

И тем не менее год работы в сложнейших условиях способствовал укреплению организации, её росту, усилению влияния на беспартийных. К IV областной партийной конференции (март 1923 г.) организация выросла до 521 человека.

В начале 1925 г. в Калмыцкой автономной области проводились проверки и чистки партийных ячеек с целью оживления деятельности, изучения работы партийных организаций для их «укрепления». «Самая главная задача чисток — „очистить" эти организации от чуждых и разложившихся элементов. Предварительно составляли списки членов и кандидатов партии, для руководства проверкой создавали проверочные комиссии. В состав комиссии по проведению чисток советских аппаратов входили ответственный секретарь укома (улусного комитета) партии, работник улусного исполкома, представители от профорганизации, ОГПУ и помощник прокурора. Как подчеркивалось в письме ответственного секретаря областной контрольной комиссии Кувшинова, „проверка не являлась выражением недоверия к членам РКП(б) проверяемой ячейки"» [Гладкова 2008: 31].

В Калмыкии на открытых партийных собраниях подверглись чистке и проверке ячейки и кандидатские группы Большедербетовской улусной, Яндыко-Мочажной партийных организаций. Чистка установила слабый политический уровень коммунистов данных партячеек [Сартикова 2018].

В начале 1927 г. по стране проходила Всесоюзная партийная перепись. ЦК партии ставил задачу изучить социальный и численный состав ВКП(б). Результаты партийной переписи в Калмыцкой партийной организации были обсуждены на объединенном пленуме обкома ВКП(б) и контрольной комиссии, который состоялся 20–23 марта 1927 г. Пленум поручил областному комитету ВКП(б) и контрольной комиссии в дальнейшем усилить курс на вовлечение рабочих и крестьян в партию, вести среди них разъяснительную работу, обратить серьезное внимание на постановку учетной работы в организациях и на изучение социального состава каждой партийной организации в отдельности [Бадмаев 1969: 29].

К 1927 г. в Калмыкии увеличилась численность партийных организаций и коммунистов (см. табл. № 2).

Таблица 2. Численность партийной организации к 1927 г.
[*Table 2*. Size of the party organization by 1927.]

Наименование организаций	Ячеек	Канд. групп	Членов ВКП(б)			Кандидаты в члены			Итого:		
			Муж.	Жен.	Обоего пола	Муж.	Жен.	Обоего пола	Муж.	Жен.	Обоего пола
Калмыцкая	45	12	476	29	505	580	120	700	1 056	149	1 205

Источник: [Всесоюзная перепись 1927: 51, 83].

По данным архивных источников, на 1 июля 1928 г. в Калмыцкой партийной организации насчитывалось 1 759 чел., из них 791 членов партии, 968 кандидатов; 797 рабочих (45,3 %), 500 крестьян (28,45 %), 414 служащих (23,55 %), 48 прочих (2,7 %); 1 347 калмыков (77,8 %), 370 русских (20 %), 42 прочих (2,2 %) [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 34], объединенных в 56 ячеек и 12 кандидатских групп. Ячейки разбивались на 42 деревенских, 7 рабочих, 7 советских. Партактив состоял из 110 человек, из них 16 рабочих, 23 крестьянина, 71 служащий; по партийному стажу: 4 чел. с 1917 г., 30 — с 1918/19 г. состоят в партии, 22 — с 1920/21 г., 6 — с 1922/23 г., 19 — с 1924/25 г., 29 — с 1926 г. и позже.

Подготовка актива постепенно улучшалась, но его социальный состав менялся медленно. Процент рабочих среди актива оставался очень низким. С ноября 1927 г. на различную руководящую работу выдвинуто 96 человек. Из них 18 — в облучреждения, 78 — в улусные. Из выдвиженцев 85 калмыков, 11 русских, 57 членов ВКП(б), 39 беспартийных, 35 рабочих, 45 крестьян, 16 служащих [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 36].

На 1 октября 1929 г. Калмыцкая областная организация насчитывала в своих рядах 1 755 коммунистов, в том числе 837 членов ВКП(б), 948 кандидатов в члены партии. По социальному составу она выглядела так: 812 рабочих, 555 крестьян, 388 служащих; по национальному следующим образом: 1 328 калмыков, 380 русских, 47 представителей других национальностей [Очерки истории 1980: 101].

Большое значение имела чистка партии, проведенная по решению XVI конференции ВКП(б) в 1929 г. Исключено более 100 тыс. коммунистов [История КПСС 2014: 185]. Чистка проходила на открытых собраниях, с участием беспартийных. Итоги проверки и чистки партийных рядов областной организации ВКП(б) были обсуждены объединенным пленумом областного комитета партии и контрольной комиссии 22–26 января 1930 г. К моменту проверки и чистки имелось 60 деревенских ячеек, 10 производственных, 15 учрежденческих и 1 учебная ячейка, в них числилось 1 852 человека.

В результате чистки из партии большевиков были исключены 282 человека и добровольно отказались от членства в партии 18 человек. В общей сложности областная партийная организация уменьшилась на 300 человек (на 16 %, т. е. вдвое превысил аналогичный показатель в партии ВКП(б) в целом). Кроме того, на 313 коммунистов были наложены различные партийные взыскания, т. е. на какой-то период их репутация была подорвана и карьера приостановлена. Одновременно в партию были приняты только рабочие совхозов, МТС и батраки — около 200 человек. Поскольку превалировал социальный критерий, то заметно изменился качественный состав областной партийной организации (до чистки служащие составляли почти 30 %) и сузился круг претендентов в номенклатурный состав [Максимов 2002: 318].

В связи с празднованием 10-летия Великой российской революции был объявлен массовый призыв в партию. В Калмыцкой партийной организации в этот период 458 человек вступило в партию, в том числе: 68 рабочих, 253 батрака, 137 крестьян-бедняков, из них 418 калмыков, 10 русских. Среди вступивших было 47 женщин.

Таблица 3. Рост численности коммунистов в 1920-е гг.
[*Table 3*. Membership growth of Communists in the 1920s]

Дата	Кол-во коммунистов	в том числе		социальный состав		
		членов партии	канд. партии	рабочих	крестьян	служащ.
апр. 1921	300	–	–	–	–	–

Дата	Кол-во коммунистов	в том числе		социальный состав		
		членов партии	канд. партии	рабочих	крестьян	служащ.
апр. 1922	477	–	–	124	260	93
апр. 1923	521	406	115	–	–	–
окт. 1924	887	386	501	284	332	271
нояб. 1925	1 236	388	848	–	–	–
июль 1928	1 759	791	968	797	500	462
июль 1929	1 755	837	948	812	555	388
апр. 1930	2 071	1 149	922	1 101	565	405

Источник: [Бадмаев 1969: 32].

Приводимая таблица [Бадмаев 1969: 32] наглядно показывает рост численности и изменение социального состава областной партийной организации с 1921 по 1930 год. Из указанной таблицы видно, как выросла областная партийная организация. Большой процент в ней составляли рабочие и крестьяне.

В период с 1930 г. по 1 января 1932 г. состав партийной организации значительно изменился. Общее состояние парторганизации и характеристику её роста показывают следующие таблицы.

Таблица 4. Количественный состав
Калмыцкой партийной организации
[*Table 4*. Numerical composition of Kalmyk Party Organization.]

Период	Всего коммунистов	членов ВКП(б)	кандидатов ВКП(б)	в том числе	
				женщин	чл. ВЛКСМ
01.05. 1930 г.	2 071	1 149	922	279	239
в %	100	57,5	42,5	13,4	11
01.01. 1932 г.	2 346	1 363	1 183	386	278
в %	100	52	46	15,2	11
изменения в %	+ 23 %	+ 19	+ 28	+ 38	+ 16

Источник: [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 59].

Из таблицы видно, что партийная организация за это время увеличилась на 175 чел., или на 23 %, фактический рост за счет принятых составлял 1 073 (см. табл. 6), увеличился состав женщин с 13,2 % до 15,2 %, но уменьшилось число членов ВКП(б) на 3 %. Это объяснялось тем, что за это время произошло количественное увеличение за счет вновь принимаемых. Кроме этого, такое положение объяснялось слабым темпом перевода из кандидатов в действительные члены низовыми организациями.

Ячейки в большинстве своем не следили за своевременным переводом из кандидатов в члены партии. К тому же наблюдалась чрезвычайная медлительность в оформлении и прохождении документов.

Таблица 5. Национальный состав
Калмыцкой партийной организации
[*Table 5*. National composition of Kalmyk Party Organization]

Период	Всего	Калмыки	Русские	Др. национальности
01.06.1930 г.	2071 – 100 %	1426 – 69,7 %	578 – 23,63 %	67 – 3,67 %
01.01.1932 г.	2546 – 100 %	1814 – 71 %	636 – 25 %	96 – 4 %
изменения в %	+ 23 %	+ 27 %	+ 10 %	+ 43 %

По национальному составу, как видно из таблицы, произошли изменения в сторону незначительного вовлечения калмыков с 69,7 % до 71 %. Однако темпы роста за счет калмыков оставался все же недостаточным.

Таблица 6. Социальный состав
Калмыцкой партийной организации
[*Table 6*. Social composition of Kalmyk Party Organization]

Период	Всего	Рабочих	Крестьян	Служащих
на 01.04.1930 г	2071	1101 – 55 %	565 – 26 %	405 – 19 %
на 01.01.1932 г	2546	1328 – 52 %	854 – 34 %	359 – 14 %
изменение в %	+ 23 %	+ 20 %	+ 51 %	- 11 %

Таблица № 6 показывает, что, несмотря на увеличение рабочих в парторганизации на 20 %, крестьян — на 51 % и уменьшение числа служащих на 11 %, наблюдалось уменьшение удельного веса рабочих в общем количестве членов партии с 55 до 52 %, т. е. на 3 %, и повышение на 8 % крестьян; служащих уменьшилось на 5 %. Уменьшение в общем количестве членов парторганизации процента рабочих объяснялось невниманием к вопросу регулирования роста со стороны как улусных организаций, так и ячеек.

Таблица 7. Род занятий коммунистов
[*Table 7.* Occupational structure of Communists]

Период	Рабочих		Крестьян		Служащих	Прочих
	Всего	в том числе раб. батраков	Всего	в том числе колхозников		
на 01.04. 1930 г.	904 — 42,7 %	447 — 48,9 %	513 — 23%	432 — 84 %	527 — 24 %	127 — 9,3 %
01.01. 1932 г.	900 — 35 %	460 — 44 %	390 — 37 %	913 — 98 %	646 — 25 %	70 — 3 %
изменение в %	– 0,4 %	– 12 %	– 81 %	+ 111 %	+ 23 %	– 45 %

Источник: [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 61].

По роду занятий процент рабочих уменьшился на 0,4: из них сельскохозяйственных рабочих и батраков на 12; крестьян уменьшилось на 81 %: из них: колхозников на 111, служащих — на 23 и прочих уменьшилось на 45 %. Изменение в уменьшении процента рабочих объяснялось тем, что часть рабочих была выдвинута на руководящую советскую, профессиональную, кооперативную и другую работу и за счет вступления в колхозы. С другой стороны, таблица № 7 показывает, что, несмотря на увеличение рабочих в совхозах, партийная прослойка оставалась слабой и рост партии за счет рабочих совхозов происходил медленно.

Таблица 8. Состав принятых вновь в кандидаты ВКП(б)
[Table 8. Composition of re-admitted candidate-members
to the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]

Период	Соц. состав			Род занятий					
				рабочих		крестьян		служ.	проч.
	раб.	крест.	служ.	все-го	в том числе с/х раб. и батрак	всего	в т. ч. колхоз.		
01.01. 1932	506	483	84	516	328	462	415	88	7
в %	47 %	45 %	8 %	48 %	64 %	43 %	90 %	8 %	1 %

Всего принято в период с X по XI партконференции 1 073 чел., из них 506 рабочих — 47 %, 483 крестьян или 45 %, 84 служащих или 8 %. Темп роста приема в кандидаты ВКП(б) характеризуется следующей таблицей.

Таблица 9. Темп приема в кандидаты ВКП(б)
[*Table 9*. Rates of admitting candidate-members
to the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]

Период	Принято всего	из них		
		рабочих	крестьян	служащих
с X по XI партконф. (за 12 мес.)	562	330	194	38
с XI по XII партконф.	1 073	506	483	84

Источник: [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 62].

Характерно то, что прием в кандидаты ВКП(б) увеличился почти вдвое.

По вопросу роста и регулирования состава парторганизации в ноябре 1931 г. бюро Обкома партии отметило ряд положительных сдвигов, выражавшихся в качественном улучшении состава принимаемых за первые 3 квартала 1931 г. Из 543 принятых человек 273 составляли рабочие, или 50 %, 242 колхозника, или 44 %, 28 служащих, или 5 % [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 63].

В годы форсированной коллективизации областная партийная организация пополнялась в значительной степени за счет колхоз-

ников. Только с 1930 по 1932 г. областная партийная организация увеличилась с 1 774 до 2 546 человек (на 43,5 %). В связи с очередной чисткой в 1933 г. прием в партию был приостановлен, и к концу 1935 г. в областной партийной организации осталось 2 192 коммуниста, т. е. по сравнению с 1932 г. она сократилась на 354 человека (на 14 %), а количество служащих уменьшилось до 19,5 %. За этот же период представительство рабочих и крестьян в областной партийной организации возросло с 73 до 80,5 %. Хотя грамотность населения Калмыкии к началу 1930-х гг. поднялась до 38 %, в составе областной партийной организации неграмотные и малограмотные составляли до 80 % [Максимов 2002: 319].

По постановлению объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (январь 1933 г.) прошла третья генеральная чистка. Подвергнуто чистке 25 территориальных партийных организаций, из них исключено 18,3 %. Остальные 17 территориальных партийных организаций прошли чистку во время проверки и обмена партийных документов в 1935–1936 гг. [Красовицкая 2014: 185]. В 1934 г. в Калмыцкой парторганизации насчитывалось 3 147 коммунистов, из них 1 754 члена ВКП(б) и 1 393 кандидата в члены партии. Как отмечает К. Н. Максимов, в ходе чистки в 1934–1935 гг. 398 чел. были исключены из партии в основном из-за происхождения и прошлой деятельности (более 60 %), остальные — за нарушение партийной, государственной дисциплины [Максимов 2004: 132].

После чистки 1934 г. из состоявших в рядах Калмыцкой областной парторганизации 3 147 коммунистов к 1 января 1935 г. осталось 2 445 членов партии и кандидатов в члены ВКП(б), т. е. 77,7 %, и 215 сочувствующих. С учетом части последних партийная организация за год сократилась на 487 человек, и на 1 октября 1935 г. в ней числились 2 660 человек [Максимов 2009: 403].

Несмотря на рост численности парторганизации, особенно за счет коренного населения калмыков, увеличение количества и удельного веса женщин и сдвиги в повышении темпа роста не отмечались, и имелись существенные недостатки:

– росту партийной организации на местах не придавалось должного внимания. Улусные комитеты партии, не говоря уже о ячейках, вопросами роста и регулирования парторганизации не

занимались, поэтому остались не выполненными решения бюро Обкома от 30 ноября 1931 г., где был установлен для каждой организации процент рабочих, который должен был быть выдержан в составе принимаемых в кандидаты ВКП(б);

– темпы роста организации слабые, особенно за счет рабочих совхозов. База роста для партийной организации в совхозах достаточна, так, например, на 15 сентября 1931 г. в животноводческих совхозах было 2 247 постоянных рабочих, сезонных — 3 448, всего — 5 695 человек. Партийная же прослойка среди рабочих составляла от 1,3 до 7 %;

– слабый темп перевода из кандидатов в действительные члены партии;

– недостаточное вовлечение комсомольцев и женщин в партию;

– безобразное оформление материалов на принимаемых членов;

– не велось систематической массово-разъяснительной работы среди рабочих и колхозников по вступлению в партию.

В результате исследования автор делает вывод о том, что деятельность партийной организации Калмыкии в сложнейших условиях способствовала укреплению партийных рядов, их численному росту, улучшению качественного состава, выработки новых форм и методов работы. Решались задачи, связанные с организационным укреплением партийной организации, с идейно-политическим воспитанием коммунистов, массово-политической работой среди населения. Повысился образовательный уровень коммунистов, произошли заметные сдвиги в социальном и национальном составе парторганизации, в частности увеличилось число рабочих-коммунистов. В рассматриваемое время кадровых чисток в Калмыкии было осуществлено пять — в 1921, 1924–1925, 1925–1927, 1929–1930, 1933–1935 гг. Прежде всего уточнялись социальное происхождение, идеологическая грамотность и моральный облик коммунистов. Проверке подлежали все члены партии. На местах для проведения кадровых чисток создавались партийные комиссии. Всего между 1921–1936 гг. из Калмыцкой партийной организации были исключены 2 049 коммунистов. Чистки носили репрессивный характер, но они исчерпали свои возможности к началу 1930-х гг. Нормой стало другое мероприятие — массовые репрессии.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Всероссийская перепись 1922 — Всероссийская перепись членов РКП(б) в 1922 г. / РКП(б); Стат. отд. ЦК РКП. М., 1922–1924. 5 т. Вып. 3: Итоги предварительной разработки по 24 губерниям и областям и общая сводка по всей партии. М.-Л: Изд-е стат. отдела ЦК РКП(б), 1923. 90 с.

Всесоюзная перепись 1927 — Всесоюзная партийная перепись 1927 г. Вып. 1: Численный состав ВКП(б) на 10 января 1927 г. М.: Изд-е стат. отдела ЦК ВКП(б), 1927. 91 с.

Стенографический отчет 1963 — X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Партийное изд-во, 1963. 937 с.

Sources

[The 10th Congress of the RCP(B): a Verbatim Report]. Moscow, 1963. 937 p. (In Russ.)

[The All-Union (Communist) Party Census of 1927]. Is. 1: Numerical composition of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as of 10 January 1927. Moscow: Statistical Dept. of Central Committee of AUCP(B), 1927. 91 p. (In Russ.)

[The Russian Communist Party (Bolsheviks): All-Russia Membership Census of 1922]. In 5 vols. Moscow: Statistical Dept. of RCP(B), 1922–1924. Is. 3: Preliminary results collected from 24 governorates and oblasts, suppl. with a General Summary. Moscow, 1923. 90 p. (In Russ.)

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Бадмаев 1969 — *Бадмаев Н. Х.* Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 51 с.

Бадмаева 2009 — *Бадмаева Е. Н.* Социально-политическое положение // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. II. Элиста: Герел, 2009. С. 324–334.

Гладкова 2005 — *Гладкова С. А.* Государственный аппарат Калмыцкой автономной области: бюрократизм и методы борьбы с ним // Вестник КИСЭПИ. 2005. № 2. С. 164–167.

Гладкова 2006 — *Гладкова С. А.* Место и роль Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 1920-х гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 20. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. С. 89–98.

Гладкова 2008 — *Гладкова С. А.* Большедербетовская партийная организация в период нэпа (20-е гг. XX в.) // Россия и Центральная

Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Матлы конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 28–32.

История КПСС 2014 — История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.

Киевская 1975а — *Киевская Т. Н.* Калмыцкая областная партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства области на основе новой экономической политики (1921–1925 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1975. 29 с.

Киевская 1975б — *Киевская Т. Н.* Некоторые вопросы марксистско-ленинского воспитания коммунистов в Калмыцкой областной партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки КНИИИФЭ. № 12. Серия историческая. Элиста: КНИИИФЭ, 1975. С. 112–125.

Киевская 1975в — *Киевская Т. Н.* Партийное строительство в Калмыкии в первые годы нэпа (1921–1922 гг.) // Ученые записки КНИИИФЭ. № 12. Серия историческая. Вопросы истории социалистического строительства в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1975. С. 90–111.

Красовицкая 2014 — *Красовицкая Т. Ю.* Трансформация партийной структуры и кадровых механизмов: 1921–1928 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 161–204.

Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Максимов 2009 — Максимов К.Н. Преобразование Калмыцкой автономной области в республику. Развитие её социально-экономической, политической основы (1935–1941 гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 363–405.

Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940 годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Очерки истории 1980 — Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 454 с.

Сангаева 1971 — *Сангаева И. Э.* Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918–1921) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 5. Серия историко-партийная. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 25–69.

Сартикова 2017 — *Сартикова Е. В.* Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации (1920–1921) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 52–64.

Сартикова 2018 — *Сартикова Е. В.* Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2 (36). С. 59–67.

References

[History of the Communist Party of the Soviet Union]. A. B. Bezborodov, N.V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. 671 p. (In Russ.)

[Kalmyk Organization of the CPSU: Historical Essays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 454 p. (In Russ.)

Badmaev N. Kh. [Party Construction in Kalmyk Autonomous Oblast: 1921–1929]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1969. 51 p. (In Russ.)

Badmaeva E. N. Socio-political conditions. In: [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. Pp. 324–334. (In Russ.)

Gladkova S. A. Bolshederbetovskaya Party Organization during the NEP (1920s). In: [Russia and Central Asia: Historical-Cultural Heritage and Development Prospects]. Conf. proc. Part 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 28–32. (In Russ.)

Gladkova S. A. State apparatus of Kalmyk Autonomous Oblast: bureaucracy and counteracting mechanisms. *Vestnik KISEPI*. 2005. No. 2. Pp. 164–167. (In Russ.)

Gladkova S. A. The impact and role of Kalmyk Oblast RCP(B) Organization in the political system of the 1920s. In: [Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS]. Vol. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 89–98. (In Russ.)

Kievskaya T. N. [Struggling for the Revival and Development of Regional Economy: Kalmyk Oblast Party Organization and the NEP's Instruments (1921–1925)]. A Cand.Sc. (history) thesis abstract. Rostov-on-Don, 1975. 29 p. (In Russ.)

Kievskaya T. N. Kalmyk Oblast Party Organization: revisiting some aspects of Marxist-Leninist education during the restoration period (1921–1925). In: [Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: Scholarly Notes]. Vol. 12. Ser. 'History Research'. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1975. Pp. 112–125. (In Russ.)

Kievskaya T. N. Party construction in Kalmykia during the early years of the NEP (1921–1922). In: [Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics: Scholarly Notes]. Vol. 12. Ser. 'History Research'. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1975. Pp. 90–111. (In Russ.)

Krasovitskaya T. Yu. Transformation of party structures and cadre-related mechanisms: 1921–1928. In: [History of the Communist Party of the Soviet Union]. A. B. Bezborodov, N. V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. Pp. 161–204. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Kalmykia in Russia's National Policies and Administrative System: 17th to 20th Centuries]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Transformation of the Kalmyk Autonomous Region into a Republic. The development of its socio-economic, political basis (1935–1941). In: [History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 363–405. (In Russ.)

Maksimov K. N. [The Tragedy of the Nation: Repressions in Kalmykia, 1918–1940]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Sangaeva I. E. Establishing Kalmyk Oblast Party Organization: 1918–1921. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Newsletter]. Vol. 5. Ser. '(Communist) Party History Research'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. Pp. 25–69. (In Russ.)

Sartikova E. V. Kalmyk Oblast Party Organization: the shaping of organizational structures (1920–1921). *Genesis*. 2017. No. 8. Pp. 52–64. (In Russ.)

Sartikova E. V. Yandyko-Mochazhnaya Party Organization in 1921–1925. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2018. No. 2 (36). Pp. 59–67. (In Russ.)

УДК 026:61
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-425-439

Полнотекстовая база данных по калмыцкому зарубежью

Виктория Васильевна Куканова[1], *Александра Тагировна Баянова*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор
ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
заведующая Научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой
ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

Аннотация. *Цель*. Статья посвящена описанию специализированной базы данных по калмыцкому зарубежью, в которой представлены тексты публикаций, изданных представителями калмыцкой эмиграции первой (1920–1930-е гг.) и второй (1940-е гг.) волны. *Материалом* для создания и дальнейшей разработки полнотекстовой БД по калмыцкому зарубежью послужили журнальные коллекции Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН), включенные в состав редкого фонда Научной библиотеки и архива им. П. Э. Алексеевой, а также оцифрованные издания, которые отсутствуют в библиотеке КалмНЦ РАН и хранятся в других как отечественных, так и зарубежных библиотеках. *Результаты*. В статье представлено научное описание структуры базы данных, а также дана количественная и качественная характеристика включенных в базу данных материалов. Разработанная база данных, к сожалению, не является конечным продуктом, поскольку часть опубликованных и архивных материалов недоступна нам по ряду причин как объективного (например, неизвестно, где хранится архив известного последователя евразийского движения и автора книги «Чингиз-хан и его наследие» Э. Д. Хара-Давана), так и субъективного характера (отсутствие финансирования, невозможность выехать в командировку для работы в архивах и библиотеках тех городов, где проживали представители калмыцкой эмиграции первой и второй волны).

Ключевые слова: калмыки, Гражданская война, калмыцкое зарубежье, электронные библиотеки, архитектура базы данных

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (№ госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Куканова В. В., Баянова А. Т. Полнотекстовая база данных по калмыцкому зарубежью. Монголоведение. 2019;(3): 425-439. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-425-439.

UDC 026:61
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-425-439

A Full-Text Kalmyk Expatriate Community Database

Viktoriya V. Kukanova[1], *Alexandra T. Bayanova*[2]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director
ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Head of Alekseeva Scientific Library and Archive
ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

Abstract. *Goals*. The article describes a full-text Kalmyk expatriate database containing publications by first- (1920–1930s) and second-wave (1940s) Kalmyk émigrés. *Materials*. The database on the Kalmyk expatriate community was compiled from journal collections of the Kalmyk Scientific Center of the RAS included into the Rarity Fonds of the Alekseeva Scientific Library and Archive, as well as from other digitized works contained both in domestic and foreign libraries. *Results*. The paper provides a scholarly description of the database's structure, characterizes its materials both quantitatively and qualitatively. Still, the developed database remains incomplete, some of the to-be-included published and archival sources being unavailable for a score of reasons that are essentially objective (e. g., whereabouts of the famous Eurasianist and author of '*Genghis Khan and His Heritage*' E. Khara-Davan's archives are actually unknown) and subjective (lack of funding and related opportunities to investigate archives and libraries of cities where first- and second-wave Kalmyk émigrés used to live and work).
Keywords: Kalmyks, Russian Civil War, Kalmyk expatriate community, digital libraries, database architecture
Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).
For citation: Kukanova V. V., Bayanova A. T. A Full-Text Kalmyk Expatriate Community Database. *Mongolian Studies*. 2019;(3): 425-439. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-425-439.

1. Введение

Калмыцкий научный центр Российской академии наук (КалмНЦ РАН, г. Элиста) имеет уникальную библиотеку и архив востоковедного характера на Юге России, в фондах которых хранятся как редкие печатные издания, так и рукописные коллекции на тибет-

ском, монгольском и ойратском языках. Среди коллекций, собранных известным библиографом и основателем научной библиотеки П. Э. Алексеевой (1924 г. р.), которая и ныне работает в КалмНЦ РАН, выделяется собрание эмигрантских периодических изданий, положивших начало формированию базы данных (БД) по калмыцкому зарубежью. Кроме того, П. Э. Алексеевой за длительный период ее работы была создана картотека калмыцких эмигрантских публикаций, послужившая большим подспорьем в ходе разработки БД по калмыцкому зарубежью, которой посвящена данная статья.

2. Первая и вторая волна эмиграции

Определенная часть калмыцкого народа, как и других народов, после Великой Российской революции 1917 г., не принимая политику советской власти, эмигрировала за пределы страны, преимущественно в Сербию, Болгарию, Чехословакию, Югославию, Францию (см. подробнее: [Топалова 2017а]). Этот «исход» калмыцкого народа принято именовать эмиграцией первой волны. Он продолжался до 1930-х гг., из страны уехала в основном калмыцкая интеллигенция, получившая прекрасное образование еще в период Российской империи. Так, например, Б. Н. Уланов учился в Санкт-Петербургском университете, Д. Н. Баянова — на Высших Бестужевских курсах, Э. Д. Хара-Даван и С. Н. Баянов — в Казанском университете и др.

В период 1941–1945 гг. часть калмыков попала в плен и была угнана в концлагеря Германии в период Великой Отечественной войны, где после освобождения они были направлены в лагеря для перемещенных лиц. Интересно, что в созданных DP-лагерях (от displaced persons) встретились эмигранты первой волны и «перемещенные» калмыки — их называли также *шинчуд* (калм. ‘новые’). Здесь их сблизила тяжелая лагерная жизнь [Алексеева 2010: 146], и с этого момента можно говорить о второй волне эмиграции представителей калмыцкого народа.

3. Деятельность калмыков-эмигрантов

Процесс адаптации калмыков на чужбине проходил с большими трудностями, заключавшимися в незнании языка, отсутствии коммуникации, в ином культурном образе жизни. Все это послужило импульсом для роста этнического самосознания калмыков за рубежом

и, следовательно, стремления сохранить свою культуру и язык, что проявилось в создании общественных (Калмыцкая комиссия культурных работников в г. Праге (КККР), «Хальмаг Тангачин туг» ('Знамя калмыцкой республики') и др.), а также религиозных организаций (хурулов), целью которых были создание и развитие издательской («Хонхо», «Улан залат», «Ковыльные волны», «Ойрат», «Теегин очн», «Информация КККР в ЧСР» и др.), культурной (проведение концертов, спектаклей и др.), спортивной (создание футбольной команды «Калмыцкая одиннадцать», спортивного клуба «Джангар», организация скачек, калмыцкой борьбы и др.) и образовательной (создание калмыцкой школы в Пфафенхофене, пансионата для калмыцких детей в г. Праге, организация курсов для обучения лиц различным профессиям и др.) деятельности калмыков-эмигрантов.

4. История изучения калмыков-эмигрантов

В силу ряда причин тема калмыцкой эмиграции была под запретом, и только после распада СССР и демократизации общества появились первые публикации по данной теме [Бичеев 1991; Борисенко, Горяев 1998; и др.]. Изучение отдельных аспектов калмыцкого зарубежья было затруднено недоступностью источников, на основе которых можно было проводить исследования различных проблем, связанных с историей и культурой калмыков-эмигрантов. Начиная с 1990-х гг. шел процесс накопления материала, источников, на основе которых были подготовлены ряд научных изданий [Алексеева 2010; Баянова 2014; Гучинова 2004; Бакаева 2017; Топалова 2017б; Топалова 2019].

5. Структура БД по калмыцкому зарубежью

В условиях глобализации и информатизации назрела необходимость систематизировать коллекцию публикаций и архивных материалов и свести их в одну БД, которой могут пользоваться отечественные и зарубежные ученые, занимающиеся исследованиями вопросов и проблем калмыцкой эмиграции. Разработанная БД является полнотекстовым хранилищем электронных копий изданных материалов, каждый объект которой имеет свое метатекстовое и библиографическое описание (см. подробно описание структуры БД в: [Баянова, Каджиев 2016: 231–233]). Уникальность созданной БД состоит в том, что в ней сосредоточены довольно редкие, порой рукописные, издания, не введенные в широкий научный оборот.

Полнотекстовая база данных по калмыцкому зарубежью размещена и находится в открытом доступе по адресу: htpp://biliq.ru/biblio/. Материалом для создания и дальнейшей разработки полнотекстовой БД по калмыцкому зарубежью послужили журнальные коллекции Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН), включенные в состав редкого фонда Научной библиотеки и архива им. П. Э. Алексеевой, а также оцифрованные издания, которые отсутствуют в библиотеке КалмНЦ РАН и хранятся в других как отечественных, так и зарубежных библиотеках и архивах. Оговоримся, что до сих пор не обнаружены в российских библиотеках[1] следующие номера журнала «Ковыльные волны»: №№ 7, 8, 9 (частично), 10, вышедшие в свет предположительно в 1933–1934 гг.

Структура БД состоит из следующего взаимосвязанного алгоритма таблиц:

Каждая единица — публикация — получает свое библиографическое описание, которое соответствует стандартам описания журнальных статей согласно ГОСТ7.1.-2003 и, более того, информация о месте издания приводится, хотя по вышеуказанному ГОСТ эти сведения даются лишь в том случае, если необходимо идентифицировать документы с одинаковыми наименованиями, выпущенных разными издателями [ГОСТ 2004].

В БД содержится 993 публикации. Журнальные и газетные источники оцифрованы и размещены на сайте, каждая единица получила свое описание согласно библиографическим стандартам.

[1] Есть надежда, что эти номера хранятся в библиотеках Франции.

6. Количественная и качественная характеристика БД

6.1. Язык публикации

С точки зрения распределения языка публикации подавляющее большинство написано на русском языке (705 публикаций), что свидетельствует, на наш взгляд, о желании задействовать как можно большую аудиторию, и не только калмыцкоязычную, но и русскоязычную. Калмыцкие тексты составляют почти 40 % от текстов на русском языке (284 публикации). Это преимущественно фольклорные, редко литературные художественные произведения, которые были интересны только самим калмыкам-эмигрантам. Русский язык служил средством коммуникации для калмыцкой интеллигенции в иноязычной среде как в царской России, так и за рубежом, после эмиграции. Кроме того, подавляющая часть калмыков, которая эмигрировала за границу, была в субэтническом отношении донскими калмыками, которые покинули родину вместе с донскими казаками, близкими им по духу и принадлежавшими одному сословию — военному. Средством общения и взаимодействия с ними был русский язык. Среди публикаций обнаружено по два текста, написанных на французском и английском языках.

Рассмотрим распределение публикаций на калмыцком языке в зависимости от места и года их издания (см. рис. 1).

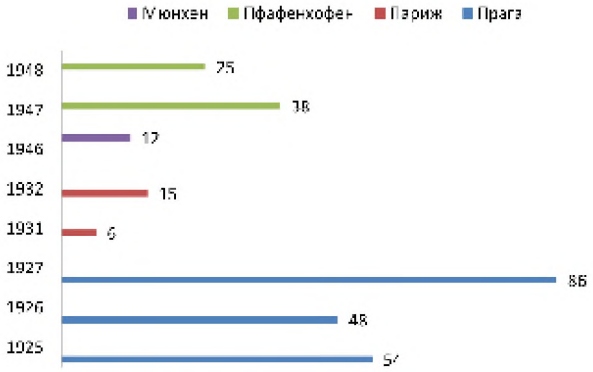


Рис. 1. Распределение публикаций на калмыцком языке в зависимости от места и года их издания[1]

[*Fig 1.* Distribution of Kalmyk-language publications by place and year]

[1] Не учитывается одна публикация на калмыцком языке из БД, поскольку она издана в США.

На рис. 1 представлено распределение публикаций на калмыцком языке в зависимости от места и года их издания. Отметим, что публикации на калмыцком языке выходили в основном в четырех городах Западной Европы: Праге, Париже, Мюнхене и Пфафенхофене, причем в двух первых городах — в довоенное время, в двух последних — в послевоенное.

В 1925–1927 гг. издавался журнал «Хонхо» в г. Праге, который считался одним из самых больших центров, где проживали калмыки-эмигранты. Журнал печатался на старокалмыцком вертикальном письме (*тодо бичиг* ‘ясное письмо’). Безусловно, это создавало большие трудности для тиражирования (отсутствовал шрифт, поэтому составителям приходилось писать весь текст от руки, а затем уже тиражировать на специальном оборудовании), но, тем не менее, вышло пять выпусков общим объемом 1 235 страниц. Эмигранты первой волны также размещали в периодических изданиях тексты на калмыцком языке в Париже в 1931–1932 гг. (в журнале «Ковыльные волны»). Все остальные публикации выходили на русском языке.

И только после Второй мировой войны первая и вторая волна эмиграции, объединившись, ощутив прилив осознания принадлежности к одной народности и необходимость возрождения калмыцкой культуры, в том числе и языка, стали активно издавать фольклорные и художественные произведения на калмыцком языке. Мюнхен, где было издано 12 публикаций на калмыцком языке в 1946 г. (в журнале «Мана Зянге»), и Пфафенхофен, где находился лагерь для перемещенных лиц и было напечатано в общей совокупности 63 публикации в 1947–1948 гг., стали центрами после Второй мировой войны, где находились калмыки и где целенаправленно работала общественная группа активистов, выступавших за возрождение культуры калмыцкого народа среди калмыков.

Публикации в 1925–1927 гг. объясняются желанием активистов среди калмыков-эмигрантов приблизиться к родине, к культуре своего народа, поскольку это были первые годы жизни за границей. Перерывы в печати материалов на калмыцком языке связаны с тем, что не все знали старокалмыцкое письмо «тодо бичиг»[1] (им в основном владели буддийские священники и люди, которые имели начальное и высшее образование), также было очень трудоемко

[1] С. Балыков приводил в своей знаменитой статье печальные цифры о владении старокалмыцким письмом: «Среди почти 20 человек членов КККР писать и читать на этом шрифте могут всего 7 человек» [Балыков 1932: 18].

готовить выпуски журналов к печати с такой письменностью, не хватало финансовых средств на публикацию (практически деятельность периодических изданий обеспечивалась путем личных пожертвований калмыков-эмигрантов). Кроме того, неизбежны были процессы ассимиляции, подрастающие поколения калмыков не владели традиционным калмыцким письмом. Не случайно, что вопрос о письменности поднимался на страницах журналов. Так, например, С. Балыков предлагал перевести калмыцкое письмо на кириллицу [Балыков 1932: 18], при этом утверждая, что «эти издания (имеются в виду издания, вышедшие на ясном письме. — *К. В., Б. А.*), безусловно, приходится рассматривать, как труд, не достигающий цели всякой литературы — развития массовой мысли, сознания» [Балыков 1932: 17], хотя попытки возродить «тодо бичиг» предпринимались представителями калмыцкой интеллигенции за рубежом (Д. Баянова, Ш. Балинов и др.) в таком журнале, как «Хонхо».

На рис. 2 обозначено распределение публикаций на русском языке в зависимости от места и года их издания. Если сравнить со списком городов Западной Европы, в которых выходили в свет публикации на калмыцком языке, то их гораздо больше — гг. Мюнхен, Пфафенхофен, София, Братислава, Париж, Прага, Белград.

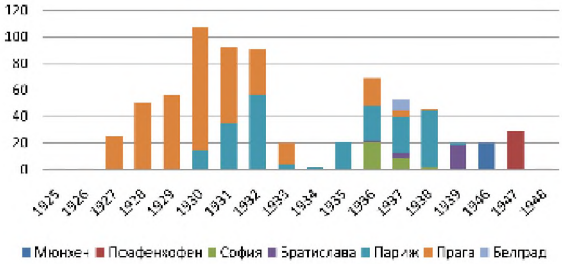


Рис. 2. Распределение публикаций на русском языке в зависимости от места и года их издания[1]
[*Fig. 2.* Distribution of Russian-language publications by place and year]

Как видно из рис. 2, первый пик публикаций на русском языке приходится на начало 1930-х гг., а второй на предвоенное время, на вторую половину 1930-х гг. Между двумя «горбами» имеется, на первый взгляд, спад (причем значительный), что связано отсутствием номеров журнала «Ковыльные волны» как основного печатного

[1] Не учитывается одна публикация на калмыцком языке из БД, поскольку она издана в США.

органа калмыков-эмигрантов. В 1920-е гг. имеются публикации на русском языке, однако их не так много, по сравнению с 1930-ми гг., что обусловлено, на наш взгляд, тем, что калмыки-эмигранты после ухода из Советской России должны были в первую очередь устраивать быт, решать ежедневные проблемы питания, налаживания быта и образования, изучения языка и многое другое. Вторая мировая война объясняет отсутствие публикаций как на русском, так и на калмыцком языках в 1940–1945 гг., хотя в 1939 г. было издано 20 публикаций в гг. Братиславе и Париже, написанные, видимо, еще до начала войны. Отметим, что все журналы имели большие финансовые трудности и зависели от личных пожертвований калмыков, поэтому печатались сдвоенные номера.

После окончания войны калмыки-эмигранты пытаются издаваться, но в силу различных обстоятельств это было трудно осуществимо, причем им так и не удалось сблизиться с количеством публикаций в предвоенное время. Кроме того, в гг. Мюнхен, Пфафенхофен публикации выходили чаще на калмыцком языке: 75 — на калмыцком, 50 — на русском, что еще раз свидетельствует о большом желании возродить калмыцкую культуру, дать ей вторую жизнь в иноязычном и в инокультурном окружении.

6.2. Место публикации

Как известно, центрами эмиграции калмыков были города Западной Европы. Наиболее активная часть калмыков находилась в гг. Праге и Париже, именно эти города стали центрами изданий журналов, среди которых были как чисто калмыцкие, так и казацкие, к которым донские калмыки себя причисляли.

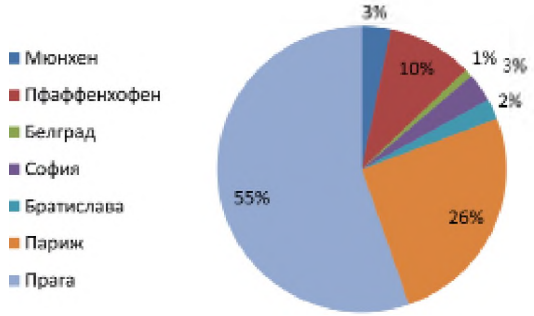


Рис. 3. Распределение публикаций в зависимости от места их выхода [*Fig. 3*. Distribution of publications by place]

По количеству публикаций лидирует г. Прага (549), где проживала значительная часть калмыков и где издавались журналы «Хонхо» (1925–1927), «Вольное казачество» (1927–1934), «Улан залат» (1927–1930), «Информация КККР» (1930), «Казакия» (1938). Далее следует по числу публикаций г. Париж (253), в котором вышли в свет журналы «Атаманский вестник» (1935–1939), «Вольное казачество» (1934–1939), «Казачий голос» (1937–1939) — это общеказачьи органы печати, в которых активно сотрудничали калмыки-эмигранты. Третье место занимает г. Пфафенхофен (95 публикаций), в котором издавался журнал «Тээгин очн» (1947–1948). Такие города, как Мюнхен, София, Братислава, Белград, имеют немного публикаций калмыков-эмигрантов, несмотря на то, что были крупнейшими центрами эмиграции, где проживали калмыки после трагических событий в России. Думается, что это обусловлено человеческим фактором. Наиболее активная часть калмыцкой интеллигенции попала в гг. Прагу и Париж, которая пыталась возродить культуру калмыцкого народа и сплотить территориально разобщенный этнос в инокультурном окружении.

6.4. Стиль и жанр публикаций

Все публикации, которые размещены на страницах журналов, принадлежат двум основным стилям: художественному и публицистическому (см. табл. № 1). К первой группе относятся 367 текстов, среди которых 98 фольклорных произведений и 269 литературных текстов. Обычно в журналах издаются небольшие по объему произведения, поэтому жанры, которые избирали калмыки-эмигранты, отличаются именно этим качеством: это рассказ, сказка, стихотворение и т. д. Среди фольклорных текстов, которые были опубликованы на страницах журнала, можно встретить легенды (18) и предания (1), песни (47), сказки (23), фрагменты из эпоса (5). В основной своей массе представлены литературные тексты: стихотворения (106), рассказы (119), басни (41), поэма (1), фельетон (1).

626 публикаций принадлежит публицистическому стилю, основным жанром которого является статья. Подавляющее большинство произведений имеет цель воздействовать на читателя, формировать его взгляды, точку зрения, призывать читателя к действиям, что также не случайно, поскольку калмыцкая интеллигенция осознавала, что народность в инокультурной среде постепенно ассимилируется

в процессе адаптации. Важно было для калмыков сохранить национальную идентичность. Опубликовано 565 небольших по своему объему статей, которые имеют четко определенную тему.

Таблица № 1. Распределение публикаций в зависимости от жанра
[*Table 1*. Distribution of publications by genre]

№	Жанр	Количество
1	Басня	41
2	Заметка	46
3	Легенда	18
4	Монография	3
5	Песня	47
6	Поэма	1
7	Предание	1
8	Рассказ	119
9	Сказка	23
10	Статья	565
11	Стихотворение	106
12	Фельетон	1
13	Эпос	5
14	Очерк	12
15	Повесть	2
16	Пословицы	3
Итого		**993**

6.5. Год публикации

Как и любая деятельность, издательская активность имеет свои взлеты и падения (см. рис. 4). Начало издательской деятельности калмыков-эмигрантов положено в 1925 г., до этого периода ничего не издавалось в силу тяжелых условий адаптации калмыков в Западной Европе.

На рис. 4 наглядно показано, что после эмиграции калмыков в Европу издательская деятельность набирает обороты начиная с 1925 г. вплоть до начала 1930-х гг., и во многом она зависела от личности редакторов и составителей номеров журналов. Так, общественная деятельность С. Балыкова (около 230 публикаций), Ш. Балинова (около 310 публикаций) носила поистине подвижнический характер.

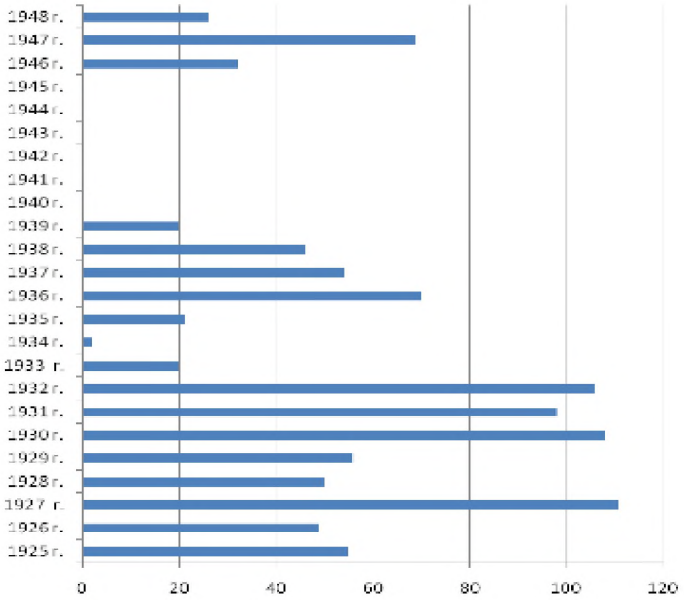


Рис. 4. Распределение публикаций в зависимости от года их выхода [*Fig. 4*. Distribution of publications by year]

Действительно, с их именами были связаны многие журналы, которые с их уходом стали сокращать материал, посвященный истории и культуре калмыцкого народа, а в некоторых случаях и исчезали.

7. Проблемы при составлении базы данных

При составлении любой базы данных составители сталкивались с проблемами, одну из которых следует выделить отдельно: проблема идентификации авторства. Некоторые представители калмыцкой интеллигенции намеренно избегали ставить свою фамилию под той или иной публикацией, прибегая к псевдонимам. Так, например, С. Балыков имел около 10 известных псевдонимов, не ясно, есть ли другие его публикации, где указан очередной его псевдоним [Баянова, Каджиев 2016: 227].

Следующей проблемой, которая обнаружена в настоящее время, является вопрос об отсутствии наименования издательства журналов и монографий. В этом случае интересно, с кем взаимодействовали представители калмыцкого народа в вопросе о тиражировании жур-

налов. Не известно количество напечатанного тиража изданий, что послужило бы информацией об их распространении.

Исследователям калмыцкого зарубежья известно, что издание финансировалось из личных средств калмыков-эмигрантов, но кто являлся «спонсором», каков их вклад, кто собирал взносы (?) — не ясно. На наш взгляд, эта информация представляет большой интерес в изучении издательской деятельности калмыков за рубежом.

8. Заключение

База данных по калмыцкому зарубежью является не просто собранием публикаций калмыков-эмигрантов, а источником по истории их повседневной жизни, которые оказался волею судеб за пределами родины. Полученные качественные и количественные результаты БД отражают вехи истории калмыков-эмигрантов. На наш взгляд, подобные БД выступают дополнительным источником исследования истории и культуры наряду с архивными документами. Отражая наиболее важные и характерные стороны жизни представителей калмыцкой эмиграции, подобные публикации позволяют получить представление о широком круге проблем в их жизни за рубежом.

29 июня 2016 г. получено Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2016620885 [Свидетельство 2016]. Разработанная база данных, к сожалению, не является конечным продуктом, поскольку часть опубликованных и архивных материалов недоступна нам по ряду причин как объективного (например, неизвестно, где хранится архив известного последователя евразийского движения и автора книги «Чингиз-хан и его наследие» Э. Д. Хара-Давана), так и субъективного характера (отсутствие финансирования, невозможность выехать в командировку для работы в архивах и библиотеках тех городов, где проживали представители калмыцкой эмиграции первой и второй волны).

Литература

Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.

Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* Скотоводческие традиции и этническое предпринимательство в Калмыкии: некоторые вопросы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 55–75.

Балыков 1932 — *Балыков С.* Краткий обзор калмыцкой печати в эмиграции // Ковыльные волны. 1932. № 4. С. 14–20.

Баянова 2014 — *Баянова А. Т.* «Хонхо» как феномен книжной культуры калмыцкого зарубежья // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 6–10.

Баянова, Каджиев 2016 — *Баянова А. Т., Каджиев А. Ю.* База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью»: информационная основа, структура данных и алгоритмы обработки // Монголоведение. 2016. № 8. С. 227–238.

Бичеев 1991 — *Бичеев Б. А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.): автореф. … канд. филол. наук. М., 1991. 23 с.

Борисенко, Горяев 1998 — *Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: КИГПИ, 1998. 235 с.

ГОСТ 2004 — ГОСТ 7.1.-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004. 137 с.

Гучинова 2004 — *Гучинова Э.-Б. М.* Улица «Kalmuk Road». История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 340 с.

Свидетельство 2016 — Свидетельство № 2016620885 Российская Федерация. База данных «Библиографический указатель по калмыцкому зарубежью: свидетельство о государственной регистрации базы данных; заявитель и правообладатель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук» / Каджиев А. Ю.; Баянова А. Т.; Алексеева П. Э.; Куканова В. В. № 2016620885; заявл. 11.01.2016; зарегистр. 29.06.2016. 1 с.

Топалова 2017а — *Топалова Д. Ю.* Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (1920–1930). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 224 с.

Топалова 2017б — *Топалова Д. Ю.* Об истории возникновения калмыцкой эмиграции // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 237–249.

Топалова 2019 — *Топалова Д. Ю.* Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е – начало 1930 гг.) // Oriental Studies. 2019. № 2. С. 195–206.

References

[Certificate No. 2016620885 Russian Federation. Database ‘*Kalmyk Émigré Bibliographic Index*: Certificate of State Registration; Applicant and Copyright Holder – Federal State Budgetary Institution of Science ‘Kalmyk

Scientific Center of the Russian Academy of Sciences']. Kadzhiev A. Yu., Bayanova A. T., Alekseeva P. E., Kukanova V. V. (comps.); submitted for registration on January 11, 2016; registered on June 29, 2016. 1 p. (In Russ.)

Alekseeva P. E. [About People and Time]. Coll. articles. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 176 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. Some aspects of livestock breeding traditions and ethnic entrepreneurship in Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2017. No. 3. Pp. 55–75. (In Russ.)

Balykov S. An overview of Kalmyk émigré publications. *Kovyl'nye volny*. 1932. No. 4. Pp. 14–20. (In Russ.)

Bayanova A. T. The *Khonkho* (journal) as a phenomenon of Kalmyk émigré bookish culture. In: [In the World of Science and Arts: Questions of Philology, Art and Cultural Studies]. Conf. proc. Novosibirsk: SibAK, 2014. Pp. 6–10. (In Russ.)

Bayanova A. T., Kadzhiev A. Yu. Database 'The Bibliographic Directory of the Kalmyk Expatriate Community': the information basis, structure of the data and processing algorithms. *Mongolian Studies*. 2016. No. 8. Pp. 227–238. (In Russ.)

Bicheev B. A. [Influence of Written Sources and Folklore on the Development of Kalmyk Literature: 1920s – 1930s]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1991. 23 p. (In Russ.)

Borisenko I. V., Goryaev A. T. [The Kalmyk Émigré Community: Historical Essays]. Elista: Kalmyk Institute for Humanities and Applied Research, 1998. 235 p. (In Russ.)

GOST 7.1.-2003. [Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Compilation Rules]. Moscow: IPK Izdatelstvo Standartov, 2004. 137 p. (In Russ.)

Guchinova E.-B. M. [The Street – Kalmuk Road: History, Culture and Identities in the Kalmyk Community of the U.S.]. St. Petersburg: Aleteiya, 2004. 340 p. (In Russ.)

Topalova D. Yu. [Literary Activities of the Kalmyk Émigré Community: 1920–1930]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. 224 p. (In Russ.)

Topalova D. Yu. Socio-cultural activities of the Kalmyk expatriate community (1920s – early 1930s). *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 195–206. (In Russ.)

Topalova D. Yu. The Kalmyk expatriate community: history of the emergence (1920–1930s). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2017. No. 3. Pp. 237–249. (In Russ.)

УДК 94(47).084.8
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-440-464

Жители Калмыкии — военнослужащие РККА, награжденные за участие в Сталинградской битве: статистическое исследование

Уташ Борисович Очиров[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В историографии до сих пор остается не выясненной степень участия жителей Калмыкии в рядах Красной армии в одном из важнейших сражений Второй мировой войны — Сталинградской битве. Одним из важнейших показателей, который может позволить дать ответ на изучаемый вопрос, являются сведения о количестве наших земляков, отмеченных государственными боевыми наградами (орденами и медалями) за участие в этом сражении. Для более глубокого понимания этого процесса необходимо проведение статистического анализа исследуемой группы персоналий, который выявил бы их общие и особенные черты по различным аспектам данной проблематики. *Целью* настоящей статьи является создание базы данных жителей Калмыцкой АССР, призванных в Красную армию и награжденных за участие в Сталинградской битве, и ее статистический анализ. *Материалы.* База данных была сформирована на широком круге источников: 1) Объединенный банк данных «Подвиг народа» (ОБД «Подвиг народа»), в котором сконцентрированы реализованные наградные документы на военнослужащих Красной армии; 2) аннотированный именной указатель калмыков-военнослужащих, сосланных в Широклаг; 3) списки ветеранов Великой Отечественной войны, проживавших в Калмыкии в 1965 г. и представленных к награждению юбилейными медалями, и т. д. К числу наших земляков были отнесены как призванные военкоматами Калмыцкой АССР, так и ее уроженцы, призванные из-за пределов региона. *Хронологические рамки* исследования охватили не только период Сталинградской битвы, но и награждения, произошедшие после нее, при условии, что они хотя бы частично связаны с этим сражением. *Выводы.* В составленной базе данных значится 516 награждений (при этом 11 человек были награждены в ходе Сталинградской битвы дважды). Хотя база данных не является всеохватной и окончательно завершенной, ее можно считать вполне репрезентативной. Статистический анализ базы данных проводился по следующим параметрам: по возрасту, месту и времени призыва, национальности, воинскому званию, наградам и времени награждения. *Результаты исследования* позволили сделать ряд выводов по участию жителей Калмыкии в Сталинградской битве. Например, анализ возраста награжденных земляков показал, что большинство из них составляла молодежь (до 30 лет), идеологически воспитанная при Советской власти в духе преданности коммунистическим идеалам. По итогам исследования

автор пришел к выводу, что жители Калмыкии, призванные в РККА и участвовавшие в этом сражении, внесли достойный вклад в победу в Сталинградской битве.
Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, Сталинградская битва, Калмыцкая АССР, боевые награды
Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).
Для цитирования: Очиров У. Б. Жители Калмыкии — военнослужащие РККА, награжденные за участие в Сталинградской битве: статистическое исследование. Монголоведение. 2019; (3): 440-464. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-440-464.

UDC 94(47).084.8
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-440-464

Kalmykia's Red Army Soldiers and Officers Awarded Military Decorations for Participation in the Battle of Stalingrad: a Statistical Study

Utash B. Ochirov[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate
ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Russian historiography provides no comprehensive data on the impact of Kalmykia's Red Army soldiers and officers into a greatest battle of World War II — the Battle of Stalingrad. A major indicator thereof is data on the numbers of our compatriots awarded different military decorations (orders and medals) for participation in the battle. Some deeper understanding of the process requires a statistical analysis that would reveal common and specific features of the examined group of individuals when viewed from different perspectives. *Goals.* The paper aims to establish a database of Kalmykia's residents conscripted into the Red Army and awarded military decorations for participation in the Battle of Stalingrad, and to outline a statistical analysis. *Materials.* The database employs a wide range of sources, such as 1) the digital bank of documents 'Feat of the People in the Great Patriotic War 1941–1945' (Rus. *ОБД «Подвиг народа»*) containing actualized military awards papers of Red Army servicemen, 2) the annotated Index of names of ethnic Kalmyk soldiers and non-commissioned officers deported to Shirokovsky ITL (forced labor camp), 3) lists of Great Patriotic War veterans who resided in Kalmykia in 1965 and were offered to receive jubilee medals, etc. The term 'compatriots' here is used to denote both individuals conscripted in the territory of the Kalmyk ASSR and its native residents conscripted in other regions. The chronological framework of the study covers not only the Battle of Stalingrad as such but also subsequent bestowals given that the latter were at least somewhat related

to the battle. *Conclusions*. The compiled database includes 516 bestowals (11 individuals were awarded two military decorations within the Battle of Stalingrad). And even though the database is not universally complete, it can still be considered essentially representative. The statistical analysis was conducted according to the following parameters: age, place and time of conscription, ethnicity, military rank, title of the awarded military decoration, and time of bestowal. The obtained results make it possible to draw several conclusions regarding the participation of Kalmykia's residents in the Battle of Stalingrad. For example, the analysis shows the bulk of the awarded were young (aged 30 or below) people brought up by the Soviets to Communist ideals. The work concludes residents of Kalmykia who were conscripted into the Red Army contributed decently to the victory in the Battle of Stalingrad.
Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army, Battle of Stalingrad, Kalmyk ASSR, military decorations
Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).
For citation: Ochirov U. B. Kalmykia's Red Army Soldiers and Officers Awarded Military Decorations for Participation in the Battle of Stalingrad: a Statistical Study. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 440-464. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-440-46.

В истории Второй мировой войны Сталинградская битва занимает особое место. В советской историографии именно с операции «Уран», завершившейся окружением армии Ф. Паулюса, принято отсчитывать начало коренного перелома в Великой Отечественной войне, после которого стратегическая инициатива перешла в руки советских войск. Свой вклад в эту важнейшую и знаковую победу в ходе Великой Отечественной войны внесли и уроженцы Калмыкии, служившие в рядах РККА. К сожалению, долгое время вопрос о величине этого вклада оставался открытым.

Одним из важнейших факторов, позволяющих осуществить оценку этого вклада, является количество наших земляков[1], награжденных за участие в этом сражении. Казалось бы, ничего сложного в этом нет. Почти все участники Сталинградской битвы (за исключением погибших) были награждены медалью «За оборону Сталинграда». Однако награждение этой медалью осуществлялось воинскими частями по спискам, в которых указывались лишь фамилия, имя, отчество, воинское звание и должность награждаемого (и то не всегда). Ни места рождения, ни названия призвавшего воина военкомата в этих списках нет, поэтому архив

[1] В данной статье под словом «земляки» подразумеваются как жители республики, призванные в ряды РККА военкоматами Калмыцкой АССР, так и уроженцы Калмыкии, призванные из других регионов.

Министерства обороны СССР, а затем и РФ мог лишь учесть общее количество награжденных медалью «За оборону Сталинграда», но не имел возможности распределить их по регионам, национальностям или еще каким-либо показателям.

В военкомате Калмыцкой АССР специальный учет таких награждений также не производился. К 20-летию Победы военкоматовские работники осуществили титанический объем работы, произведя поименный учет ветеранов региона для их представления к награждению медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне». Однако для включения в список достаточно было наличия хотя бы одной награды (например, медали «За Победу над Германией»), справки о ранении и т. д. Поэтому при наличии другой награды медаль «За оборону Сталинграда» могла в этих списках и не указываться. Кроме того, в список естественно не попали ветераны, умершие в 1943–1965 гг.

К началу XXI в. вопрос участия жителей Калмыкии в Сталинградской битве из сугубо военно-исторической проблемы начал превращаться в общественно-политическую. Яркой иллюстрацией этому может служить энциклопедия «Сталинградская битва», созданная коллективом авторов под руководством М. М. Загорулько. Этот труд при поддержке администрации региона переиздавался как минимум 7 раз (в данной статье автор опирается и делает ссылки по 5-му изд.) и содержит в себе огромное количество информации по Сталинградской битве, однако участие жителей Калмыкии в этом сражении в данной энциклопедии отразилось с явно тенденциозным перекосом. В статье «Калмыкия республика» даны какие-то малозначащие для Сталинградской битвы сведения, информация о 189-м Калмыцком кавалерийском полку (уничтоженного в мае 1942 г.) и 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (большую часть своего боевого пути сражавшейся в Битве за Кавказ). Об участниках Сталинградской битвы из этого региона написано буквально пять строчек «В боях под Сталинградом уроженцы и жители Калмыкии сражались и в др[угих] воинских подразделениях. Одним из защитников «Дома Павлова» был уроженец республики Г. Б. Хохолов» [Сталинградская битва 2012: 286]. В статье же «Калмыцкие формирования вермахта», хоть и с ошибками, но весьма подробно расписывается их деятельность, в

том числе и так называемого «фербанда доктора Долла», сформированного в июле 1943 г. [Сталинградская битва 2012: 286–287]. При этом статьи, посвященные другим коллаборационистским формированиям, описывают их неполно, скупо и ограничиваются лишь периодом Сталинградской битвы. Характерно, что в статье о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии (далее — кд) написано, что она «В конце авг[уста] закрепилась на линии ж[елезной] д[ороге] Кизляр — Астрахань. Часть дивизии, оказавшись в окружении, перешла на сторону врага» [Сталинградская битва 2012: 578]. Эту ложь разоблачить нетрудно, так как боевой путь всех частей и подразделений (вплоть до эскадронов) 110-й кд хорошо известен. Но поскольку в данной работе перед автором стоит другая задача, отсылаю всех интересующихся критикой «калмыцких» статей этой энциклопедии к работе Ю. О. Оглаева [Оглаев 2013]. Здесь же считаю нужным подчеркнуть, что после прочтения этих статей энциклопедии у читателей поневоле складывалось впечатление, что калмыки в Сталинградской битве участвовали больше на стороне вермахта, а не Красной армии.

Нельзя сказать, что тема участия уроженцев и жителей Калмыкии в Сталинградской битве не освещалась в литературе или средствах массовой информации. Об участии некоторых наших земляков в этом сражении выходили отдельные статьи (большей частью, газетные), публиковались воспоминания [Агарков 1974; Агарков 1982а; Агарков 1982б; Богаев 1991; Богаев 2005; Булиев 1985; Илишкин 2005; Илишкин, Оглаев 1988; Летуев 1977; Манджиев 2004; Манжилеева 2009; Нармаев 1970; Неяченко 1993; Сангаджиева 1972 и др.].

По данным библиографов Н. С. Нимеевой и Л. В. Манджиевой нашим землякам — участникам Сталинградской битвы посвящено более 400 статей в книгах, журналах и газетах [Калмыкия… 2010: 437–481].

Однако этой информации для определения количества наших земляков, награжденных за участие Сталинградской битвы, к сожалению, явно недостаточно. Неудивительно, что региональные исследователи в своих работах об участии жителей Калмыкии в Сталинградской битве ограничивались лишь упоминанием о подвигах нескольких персоналий (см., напр.: [Кичиков 1970; Очиров

2010; Оглаев 2013]). Без создания репрезентативной базы данных наших земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, решить данную проблему было невозможно. Однако и в советские годы, и в первые десятилетия постсоветского периода создание такой базы данных представлялось крайне сложной технически, гигантской по объему работ задачей, требующей значительного количества времени.

В последние годы ситуация кардинально изменилась. Развитие информационных технологий и неустанная работа корпорации «ЭЛАР» при поддержке правительства и военных архивов позволили создать банк данных «Подвиг народа», в котором в свободном доступе оказалась выложена бóльшая часть наградных документов воинов РККА периода Великой Отечественной войны. В 2018 г. трое исследователей (автор этой статьи — У. Б. Очиров, активист поискового движения и инициатор проекта «Поклон Солдатам Великой Победы» С. Г. Ершов, старший научный сотрудник КалмНЦ РАН Е. А. Гунаев) приступили к составлению базы данных наших земляков — участников Сталинградской битвы.

Самый простой, казалось бы, алгоритм автоматического поиска (по категориям «призванные из Калмыцкой АССР», «награжденные медалью «За оборону Сталинграда») в данном случае не мог сработать, поскольку, как уже упоминалось ранее, награждения этой медалью осуществлялись посписочно, без привязки к регионам проживания или призыва. Таким образом, поиск персоналий, награжденных за участие в Сталинградской битве, можно было осуществить лишь путем поименной проверки всех жителей Калмыкии — участников Великой Отечественной войны. Это (не говоря уже о том, что полный список таковых на данный момент отсутствует) очень трудоемкая задача, совершенно непосильная для небольшой группы исследователей.

Нам пришлось разработать более сложный алгоритм поиска в банке данных «Подвиг народа». Сначала мы, опираясь на справочники о помесячном боевом составе Красной армии в годы войны и фундаментальный труд академика А. М. Самсонова, составили списки объединений и соединений, участвовавших в этом сражении [Боевой состав 1966; Боевой состав 1972; Самсонов 1989]. В сферу наших поисков вошли войска Сталинградского фронта,

а также фронтов, которые выделились из его состава или были переименованы: Юго-Восточного, Донского, Юго-Западного (2-го форм.) и Южного (2-го форм.). Затем, задав в поисковом задании указанные объединения и соединения, мы осуществили поиск военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР и награжденных орденами или медалями в период Сталинградской битвы.

Хронологические рамки этого сражения охватывают период с 18 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. В ряде случаев награждения за участие в этом сражении производились много позже, вплоть до Победы и даже после нее. Эти награждения мы также постарались учесть в своей базе, особенно при наличии медали «За оборону Сталинграда». Кроме того, мы учли несколько подвигов, совершенных «сталинградцами» Южного фронта в ходе Ростовской операции 1943 г., являвшейся непосредственным развитием Котельниковской операции, поскольку участие указанных воинов в Сталинградской битве сомнения не вызывает.

В отечественной историографии также дискутабельным остается вопрос о том, можно ли включать бои на астраханском направлении в Сталинградскую битву, поскольку это было отдельное операционное направление. Следует заметить, что воины 28-й армии, сражавшейся на этом направлении, даже не награждались медалями «За оборону Сталинграда». Однако в западной историографии таких сомнений нет, так как бои на астраханском и сталинградском направлениях шли в рамках одной немецкой стратегической операции «Фишрайер». Наконец, следует учесть и подчиненность войск, сражавшихся на астраханском направлении: немецкая 16-я моторизованная дивизия входила в состав 4-й танковой армии групп армий «Б» и «Дон» (бо́льшая часть которой попала в Сталинградский «котел»), а советская 28-я армия — в состав Сталинградского фронта. Поэтому подвиги наших земляков, совершенных на территории Калмыкии, мы также включили в свою базу данных.

Понятно, что сформулированный нами алгоритм поиска в банке данных «Подвиг народа» не носит всеохватного характера.

Во-первых, не все части попали в поисковый алгоритм, особенно части армейского или фронтового подчинения. Бывали также случаи, когда приказы о награждении выносились коман-

дованием полков и бригад, поэтому в базу данных они вносились без номера соединения или объединения. Соответственно, наш поисковый алгоритм таких людей выявить не мог. Например, лейтенант Церен Зулаевич Бамбышев, будучи замполитом командира батареи противотанкового полка 20-й истребительной бригады, за отличия в ходе боев в районе Рогачика, Воропоново и Сталинграда был награжден медалью «За боевые заслуги». Однако в ОБД «Подвиг народа» этот приказ значился за 20-й истребительной бригадой без указания соединения или объединения, в которое она входила, поэтому наш поисковый алгоритм этот наградной лист не выявил.

Во-вторых, не все участники Сталинградской битвы получили медаль «За оборону Сталинграда», поэтому поисковый алгоритм их выявить не может в принципе. Например, рядовой Араша Менькеевич Каджиев, будучи бойцом 14-й гв. стрелковой дивизии (далее — сд), принимал участие в боях в районах Калача и Серафимовича, 28 августа 1942 г. был ранен, в 1945 г. (и в другом соединении) его наградили за эти бои медалью «За отвагу», но медаль «За оборону Сталинграда» он так и не получил.

Другим примером может служить рядовой 184-й сд 62-й армии Николай Иванович Кичапов, который в конце июля 1942 г. попал в окружение в малой излучине Дона. Лишь в октябре он с товарищем смог выбраться из окружения, но из-за обострившейся старой болезни был комиссован и направлен в трудармию, на шахты Подмосковного угольного бассейна. По всей видимости, из-за этого будущий первый зам. председателя Совета министров Калмыцкой АССР медаль «За оборону Сталинграда» так и не получил.

В-третьих, значительное количество награждений медалью «За оборону Сталинграда» в ОБД «Подвиг народа» на данный момент еще не загружено. Например, рядовой Бора Меджиевич Мангаев (бывший воин 110-й Калмыцкой кд) с декабря 1942 г. воевал в 3-м гв. кавалерийском корпусе и принимал участие в отражении операции «Винтергевиттер». Наличие этой медали у Б. М. Мангаева подтверждается сведениями из наградных листов на орден Славы 3-й степ. и медаль «За отвагу» (полученных им в 1944 г. и 1945 г. соответственно), архива военкомата Республики Калмы-

кия и семейного архива потомков героя. Следует заметить, что таких персоналий довольно много. Например, в результате поиска в ОБД «Подвиг народа» по построенному нами алгоритму удалось выявить 368 земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, из которых медаль «За оборону Сталинграда» значилась приблизительно лишь у каждого десятого. При этом некоторые из них этой медали вовсе не имели (то есть относятся к предыдущей категории).

В-четвертых, ряд наших земляков были награждены за подвиги в Сталинградской битве после войны и, соответственно, в базах данных «Подвига народа» отсутствуют. Например, рядовой Гаря Бадмаевич Хохолов — снайпер 42-го гв. стрелкового полка (далее — сп) 13-й гв. «родимцевской» сд принимал участие в защите легендарного «Дома Павлова», был тяжело ранен и комиссован. Медалью «За отвагу» его наградили уже после войны, и в «Подвиге народа» эта награда (кстати, как и медаль «За оборону Сталинграда») отсутствует. Однако участие Г. Б. Хохолова в обороне «Дома Павлова» подтверждается как свидетельствами сослуживцев, так и решением специальной комиссии под руководством министра обороны РФ С. Б. Иванова.

В-пятых, в поисковый алгоритм не попали наши земляки, которые оказались призваны из-за пределов Калмыкии. Конечно, мы учли возможность призыва наших земляков соседними с республикой райвоенкоматами (далее — РВК) и проверили некоторые из них: Зимовниковский РВК Ростовской области (в котором призывались жители Калмыцкого района), Енотаевский РВК Астраханского округа и др. Однако бывали случаи, когда наши земляки призывались в РВК, не граничащих с Калмыкией. Например, лейтенант Иван Иванович (Надвид Шальдинович) Жигреев (адъютант К. К. Рокоссовского) был призван Клетским РВК Сталинградской области, а старший сержант Бембе Михайлович Михайлов, сосланный в Широклаг по национальному признаку, в 1944 г. совершивший оттуда побег на фронт и там записавшийся казахом, первоначально в РККА был призван Октябрьским РВК г. Москвы.

К указанной базе данных, сформированной на основе ОБД «Подвиг народа» (в которой, повторюсь, значилось 368 персоналий), автор добавил сведения о наших земляках — участниках

Сталинградской битвы из своих баз данных, накопленных в ходе работы над темой НИР. В итоге была привлечена информация из четырех новых источников:

1) аннотированный список широклаговцев, составленный по документам НКВД, в котором числится 105 калмыков, награжденных медалью «За оборону Сталинграда» [Широклаг 2000; Оглаев 2013]. Пятеро из них совпало с первой базой данных, таким образом добавилось еще 100 человек.

2) база данных калмыков — кавалеров ордена Славы, составленная по наградным листам ОБД «Подвиг народа» [Очиров 2016], в которой числится 5 наших земляков, имевших согласно другим наградным листам медали «За оборону Сталинграда» (с первыми базами данных не совпал ни один).

3) хранящиеся в военкомате Республики Калмыкия списки ветеранов войны — жителей Калмыцкой АССР, представленных к медали «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», в которых (за вычетом уже совпадений с предыдущими базами данными) было выявлено еще 11 наших земляков, награжденных медалью «За оборону Сталинграда»[1].

4) библиографический указатель публикаций о наших земляках — участниках Великой Отечественной войны, составленный Н. С. Нимеевой и Л. В. Манджиевой [Калмыкия… 2010].

В СМИ понятие «участник Сталинградской битвы» толкуется разными авторами весьма произвольно, и иногда таким термином обозначается человек, который в этом сражении на самом деле не участвовал. Поэтому выявленный список был сверен с ОБД «Подвиг народа» и другими независимыми источниками. В итоговую базу данных попали только те ветераны, кто имел надежное подтверждение участия в Сталинградской битве (за вычетом совпадений добавился еще 21 чел.).

Таким образом, в итоговой базе данных оказалось 505 персоналий и 516 награждений (11 наших земляков были награждены дважды). Часть из них были также награждены медалью «За оборону Сталинграда», но поскольку это не давало ничего нового для статистического анализа, то сведения об этой награде ради эконо-

[1] Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность военному комиссару Республики Калмыкия полковнику Ю. К. Казакову и сотруднику военкомата Т. В. Лялиной за доброжелательное отношение и оказанное содействие при проведении изысканий по данной теме.

мии места были опущены. Исключение было сделано только для тех наших земляков, которые не были награждены в ходе Сталинградской битвы никакими другими наградами, кроме как медалью «За оборону Сталинграда». Указанная база данных была полностью опубликована в нашей монографии [Очиров, Ершов, Гунаев 2018: 64–163]. Конечно же, мы осознаем, что этот список не полон, но это первый опыт подобного исследования в нашем регионе. Надеемся, что в последующем, опираясь на него, можно будет осуществить новые изыскания и пополнить составленную базу данных.

Собранный материал, несмотря на свою неполноту, на мой взгляд, достаточно репрезентативен для проведения статистических изысканий. Однако следует учесть несколько нюансов.

Во-первых, не у всех участников Сталинградской битвы удалось выявить требуемые биографические и статистические данные, поэтому итоговые суммы по разным показателям могут отличаться. Особенно это касается медали «За оборону Сталинграда», в наградных списках которой, как уже упоминалось, обычно указывались только фамилии, имя, отчество, воинское звание, иногда должность (не всегда соответствующая периоду Сталинградской битвы). В других базах данных и списках кавалеров медали «За оборону Сталинграда» (гораздо позднего происхождения) даны более полные сведения, в том числе о дате рождения, дате и месте призыва участника сражения, однако неясно, какое он имел на тот момент звание и должность, в какой части служил.

Во-вторых, некоторые сведения об участниках Сталинградской битвы в документах были приведены с искажениями. Фронтовым писарям, которые не всегда отличались большой грамотностью, приходилось работать урывками, в промежутках между боями, иногда в условиях плохого освещения. Незнакомые им калмыцкие имена и топонимы могли искажаться при записи «на слух» или при копировании сведений, записанных неразборчивым почерком. Мы постарались реконструировать по возможности эти имена и топонимы, но не всегда это удавалось.

Итак, приступим к статистическому анализу. Начнем с возраста. По годам рождений 487 (возраст 18 из них установить не удалось) наших земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, распределились следующим образом (см. табл. № 1).

Таблица № 1. Количество наших земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, по годам рождения

[*Table 1.* Numbers of our compatriots awarded military decorations for participation in the Battle of Stalingrad, by year of birth]

1893 г. — 5	1901 г. — 5	1911 г. — 16	1921 г. — 21
1894 г. — 4	1902 г. — 5	1912 г. — 25	1922 г. — 37
1895 г. — 2	1903 г. — 14	1913 г. — 17	1923 г. — 63
1896 г. — 2	1904 г. — 4	1914 г. — 25	1924 г. — 13
1897 г. — 7	1905 г. — 11	1915 г. — 23	1925 г. — 2
1898 г. — 3	1906 г. — 11	1916 г. — 16	
1899 г. — 2	1907 г. — 26	1917 г. — 22	
1900 г. — 9	1908 г. — 5	1918 г. — 23	
	1909 г. — 12	1919 г. — 20	
	1910 г. — 22	1920 г. — 15	

«Кривую» возраста изучаемых персоналий следует признать несколько неровной, но некоторые общие тенденции очевидны. Видно, что большинство награжденных «сталинградцев» — это молодежь 1910–1925 гг. рождения, выросшая при Советской власти и воспитанная в духе преданности ее идеалам. Определенный «прогиб» 1919–1921 гг. рождения объясняется как «демографической ямой», вызванной Гражданской войной и голодом 1921 г., так и гибелью к началу Сталинградской битвы бóльшей части этих возрастов, призванных до начала войны. Вполне логичен и «пик» 1923 г. рождения, который в 1941 г. (когда им было 17–18 лет) в Калмыкии почти не призывался и начал активно мобилизоваться только в первой половине 1942 г. Юноши 1924 г. рождения стали призываться только летом–осенью 1942 г., к тому же значительную их часть не сразу бросили на фронт, а направили для обучения в запасные части. Юноши 1925 г. рождения стали призываться лишь в январе 1943 г., причем требование о прохождении полугодового обучения перед отправкой на фронт стало соблюдаться гораздо строже. Неслучайно, что оба юноши этого года рождения числятся в войсках Южного фронта (34-й гв. сд и 81-й кд), в которые они могли попасть при прохождении частей через села Калмыкии и мобилизации в обход военкоматов. Некоторые «ямы» или

«пики» можно списать на статистическую погрешность (1–1,5 %), но «пики» 1903 и 1907 гг. или «яма» 1908 г. пока логичного объяснения не нашли.

Место призыва было указано только у 457 изучаемых персоналий. Абсолютное большинство (433) было призвано из Калмыцкой АССР: их распределение по районным военкоматам приведено в табл. № 2. Поскольку в пяти улусах военкоматов не было, их цифровые показатели учтены за теми РВК, через которые они призывались: данные Яшалтинского улуса учтены в показателях Западного РВК, Троицкого улуса — в показателях Приютненского РВК, Кетченеровского улуса — в показателях Сарпинского РВК, Юстинского улуса — в показателях Приволжского РВК, Улан-Хольского улуса — в показателях Лаганского РВК. Следует заметить, что у 15 земляков, призванных в Калмыцкой АССР, установить название РВК не удалось. У 8 персоналий в качестве места призыва был указан Калмыцкий республиканский (или окружной) военкомат или военкомат бывшей Калмыцкой АССР. Не удалось четко идентифицировать Улусский РВК. Кроме того, дважды был указан Железнодорожный РВК Калмыцкой АССР, по одному разу — Бассаркуанский, Вигельский, Закупинский, Молотовский РВК Калмыцкой АССР, которых в регионе никогда не было. Кроме того, в табл. № 2 для сравнения приведены сведения о количестве населения районов Калмыцкой АССР по данным Всесоюзной переписи 1939 г.

Таблица № 2. Распределение наших земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, по районным военкоматам Калмыцкой АССР в сравнении с количеством населения районов по переписи 1939 г.
[*Table 2*. Distribution of numbers of our compatriots awarded military decorations for participation in the Battle of Stalingrad, by district-level military commissariats of the Kalmyk ASSR as compared to district population numbers according to the 1939 Census]

Название военкомата	Награждено		Население района	
	кол-во	в %	кол-во	в %
Западный	51	11,75	28 867	13,07
Яшалтинский				

Название военкомата	Награждено		Население района	
	кол-во	в %	кол-во	в %
Приютненский	61	14,29	28 631	12,97
Троицкий				
Сарпинский	52	11,98	25 604	11,60
Кетченеровский				
Малодербетовский	27	6,22	19 360	8,77
Черноземельский	26	5,99	15 777	7,15
Приволжский	41	9,45	25 099	11,37
Юстинский				
Долбанский	44	10,14	24 919	11,28
Лаганский	41	9,45	35 399	16,03
Улан-Хольский				
Элистинский ГВК	75	17,28	17 128	7,76
не установлен	15	3,45	—	—

Как видно, показатели награжденных по РВК вполне коррелируются с населением районов Калмыкии. Лишь по трем военкоматам видны заметные отклонения от «средней линии»: у Элистинского ГВК и Приютненского РВК процент награжденных явно выше этой линии, у Лаганского РВК — ниже. На наш взгляд, эти отклонения вполне логичны. В Элисте функционировали пять школ и ряд оборонно-спортивных кружков, которые обеспечили достаточно высокий уровень, как общего образования, так и допризывной военной подготовки городской молодежи. В начале войны в городе был сформирован батальон ополчения, личный состав которого также прошел курс начальной военной подготовки. Эти факторы обеспечили как более высокую выживаемость элистинцев в бою, так и их более высокий профессионализм при овладении оружием и боевыми навыками. Некоторые из вышеуказанных факторов частично повлияли и на села близлежащих улусов (Приютненского и Троицкого). Что касается Лаганского и Улан-Хольского приморских улусов, то здесь значительная часть населения занималась рыболовством на предприятиях Калмгосрыбтреста и в ноябре 1941 г. была призвана (переведена) на военную службу в состав Каспийской военизированной флотилии наркомата рыбной промышленности СССР [Калмыкия… 2005: 111–115]. В последу-

ющем часть из них была направлена на фронт, но происходило это по строго определенным квотам, согласно постановлениям ГКО, и большей частью уже в 1943 г., когда Сталинградская битва уже закончилась.

Из 24 персоналий, призванных из-за пределов Калмыцкой АССР, 8 были мобилизованы Зимовниковским РВК Ростовской области (через который призывались жители Калмыцкого района), еще один — близлежащим Пролетарским РВК Ростовской области. Четверых наших земляков мобилизовали военкоматы Сталинградской области: Кировский, Клетский, Котельниковский районные и Сталинградский городской. Еще двоих призвали в Астраханском округе той же области Енотаевский и Харабалинский райвоенкоматы. Двое наших земляков оказались призваны Беловодским РВК Ворошиловградской области, еще по одному — Октябрьским РВК г. Москвы, Труновским РВК Орджоникидзевского (Ставропольского) края, Дзержинским РВК Куйбышевской области. Еще два призывника были обозначены, как «кадр». Не удалось идентифицировать места призыва двух наших земляков, у которых в документах были указаны Кагановичский и Наганский военкоматы.

Что касается времени призыва, то сведения имеются лишь по 402 персоналиям. К сожалению, в большинстве приводился только год призыва, поэтому какой-то глубокий анализ вряд ли возможно сделать. Тем не менее, некоторые полученные результаты красноречивы. 18 наших земляков было призвано в ряды РККА еще до начала Второй мировой войны (в 1929–1938 гг.). Это кадровые военнослужащие, половина из которых являлись офицерами. Еще 27 наших земляков оказались мобилизованы в 1939 г. (в том числе как минимум двое до сентября), 24 — в 1940 г.

Еще 135 персоналий попали в состав РККА в 1941 г. (в том числе как минимум восемь до начала Великой Отечественной войны), 196 — в 1942 г., 2 — в 1943 г. Если посмотреть данные по месяцам призыва (у кого они есть), то в 1941 г. заметно выделяются июнь (17 призванных), ноябрь (14) и декабрь (11). Это вполне понятно. В июне 1941 г. была объявлена мобилизация 1905–1918 гг. рождения и имел место большой приток добровольцев. В ноябре 1941 г. проходила мобилизация рыболовецкого флота, в декабре 1941 г. — в национальные кавалерийские дивизии, откуда часть

бойцов была направлена на фронт еще весной 1942 г. и приняла участие в начальной фазе операции «Блау» и последующих боях.

В 1942 г. выделяются март (20), апрель (14), май (28), июнь (18), что говорит о большой мобилизационной работе, проходившей в этот период. В то же время за август 1942 г., когда военкоматы Калмыкии спешно вывезли из-под носа механизированных колонн вермахта тысячи призывников, значится всего 14 чел. Это еще раз подтверждает тезис о том, что к тому времени необученных новобранцев старались уже не бросать сразу в бой, а сначала пропустить через учебные части.

По национальностям исследуемые персоналии распределились так: 240 калмыков (в том числе 3 женщины), 228 (11) русских, 28 (1) украинцев, 3 (1) казаха, 3 (2) татарина, 1 молдаванин, 1 болгарин. Еще у одного награжденного (Ф. Н. Давыдова, уроженца Московской области, призванного из Башанты в 1942 г.) национальность не была указана, но, скорее всего, он был русским. Любопытно отметить, что среди призванных из Калмыкии оказались молдаванин и болгарин, относившиеся к числу «непризываемых», которых руководство требовало отчислять из фронтовых частей и направлять в тыл в трудовые лагеря. Как видно, изредка представителям этих национальностей все же удавалось остаться на фронте (причем с сохранением национальности) и достойно проявить себя в бою.

По воинским званиям 500 награждений (за вычетом 16, чьи звания не известны, и с учетом 11 награжденных повторно) распределились так:

– рядовые — 230 (в том числе 54 — «гвардии рядовые»);
– ефрейторы — 27 (в том числе 7 «гвардии»);
– младшие сержанты — 34 (в том числе 7 «гвардии»);
– сержанты — 60 (в том числе 12 «гвардии»);
– старшие сержанты — 55 (в том числе 13 «гвардии»);
– старшины — 14 (в том числе 3 «гвардии»);
– зам. политрука — 3 (в том числе 1 «гвардии»);
– курсанты — 3;
– младшие лейтенанты — 17 (в том числе 4 «гвардии»);
– лейтенанты — 28 (в том числе 7 «гвардии», а также прирав-

ненные к ним 1 гвардии младший политрук и 2 техника-интенданта 2-го ранга);

– старшие лейтенанты — 18 (в том числе 4 «гвардии», а также приравненные к ним 3 политрука, 1 техник-интендант 1-го ранга, 1 старший военфельдшер);

– капитаны — 2 (в том числе 1 «гвардии»).

Следует заметить, что 11 повторных награждений не сильно повлияли на приведенную статистику. Только пятеро из них были награждены в том же звании, какое имели при первом награждении, а курсант Г. Г. Герасимов при повторном награждении стал сержантом. Еще четверо при повторном награждении были уже повышены на одну ступень, и лишь Б. К. Яшкулов, в 1942 г. бывший рядовым, при повторном награждении оказался уже офицером.

Еще у шестерых воинское звание было указано на момент награждения в 1944–1945 гг. и могло не соответствовать периоду Сталинградской битвы. У троих медиков воинского звания не было: у одной из них была указана должность — санинструктор, у другой — врач.

Полностью распределить изучаемые персоналии по родам войск, по специальностям и по объединениям периода Сталинградской битвы не удалось. Дело в том, что бо́льшая часть награждений (особенно медалью «За оборону Сталинграда») осуществлялась уже после завершения Сталинградской битвы. При этом ряд военнослужащих оказались в других соединениях или объединениях, могли сменить свою специальность, быть повышены в звании или должности, в том числе и в ходе самого сражения. У 16 персоналий должности на момент награждения и вовсе не известны. В силу этого едва ли можно анализ по этим категориям признать в достаточной степени репрезентативным. Кроме того, анализ награжденных земляков по специальностям затруднялся отсутствием сведений по ВУС.

Среди изучаемых персоналий мы можем увидеть очень широкий спектр специальностей, например, из штабных, обслуживающих и тыловых структур: адъютанта командующего фронтом, особиста артиллерийского дивизиона, оружейного мастера, начальника библиотеки, эпидемиолога армейской лаборатории, химика из

роты химзащиты, сборщика трофеев, более двух десятков шоферов и повозочных из разных родов войск, трактористов, слесарей, дефектировщика, электрика-вулканизаторщика, киномеханика армейского дома, делопроизводителей, писарей, ординарца, поваров, почти два десятка медиков (от врача до санитарки) и т. д. Однако большинство награжденных служило в строевых частях, на боевых должностях.

Бо́льшая часть изучаемых персоналий относилась к «царице полей» — пехоте: стрелки, пулеметчики, бронебойщики и т. д. (в том числе и из войск НКВД). Следующей группой по частоте упоминаний являлись артиллеристы и минометчики (включая зенитчиков из армейской ПВО и Сталинградского корпусного района). Более двух десятков персоналий относились к танковым частям, причем большинство являлись не танкистами, а военнослужащими мотострелковых или вспомогательных подразделений. Почти два десятка награжденных представляли кавалерию, причем две трети из них служили в 3-м гв. кавалерийском корпусе. В этом соединении после разгрома в Харьковском сражении были сконцентрированы остатки 3-го гв., 2-го и 6-го кавалерийских корпусов, в том числе и часть личного состава 111-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, переданная после расформирования в запасные части. Более десятка персоналий относились к саперам, примерно столько же — к связистам (как армейским, так и дивизионным). Несколько награжденных земляков служили в ВВС. Среди них были стрелок-бомбардир, механики отряда управления 8-й воздушной армии (родные братья), стрелок роты батальона аэродромного обслуживания, однако пилоты среди них отсутствовали.

По наградам исследуемые персоналии распределились так: орденом Красного Знамени было награждено 7 чел., Александра Невского — 1, Славы 3-й степ. — 1, Отечественной войны 1-й степ. — 2, Отечественной войны 2-й степ. — 17, Красной Звезды — 54, медалью «За отвагу» — 151, медалью «За боевые заслуги» — 136. Еще 147 наших земляков никаких наград в ходе Сталинградской битвы не получили, кроме медали «За оборону Сталинграда». Поскольку 11 наших земляков за подвиги, совершенные в ходе Сталинградской битвы, были награждены дважды (без учета медали «За оборону Сталинграда»), то общая сумма на-

гражденных окажется больше количества персоналий. Перечислю имена этих героев:

1) автоматчик разведывательной роты 38-й мотострелковой бригады Сталинградского фронта, рядовой Тимофей Орашинович Бадыков (два ордена Красной Звезды);

2) писарь минометного батальона 38-й мотострелковой бригады Сталинградского фронта, старший сержант Хрисанф Петрович Батюта (орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги»);

3) курсант (при втором награждении — сержант) сводного курсантского полка Сталинградского фронта Герман Георгиевич Герасимов (две медали «За отвагу»);

4) командир пулеметного расчета 38-го гв. сп 14-й гв. сд 3-й гв. армии Юго-Западного фронта, гв. сержант (при втором награждении — гв. старший сержант) Николай Иванович Демьянов (две медали «За отвагу»);

5) механик-водитель 89-й роты охраны штаба 63-й (3-й гв.) армии Юго-Западного фронта, сержант (при втором награждении — дефектировщик 118-го сборного пункта аварийных машин той же армии и старший сержант), Василий Митрофанович Дубинкин (медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»);

6) командир пулеметного отделения 62-го отд. пулеметно-артиллерийского батальона 54-го укрепрайона Донского фронта, младший сержант Иван Агафонович Кульченко (две медали «За отвагу»);

7) телефонист телефонно-кабельной роты отд. батальона связи 149-й стрелковой бригады Сталинградского фронта, рядовой (при втором награждении — ефрейтор) Бамба Катникович Лиджиев (медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»);

8) механик-водитель 217-й танковой бригады 21-й армии Донского фронта, старший сержант Ловга Санджиевич Меньков (орден Красной Звезды и медаль «За отвагу»);

9) минометчик 61-го отд. пулеметно-артиллерийского батальона 118-го укрепрайона 64-й армии Сталинградского фронта (при втором награждении — 343-го сп 38-й сд 57-й армии Донского фронта), рядовой Тихон Иванович Рубанов (медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»);

10) связист 5-го отд. гв. конно-артиллерийского дивизиона 6-й гв. кд 3-го гв. кавалерийского корпуса Донского фронта, сер-

жант (при втором награждении — гв. старший сержант) Илья Лиджинович Цакиров (медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»);

11) наводчик «сорокапятки» 39-го гв. сп 13-й гв. «родимцевской» сд 62-й армии Сталинградского фронта, рядовой (при втором награждении — гв. лейтенант и казначей управления 81-го стрелкового корпуса 2-го Белорусского фронта) Бадма Кookуевич Яшкулов.

Среди награжденных земляков мы видим немало имен, хорошо известных всей Калмыкии: адъютанта командующего Донским фронтом И. И. Жигреева, защитника «Дома Павлова» снайпера Г. Б. Хохолова, будущего Героя Советского Союза И. В. Гермашева и представленного к аналогичной награде (посмертно) Х. М. Очирова, будущего первого калмыка — доктора сельскохозяйственных наук М. Б. Нармаева, будущего народного писателя Калмыкии А. Б. Бадмаева и др. Среди них был и А. А. Другалев, который за свои подвиги был награжден пятью медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги» и вместе с рядом других воинов является вторым в СССР по количеству боевых медалей[1].

Распределение 369 награждений (награждение 147 медалями «За оборону Сталинграда», которое производилось по указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г., здесь не учитывается) по времени показано в табл. № 3.

Таблица № 3. Распределение наших земляков, награжденных за участие в Сталинградской битве, по времени награждения [*Table 3.* Distribution of numbers of our compatriots awarded military decorations for participation in the Battle of Stalingrad, by time of bestowal]

июль	1942 г. – 0	1943 г. – 2	1944 г. – 1	1945 г. – 5
август	1942 г. – 6	1943 г. – 5	1944 г. – 4	1945 г. – 1
сентябрь	1942 г. – 7	1943 г. – 3	1944 г. – 2	1945 г. – 0
октябрь	1942 г. – 20	1943 г. – 0	1944 г. – 2	1945 г. – 2
ноябрь	1942 г. – 24	1943 г. – 3	1944 г. – 5	1945 г. – 6
декабрь	1942 г. – 38	1943 г. – 0	1944 г. – 1	1945 г. – 0

[1] Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность исследователям А. Н. Бочарову (с. Ремонтное) и С. Г. Ершову (г. Элиста) за предоставленные сведения по биографии А. А. Другалева.

январь	1943 г. – 36	1944 г. – 1	1945 г. – 0	(без месяца) 1945 г. – 1
февраль	1943 г. – 81	1944 г. – 0	1945 г. – 4	август 1946 г. – 1
март	1943 г. – 19	1944 г. – 1	1945 г. – 5	ноябрь 1947 г. – 9
апрель	1943 г. – 21	1944 г. – 2	1945 г. – 6	май 1951 г. – 2
май	1943 г. – 9	1944 г. – 3	1945 г. – 9	нет данных – 1
июнь	1943 г. – 4	1944 г. – 5	1945 г. – 12	

Как видно, награждения в оборонительный период Сталинградской битвы были весьма редки, но с началом операции «Уран» они начали расти и достигли апогея после капитуляции армии Паулюса. Затем мы фиксируем «спад» до 1945 г. Следует заметить, что из 51 награждения, произведенных в 1945 г., больше половины (26) приходится на май–июль, период после Победы. Очевидно, что фронтовые командиры, освободившись от боевой работы, стали представлять к наградам бойцов 1941–1942 гг., вынесших на себе первые, самые тяжелые годы войны. Значительная часть награжденных в 1945 г. — это инвалиды Великой Отечественной войны, получившие ранения в ходе Сталинградской битвы. До войны за государственные награды выплачивалась незначительная пенсия, и командование пыталось таким образом поддержать инвалидов. К сожалению, выплаты за ордена и медали прекратились, но награждения «инвалидов Отечественной войны» продолжились и в последующем. В послевоенные годы мы можем выделить две волны таких награждений: в ноябре 1947 г. и мае 1951 г.

Подводя итоги статистического анализа награжденных за участие в Сталинградской битве уроженцев и жителей Калмыкии, хотелось бы обратить внимание на такой нюанс. По данным профессора К. Н. Максимова, к началу 1943 г. в Красной армии служило более 12,9 тыс. жителей Калмыкии [Максимов 2010: 344]. К сожалению, неизвестно, сколько из них сражалось на фронтах под Сталинградом. Однако 505 награжденных за Сталинградскую битву (даже с учетом того, что некоторые из них погибли в 1942 г. и были награждены посмертно) составляют почти 4 % от общего количества наших земляков, сражавшихся на фронте в начале 1943 г. На мой взгляд, это достаточно высокий показатель, учи-

тывая, что в 1942–1943 гг. боевые награждения были довольно редкими.

Источники

Боевой состав 1966 — Боевой состав Советской армии. Часть II (январь-декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1966. 265 с.

Боевой состав 1972 — Боевой состав Советской армии. Часть III (январь-декабрь 1943 года). М.: Воениздат, 1972. 336 с.

Калмыкия… 2010 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: ретроспективный библиографический указатель / сост. Н. С. Нимеева, Л. В. Манджиева, Н. Б. Уластаева. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 800 с.

Калмыкия… 2005 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы / сост. М. Л. Кичиков, Л. П. Коженбаева, А. И. Наберухин и др. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 784 с.

Сталинградская битва 2012 — Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорулько. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Sources

[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: a Retrospective Bibliographic Index]. N. S. Nimeeva, L. V. Mandzhieva, N. B. Ulastaeva (comps.). Elista: Dzhangar, 2010. 800 p. (In Russ.)

[Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Papers]. M. L. Kichikov, L. P. Kozhenbaeva, A. I. Naberukhin et al. (comps.). 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 2005. 784 p. (In Russ.)

[Military Structure of the Soviet Army]. Part II (January to December 1942). Moscow: Voenizdat, 1966. 265 p. (In Russ.)

[Military Structure of the Soviet Army]. Part III (January to December 1943). Moscow: Voenizdat, 1972. 336 p. (In Russ.)

[Shiroklag. Shirokstroy: Lists of Ethnic Kalmyk Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Combat Zones in 1944–1945]. Vol. III. Book 1. A. B. Bairova, T. Ch. Bembeeva, S. E. Lidzhi-Goryaeva, R. V. Neyachenko (comps.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)

[The Battle of Stalingrad: July 1942–February 1943. Encyclopedia]. M. M. Zagorulko (ed.). 5th ed., rev. and suppl. Volgograd: Izdatel, 2012. 800 p. (In Russ.)

Литература

Агарков 1974 — *Агарков Б.* Последний бой // Советская Калмыкия. 1974. 27 дек.

Агарков 1982а — *Агарков Б.* Пути-дороги фронтовые: сб. очерков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 89 с.

Агарков 1982б — *Агарков Б.* Сталинградцы помнят // Советская Калмыкия. 1982. 23 июня.

Богаев 1991 — *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: Санан, 1991. 44 с.

Богаев 2005 — *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 235 с.

Булиев 1985 — *Булиев С. М.* От Сталинграда до Праги. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 80 с.

Илишкин 2005 — *Илишкин В.* Записки степняка. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 192 с.

Илишкин, Оглаев 1988 —*Илишкин Н. У., Оглаев Ю. О.* Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.

Кичиков 1970 — *Кичиков М. Л.* Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.

Летуев 1977 — *Летуев Б.* Зөргин хаалһар (= Дорогой мужества) // Хальмг үнн. 1977. Нояб. 19.

Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

Манджиев 2004 — *Манджиев Н. Ц.* Кердата и кердатинцы. Элиста, 2004. 528 с.

Манжилеева 2009 — *Манжилеева Р. Ц.* Күн болн җирһл: очеркс, статьяс, интервью. Элст: Джангар, 2009. 541 х.

Нармаев 1970 — *Нармаев М.* Фронтовая тетрадь / пер. с калм. И. Трояновского. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 111 с.

Неяченко 1993 — *Неяченко Р.* Радиотелеграфист гвардии рядовой Бадугинов // Хальмг үнн. 1993. Лу сарин 1 (13 февр.)

Оглаев 2013 — *Оглаев Ю. О.* Сталинград, и несть ему конца. Калмыки и Калмыкия в Сталинградской битве (очерки, статьи, воспоминания). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. 348 с.

Очиров 2016 — *Очиров У. Б.* База данных калмыков — кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // Русская старина. 2016. № 3 (19). С. 218–239.

Очиров 2010 — *Очиров У. Б.* Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 173–264.

Очиров, Ершов, Гунаев 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.

Самсонов 1989 — *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 630 с.

Сангаджиева 1972 — *Сангаджиева Б. Б.* Дочери Родины / пер. с калм. В. Синицына. М.: Изд-во ДОСААФ, 1978. 97 с.

References

Agarkov B. [Roads and Paths of War: Collected Essays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 89 p. (In Russ.)

Agarkov B. Residents of Stalingrad do remember. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1982, June 23. (In Russ.)

Agarkov B. The last battle. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1974, December 27. (In Russ.)

Bogaev B. A. [Native Yashkul Residents in Battles for the Motherland]. Elista: Sanan, 1991. 44 p. (In Russ.)

Bogaev B. A. [Native Yashkul Residents in Battles for the Motherland]. Elista: Dzhangar, 2005. 235 p. (In Russ.)

Buliev S. M. [From Stalingrad to Prague]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 80 p. (In Russ.)

Ilishkin N. U., Oglaev Yu. O. [Motherland Remembers]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1988. 220 p. (In Russ.)

Ilishkin V. [Notes of a Steppe-Dweller]. Elista: Dzhangar, 2005. 192 p. (In Russ.)

Kichikov M. L. [In the Name of Victory over Fascism]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)

Letuev B. Following the way of valor. *Khalmg ünn*. 1977, November 19. (In Kalm.)

Maksimov K. N. [The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)

Mandzhiev N. Ts. [Kerdata and Its Dwellers]. Elista, 2004. 528 p. (In Russ.)

Manzhileeva R. Ts. [Man and Life: Essays, Articles, Interview]. Elista: Dzhangar, 2009. 541 p. (In Kalm.)

Narmaev M. [The War Notebook]. I. Troyanovsky (transl.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 111 p. (In Russ.)

Neyachenko R. The radiotelegraph operator and guards soldier Bagudinov. *Khalmg ünn*. 1993, February 13. (In Kalm.)

Ochirov U. B. A database of ethnic Kalmyk cavaliers of the Order of Glory: a compilation effort and statistical analysis. *Russkaya starina*. 2016. No. 3 (19). Pp. 218–239. (In Russ.)

Ochirov U. B. Contribution of the Kalmyk people to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. In: [Contribution of the Soviet Repressed Peoples to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2010. Pp. 173–264. (In Russ.)

Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. [Kalmykia's Native Residents — Participants of the Battle of Stalingrad]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2018. 501 p. (In Russ.)

Oglaev Yu. O. [The Boundless Stalingrad: Kalmykia and the Kalmyks in the Battle of Stalingrad (Essays, Articles, Memoirs)]. Elista: Dzhangar, 2013. 348 p. (In Russ.)

Samsonov A. M. [The Battle of Stalingrad]. Moscow: Nauka, 1989. 630 p. (In Russ.)

Sangadzhieva B. B. [Daughters of the Motherland]. V. Sinitsyn (transl.). Moscow: DOSAAF, 1978. 97 p. (In Russ.)

УДК 314. 122. 62
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-465-478

Представления о зарождении жизни и ее качестве в мировоззрении монгольских народов

Марина Михайловна Содномпилова[1], *Элеонора Аллековна Неманова*[2]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6,ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

[2] Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

Аннотация. *Цель* — изучение проблемы восприятия и понимания процессов зарождения жизни, истоков ее возникновения в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии. *Методы.* Исследование опирается на сравнительно-исторический, сравнительно-типологический методы исследования, метод интерпретации культурных феноменов. Воспроизводство рода — основная задача социума, и все действия, направленные на ее реализацию, уже заложены в свадебной обрядности, в ежегодных общественных молениях. Испрашивание же души ребенка как частный обряд проводился только в том случае, если задача продолжения рода не выполнялась. В этой связи выявление потенциальных источников витальности, способных передать ее людям, представляется актуальным. Не менее важно и то, каким образом влияют те или иные «источники жизни» на качество жизни своего «подопечного». *Результаты.* Подателями души будущего ребенка выступали многочисленные божества, почитаемые объекты окружающей природы, покровители животных, птиц и даже пресмыкающихся. *Выводы.* В зависимости от того, кто даровал душу будущему ребенку, зависела продолжительность жизни человека и ее качество.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, традиционное мировоззрение тюрко-монгольских народов, репродуктивная культура, жизнь

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем».

Для цитирования: Содномпилова М. М., Неманова Э. А. Представления о зарождении жизни и ее качестве в мировоззрении монгольских народов. Монголоведение. 2019;(3): 465-478. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-465-478.

UDC 314. 122. 62
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-465-478

Worldview of Mongolic Peoples: Representations of the Beginnings of Human Life and Its Prospective Quality

Marina M. Sodnompilova[1], *Eleonora A. Nemanova*[2]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

[2] East-Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russian Federation)
Cand.Sc. (History), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

Abstract. *Goals*. The work aims to examine the issues of perception and understanding of processes characterizing the beginnings of human life, its sources in the traditional worldview of Inner Asian Turko-Mongolic nomads. *Methods*. The study employs the comparative historical and comparative typological research methods; a method of interpreting cultural phenomena is also made use of. Reproduction of life is a primary task of society, and all related actions are actually manifested in wedding rites, in annual public prayers. The begging for soul ritual would be held only after other repeated reproduction efforts failed. In this case, the identification of potential sources of vitality that could convey the latter to the couple seems relevant (and instrumental) enough. No less important is how certain 'sources of life' tend to influence the quality of life of their 'ward'. *Results*. Multiple deities, revered objects of the surrounding nature, patrons of animals, birds and even reptiles would act as bearers of the soul of the to-be-born child. *Conclusions*. The individual life expectancy and quality were believed to depend on who would grant the soul to the child.
Keywords: Inner Asia, traditional worldviews of Turko-Mongolic peoples, reproductive culture, life
Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-09-00120 'Traditional Medical Knowledge of the Mongolian Peoples in Retrospect and in the Future'.
For citation: Sodnompilova M. M., Nemanova E. A. Worldview of Mongolic Peoples: Representations of the Beginnings of Human Life and Its Prospective Quality. *Mongolian Studies*. 2019;(3): 465-478. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-465-478.

Введение

В традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов высшей ценностью является жизнь и обеспечение ее непрерывности от предков к потомкам. Значительная часть религиозных практик была направлена на поддержание жизни человека и ее воспроизводство: ключевые позиции в культовой системе занимают обряды жизненного цикла, практики народной медицины. Рождение детей — это один из самых важных этапов в жизни женщины, с которым осуществляется очередной этап социализации женщины в обществе — как в роду мужа, так и в роду ее родителей. Период жизни женщины, связанный с рождением ребенка, проблема бездетности и способы ее преодоления являются темами, которые неизбежно рассматривались учеными, исследовавшими обряды жизненного цикла тюрко-монгольских народов.

Все этапы процесса появления новой жизни от зачатия до родов являются частью репродуктивной культуры. Родильная и детская обрядность, с одной стороны, не входила, как правило, в сферу интересов мужчин-исследователей XVIII–XX вв.; с другой стороны, эта сугубо женская сфера, полная предрассудков и страхов, была чрезвычайно закрытой [Манжигеев 1960: 54], и ее редко обсуждали даже с исследователями-женщинами, которые активно приступили к сбору материалов по родильной и детской обрядности монгольских народов лишь с середины XX в. Об отсутствии подробных исследований, в частности женской сферы у бурят, писала К. Д. Басаева [Басаева 1980].

Как правило, изучение культуры репродуктивного поведения у тюрко-монгольских народов осуществлялось в рамках историко-этнографических исследований, посвященных отдельным этническим группам. Для отечественных этнографов такой важный этап в жизни женщины как беременность и роды обычно представляется частью традиционно выделяемого раздела «обряды детства» / «обряды, связанные с рождением ребенка». Так, например, Г. Р. Галданова предоставляет краткое описание процесса родов в контексте анализа обрядов детства у закаменских бурят в историко-этнографическом очерке «Закаменские буряты» [Галданова 1992]. Аналогичным образом встроено описание процесса родов женщины в исследования Л. Линховоина, А. Г. Гомбожапова, М. М. Батмаева [Линховоин 1972; Гомбожапов 2006; Батмаев 2008].

В. Я Бутанаев рассматривает особенности репродуктивной культуры хакасов в ряде своих монографий, в частности, в разделе «Основы семейно-бытовой обрядности» из книги «Этническая культура хакасов» [Бутанаев 1998].

Более глубокие исследования репродуктивной культуры, в частности семиотический аспект родильной обрядности, были проведены Д. Б. Батоевой [Батоева и др. 2002]. Автор уделяет особое внимание значению ритуала в жизни женщины и трансформации ее социального статуса, связанного с ее замужеством, беременностью и родами. Ритуальному аспекту периода беременности и родов посвящен один из разделов монографии М. В. Хандагуровой [Хандагурова 2008]. Всесторонний анализ репродуктивной культуры калмыков выполнен Т. И. Шараевой [Шараева 2011].

Материалы и обсуждение

В системе репродуктивной культуры кочевников важное место занимают воззрения о зарождении жизни и тесно связанные с ними представления о качестве жизни человека. Исследованию этих проблем посвящается данная работа,

В исследовании проблем восприятия и понимания процессов зарождения и появления жизни, особый интерес представляют воззрения бурят о зарождении живых существ, записанные М. Н. Хангаловым в среде унгинских бурят. Эти воззрения отражают примитивное понимание живой природы. Буряты-шаманисты, ориентируясь на среду обитания живых существ, полагали, что на свете существуют разные виды рождений. Это мясное рождение, к которому относятся люди и животные, рождающиеся живыми; костяное рождение, к которому относятся птицы, несущие яйца; рыбы, выходящие из икры, имеют водяное рождение; жировое рождение обеспечивает возникновение червей, появляющиеся в мясе от мух; травяное рождение объясняет появление большинства насекомых из травы; муравьи имеют земляное рождение [Хангалов 1959: 219].

Более близкими к реальности выглядят представления о процессе зарождения жизни у животных, в том числе и у людей. В мировоззрении монгольских народов зарождение жизни понималось как следствие слияния отцовского семени, материнской крови и нематериального компонента — души. Атлас тибетской

медицины, разносторонне трактующий тему человека, объясняет процесс зарождения новой жизни как слияние/схватывание трех важнейших элементов — материнской крови, отцовской спермы и души умершего, находящейся в «загурди» (промежуточной сфере между концом прежней жизни и началом новой) [Герасимова 1986: 58]. Сходным образом понималось зарождение жизни и в мировоззрении монгольских народов добуддийского периода.

Были распространены представления и о сверхъестественном зачатии, если речь шла о рождении неординарных людей — великих богатырей, родоначальников племен, известных шаманов. В этом случае беременность наступала от проглоченной градинки, цветка, сияния света, который проникал в чрево женщины, удара хвоста рыбы (налима, тайменя) и т. д. Однако даже если сверхъестественное зачатие имело место, рождение ребенка у простой земной женщины не могло состояться без физиологического акта между мужчиной и женщиной. В предании, которое приводит Ц. Жамцарано, девушка, забеременевшая от божества, не могла родить ребенка. Ей на помощь пришел табунщик, который пас лошадей неподалеку и услышал ее стоны. «Божественный мальчик родился, ибо ждал, чтобы был исполнен человеческий обычай» [Жамцарано 2001: 74].

Традиционное сознание полагало, что для появления новой жизни соединения в браке людей недостаточно. В этом процессе брак физиологический хотя и необходим, но малозначим, и для рождения ребенка требуется участие неких сверхъестественных сил, к которым обращались с просьбами, молитвами, подношениями о даровании души ребенка. В монгольской традиции представления о душе связывались с понятием *сульдэ*, ойратской — *кишг*, в тюркской — с понятием *кут*.

Воспроизводство рода — основная задача социума, и, как справедливо отмечает Д. Б. Батоева, все действия с ней уже заложены в свадебной обрядности, в ежегодных общественных молениях. Испрашивание же сульдэ ребенка как частный обряд проводился только в том случае, если задача продолжения рода не выполнялась [Батоева и др. 2002: 13].

Во время свадебных церемоний с просьбой о даровании потомства кочевники обращались к сверхъестественным существам разного уровня — это были высшие божества, небо, солнце и луна,

предки в лице духов-покровителей родной местности, огонь домашнего очага. Особый обряд испрашивания сульдэ ребенка, если на протяжении длительного времени в семье не появлялись дети, мог быть адресован, согласно верованиям, другим хранителям жизненной субстанции, например священным объектам природы (пещерам, деревьям, камням). Не все, к кому обращались бездетные семьи, даровали им души детей. Некоторые божества и духи, чей гнев вызвали просители, наказывали их бесплодием, и только в исключительных случаях вербальное искусство и сила убеждения шаманов, посредников между людьми и божествами, выправляли ситуацию. Некоторые отчаявшиеся семьи, в конце концов, вынуждены были обращаться за душой ребенка к необычным «источникам жизни», например, покровителям животных, птиц и пресмыкающихся.

Каждая местность в пространстве, освоенном кочевниками, находится, согласно представлениям древних, под покровительством своего духа-хозяина, в честь которого оформляется на возвышенности сакральный объект в форме каменной насыпи, деревьев, коновязи, называемый *обо* (монг.), *ова* (ойр.) или *бариса* (бур.). Духами-хозяевами местностей, как правило, выступали предки этнических групп, расселившихся на данной территории, в функции которых входило покровительство родичам, магическая защита родовых территорий от посягательств злых духов и чужеродцев.

На территориях распространения буддизма, родовые культы предков были ассимилированы буддийской церковью — их заменил культ обо, обряды совершались по буддийскому ритуалу [Галданова 1983: 145]. Тем не менее прежние функции сакральных центров сохранились: в частности, к хозяевам местности продолжали обращаться с просьбой даровать детей [Батоева и др. 2002: 26].

Почитаемым божеством в среде монгольских народов выступает Сагаан Убгэн (Белый старец). Его известность обеспечивалась широтой его сакральных функций: он хранитель жизни и долголетия, благоденствия и плодовитости всех живых существ. В среде ойратов Сагаан Убгэн почитался как хозяин всей земли и воды, хозяин дождя, покровитель отдельных людей и всего народа [Бакаева 1998: 85]. Образ Белого старца у калмыков совпадает с образом калмыцкого духа-творца Заячи — подателя жизненной субстанции, равного по функциям богине чадородия тюрков Умай, якутской богине-Айыысыт [Шараева 2011: 26].

Бурятами Сагаан Убгэн почитался как семейно-родовой покровитель. Мотивация проведения обрядов его почитания у бурят, наводит на мысль, что Сагаан Убгэн выступал в большей степени в роли сурового, карающего за проступки божества. Окказиональные обряды, посвященные Белому старцу, носили характер умилостивительных и совершались тункинскими и хоринскими бурятами в случае распространения эпидемических заболеваний среди людей (красная и черная оспа), падеже домашнего скота. Основная цель Белого старца заключается в покровительстве, дарующем долголетие и плодородие. «Средством» достижения цели является наложение наказания. В качестве основного вида наказания выступает болезнь (бесплодие) как выражение отрицательного отношения Белого старца, которое провоцируется самими людьми различными нарушениями или ошибочными действиями [Неманова 2019: 248]. В случае же «правильного» поведения людей Сагаан Убгэн дарует им плодовитость и долголетие.

На территории этнической Бурятии и Монголии известно множество святых мест, где традиционно люди молятся о ниспослании им детей. Самые популярные места — это знаменитые и малоизвестные пещеры. Наиболее известными являются пещера *hумэшулуун* на острове Ольхон, в которой согласно верованиям бурят проживает грозное божество острова Хан-Хото-баабай; пещера Даян-Дээрх на севере Монголии; пещера Эхын умай на горе Алхане в Забайкальском крае; пещера, расположенная в системе религиозного комплекса Товхон в Монголии. В окрестностях г. Улан-Батора большой популярностью пользуется каменная фигура, называемая Эйч-хад. К этому камню обращаются с просьбами о финансовом благополучии и о даровании потомства. В число уже известных мест сегодня включаются новые: например, недавно открытое в Баргузинском районе Бурятии изображение Янжимы. К ней обращаются бездетные пары, принося на место поклонения разные детские вещи — одежду, игрушки. Желающие стать родителями могут взять себе любой из этих предметов в качестве талисмана, который поможет осуществиться мечте.

У бурят Иркутской области популярным является моление шаманке Аляа-тоодэй — духу-хозяйке местности Нагалык, которая не только дарует детей бездетным парам, но и оберегает жизнь и здо-

ровье беременных женщин и их еще не родившихся детей. Многие женщины перед родами стараются совершить умилостивительный обряд Аляа-тоодэй.

С просьбой даровать душу ребенка буряты нередко обращались к деревьям: закаменские и тункинские буряты молились лиственнице, хоринские буряты — березе. Эти обычаи — отголоски представлений о перерождении умерших в деревья, о существовании родовых деревьев — широко распространены в культурах народов Сибири.

В погребальных традициях бурят фиксируются примеры, когда на месте захоронения шаманов вырастали деревья. Если дерево погибало (засыхало, сгорало в пожаре), говорили, что потомки шамана будут недолговечными, жить плохо [Галданова 1987: 51]. Существовали подобные традиции и в якутской культуре, о чем свидетельствуют фольклорные и этнографические материалы: бездетные пары просили душу у старых почитаемых деревьев. Такие деревья назывались «оруктаах мас» (дерево со сросшейся в виде копны кроной). Не все деревья с такой кроной имели душу ребенка. Часть оруков бывает пустой [Якутские мифы 2004: 305].

В одном из преданий о дереве «оруктаах мас» говорится, что шаманка, умирая, предсказывала свое будущее рождение следующим образом: «Около моей могилы появится на дереве орук. Если туда придет женщина, ни разу не рожавшая... ляжет навзничь, то тогда сверху спустится паук. Если она его съест, то забеременеет и родит ребенка. Если тот ребенок будет девочкой, то это будет мое второе рождение» [Якутские мифы 2004: 305]. Согласно верованиям якутов, душу ребенка могли даровать также покровитель собак *Ыт Айыыһыт*, дух покровитель и предок орлов — *Хотой Айыы* [Алексеев 1980: 128].

Предбайкальские буряты просили детей у божества-покровителя змей Могой-хана. Обряды этому божеству проводились шаманом Г. А. Алтаевым в с. Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области в начале 2000-х [ПМА 2004]. Очевидно, змеи как существа, связывавшиеся в традиционных представлениях с землей, ее плодоносящей силой, могли стимулировать плодовитость женщины. Древние представления о земле-матери долгое время сохранялись у предбайкальских бурят, у которых проводился обряд почитания земли еще в начале XX в. [Галданова 1987: 27].

Обряд испрашивания души представлял собой не только молитвы-обращения и жертвоприношения к сверхъестественным силам природы, но и включал процесс поглощения женщиной атрибута, символизировавшего душу. Просительница должна была съесть или выпить что-либо: священная пещера даровала сульдэ в виде камешка, кусочка породы, которые женщина должна была съесть; когда за душой младенца обращались с молитвами к дереву, ожидали, что с него упадет червячок, паук, листик или хвоинка; пили воду священных источников и обтирали водой тело. В мифах женщина съедала градинку, цветок, ягоды. В буддийских религиозных практиках в целях обеспечения благодати на рождение детей совершали ритуал, посвященный Падма-Самбхаве, в котором также подразумевалось проглатывание необходимого для наступления беременности предмета: из чистой бумаги вырезали изображение ребенка и давали проглотить его родителям.

Душа входила в женщину извне: в монгольских языках сохранилось выражение «сульдэ шингэхэ», где слово *шингэхэ* означает «впитываться» [Галданова 1987: 49]. Это выражение в большей степени относится к другой форме наделения бездетной женщины душой ребенка — по завершении обряда женщина могла почувствовать легкое дуновение ветра в темя [Романова 1997: 174].

В монгольской генеалогической мифологии источником зарождения жизни выступал свет. Прародительница Чингисхана Алан-Гоа ощущала, что в ее чрево проникает волшебный свет, сияние. От солнечного луча, в который воплотился Буха-нойон — предок и покровитель булагатов, одного из крупнейших бурятских племен, понесла Будан-хатан [Батоева и др. 2002: 34]. Сюжеты этих мифов вторят традиционным представлениям, согласно которым «жизненное начало» дарит солнце, и с этого момента якобы начинается зачатие, жизнь [Галданова 1987: 42].

Итак, подателями души будущего ребенка могли быть многочисленные божества, почитаемые объекты окружающей природы, покровители животных и птиц. В зависимости от того, кто даровал душу будущему ребенку, зависела продолжительность его жизни и ее качество.

Дети, появившиеся в результате специальных обрядов, адресованных тем или иным «источникам жизни», могут быть крепкими,

здоровыми, жить долго или, наоборот, слишком уязвимыми, болезненными и недолговечными. Дети, вымоленные у вечных, могущественных с точки зрения традиционного мировоззрения, подателей жизни, вероятно, считались крепкими и имели долгий век. В число таких подателей жизни, очевидно, входили верховные божества, небесные светила, огонь, к которым общество ежегодно обращалось на общественных молениях-жертвоприношениях, при совершении свадебных обрядов. Другие «источники жизни», например деревья, были более уязвимы.

Многочисленные сведения о шаманах и их потомках в культуре тюрко-монгольских народов Сибири показывают, что будущее потомков шамана зависело от состояния дерева, выросшего на его могиле, или дерева, в который помещали прах шамана. Эти сведения подтверждаются также в воззрениях якутов, считавших, что ребенок, дарованный деревом с разросшейся вершиной, отличался хилостью и болезненностью [Слепцов 1989: 88].

Известно и противоположное мнение. Оно относится к предку одного из крупнейших якутских родов — кангаласцев. Согласно генеалогическим преданиям, предком этого племени считалось дерево с оруком, и вопреки утверждениям, зафиксированным П. А. Слепцовым, в предании кангаласцев говорится, что дерево с оруком дарует ребенка, который не умрет в детстве [Якутские мифы 2004: 347], иными словами крепкого и здорового. Якутский фольклор в отношении детей, дарованных старыми деревьями, даже содержит сведения, касающиеся их потомства. Считается, например, что «потомство такого ребенка при сильном ветре заикается, а сидя, покачивает головой» [Якутские мифы 2004: 305]. В предании также подчеркивается, что если и дерево не даст душу ребенка женщине-просительнице, то она останется бесплодной до конца жизни [Якутские мифы 2004: 347].

Интересная интерпретация качества жизни человека и его характера в связи с происхождением его души, обнаруживается у бурят. По представлениям бурят иногда на земле рождаются люди с душой тэнгэри, который сам в это время спит, а его душа блуждает по свету. Если это душа западного тэнгэри, то человек будет хорошим, добрым, умным, помогающим людям. Такой человек болеет так же, как и люди. Если на земле переродится душа восточного тэнгэри,

то это будет плохой человек, который будет стараться делать зло людям. Этот человек никогда не болеет и не кашляет, потому что он душа восточного тэнгэрина, а все болезни бывают от них. Продолжительность жизни человека, являющегося воплощением души тэнгэрина, зависела от того, как давно спит тэнгэри. Если он уснул недавно, то человек проживет долгую жизнь, а если он готов проснуться, то жизнь человека будет недолгой [Хангалов 1959: 224].

О качестве и продолжительности жизни человека судили по ряду признаков, маркирующих этапы его взросления. «Если у новорожденного ребенка сначала вырастут нижние зубы, это хорошо, а если верхние — худо: родители будут жить несчастливо и ребенок будет несчастливый» [Хангалов 1959: 59].

Заключение

Подателями души будущего ребенка могли быть многочисленные божества, почитаемые объекты окружающей природы, покровители животных, птиц и даже пресмыкающихся. В зависимости от того, кто даровал душу будущему ребенку, зависела продолжительность его жизни и ее качество.

Источники

ПМА 2004 — Полевые материалы автора: Информант Басхаев Г. В. 1931 г. р., буровский род, с. Байтог Иркутской области. 2004 г.

Sources

Author's field data: Informant: Baskhaev G. V., b. 1931, Burovsky clan, Baytog village, Irkutsk Oblast. 2004.

Литература

Алексеев 1980 — *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.

Бакаева 1998 — *Бакаева Э. П.* Белый старец: особенности мифологических характеристик у калмыков // Теегин герл. 1998. № 6. С. 82–85.

Басаева 1980 — *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1980. 223 с.

Батмаев 2008 — *Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Герел, 2008. 254 с.

Батоева и др. 2002 — *Батоева Д. Б., Галданова Г. Р., Николаева Д. А., Скрынникова Т. Д.* Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.

Бутанаев 1998 — *Бутанаев В. Я.* Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 1998. 352 с.

Галданова 1983 — *Галданова Г. Р.* Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.

Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987.115 с.

Галданова 1992 — *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 172 с.

Герасимова 1986 — *Герасимова К. М.* О структуре традиционной духовной культуры по материалам тибетских медицинских источников.// Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 30–68.

Гомбожапов 2006 — *Гомбожапов А. Г.* Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в. Новосибирск: Наука. 2006. 184 с.

Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Линховоин 1972 — *Линховоин Л.* Заметки о дореволюционном быте бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1972. 100 с.

Манжигеев 1960 — *Манжигеев И. М.* Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1960. 230 с.

Неманова 2019 — *Неманова Э. А.* Обрядовый текст и контекст культа Белого старца в культуре монголоязычных народов // Oriental Studies. 2019. Вып. 2. С. 245–254.

Романова 1997 — *Романова Е. Н.* Люди солнечных лучей с поводьями за спиной (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). М: Координационно-методический центр ИЭиА РАН. 1997. 200 с.

Слепцов 1989 — *Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск: Якутское кн. изд-во, 1989. 158 с.

Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. II. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. 443 с.

Хандагурова 2008 — *Хандагурова М. В.* Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX в. (бассейнов верхнего и среднего течения рек: Куда, Мурино и Каменка). Иркутск: Амтера, 2008. 267 с.

Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2011. 218 с.

Якутские мифы 2004 — Якутские мифы / сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск, 2004. 451 с.

References

[Lamaism in Buryatia: 18th – Early 20th Centuries. Structure and Social Role of the Cult System]. Galdanova G. R. et al. Novosibirsk: Nauka, 1983. 233 p. (In Russ.)

[Yakut Myths]. N. A. Alekseev (comp.). Novosibirsk, 2004. 451 p. (In Russ.)

Alekseev N. A. [Turkic Peoples of Siberia: Early Forms of Religion]. Novosibirsk: Nauka, 1980. 315 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. The White Old Man: specific mythological characteristics allotted by the Kalmyks. *Teegin gerl*. 1998. No. 6. Pp. 82–85. (In Russ.)

Basaeva K. D. [The Buryats: Family and Marriage, Mid- to Late 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1980. 223 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Kalmyk Traditions: Family and Marriage]. Elista: Gerel, 2008. 254 p. (In Russ.)

Batoeva D. B., Galdanova G. R., Nikolayeva D. A., Skrynnikova T. D. [Rites in Buryat Traditional Culture]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 222 p. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. [Khakass Ethnic Culture]. Abakan: Khakass State University, 1998. 352 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. [Pre-Lamaist Beliefs of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 115 p. (In Russ.)

Galdanova G. R. [Zakamensk Buryats: Historical and Ethnographic Essays (Mid- to Late 19th – Early to Mid-20th Centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 172 p. (In Russ.)

Gerasimova K. M. The structure of traditional spiritual culture revisited: a case study of Tibetan medicinal works. In: [Traditional Culture of Central Asian Peoples]. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 30–68. (In Russ.)

Gombozhapov A. G. [Traditional Family and Clan Rites of the Aga Buryats: Late 19th – 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 2006. 184 p. (In Russ.)

Khandagurova M. V. [The Kuda and Upper Lena Buryats: Rites in the Mid- to Late 20th Century]. Irkutsk: Amtera, 2008. 267 p. (In Russ.)

Khangalov M. N. [Collected Works]. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)

Linkhovoin L. [The Buryats: Notes on Pre-Revolutionary Life]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1972. 100 p. (In Russ.)

Manzhigeyev I. M. [The Yangut Clan of Buryats: a Historical and Ethnographic Study]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1960. 230 p. (In Russ.)

Nemanova E. A. A cult of the White Old Man in Mongolic cultures: the ritual text and context. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 245–254. (In Russ.)

Romanova E. N. [People of Sun Rays with Reins Behind Their Backs: Fate in the Context of the Yakut Mythological-Ritualistic Tradition]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 1997. 200 p. (In Russ.)

Sharaeva T. I. [Life-Cycle Rites of the Kalmyks: 19th – Early 21st Centuries]. Elista: Dzhangar, 2011. 218 p. (In Russ.)

Sleptsov P. A. [The Yakuts: Traditional Family and Rites, 19th – Early 20th Centuries]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1989. 158 p. (In Russ.)

Zhamtsarano Ts. [Travel Notes: 1903 – 1907]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center, Siberian Branch of RAS, 2001. 380 p. (In Russ.)

УДК 39
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507

«Моя бабушка курит трубку…»

Татьяна Исаевна Шараева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)-
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В повседневной и обрядовой практике калмыков курение табака было широко распространено до середины XX в. Ранее эта тема не была предметом исследования, что определяет ее актуальность. Поэтому *целью* статьи является рассмотрение истории распространения табака, изучение особенностей курительных принадлежностей, выявление повседневных и обрядовых практик, связанных с табакокурением, анализ сложившихся представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями и этикетом у калмыков. *Методы.* В исследовании применялись синхронно-диахронный, описательный, сравнительно-функциональный, сравнительно-сопоставительный и семантический *методы.* В *результате* исследования были сделаны выводы, что калмыки познакомились с табаком в XVI – начале XVII в.; функциональность табакокурения в повседневной и обрядовой практике традиционного калмыцкого общества была связана с народными способами лечения, коммуникативным поведением и гостевым этикетом, являлась одной из форм единения родового коллектива; взаимосвязана с символикой очага и культом предков. В настоящее время традиционные способы употребления табака не практикуются, поэтому утрачена традиция изготовления курительных принадлежностей.

Ключевые слова: калмыки, табак, курительные принадлежности, табаководство, символика очага, гостеприимство, этикет

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: **Шараева Т. И. «Моя бабушка курит трубку…».** Монголоведение. 2019; (3): 479-507. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507.

UDC 39
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507

‘My Grandmother Smokes a Pipe…’

Tatyana I. Sharaeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* In everyday and ceremonial practices of the Kalmyks, tobacco smoking remained widespread till the mid-20th century. The topic has not been scientifically explored, which makes it relevant enough. *Goals.* So, the work seeks to historically examine the dissemination of tobacco among the Kalmyks, investigate peculiarities of smoking accessories, illustrate some everyday and ceremonial tobacco-related practices, analyze the established ethnic representations dealing with tobacco smoking, requisites and etiquette. *Methods.* The research employs the synchronous/diachronous, descriptive, comparative/functional, comparative/contrastive, and semantic methods. *Results and Conclusions.* The paper concludes the Kalmyks became familiar with tobacco in the 16th – early 17th centuries; in everyday and ceremonial practices of Kalmyk society, tobacco smoking was functionally related to folk healing, communicative behavioral, and guest etiquette patterns, serving as a means to unite members of one clan, with its certain ties to the symbol of hearth and cult of ancestors. For the time being, traditional tobacco smoking techniques have passed out of use, which resulted in the loss of respective smoking accessories manufacturing traditions.
Keywords: Kalmyks, tobacco, smoking accessories, tobacco growing, symbol of heath, hospitality, etiquette
Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).
For citation: Sharaeva T. I. 'My Grandmother Smokes a Pipe…'. *Mongolian Studies.* 2019; (3): 479-507. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-479-507.

Еще в середине 80-х гг. XX в. нередкой была картина: удобно расположившись и достав из своего кисета, который она всегда хранила в своем кармане, калмычка-бабушка начинает жевать табак. Вернее, махорку[1]. Нередко и посиделки бабушек на лавочках проходили с неизменным обменом махоркой: «на, попробуй, этот мягче на вкус, его легче жевать, мне его родственники привезли, когда приезжали (или другой вариант: мне его дети достали), не залежалый». Под использованную махорку выделяли какую-нибудь емкость, чаще — маленькую баночку. Она всегда стояла «припрятанной» в укромном месте (под кроватью, за спинкой дивана, между шкафами, под тумбой и т. д.), рядом с которым чаще всего любила сидеть бабушка. В сельской местности наблюдалась и иная практика: баночку ставили возле печи, чтобы потом при ее розжиге сжечь использованную махорку. Либо содержимое баночки выбрасывали где-нибудь в укромных углах хозяйственных построек (*хашан иргд*). В городских условиях использованную махорку тоже высыпали в укромных местах, чаще под дерево, но никогда — вместе с бытовым мусором.

[1] Махорка — одна из разновидностей табака, однолетнее растение, вид травянистых растений из подрода «Деревенский табак» рода «Табак» семейства Пасленовых.

В те же годы, отправляясь в гости в дом, где жили старики, калмыки несли обязательный «гостевой набор», чтобы выразить в традиционной форме уважение и почтение представителям старшего поколения: масло, пачку чая (особый шик, если индийский, «со слоном»), бутылку лучшей «беленькой» водки (объемом 0,5–0,7 л. или 0,25 л. — «чекушку») из ассортимента «советского продмага», сладости. Часто в этом наборе присутствовали пачка сигарет или пачка махорки, особенно, если точно знали, что дедушка курит или бабушка жует табак.

В кризисные 1990-е гг. махорка практически исчезла. Приверженцы жевания махорки стали выходить из положения, разбирая сигареты, например «Приму» и «Астру», и ссыпая табак для использования.

Большинства тех, кто родился в начале XX в., уже нет с нами, с ними практически исчезла традиция жевания табака. Современные бабушки являются поколением родившихся в середине XX в., выросшие в иных бытовых условиях, в период активных культурных преобразований и борьбы за здоровый образ жизни, воспитанные советской идеологией, поэтому они не практикуют жевание табака.

Почему практика жевания табака была распространенной среди женщин, чьи рождение и активные годы жизни выпали на первую половину XX в.? И почему это делали женщины, а не мужчины? Почему практически не сохранились курительные трубки? Какое место и роль занимал табак в повседневной и обрядовой практике у калмыков и в какой период развития их этнической истории и культуры?

Отсутствие исследований, связанных с практикой табакокурения у калмыков, является обоснованием выбранной темы для исследования и определяет ее актуальность.

Цель статьи — рассмотрение вопросов распространения табака у калмыков, значение и функциональность табакокурения в повседневной и обрядовой практике у калмыков в различные периоды их этнической истории и культуры.

В нашем исследовании мы будем опираться на различные публикации по истории и традиционной культуре калмыков, в которых отражены некоторые аспекты данной темы. Это работы путешественников и исследователей быта калмыков в XVII–XIX вв., таких как П. С. Паллас, Н. В. Львовский, И. К. Костенков, а также современных исследователей: А. И. Карагодина, У. Д. Душана,

У. Э. Эрдниева, К. Э. Эрендженова и др. Для изучения и проведения сравнительно-сопоставительного анализа данных привлекались материалы по распространению табакокурения в регионах Сибири А. В. Харинского, А. В. Шаповалова, В. П. Дьяконовой, Е. Ю. Мятлевой, Б. Б. Дашибалова и других, что обусловлено этапами этнической истории калмыков.

Как отмечают исследователи, *«табак и его потребление давно стали всеобщим явлением в мировой культуре. Распространение табака, возникновение и закрепление определенных традиций его потребления у различных народов Евразии является интереснейшим культурным феноменом»* [Шаповалов 2000: 107].

С момента, когда Христофор Колумб привез табак в Европу в конце XV в., табак распространился за столетие практически повсеместно. Захватив к концу XVI в. всю Европу, табак распространился и в Азии. Основным его поставщиком в азиатском регионе долгие годы был Китай. По мнению А. В. Харинского, табак попал в Китай в XVI веке и был популярен в среде аристократии и знатных дам [Харинский 1995: 207–217]. Распространение табака в Сибири и Прибайкалье, где пройдя адаптивный период, он приобретает широкую популярность, многие исследователи относят к началу XVII в. По мнению же Ю. А. Купиной, основанному на анализе материалов о потреблении табака у коренных народов Северо-Восточной Сибири и Аляски, *«с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские»* [цит. по: Беликова, Зинченко 2012: 93].

А. В. Шаповалов рассматривает китайскую и российскую версию проникновения табака в Сибирь: с начала напрямую из Китая с конца XVI в., позднее уже в XVII – начале XVIII вв. через русских казаков и торговцев, так как *«появление табака в Сибири происходило в контексте особых исторических условий... Важнейшими из них в данном случае были: постоянное присутствие в Сибири русского населения с его мощным постоянно возрастающим экономическим влиянием и политико-административным вмешательством; складывание общесибирского пушного рынка со сложным механизмом обращения товаров; изменение на протяжении XVII–XVIII вв. торговых путей, состава участников торгового обмена (речь идет прежде всего об устранении к середине XVIII в. бухарской торговли)»* [Шаповалов 2000: 114].

В России табаком торговали одновременно европейские и бухарские купцы. Табакокурение и торговля табаком активно распространились за короткий срок. Этот период важен для нашего исследования, так как в начале XVII в. ойратские группы (предки калмыков, далее — калмыки), продвигаясь из степей Центральной Азии через Сибирь на запад в степи Нижнего Поволжья, были втянуты в различные торговые отношения на своем пути, в том числе торговлю табаком. В связи с этим интересно описание, что в начале XVII в. тобольский воевода ежегодно высылал *«...вверх по Иртышу флот из сорока или более парусных судов в землю калмыков к Соленому озеру... москвитяне привозят с собой товары всякого рода, калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак... кроме того, при этих торгах всегда присутствуют бухарские купцы»* [Титов 1890: 184–187].

По описанию меновой торговли в Сибири калмыки активно пользовались сибирскими рынками и рынками Бухары, Ургенча — в Средней Азии через бухарских купцов. Очевидно, что, когда калмыки пришли на территорию Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, они уже были знакомы с практикой табакокурения и использования надлежащих принадлежностей.

Основные материалы о табаке и практиках употребления табака в повседневной и обрядовой жизни у калмыков, зафиксированные в различных источниках, отрывочны и отражают в основном реалии жизни XVIII–XIX вв.; точных сведений относительно XVII в. нам не удалось обнаружить.

В описании путешествия П. С. Палласа в Калмыцкой степи в конце XVIII в. указано, что калмыки *«между собою обходительны и ласковы... всем делятся... если курят табак, едят или пьют, то все бывают участниками, как, например, осталась одна трубка табаку, то дает один другому курить»* [Паллас 1773: 459].

Калмыки табак употребляли без гендерных и возрастных разграничений. По данным Н. А. Нефедьева о быте калмыков, в зимнее время нередко можно было увидеть картину *«в коих главную сцену занимают маленькие дети, сидящие на цыпочках около огня нагия и только сзади чем-нибудь прикрытыя, и вооруженные мослами и трубками»* [Нефедьев 1834: 106]. Эти сведения подтверждаются материалами описания быта калмыков в конце XIX в. Н. Львовским: *«табак курят все без исключения, начиная с грудных младенцев и*

кончая стариками. Еще грудного ребенка калмычка приучает к трубке. По временам она дает ему трубку вместо соски и тот по необходимости должен курить, вследствие чего с самого младенчества привыкает к табакокурению» [Львовский 1893: 31]. Возможно, что к такому способу прибегали, чтобы успокоить ребенка за счет расслабляющего воздействия табака на организм. Возможно, что и детям постарше разрешалось курить потому, что оно притупляло чувство голода как «неизменного спутника» суровых условий кочевой жизни со скудным питанием в течение дня.

Вместе с тем на повальное курение табака населением калмыцких улусов всех возрастов указывает и Я. П. Дуброва: *«из сравнительно невинных страстей следует отметить сильно развитую привычку табакокурения, которому предаются положительно все калмыки от мала до велика. Если нет табаку, то сосут чубук. Женщины курят гораздо более мужчин и в случаях недовольства на мужа первой и самой главной причиной выставляют, что он, варвар, не дает табаку»* [Дуброва 1998: 59].

Если в повседневном ритме женщины могли покурить между выполнением хозяйственных дел, то мужчины, в силу неравномерной хозяйственной занятости в течение дня могли себе позволить свободное времяпровождение: *«после завтрака подростки обоих полов отправляются к скоту, мужчины идут поить скот, очищать худуки, копать новые, или же отправляются по делу на сторону, оседлав лошадь, а не то сидят по кибиткам и курят трубки»* [Житецкий 1893: 35], *«особенно пожилые, имеющие лет за сорок, остаются в совершенной праздности: курят табак и бродят по соседним кибиткам»* [Нефедьев 1834: 118]. *Идр насн* (‘зрелый возраст’) в традиционном калмыцком обществе исчислялся после наступления сорока лет[1] и предоставлял определенные права, в том числе передачу части хозяйственных дел более молодым родственникам или сыновьям и дальнейший контроль над ними. Свободное время сорокалетний мужчина мог потратить на обсуждение различных хозяйственных и общественных вопросов с однохотонцами[2] (фото 1).

---

[1] Калмыки придерживаются лунно-солнечного календаря, включающего 12-летний малый цикл и 60-летний большой цикл. В традиционном возрастном исчислении у калмыков «век» составляет 60 лет.

[2] Хотон — поселение родственной группы.

Фото 1. Калмык с трубкой. С. Вишневский. 1870 г. [*Photo 1.* Kalmyk man with a pipe. Photo by S. Vishnevsky. 1870]

Женщины же чаще всего могли курить либо после приема членами семьи пищи в течение дня, либо в промежутке для отдыха во время длительной работы, так как повседневно калмычки выполняли большой объем хозяйственных работ (фото 2).

Фото 2. Калмычки с трубками. Конец XIX в. [*Photo 2.* Kalmyk women with pipes. Late 19th c]

Наиболее точно это нашло отражение в стихотворении «Наши бабушки курят трубки» М. Хонинова, который был великолепным знатоком традиционного быта и устного народного творчества калмыков: *«Поднимались все бабушки рано, / Даже жаворонок досыпал, / И спешили к коровам — чигяна / Вдоволь надо, чтоб вновь созревал; / И взбивали тут масло мутовкой, / И лепили кизяк для огня / С таганом обращались так ловко, / Между тем свою трубку куря… Если за день они приседали, / Из-*

за пазухи трубку беря, ...Поздним вечером все ж отдыхали наши бабушки, трубку достав; / Трубку ту серебром украшали / Мастера в старину на заказ» [Хонинов 2008: 44–46] (фото 3).

Фото 3. Вдова чабана. Картина художника Д. Санджиева. 1981 г. [*Photo 3*. The Shepherd's Widow. Picture by D. Sandzhiev. 1981]

Традиция курения табака обусловила распространение курительных принадлежностей у калмыков: *hанз* 'курительная трубка', *кет* 'огниво', *түүгрцг* 'кисет'.

Курительная трубка (*hанз*) состояла из *hанзин толhа* 'чаши для табака' (букв. голова трубки) и *hанзин сурул* 'мундштука', *hанзин бүркəсн* 'крышки на чашу трубки', *hанзин шигшлүр* 'шпильки для прочистки трубки'. И шпилька-чистилка, и крышка прикреплялись к трубке цепочкой (*шүлзə*) (фото 4).

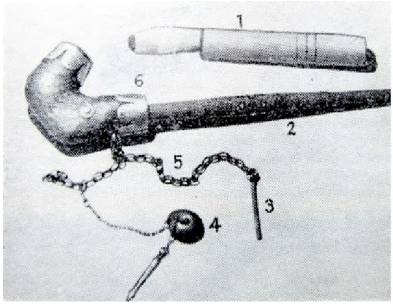


Фото 4 (из книги К. Э. Эрендженова «Цецн булг» [Эрендженов 1980: 45]): 1) короткий мундштук с костяным загубником (өөчүр); 2) мундштук; 3) шпилька для прочистки трубки; 4) крышка для чаши трубки; 5) цепочка; 6) чаша для табака. [*Photo 4* (reprint; original in: Erendzhenov K. The Spring of Wisdom (Kalm. *Tsetsen bulg*) [Erendzhenov 45]: 1) short cigarette holder with a bone bit (Kalm. өөchür), 2) stem, 3) cleaning pin, 4) bowl lid, 5) chain, 6) bowl]

Чашу для табака, чубук и мундштук обычно делали из дуба и клена. Крышка на чашу для табака была металлическая или кожаная «с двумя-тремя дырочками для отдушин» [Небольсин 1852: 54]. Металлическое украшение на трубке, которое крепили по краю чаши для табака, возле чубука, на мундштуке, называлось *һанзин цокар*. Трубка инкрустировалась мельхиором или серебром; орнамент, наносимый на металл приемами насечки, был растительным или геометрическим [Батырева 2006: 62]. Возможно, что такой способ украшения трубки был поздним влиянием мастеров Кавказа. Курительные трубки изготавливались мастерами или самостоятельно в домашних условиях. По форме и украшению трубки, мужской или женской, определяли родовую принадлежность владельца и его материальную состоятельность.

Мундштук у калмыцкой трубки в XIX в. был разной длины: на мужской трубке чаще коротким (около 10–15 см), на женской — длинным (около 20–35 см). Один конец мундштука крепился в чубуке, являвшемся проводником дыма от головки к мундштуку, другой — плавно заужен. Этот зауженный конец служил загубником. Короткий мундштук также делали из дерева и козлиного рога. Иногда к короткому деревянному мундштуку делали дополнительный загубник из козлиного рога *өөчүр*, который одним узким концом крепился к мундштуку, немного расширялся и изгибался в середине, и снова сужался к другому концу. По сведениям К. Э. Эрендженова, форма такого загубника послужила основой для тавра им, которое прокалывали домашним животным на ушах [Эрендженов 1980: 44]. Налет, образующийся после курения, назывался *һанзин батх* ‘никотин в трубке’. Объем табака, входившего в трубку на одно курение, назывался *һанз тәмк* [Пюрбеев 1996: 113–114].

Калмыцкое название курительной трубки *һанз* сходно с бурятским *ганза*, тувинским *данза*, хантов — *канса* и китайским *ганса* [Чыргалан 2019: 79; Беликова, Зинченко 2012: 101; Мятлева, Дашибалов 2011: 189], что указывает на знакомство и распространение табака через Китай, т. е. в XVI – начале XVII в. Подтверждение этому предположению может служить и форма курительной трубки. В Китае табак изначально относился к наркотическим средствам, поэтому практиковалось курение табака в небольших количествах, который засыпался в маленькую курительную чашу и выкуривался

через длинный прямой мундштук: *«у них есть маленькие медные трубочки с отверстием величиной с половину скорлупы лесного ореха. Набить и выкурить такую трубочку, вследствие ничтожности приема, не представляет никакой опасности»* [Титов 1890: 188]. С распространением табака в Азии, Сибири и Прибайкалье, стала меняться и форма курительных трубок, в первую очередь, из-за участия в торговле табаком бухарских купцов. Как считает А. В. Шаповалов, бухарцы уже в начале XVII в. практиковали водяное курение[1] и привнесли эту манеру в Сибирь из Средней Азии. Познакомившись с табаком от бухарцев, коренное население Сибири переняло соответственно и манеру его потребления, а также технику изготовления специфических курительных принадлежностей [Шаповалов 2000: 110]. Особенностью такой трубки была Г-образная форма: небольшая курительная чаша для табака, почти горизонтально к ней расположенный удлиненный чубук, длинный мундштук, один конец которого сужался. Водяным резервуаром служил рот курильщика. Такая же Г-образная форма посредством распространения табака в России была и у русских (фото 5.).

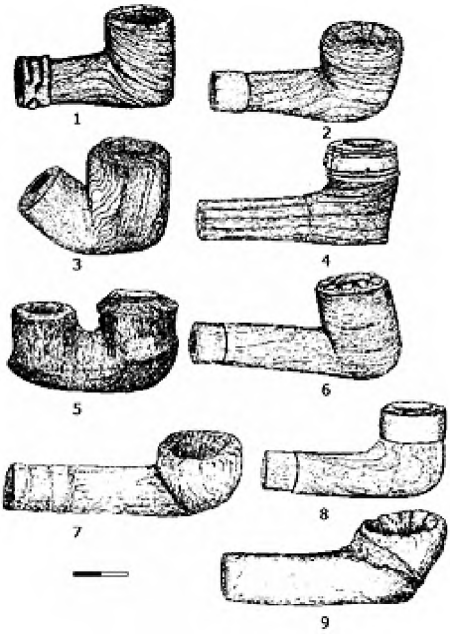


Фото 5. Курительные трубки народов Сибири (из статьи А. В. Шаповалова «Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв.») [Шаповалов 2000: 119]. [*Photo 5.* Smoking pipes of Siberian peoples (reprint; original in: Shapovalov A. Tobacco in Western Siberia: 17th – 18th cc.') [Shapovalov 2000: 119]

[1] Традиция эта появилась в Средней Азии и на Ближнем Востоке, именно там начали пропускать дым от курения конопли (гашиша), а затем и табака через воду, со временем для этого была сконструирована специальная трубка — кальян.

Позднее, в начале XVIII в., с уходом бухарских купцов из активной торговли в сибирском регионе, распространением черкесского табака и изменением формы курения (сухое курение) чаша трубки увеличилась в размерах, но общая форма курительной трубки осталась прежней. Калмыки к этому времени уже жили в степях Поволжья. Курительные трубки, которые стали традиционным культурным элементом у калмыков, до настоящего времени сохранили форму, характерную той, которая была распространена в Азии и Сибири в конце XVI – начале XVII в. Вопрос о том, практиковалась ли водяная форма табакокурения у калмыков в XVII в., остается открытым ввиду отсутствия каких-либо материалов.

В XIX в. мужчины-калмыки курили уже трубки с коротким мундштуком, с длинным — реже. Женщины как самая консервативная часть и приверженцы традиций курили табак из трубки с длинным мундштуком. К тому же способы ношения курительных принадлежностей у калмыков были различными с учетом гендерных различий и социального статуса. Курительную трубку и кисет с табаком мужчины могли носить в чехле за поясом: «…сзади за пояс закладываются: коротенькая трубочка, необходимая принадлежность каждого калмыка и калмычки; кисет с табаком…» [Небольсин 1852: 54].

Другой способ ношения указан И. А. Житецким: «у каждого мужчины есть трубка (‘кганза’) и кисет (‘тӱнгорцык’), которые держатся в кармане, или (трубка) за голенищем сапога; трубка составляет неотъемлемую принадлежность и женских вещей» [Житецкий 1893: 13]. Замужние женщины курительные принадлежности держали в кармане своей одежды, пояса они не носили. Девушки трубку и кисет с табаком «держат в кармане и там их наглухо запрятывают» [Небольсин 1852: 58] или за поясом [Небольсин 1852: 54]. Курительные трубки были личной вещью, с которой практически не расставались. В калмыцкой песне «Алтар бичсн бичгм» (букв. Мое письмо, написанное золотом) рассказывается о раненом воине, который умирает в чужих краях и просит соратников передать его трубку жене. Так она узнает о его гибели. Возможно, что калмыки при захоронении покойных клали им и трубки, потому что верили в загробную жизнь и необходимость личных вещей в ней. Сходные представления были у тувинцев: «курительную трубку и табак клали только принадлежавшую лично умершему. Нельзя было положить

трубку, принадлежащую кому-нибудь из оставшихся в живых. Это могло вызвать преждевременную смерть человека» [Дьяконова 1975: 128]. На эту же мысль наводит и отсутствие трубок у калмыков, сохранившихся с более ранних времен и передаваемых по наследству.

Курительные трубки, которые сохранились до наших дней, были изготовлены в начале XX в.; большинство из них были утрачены во время нахождения калмыков в ссылке в восточных районах страны в 1943–1957 гг. Необходимо отметить, что во второй половине XX в. у калмыков хоронили покойных с личной трубкой, «чтобы мог курить свою трубку на том свете». Кроме того, в современной похоронной обрядности калмыков существует практика положения покойному его личных вещей, например, шапки, трости, курительной трубки и др., перед захоронением. Существует представление, что они могут ему понадобиться в иной жизни; оставление же привычных и любимых вещей умершего(ей) может стать причиной появления во снах родных для высказывания недовольства о необеспеченности его необходимым и просьбой «передать» запрашиваемое.

Для раскуривания трубки в традиционном быту мужчины за пределами жилища использовали огниво, которое было на поясе вместе с другими обязательными предметами, например, ножом и пороховницей. Ношение подобных предметов на традиционном поясе было прерогативой мужчин (фото 6).

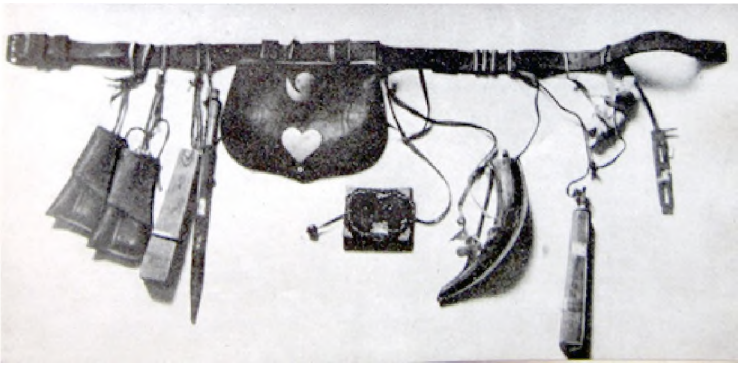


Фото 6. Традиционный мужской пояс для охоты.
И. С. Ковалев «Калмыцкий народный орнамент»
[*Photo 6*. Traditional men's hunting belt (reprint; original in: Kovalev I. Kalmyk Folk Ornament)]

Огниво *кет «имело форму металлического или кожаного ящика или портсигара; к верхней части его прикреплены кожаные пуговицы и петля, которыми захватывается за пояс, а за нижней находится кусок стали; внутри 'кете' хранятся огниво и трут»* [Житецкий 1893: 12]. Огниво для украшения оправлялось в серебро. Вариантом было ношение огнива, кремния и трута в кожаном мешочке, который засовывался за пояс [Каталог 1902: 19] (фото 7).

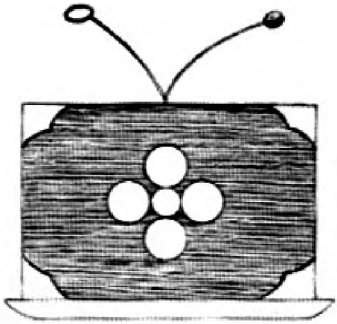


Фото 7. Огниво кет. И. А. Житецкий «Очерки быта калмыков Астраханской губернии». 1893. Таблица 6. [*Photo 7.* Tinderbox *ket* (reprint; original in: Zhitetsky I. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. 1893. Table 6)]

Кисеты для хранения табака шили из ткани и кожи в основном девушки. Они были красиво украшены, поэтому по внешнему виду можно было судить о мастерстве девушки. По форме они были различными: например, по сведениям П. И. Небольсина, *«кисет с табаком; он делается из двух кошелей с общими для обоих снурками»* [Небольсин 1852: 54].

По утверждению С. Г. Батыревой, у калмыков кисеты для табака были и в виде плоского мешочка с острым дном и узким перехватом посередине. Здесь крепили тонкие ремешки с низками белых и голубых бус, заканчивавшихся кожаными кисточками. Как считает исследователь, такая форма и декор кисета сходны с подобными изделиями народов Сибири [Батырева 2006: 42].

Прочно войдя в жизнь калмыков, курение стало одной из форм коммуникативного поведения. Выработался целый комплекс действий и представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями, этикетом. Как отмечал Н. И. Львовский, зависимость от табака и привычка курить постоянно привела к тому, что *«калмык не разлучается с трубкой даже во время верховой езды. Только при отправлении своих религиозных обрядов и при посещении хурулов он на время расстается с любимой трубкой»* [Львовский

1893: 31]. Калмык также не имел права входить в чужую кибитку с трубкой во рту. *«Даже детям не разрешаются подобные вещи. Если кто-нибудь нечаянно вошел в кибитку с трубкою во рту, то он обязан выйти из нее, вынуть ее изо рта и только после этого опять войти»* [Душан 2016: 64]. Если пришедший в жилище гость был родственником и однохотонцем, то мог войти, *«спокойно садится на место согласно национальному этикету, закуривает трубку, принимает участие в разговоре, как у себя в кибитке»* [Житецкий 1893: 33]. Если же это был путник или высокий гость, то принято было раскуривать ему курительную трубку. Трубку гостю должен был раскурить и подать младший в семье или сама хозяйка в отсутствие таковых. Для раскуривания трубки в пределах жилища использовался огонь из домашнего очага, что способствовало возникновению представлений о временном единении курящих, аналогично «питанию из одного котла / употреблению пищи, приготовленной на огне очага семьи», на время становятся близкими людьми. «Пищей» в данном случае служил табак, которым гостей угощали хозяева жилища. Калмыки процесс раскуривания трубки называют *тәмк нерлһн* (*букв.* варение табака). Традиции гостеприимства предполагали угощение зашедшего гостя табаком и чаем, если гость торопился и не мог остаться, то, уходя, бросал в огонь очага кизяк, что приравнивалось к проведению совместного чаепития и угощения табаком.

Каждая семья имела и оберегала свой очаг, поэтому *«никогда калмыки не дают огня из своей трубки закуривать другому. Полагают, что такая вещь способствует ссоре с данным лицом и, кроме того, души этих двух лиц после смерти никак не могут разъединиться на том свете. От этого они сильно страдают»* [Душан 2016: 192]. Как отмечал И. А. Житецкий, *«очаг служит не только для изготовления пищи и согревания обитателей кибитки в холод, но он есть вместе с тем и жертвенник семьи… вот почему калмыки, которые при курении отплевываются во все стороны, никогда не позволят себе плюнуть в огонь очага»* [Житецкий 1893: 18].

У калмыков младший ребенок в семье назывался *отхон*, что указывало на его связь с культом огня и хозяйкой огня, поэтому он раскуривал трубку гостю, или в его отсутствие это делала мать как хозяйка-хранительница этого очага. Младший сын оставался

жить с родителями как наследник и хранитель домашнего очага, через него осуществлялась, согласно народным представлениям, преемственность поколений[1]. Связь очага и молодого поколения хорошо прослеживается на древней традиции наказания *«виноватых в неповиновении родителям, грубости и дерзости родственникам и старшим, по летам и званию, людям, наказывали ногайками, и, вымарав лицо сажей, водили, с таганом на шее, по хотону, кругом каждой кибитки. Это наказание носило название тавын-яма-татхо 'осрамление посредством пятерни', потому что наказывающий брал на руку сажи из-под котла и целой пригоршней размазывал ею по лицу виноватого»* [Небольсин 1852: 111].

Чаша для табака называется у калмыков не только *һанзин толһа* (букв. голова трубки)[2], но и *һанзин хәәсн* (*букв.* котел трубки). Сам процесс прикуривания трубки обозначается фразой *һанзна хәәснд тәмк нерх* (*букв.* варить табак в котле трубки). Котел в повседневном традиционном быту использовался для приготовления различных видов пищи. Интересен существовавший у калмыков обычай для сохранения жизни ребенку: если он был слаб, и предыдущие дети умирали, то его непродолжительное время держали в котле на огне семейного очага. Обычай обосновывался представлением, что *«вареное — антипод сырого»,* что таким образом он *«доделывается/доваривается»*, заново рождается. В поминальной обрядности калмыков запах дыма ассоциировался с запахом мира людей, и для кормления души покойного в огонь бросали жир, масло, благовония, готовили поминальную пищу. Во взаимосвязи *«очаг-огонь-трубка-*

[1] В современном детском цикле у калмыков практикуется шуточная игра «Понюхать табачок», участником которой являются мать ребенка, бабушка (отец ребенка не имеет права принимать участие в этой игре), маленький мальчик до 1,5 лет. В этой игре ярко выражен гендерный аспект воспитания детей у калмыков. Происходит это так: когда меняют белье у ребенка, то делают вид, что обнюхивают его пах, не касаясь тела, потом морщатся, показывая неприятные эмоции, и говорят *чишь, тәмкин үнр* (букв. фууф, как пахнет табаком). Во втором варианте наоборот: обнюхивают пах и говорят *ә, тәмкин үнр* (букв. ах, запах табака), показывая, что запах очень нравится. В обоих случаях после первого акта игры в шуточной форме просят ребенка еще раз «дать понюхать табачок». В этой шуточной игре несколько значимых аспектов: во-первых, игра построена на ассоциации формы курительной трубки и мужского полового органа; во-вторых, эти действия разрешены матери и бабушке, которые занимаются его воспитанием, через действия в этой игре акцентируется внимание на половой принадлежности ребенка; в-третьих, формируется круг ассоциативных символов, где запах табака напрямую связан с близкими, домом, привычной жизнью, миром людей.

[2] В калмыцких загадках курительная трубка сравнивается с головой: *өрүн босад, өвкиннь толһа хуухлҗ* (*һанзд һал* кеҗ татх) (букв. встав утром, обсмолил голову прадеда), *өрүн босад заһсна толһа хуухлҗ* (*һанзд һал* кех) (букв. встав утром, обсмолил рыбью голову).

дым» находился и ритуал, предшествующий сказанию и отгадыванию триад[1]. Перед произнесением триад существовал ритуал: внук раскуривал и подносил деду трубку [Калмыки 2010: 342]. Дым, идущий из трубки, воспринимался как жертвоприношение небу, которое благословляет сказителя, в произносимых триадах описывающего мироздание. У монгольских народов перед исполнением героического эпоса сказители-рапсоды также курят трубку.

Рассматривая традиции гостеприимства калмыков, нельзя не коснуться вопроса отсутствия у них табакерок, широко распространенных в Монголии и Туве. Табакерки и нюхательный табак распространились у монголов и тувинцев в начале XVII в. в качестве лечебного средства, потом стали одним из проявлений гостеприимства как одно из культурных влияний Китая. Большое значение для распространения табакерок имело то, что регионы были богаты различными минералами, местные монгольские и тувинские мастера наладили собственное производство табакерок по прототипам китайских. Появлению традиции обмена табакерками предшествовали курительные трубки, которыми монголы и тувинцы обменивались как символом гостеприимства. Несмотря на наличие практики обмена табакерками, в повседневном быту также использовали курительные трубки для табака: *«церемония обмена табакерками закончена. Хозяин и гость закуривают каждый свою трубку, набивая ее табаком из собственного кисета»* [Жуковская 2002: 143]. У калмыков, по нашему мнению, обмен табакерками как культурная традиция отсутствовал по нескольким причинам: в XVII в. калмыки уже проживали в России и не были подвержены китайскому влиянию; в новых природно-климатических условиях отсутствовали минералы, из которых можно было бы наладить собственное производство табакерок, а привозные стоили очень дорого, соответственно, не были востребованы.

Практика табакокурения и ее взаимосвязь с родственным коллективом проникла и в обрядовую практику калмыков. При выборе невесты близкий родственник жениха мог прибыть к ее родителям

[1] Триады — особая форма загадок, в вопросительной части которых называется какой-нибудь один признак, а ответ представляет собой своеобразный перечень предметов и явлений, обладающих этим признаком. В таких загадках главное — помнить традиционное множество объектов с названным признаком. Количество триад достигало 99 и было канонизировано.

как путник, пока угощался чаем и курил трубку нег *һанзин нерлһнд бәәв* (*букв.* был, пока варилась одна трубка табака), мог спокойно рассмотреть потенциальную невесту, так как традиции гостевого этикета и церемоний не требовали спешки. На прибывших сватов от нежелательного кандидата родители не обращали внимания и *«даже не раскуривают ему обычной трубки и не поят чаем, а предлагают уйти со своим подарком»* [Душан 2016: 120]. Таким образом показывали, что не желают пускать их в круг своих родственников, имеющих *нег һулмт* (букв. один/общий очаг).

В предсвадебном этапе күрг үзүллһн (*букв.* показ жениха) о достоинствах и недостатках жениха судили по его товарищам, поэтому последние старались максимально продемонстрировать свои знания и умения. Так, в одной из фигур танца «Хавчур» (*букв.* зажим, тиски), *«наиболее ловкий юноша обхватывал ногами талию своего товарища, после чего, приблизившись к старшему свату 'ахлачи', брал у того трубку, кисет и, свешиваясь головой вниз, набивал трубку табаком, закуривал ее и затем возвращал хозяину»* [Бадмаева 1992: 24].

Особое значение в свадебной обрядности калмыков приобрел кисет для хранения табака. Невеста дарила сшитый ею кисет своему будущему жениху на смотринах жениха *күрг үзүллһн*. После сватовства родители невесты устраивали девичники, на которые приходили родные и соседи-однохотонцы, в числе подарков от которых были обязательно кисеты для табака. Дальних родственников невеста объезжала с прощальными подарками, в число которых также входили кисеты. От них она получала кисеты, платки, отрезы на платье и другие подарки, которые в последующем считались частью приданого. После свадьбы невеста раздавала привезенные кисеты родственникам жениха. По нашему мнению, такой обмен кисетами с родственниками символизировал поддержку родного коллектива и указание на единство происхождения, *нег һулмта* ‘единство очага’. Раздача кисетов родным жениха символизировала единение через огонь очага, но уже с новыми родственниками.

Несомненно, что в начале знакомства с табаком калмыки, как и другие народы, курили «китайский шар» — различные сорта китайского табака, отличавшиеся по цвету и качеству. Можно предположить, что длительное время в течение всего XVII в. они про-

должали курить китайский табак, приобретаемый в ходе меновой торговли или на различных рынках. Со временем стали приобретать табак, продаваемый близ кочевий — в Самаре, Саратове, Астрахани и других местах, выращенный на местных плантациях. Со второй половины XVIII в. в колонии немцев-переселенцев Сарепта стали выращивать сорт табака, который имел название «калмыцкий» [Медведев 2002: 127].

Выращивание табака калмыками напрямую связано с развитием земледелия в Калмыцкой степи. М. М. Батмаев, изучавший зачатки занятия земледелием калмыками в начале XVIII в. на основе архивных материалов выявил, что в 1711 г. Аюка-хан обращался астраханскому коменданту М. И. Чирикову за помощью, чтобы *«зделать совсем чигир, поливать просо и табак»* [Батмаев 1982: 17].

Позднее, в 1742 г., по сведениям, представленным Дондук-Даши, калмыки, кочующие в морских косах за Красным Яром, сеяли близ своих кочевий просо и табак [Батмаев 1982: 18]. О дальнейшем развитии табаководства в Мочагах Каспийского моря в 1748 указано в отчете К. И. Костенкова [Карагодин 1983: 110]. Об этом же упоминает П. С. Паллас, посетивший Калмыцкие степи во второй половине XVIII в.: *«...сказывают, что ныне некоторые из ордынских калмыков поселились близ Каспийского моря для рыбной ловли и начали разводить табак, который они весьма любят»* [Паллас 1773: 472]. В 1756 г. в своих кочевьях Дондук-Даши разбил сад, в котором также выращивал табак вместе с дынями и арбузами.

Исследователи, занимавшиеся вопросами развития земледелия в Калмыцкой степи, отмечали, что к 60-м гг. XIX в. определился набор культивировавшихся сельскохозяйственных растений, в котором наряду с зерновыми, огородными и бахчевыми культурами обязательно сажали табак. Так, еще в начале 20-х гг. XIX в. *«багацохуровский Тукчи-гецуль на урочище Хара-Токе... выращивал пшеницу, просо, табак, арбузы, дыни»* [Карагодин 1983: 102]. Природно-климатические условия и наличие водных источников способствовали тому, чтобы посевы табака давали результат в Малодербетовском, Хошеутовском, Большедербетовском улусах и Мочагах, *«в остальных частях степи все посевы будут пропадать от засухи бесследно»* [Калмыцкая степь… 1868: 152]. По сведениям, которые предоставил нойон Тюмень в 1850 г., его люди занимались

выращиванием табака на Табун Аральской земле, в местности по обоим берегам Волги, где кочевал Хошеутовский улус [Пальмов 1932: 99].

В целях поддержания табаководства в Калмыцкой степи в 1845 г. из Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ было прислано 4 фунта табачных семян, которые были розданы по улусам. В 1847 г. нойону Тундутову были переданы семена табака *«мориландского (15 столовых ложек) и виргинского (2 ложки)»* [Карагодин 1983: 110].

Но наибольший результат в посадках табака был достигнут в Малодербетовском улусе на Ергенинских возвышенностях. В улусе плантации табака располагались по балкам вблизи родников, вода из которых использовалась для полива. В 1844 г. на малодербетовских плантациях табака *«было собрано 583,5 пуда табака, а в следующем — 600 пудов»* [Карагодин 1983: 110]. Об успехах выращивания табака в Малодербетовском улусе говорят следующие данные: *«в 1850 году с 11 десятинной плантации было собрано 1 570 пудов 20 фунтов табака, а в 1852 году на участке в 23 десятины уродилось 1 930 пудов»* [Карагодин 1983: 110]. В 1863 г. в северной части улуса с 10 десятин было снято, по одним сведениям, 1200 пудов табака [Карагодин 1893: 110], по другим — около 2 тысяч пудов табака [Калмыцкая степь… 1868: 150; Бурчинова, Команджаев 1989: 91]; в южной части улуса посевы табака были уничтожены саранчой и полевыми кузнечиками [Эрдниев 1964: 51].

Спустя 20 с лишним лет в 1887 г. число табачных плантаций в этом улусе увеличилось вместе с овощными и достигало около 100. К 1890 г. табаководством в ергенинских балках занималось 125 кибиток, и каждая калмыцкая семья возделывала от 1/12 до 1/3 десятины, получая доход в среднем от 100 до 200 рублей. Хорошие результаты в табаководстве в этот же период были достигнуты в Большедербетовском улусе: в 1888 г. табачная плантация зайсанга Л. Опогинова достигала 30 десятин земли [Бурчинова, Команджаев 1989: 89].

М. М. Батмаев отмечал, что *«калмыки перенимали навыки и опыт земледельческих работ у своих оседлых соседей, но, научившись, они продолжали занятия самостоятельно и не в столь малых размерах»* [Батмаев 1982: 17]. Это относилось не ко всем улусам, в

большинстве из них были единичные или небольшие по размерам плантации табака. Наибольшие площади плантаций были только в Малодербетовском улусе. Так, в 1902 г. здесь имелось 96 плантаций, занимавших площадь в 120 десятин, в 1903 г. — 118 плантаций, площадью 153 десятины [Бурчинова, Команджаев 1989: 106].

В 1890 г. В. А. Хлебников подготовил доклад «О состоянии табаководства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии» [Хлебников 1892: 300–315]. Эти материалы ценны тем, что в них В. А. Хлебников достаточно подробно описал способы посадки табака и ухода за ним: *«Семена выращиваются на особой удобренной навозом и вскопанной лопатой грядке в конце апреля. Всходы пересаживают на плантацию в конце мая. В случае гибели или всходов, рассадка последних на плантации продолжается до конца июля. Плантация перед посадкой рассады взрыхляется плугом, уравнивается и разбивается лопатой на грядки около 5 футов шириной. На каждую погонную сажень такой грядки садится средним числом 8 корней… со времени посева до уборки табаку постоянно выпалывается с грядок сорная трава, обираются черви и ломаются пасынки (боковые ветви). Полив производится одними через день, другими — реже, но во всяком случае не менее одного раза в неделю. Для такого ухода достаточно одного мужчины и одной женщины на 1/3 десятины, если они хорошие работники и никуда от плантации не отлучаются. При этом мужчина работает почти ежедневно, а женщина помогает ему во время, свободное от домашних занятий. Поспевает табак в конце августа и начале сентября»* [Хлебников 1892: 300].

Правда, остается неизвестным: были ли знакомы с таким способом посадки табака предки калмыков — ойраты — еще в Центральной Азии, либо освоили уже с развитием земледелия у калмыков на новой территории в степях Нижнего Поволжья. В пользу последней версии говорит тот факт, что в вышеуказанных примерах калмыки на протяжении XVIII в. земледелием не занимались, но сажать табак пытались. Кроме того, табак стал активно распространяться в России в XVII в. и длительное время был ходовым товаром, доставлявшимся купцами. В это же время калмыки только пришли в приволжские степи, где занимались экстенсивным скотоводством, но уже активно практиковали курение табака. Заинтересованность

в выращивании табака калмыками объяснялась также тем, что они *«употребляли* (табак. — *Т. Ш.*) *для обмывания овец после осенней стрижки, который служил хорошим профилактическим средством предупреждения заболеваний и падежа»* [Бурчинова, Команджаев 1989: 83].

Часто табак использовали как лекарственное средство: *«Все калмыки старожилы уверяют, что они через табакокурение спаслись от цынги и зубной боли. По их мнению, табакокурение предохраняет от гниения десна и зубы. Для сего некоторые из них жуют листовую махорку, иные же натирают нюхательным табаком зубы и десна. Но нюхальщиков нет»* [Львовский 1893: 31]. Считалось, что *«курение его* (табака. — *Т. Ш.*) *необходимо для калмыков как антискорбутное средство»* [Калмыцкая степь… 1868: 150].

В. А. Хлебников подробно описал дальнейшую переработку табачных листьев для хранения и продажи: *«каждый куст дает, средним числом, 6–7–8 листьев табаку, годного к употреблению. Собранные листья нанизываются для сушки на нитки, по просушке вяжутся в пучки (бодык) по 5 листьев больших или по 6 средних или по 7 малых, бодыки связываются по 10 в большие пучки (багла). Каждая багла весит приблизительно фунт, если отбросить толстые, негодные к употреблению концы корешков листьев и перевязку. Багла продается на месте»* [Хлебников 1892: 302]. Так, большой сбор табака в 1863 г. в Малодербетовском улусе был продан *«между калмыками того же улуса, а часть продана в Сарепту»* [Калмыцкая степь… 1868: 150]. Один пучок табака стоил 10–12 коп. Учитывая то, что табак употребляли в Калмыкии повсеместно, и каждая кибитка тратила ежегодно до 15 руб. на покупку табака, табаководство, вероятно, приносило немалый доход владельцам табачных плантаций. Принимая во внимание, что производство табака только в северной части Малодербетовского улуса не могло удовлетворить потребности всего населения Калмыкии, табак ввозили извне, который продавался в стационарных торговых заведениях и в развоз.

В материалах Кумо-Манычской экспедиции, проведенной в конце XIX в., указывалось, что калмыки сажают *«простого табаку — махорки»* [Калмыцкая степь… 1868: 150], продавали на местах, реже — в соседних селах. Махорка распространялась одновременно

с табаком, была дешевле и широко востребована, несмотря на то, что табачная продукция заводского производства в Российской империи в XIX в. активно занимала свои позиции среди населения. По утверждению Н. В. Львовского, изучавшего быт калмыков в конце XIX в., *«калмыки простолюдины курят махорку различных фабрикантов: Дунаева, Семенова и др. Аристократия и богатые хувараки курят высшие сорта табаку и уже не из трубки, а из мунштука в виде папироски»* [Львовский 1893: 31].

«Уже в первые годы Советской власти… передовая общественность Калмыкии объявила кампанию по борьбе с «вредными традициями и обычаями калмыков». К их числу были отнесены ношение камзола, ранние браки, раскуривание общей трубки, употребление круговой чаши и другие обычаи, не отвечавшие зачастую самым элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Они отрицательно сказывались на здоровье, особенно детей» [Дарбакова 1977: 92–93]. В результате проведения широких санитарно-оздоровительных мероприятий и профилактической работы в этот период заметно снизились заболевания глаз, органов дыхания, высокая смертность новорожденных, социальные болезни (бытовой сифилис), но калмыки курить меньше не стали, что было связано с сохранением традиций в быту.

В России в начале XX в. махорка практически вытеснила табак с рынка, чему немало способствовала низкая цена и большой спрос на нее. Ее и жевали, и курили. К началу 40-х гг. XX в. спрос на махорку снова возрос, хотя с развитием табачной промышленности в 1930-х гг. она заметно уступила свои позиции производству сигарет. Во время войны и после нее махорка входила в состав солдатского довольствия, относилась, наряду с некоторыми продовольственными продуктами, к стратегическому запасу страны. С середины XX в., начиная с послевоенного восстановительного периода, в СССР стал культивироваться здоровый образ жизни, и все усиливающаяся пропаганда вреда курения привела к тому, что мужчины еще могли курить, а женщины практически перестали. Вместе с тем отечественная табачная промышленность вплоть до конца 80-х гг. обеспечивала население сигаретами и махоркой.

В период с 1943 по 1957 г. калмыки были незаконно высланы в восточные районы страны, за этот период было многое утрачено

в духовной и материальной культурах, изменился быт. Долгое время воспринимавшие курение как одну из культурных традиций калмыки в новых условиях были лишены его в первое время. С налаживанием быта те, кто привык к курению с детства, получили возможность «вернуться к привычке». К этому времени многие либо успели выменять курительные трубки за продукты ввиду отсутствия табака, либо просто утратили их. Суровые условия, в которые попали калмыки, вынуждали прибегать к различным адаптивным практикам. Мужчины стали больше курить самокрутки из табака или сигареты. Женщины, привыкшие курить в традиционном быту в пределах своего жилища, не могли позволить себе делать это в чуждых для них условиях, часто просто стеснялись курить, даже если табак или махорка были доступны. По нашему мнению, жевание махорки заменило курение по нескольким причинам: нужно было экономить имеющиеся запасы; прибегали к ней как лечебному средству от цинги; как-то скрадывало время при выполнении большого объема различных работ в течение дня.

После возвращения калмыков из Сибири редко кто курил трубки: мужчины если и курили, то сигареты или папиросы, женщины среднего возраста и пожилые больше жевали табак. Популярной у них вплоть до 80-х гг. XX в. была махорка Моршанской табачной фабрики, которая в годы Великой Отечественной войны обеспечивала Красную армию табаком, а также табачных фабрик Саратова, Усмани, Ярославля.

Фото 8. Махорка курительная. Крупка высшего качества. Табачный комбинат, Моршанск. 1968 г[1].
[*Photo 8.* Rustic tobacco (makhorka). Top-quality chopped leaves. Morshansk Tobacco Factory. 1968]

[1] Махорка курительная. Табак СССР. Крупка высшего качества. РСФСР. Росглавтабак. Табачный комбинат, Моршанск. 1968 г. [электронный ресурс] // Мешок. Стритмаркет. URL: https://streetmarket.ru/?ut%5B%5D=МАХОРКА+МОРШАНСК (дата обращения: 20.08.2019).

Фото 9. Продукция табачно-махорочной фабрики г. Усмани[1]
[*Photo 9*. Products of Usman Tobacco-and-Makhorka Factory]

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все вопросы, связанные с традицией табакокурения у калмыков. Тем не менее, анализ материалов из различных источников позволяет сделать нижеследующие выводы. Калмыки познакомились в XVI – начале XVII в. с практикой табакокурения, которая широко распространялась в тот период в Центральной Азии, Сибири, Прибайкалье. Меновая торговля, которой занимались калмыки в XVII–XVIII вв., обеспечивала их необходимым табаком и курительными принадлежностями. Калмыцкие курительные трубки до настоящего времени сохранили форму, характерную для XVI – начала XVII в. Традиция обмена табакерками, интегрированная монголами и тувинцами под влиянием китайцев в XVII в., не стала культурной традицией у калмыков по ряду причин: в XVII в. калмыки уже проживали в России и не были подвержены китайскому влиянию; в новых природно-климатических условиях отсутствовали минералы, из которых можно было бы наладить собственное производство табакерок, а привозные стоили очень дорого, соответственно, не были востребованы.

Курение стало одной из форм коммуникативного поведения у калмыков, благодаря чему выработался целый комплекс действий и представлений, связанных с процессом курения, курительными принадлежностями, этикетом. Табак в традиционном калмыцком

[1] Махорка, крупка курительная № 3, легкая [электронный ресурс] // Госагропром РСФСР. Усманская табачно-махорочная фабрика. 50 гр. Дата выработки – 1987 год / Махорка СССР. URL: https://starina.ru/item/56797172_ ; http://foto.a-le.ru/?attachment_id=2285 (дата обращения: 20.08.2019).

обществе был символом гостеприимства и знака уважения. Социальная и бытовая организация калмыков в XVII–XIX вв. способствовали сложению представлений о взаимосвязи процесса курения с единением родственного коллектива, символикой очага, преемственностью поколений, культом предков.

Курение как культурная практика нашла отражение в обрядовой сфере калмыков. Символика табака прослеживается в традиционной свадебной обрядности калмыков в контексте налаживания новых родственных отношений.

В XIX в. калмыки занимались активно табаководством, хотя попытки разведения табака отслеживаются на протяжении всего XVIII в. С середины XX в. традиционные способы курения табака у калмыков были практически утрачены, вышли из употребления и традиционные курительные трубки.

Литература

Бадмаева 1992 — Бадмаева Т. Б. Калмыцкие танцы и их терминология. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1992. 96 с.

Батмаев 1982 — Батмаев М. М. Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII веке (до 1771 г.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 15–26.

Батырева 2006 — Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 160 с.

Беликова, Зинченко 2012 — Беликова О. Б, Зинченко А. С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 93–105.

Бурчинова, Команджаев 1989 — Бурчинова Л. С., Команджаев А. Н. От феодализма к капитализму. История экономического развития дореволюционной Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 136 с.

Дарбакова 1977 — Дарбакова В. П. Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.

Дуброва 1998 – Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Душан 2016 — Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.

Дьяконова 1975 — Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.

Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 274 с.

Калмыки 2010 — Калмыки. М.: Наука, 2010. 568 с.

Калмыцкая степь 1868 — Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб.: Издание Министерства государственных имуществ, 1868. 341 с.

Карагодин 1983 – Карагодин А. И. Развитие земледелия у приволжских калмыков в первой половине XIX века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 101–121.

Каталог 1902 — Одежда и ремесла астраханских калмыков. 1 Международная выставка исторических и современных костюмов // Каталог отдела одежды. Астрахань, 1902. 38+XIX с.

Львовский 1893 — Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы: происхождение и история // Ученые записки императорского Казанского университета. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1893. 119 с.

Медведев 2002 — Медведев В. Н. Табаководство в немецких колониях Нижнего Поволжья XVIII–XX вв. // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья: сб. науч. ст. Волгоград: [б. и.], 2002. С. 125–136.

Мятлева, Дашибалов 2011 — Мятлева Е. Ю., Дашибалов Б. Б. Китайские влияния в культуре бурят XVII – XIX вв. (на примере курительных трубок) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 186–191.

Небольсин 1852 – Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.

Нефедьев 1834 — Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 290 с.

Паллас 1773 — Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1773. 657 с.

Пальмов 1932 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань: Калм. обл. испол. ком., 1932. Ч. 5: Дела земельные. 185 с.

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Чыргалан 2019 — *Чыргалан С. Ю.* Китайское влияние в культуре тувинцев: традиции табакокурения и табакерки // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 78–82.

Титов 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях с приложением снимка со старинной карты Сибири. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 216 с.

Харинский 1995 — *Харинский А. В.* О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. ст. Иркутск: Изд-во ИРПУ, 1995. С. 207–217.

Хлебников 1892 – *Хлебников В. А.* О состоянии табаководства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: Тип. «Астраханского листка», 1892. С. 300–315.

Хонинов 2008 — *Хонинов М. В.* Наши бабушки курят трубки // Теегин герл. 2008. № 1. С. 44–46.

Шаповалов 2000 — *Шаповалов А. В.* Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 107–121.

Эрдниев 1964 — *Эрдниев У. Э.* К истории земледелия у калмыков // Записки. Вып. 4. Сер. Историческая. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. С. 47–60.

Эрендженов 1980 — *Эрендженов К. Э.* Цецн булг / на калм. яз. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1980. 190 с.

References

[Materials of the Kuma-Manych Research Expedition: Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate]. St. Petersburg: Ministry of State Property of Russian Empire, 1868. 341 p. (In Russ.)

[The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)

Badmaeva T. B. [Kalmyk Dance and Its Terminology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1992. 96 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. Crop farming among the Kalmyks: earliest 18th-century experiences (before 1771). In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Issues of

Agrarian History]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 15–26. (In Russ.)

Batyreva S. G. [Kalmyk Folk Decorative and Applied Arts: 19th – early 20th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2006. 160 p. (In Russ.)

Belikova O. B, Zinchenko A. S. 17th-19th-century smoking accessories from the taiga zone of the Chulym River Valley (south of Western Siberia): pipes. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2012. No. 2 (17). Pp. 93–105. (In Russ.)

Burchinova L. S., Komandzhaev A. N. [From Feudalism to Capitalism: a History of Pre-Revolutionary Kalmykia's Economic Development]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1989. 136 p. (In Russ.)

Chyrgalan S. Yu. The Chinese influence on the Tuvinian culture: tobacco smoking and smoking accessories. *Manuscript*. 2019. Vol. 12. No. 7. pp. 78–82. (In Russ.)

Clothes and handicrafts of Astrakhan Kalmyks. In: [1st International Exhibition of Historical and Modern Costumes: Catalogue of the Clothes Department]. Astrakhan, 1902. (In Russ.)

Darbakova V. P. Kalmyk national traditions and the shaping of modern customs/rituals in the Kalmyk ASSR. In: [Lamaism in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and Histroy, 1977. Pp. 92–100. (In Russ.)

Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: Everyday Life before the Law of 15 March 1892]. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)

Dushan U. D. [Selected Works]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. 376 p. (In Russ.)

Dyakonova V. P. [Tuvan Funeral Rites as a Source for Historical and Ethnographic Research]. Leningrad: Nauka, 1975. 164 p. (In Russ.)

Erdniev U. E. History of crop growing among the Kalmyks revisited. In: [(Scholarly) Notes]. Vol. 4. Ser. 'History'. Elista: Kalmyk Book Publ., 1964. Pp. 47–60. (In Russ.)

Erendzhenov K. E. [The Spring of Wisdom]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 190 p. (In Russ.)

Karagodin A. I. Development of crop farming among the Kalmyks: early-to-mid 19th century. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Socio-Political Development]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 101–121. (In Russ.)

Kharinsky A. V. Revisiting the emergence of smoking pipes and tobacco in Cisbaikalia. In: [Baikal Siberia in Ancient Times]. Coll. articles. Irkutsk: IRPU, 1995. Pp. 207–217. (In Russ.)

Khlebnikov V. A. About present-day conditions of tobacco growing in the northern part of Maloderbetovsky Ulus, Astrakhan Governorate. In: [Peter the Great Research Society of Astrakhan Governorate: Collected Works]. Astrakhan: Astrakhanskiy Listok, 1892. Pp. 300–315. (In Russ.)

Khoninov M. V. Our grandmothers smoke pipes. *Teegin gerl*. 2008. No. 1. Pp. 44–46. (In Russ.)

Lvovsky N. V. Kalmyks of Bolshederbetovsky Ulus (District) and Kalmyk Buddhist temples: origins and history. In: [Scholarly Notes of the Imperial Kazan University]. Kazan: Imperial Kazan University, 1893. 119 p. (In Russ.)

Medvedev V. N. Tobacco growing in the Lower Volga German colonies: 18th – 20th cc. In: [The Lower Volga Region: Historical and Ethnocultural Development]. Coll. articles. Volgograd, 2002. Pp. 125–136. (In Russ.)

Myatleva E. Yu., Dashibalov B. B. The Chinese influence over the Buryat culture of the XVII – XIX centuries (by way of the smoking pipes *ganza* illustrations). *The Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 186–191. (In Russ.)

Nebolsin P. I. [Kalmyks of Khosheutovsky Ulus: Sketches of Everyday Life]. St. Petersburg: Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Nefediev N. A. [Detailed Data about the Volga Kalmyks Collected on Site]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 290 p. (In Russ.)

Pallas P. S. [A Journey across Different Provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1773. 657 p. (In Russ.)

Palmov N. N. [The Volga Kalmyks: Historical Essays]. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1932. Part 5: 'Land Affairs'. 185 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [Traditional Household Activities of the Kalmyks: an Explanatory Dictionary]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Shapovalov A. V. Tobacco in Western Siberia: 17th – 18th cc. In: [Alien – Strange – Our: Observations of Cultural Interactions]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2000. Pp. 107–121. (In Russ.)

Titov A. [Siberia in the 17th Century: Collected Old Russian-Language Articles about Siberia and Adjacent Lands Supplemented with a Picture of an Old Map of Siberia]. Moscow: L. and A. Snegirevy, 1890. 216 p. (In Russ.)

Zhitetsky I. A. [Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life (Ethnographic Observations of 1884–1886)]. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols]. Moscow: Vost. Lit., 2002. 274 p. (In Russ.)

УДК 93
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518

Об ойратской рукописи «Зерцало менге» из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва

Бембя Л. Митруев[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

Аннотация: *Цель* статьи — введение в научный оборот текста на ойратском языке, посвященного астрологическим практикам, из собрания Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва. *Материалы.* Текст представляет собой фрагмент входящей в коллекцию будлийских памятников музея рукописи, которая хранится под шифром М-884. Он составлен на ойратском «ясном письме» (*тодо бичиг*) и является одним из двух памятников на этой письменности из коллекции указанного музея, которые являются астрологическими сочинениями. *Результаты.* В статье даны описание и краткая характеристика рукописи, транслитерация и перевод с ойратского на русский язык.
Ключевые слова: буддийская астрология, письменный источник, музей, Тува, рукопись, ойратский язык, тодо бичиг, перевод, «Зерцало менге»
Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).
Для цитирования: Митруев Б. Л. Об ойратской рукописи «Зерцало менге» из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва. Монголоведение. 2019; (3): 508-518. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518.

UDC 93
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518

‘The Mirror of Menge’: One Oirat Manuscripts from the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic Revisited

Bembya L. Mitruev[1]

[1] Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation) Researcher
Research Associate
ORCID: 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

Abstract. *Goals.* The article introduces into scientific circulation an Oirat-language text dealing with astrological practices and housed by the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic. *Materials.* The text is a fragment of the manuscript included in the Museum's collection of Buddhist monuments under inventory number M-884. This is a Clear Script (Kalm. todo bichig) text, and is one of the two astrological monuments in the Museum's collection. Results. The paper describes, briefly characterizes, transliterates and translates (from Oirat into Russian) the manuscript.
Keywords: Buddhist astrology; written source; museum; Tuva; manuscript; Oirat language; Clear Script; translation; The Mirror of Menge
Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Mitruev B. L. 'The Mirror of Menge': One Oirat Manuscripts from the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic Revisited. Mongolian Studies. 2019; (3): 508-518. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-508-518.

Введение

В Национальном музее имени Алдан Маадыр Республики Тыва имеется коллекция буддийских памятников, среди которых — небольшое число рукописей, написанных на ойратской письменности «тодо бичиг» ('ясном письме'). А. Г. Сазыкин в статье «Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл)[1]» отмечает, что ойратская часть фонда включает в себя всего восемь рукописей, написанных «ясным письмом». Из этих восьми две рукописи относятся к разряду гадательно-астрологической литературы, из которых рукопись под шифром М-884 является астрологическим справочником. [Сазыкин 1992: 45]. А. Г. Сазыкин предположительно датирует эти тексты началом XIX в. [Сазыкин 1992: 45]. В нашей статье в научный оборот вводится фрагмент текста, который хранится под шифром М-884 в Национальном музее имени Алдан Маадыр Республики Тыва [НМ РТ].

Характеристика рукописи М-884

Рукопись состоит из четырех страниц малого размера, на которых черными чернилами «ясным письмом» Зая-пандиты написан текст под названием «Зерцало менге». Пагинация отсутствует.

[1] Прежнее название Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва.

О названии рукописи следует отметить следующее. Термин «менге» (монг., бур. *мэнгэ*, калм. *мең*) неоднозначен. В монгольском языке у него два основных значения: (1) «родимое пятно, родинка», а также (2) «девять астрологических знаков судьбы». Так, у монголов обряд *мэнгэний засал* считался обрядом очищения от несчастия, который совершался через каждый девять лет [БАМРС 2001, 2: 365]. Согласно «Русско-калмыцкому словарю», «родинка» в калмыцком языке — *севг*[1] [РКС 1964: 618]; родимое пятно — *мең* [РКС 1964: 618]. Калмыцко-русский словарь дает следующие значения слову *мең*: (1) родимое пятно, родинка; (2) приманка (для ловли зверя), (3) чистый; червонный (о золоте) [КРС 1977: 350].

Известный монголовед Л. Г. Скородумова в работе, посвященной монгольской астрологии, называет *мэнгэ* «цветовыми знаками» [Скородумова 2004: 23]. Таким образом, название рукописи можно перевести как «Зерцало астрологических знаков судьбы» либо «Зерцало цветовых астрологических знаков». Учитывая неоднозначность термина «менге» и возможные варианты его перевода, далее в тексте статьи мы оставляем термин без перевода[2].

Из анализа содержимого рукописи видно, что между первым и вторым листами пропущено довольно много текста, восстановить который из других источников не удалось.

Рукопись начинается с поклонения Манджушри, которое, по всей видимости, было соединено переписчиком с названием текста, вследствие чего то, что должно было выглядеть как выражение поклонения «Namo Manzušriye» (‘Склоняюсь пред Манджушри’), получило частицу родительного падежа -yin и слилось воедино с названием «Mengge-yin toli» (‘Зерцало менге’). В итоге получилось «namo mañjušri-yin mengge-yin toli» — ‘Намо! Зерцало менге, [принадлежащее] Манджушри’» (или: ‘Преклоняюсь пред Зерцалом менге, [принадлежащим] Манджушри’).

Сохранившееся содержимое «Зерцала» может быть разделено на следующие разделы:

1) описание результата влияния менге (тиб. sme ba);

---

[1] В монгольском языке *сэвэг* — «1) сундукообразная корзинка, плетёное изделие; плетёнка... 2) устар. цибик... повинность в виде серебра в двенадцать тысяч лан»; сэвэг зармаург. 1) чечевица; 2) чечевичный» [БАМРС 2001, 3: 144].

[2] За исключением места в рукописи, где имеется в виду родимое пятно на спине человека.

2) способ повторения мантр для менге;

3) виды менге.

Первый раздел «Описание результата влияния менге» довольно часто встречается в монгольских и тибетских астрологических текстах, а также в работах, исследующих эти тексты. Например, подобного рода объяснения можно увидеть в работах Филлипа Корну «Тибетская астрология» [Cornu 2002: 114–118], Друнгцо «Тибетская элементарная астрология» [Drugtso 2008: 141–148] и Л. Г. Скородумовой «Монгольская астрология Дзурхай» [Скородумова 2004: 24–28].

В разделе «Способ повторения мантр для менге» приводятся мантры, с помощью которых можно избавиться от последствий негативного влияния девяти менге. Для каждого из менге предназначена своя мантра. Схожие объяснения и мантры в несколько другом порядке можно найти на сайте Буддийской традиционной Сангхи России[1].

Раздел «Вид менге» начинается с объяснения способа вычисления изменяющегося менге (тиб. babs sme), который подробно объяснен в книге Филлипа Корну [Cornu 2002: 118–119], а также в работе Друнгцо [Drugtso 2008: 136–138].

За разделом способа вычисления изменяющегося менге следует раздел, посвященный продолжительности жизни человека, родившегося под влиянием определённого знака, его критические периоды и способы устранения неблагоприятного влияния. Также в этом разделе повествуется о том, какое божество покровительствует человеку, родившемуся под влиянием этого знака.

Транслитерация текста

[1a]
namo mañǰušri-yin mengge-yin toli:
nige čaγāndu töröqsen köböün ur-
da nasudān zambutib-yin burxandu
töröbüi: köl salkini kürdü metü

[1] «Девять мэнгэ» или знаки судьбы [электронный ресурс] // Буддийская традиционная сангха России. 4 мая 2018 г. URL: https://www.sangharussia.ru/buddiiskoe-uchenie/devyat-menge-ili-znaki-sudby?fbclid=IwAR07N6UGISDl0EIHQUEG9TaMPIGhGRwVavK2FO97F0egx71mv4tqPcD6zn0 (дата обращения: 22.09.2019).

yabuxu duratai: aman bardam, sanān
čaγān: amitani maldu batu, usun
nüürtei üge batu, ǰüreken xara, baγa
nasutān bayaǰixu, ǰürekeyin toγto-
xu, kelen šürüün, uur yeke, mal batu,
yoro bayar olon, γar-iyēr kümündü
mal bu öq kümün-ēče ab: nom buyan
kebēsü burxandu törökü buyu
sayin kümündü törökü: nom ese
kebēsü tamudu törökü čing sal-
kin metü tüöni temdeq nuraγa [=nurγun] dal-[= tal-]
du temdeqtei mengge bui:: 61 nasul-
xu::
[1b]
2 xaradu töröqsön köböün či
urda nasudān tamuyin yarγačidu X[1] [töröbüi]
uur yeke uxān xara xurim-du se-
deng kümün toxu [=toγa] ügei beyeyin
ǰobolong ükül ali olon γasa-
lang yeke üǰekü: 10 nasunāsa ö-
dö ečige nökörtü γai bolxu:
maldu xuluγai dērme yeke sang
γasba bolbāsu xarāl yeke: uxān
xurdan üileni bütükü buyan ke-
bēsü burxani orondu törökü
mergen gelongdu törökü: buyan ese
kebēsü čidküriyin morindu tö-
rökü. töüni temdeq öbčeündü [=öbčiündü]
sebege bui:: : ::
3 kökö-dü X [töröbüi] sabdagiyin ayimageče
[2a]
klus takixu, dgeslong takilγa:
albin xorliyin [=xorilyin] dongli [=dungli] kekü:: ::
8 oroni saköüsan [=saköüsun] xorloxu, teng

[1] Крестиком в рукописи отмечены опущенные слова, восстановленные — после крестика в квадратных скобках.

geriyin ebečin qan adayin xor irekü,
küür beriyin buǰar belbesüni i-
dē tedeni tebčin ug‘āl kigēd xang
γal namanǰilal üiled:: : ::
9 ulān-du ekener klus xorloxu,
ediyin kišiq aldaxu, toloγoi
öški zürken čēǰi amur ügei
bolun, γolumta kigēd uuli ēče
šiltān bolxu. tengeri saköüsu
xangγan abašiq [=abišiq] ab nasu bütēn
xutuγ dalalxulai maši öl-
ǰüitöi::
mengge tarnidxu yosun inu:
1 čaγān-du oṃ araza xo swā hā:
2 oṃ du ha ke ni swā hā: 3 oṃ
[2b]
bad šali swā hā: 4 oṃ zil te ‘ü
swā hā: 5 oṃ gili gili swā hā:
6 oṃ ban ši swā hā: 7 oṃ pemqe
swā hā: 8 oṃ ǰa ya badi swā hā:
9 ulān du oṃ yani liya swā hā::
bāsa 1 menggeyin šinǰi ene bui:
öbō̄r öbō̄riyin mengge dunda-eče
4 ere buruu 6 eme ǰob tōloǰi
nasundu kürgekü bui:: : ::
γaldu kümün törökülē nasuni čaγ
inu 85 bui: 4 möčölge γai bui 10,
13, 32, 61 ede bui: burxan inu sidada
bui: mal bayaǰixu inu ǰērdeqči
güün dü emēl örgü: ulān kibtü
yodor [=yodur] bičiul liyin belge. šoroi
du töröböösü nasun inu 85 bui:
möčölge 5 bui: 2, 6, 7, 31, 41 ede bui:

Перевод

В сносках даны предположительные тибетские соответствия ойратским терминам.

[1a]

Намо! Зерцало менге (астрологических цветовых знаков), [принадлежащее] Манджушри.

Мальчик, родившийся с **одним белым** менге (‘астрологическим знаком’), в предыдущей жизни был рожден в виде божества этого мира Джамбудвипа. Он любит быстро ходить, его ноги словно ветряное колесо. Он хвастлив[1], но помыслы добродетельны (белы). Он жесток к животным, его облик мягок, но слова тверды[2]. Его сердце черно, разбогатеет молодым, держит сердце под контролем. Его язык груб, гнев велик, скот крепок, у него много знаков радости. Не давай скот людям своими руками, бери у людей. Если будет совершать религиозные добродетели, родится божеством или хорошим человеком. Если не будет практиковать учение [Будды], родится в аду. Он подобен сильному ветру. Его знак — на спине есть особая родинка (или родимое пятно). Доживет до 61 года.

[1b]

Мальчик, родившийся с **двумя черными** менге, в предыдущей жизни был рожден как палач в аду. Его гнев велик, ум черен. На празднования он [приходит] в виде опрятного человека. Испытает бессчётное [количество] телесных страданий, а также много смертей [близких]. Увидит много боли. С десяти лет и далее для отца и родственников будут беды и несчастья. Будет много воровства и грабежа скота. Если станет монахом, будет много проклятий. Ум быстр, действия сбываются. Если будет совершать добродетельные дела, родится в [чистой] земле Будды. Станет ученым монахом бхикшу. Если не будет совершать добродетельные дела, родится в виде лошади демона. Его знак — на груди веснушки.

Родившийся с **тремя синими** менге [пришел] из сферы сабдаков[3].

---

[1] *Амн бардм* — от *амн* ‘рот, уста’ + *бардм* ‘чванство, кичливость, хвастовство, бахвальство’ [см., например, КРС 1977: 40, 82].

[2] Ойр. usun nüürtei üge batu — букв.‘с виду как вода, с твердым словом’.

[3] Тиб. sa bdag — дух или божество-хранитель местности.

[2a]

Совершай подношение нагам, подношения монахам[1]. Сделай «крест»[2] для чинящих препятствия духов[3]. Защитники восьми сторон света чинят вред. Будет вред из-за болезни богов[4] и духов хан ада[5]. Совершай ритуалы омовения[6], устраняющие загрязнение из-за трупа и невесты, а также еды [, полученной из рук] вдовы, и ритуал умилостивления и раскаяния[7].

Когда выпали **9 красных**, вредят наги женского пола, удача богатства будет потеряна, голова, легкие сердце и грудь будут нездоровы. Причиной этого станут очаг и сова. Совершай ритуал умилостивления божеств-защитников и прими посвящение [божества]. Очень благоприятно совершать практику продления жизни и призывания благополучия.

Способ повторения мантр для «менге»

Для 1 белого — Ом араза хо сваха.

Для 2 [черных] — Ом духа ке ни сваха.

Для 3 [синих] — Ом

[2b]

бад шали сваха.

Для 4 [зеленых] — Ом зил тэу сваха.

Для 5 [желтых] — Ом гили гили сваха.

Для 6 [белых] — Ом бан ши сваха.

Для 7 [красных] —Ом пемге сваха.

Для 8 [белых] — Ом джа я ва ди сваха.

Для 9 [красных] — Ом яни лия сваха.

Также вид «менге»

[Расположив] свое собственное менге[8] в середине[9] для мужского года по часовой стрелке, для женских годов — против часовой стрелки. Считают, пока не достигнут возраста [субъекта].

---

[1] В тексте слово dgeslong представляет собой запись тибетского слова dge slong, означающего гелонг ‘монах высшей степени монашеского сана’.

[2] Ойр. dungli, тиб. mdos — ритуальный крест из палочек и разноцветных нитей пяти цветов. Он символизирует либо подношение божествам, либо откупное подношение духам.

[3] Ойр. albin, тиб. ‘dre.

[4] Ойр. tenggeriyin ebečin, тиб. lha nad — безумие, сумасшествие.

[5] Ойр. qan ada, тиб. rgyal po — духи-«цари».

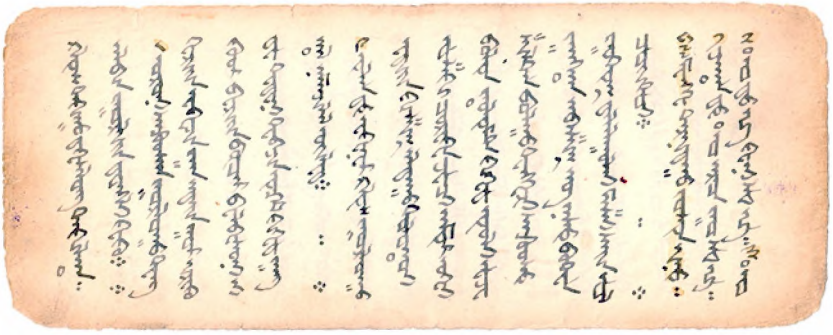
[6] Тиб. chab khrus.

[7] Тиб. bskang bshags.

[8] Менге, обретаемое во время рождения (тиб. skyes sme).

[9] В центральном секторе девяти клеток квадрата мева (тиб. gling dgu). Для мужских годов отсчет начинается с элемента огня, а для женских — с элемента воды.

Факсимиле



Если человек родился под [влиянием] элемента огня, он проживет 85 лет. У него четыре критических периода [в возрасте]: 10, 13, 32, 61. Божество [, покровительствующее ему,] — Ситата[патра][1]. Чтобы разбогатеть скотом, пусть поднесет седло красной кобыле. На флагах из красных шелковых лент пусть напишет «подарок ли[2]».

Если человек родился под [влиянием] элемента земли, он проживет 85 лет. У него пять критических периодов [в возрасте]: 2, 6, 7, 31, 41.

Заключение

Текст интересен для исследователей тем, что приоткрывает мир верований ойратов XIX в., астрологические практики людей, которые регулировали их жизнь. Он показывает схожесть некоторых аспектов ойратской и тибетской астрологических традиций.

Литература и источники

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ө–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

НМ РТ — Национальный музей имени Алдан Маадыр Республики Тыва, Кызыл, Тыва namo manjuśri-yin mengge-yin toli (Рукопись на тодо бичиг, 2 л.). Шифр М 884.

[1] Тиб. gdugs dkar.

[2] Ли — одна из восьми парка (тиб. spar kha), находящаяся на юге.

РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Советская энциклопедия. 1964. 803 с.

Сазыкин 1992 — *Сазыкин А. Г.* Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл) // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. Сб. статей. М.: ВО «Наука», Вост. лит., 1992. С. 45–58.

Скородумова 2004 — *Скородумова Л.* Монгольская астрология Дзурхай. Улан-Батор: Бемби Сан, 2004. С. 102.

Cornu 2002 — Cornu Philippe. Tibetan Astrology. Boston: Shambala, 2002. 294 p.

Drugtso 2008 — Drugtso Tsering. Tibetan Elemental Astrology. Dharamsala: Drungtso Publisher, 2008. 232 p.

References and Sources

[Kalmyk-Russian Dictionary]. Muniev B. D. (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

[Namo mañjušri-yin mengge-yin toil] (manuscript). At: Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic. Inv. No. M 884. 2 p. (In Oir.)

[Russian-Kalmyk Dictionary]. I. K. Ilishkin (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1964. 803 p. (In Kalm. and Russ.)

[Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 2: ‘Д – О’. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Russ. and Mong.)

[Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 3: ‘Ө – Ф’. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Russ. and Mong.)

Cornu Ph. Tibetan Astrology. Boston: Shambala, 2002. 294 p. (In Eng.)

Drugtso Ts. Tibetan Elemental Astrology. Dharamsala: Drungtso Publisher, 2008. 232 p. (In Russ.)

Sazykin A. G. The Aldan Maadyr Museum of the Tyva Republic: collected Mongolian manuscripts and xylographs revisited. In: [Written Monuments of the Turko-Mongols: Textual and Cultural Aspects of Research]. Coll. articles. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1992. Pp. 45–58. (In Russ.)

Skorodumova L. [Dzurkhai: Mongolian Astrology]. Ulaanbaatar: Bambi San, 2004. 102 p. (In Russ.)

УДК 94 (57)
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530

Правовое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII–XIX вв.

Наталья Максимовна Митыпова[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
аспирант
ORCID: 0000-0003-2901-7298. E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению правого положения представителей родовой аристократии бурят в сборниках обычного права XVII–XIX вв. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью правового положения бурятских родоначальников в обычном праве бурят. Представители родовой аристократии бурят непосредственно участвовали в кодификации норм обычного права. Составляя сборники «степных законов», представители родовой аристократии активно приспосабливали нормы обычного права в своих интересах, тем самым закрепляли свое привилегированное положение в обществе. Кроме того, бурятские родоначальники не были ограничены в своей правотворческой деятельности, поскольку им не требовалось приспосабливаться к новым для них законам. *Цель* данного исследования — проследить интересы и привилегии родовой аристократии в нормах обычного права бурят XVII–XIX вв. *Материалы.* Для оценки правового положения представителей родовой аристократии бурят в обычном праве были проанализированы памятники обычного права XVII–XIX вв. Также были использованы следующие методы исторического исследования: историко-диахронный и сравнительно-типологический. *Результаты.* Выявлено, что составляя ответы на запросы царского правительства, бурятские родоначальники приспосабливали традиционные нормы и обычаи с целью утверждения своего высокого правого положения в обществе, а также стремились наделить себя широкими полномочиями. Это нашло свое отражение в системе наказания, земельном вопросе и судопроизводстве. В их ведении оставались административные, фискальные, судебные, семейно-брачные вопросы, а также решение разных спорных вопросов среди населения. Данное обстоятельство послужило процессу активной адаптации уже существующих норм права к интересам бурятского нойонства.

Ключевые слова: обычное право бурят, бурятское нойонство, родовая аристократия, тайша

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Для цитирования: Митыпова Н. М. Правое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII–XIX вв. Монголоведение. 2019; (3): 519-530. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530.

УДК 94 (57)
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530

The Buryat Tribal Aristocracy: Legal Status of Its Representatives in the 17th–19th-Century National Customary Law

Natalia M. Mitypova[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0003-2901-7298 E-mail: mitipova.natalya@yandex.ru

Abstract. *Introduction*. The article deals with peculiarities of legal status of the Buryat tribal aristocracy traced in the 17th–19th-century collections of national customary law. Compiling codes of 'steppe laws', the tribal aristocracy actively adapted customary law to their interests, thereby securing their privileged position in society. Compiling answers to inquiries of the Russian Government, the Buryat aristocrats modified traditional norms and customs with the aim of asserting their high legal position, and sought to vest themselves with broad powers. *Goals*. The article primarily aims to illustrate the interests and privileges of the tribal aristocracy according to 17th–19th-century norms of customary law. *Materials*. The paper analyzes customary law collections of the mentioned period. *Results*. The investigated documents show broad powers of the Buryat tribal aristocracy. The latter remained in charge of administrative, fiscal, judicial, family and marriage-related issues, also being authorized to resolve various contentious questions among the population. In addition, it is important to note that the Buryat tribal aristocracy were not limited in their law-making activities since they did not need to adapt themselves to new laws. As a result, accommodating themselves to the new political situation, the tribal aristocracy sought to both maintain their positions and influence in society, as well as to concentrate broad powers in their hands, which was manifested in adapting customary law to their interests.
Keywords: Buryat customary law, tribal aristocracy, Buryat people, *taisha*
Acknowledgements. The reported study was funded with grant support from the Government of the Russian Federation – No. 14.W03.31.0016 'Dynamics of Peoples and Empires in the History of Inner Asia'.
For citation: Mitypova N. M. The Buryat Tribal Aristocracy: Legal Status of Its Representatives in the 17th-19th-Century National Customary Law. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 519-530. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-519-530.

Введение

С включением в состав Российской империи сибирских территорий, населенных разными народами, решались задачи последова-

тельной интеграции региона в имперское пространство, что нашло отражение в законодательной политике Российского государства. Согласно разным версиям периодизации имперской политики, этап XVII–XVIII вв. [Федоров 1978; Сибирь в составе 2007] характеризуется как период косвенного управлениями народами Сибири. Курс на минимизацию административного вмешательства империи в жизнь коренного населения Сибири означал, что долгое время организация жизнедеятельности народов Сибири осуществлялась в границах унаследованного ими от предков правового наследия (обычного права).

Ключевую роль в системе управления регионом Забайкалья играли фискальные интересы царской администрации. Однако для создания устойчивой системы взимания ясака, а также эффективной системы управления местным населением Российскому правительству требовалась информация о быте и традициях коренного населения, согласно которым регламентировалась жизнь общества. С этой целью русские власти обращались к родовой аристократии бурятских улусов с требованием дать необходимую информацию о таковых традициях и обычаях [Базаров, Даржаев 2008: 31]. Данное обстоятельство дало основание для бурятской родовой знати внести изменения в традиционные нормы обычного права и на законодательном уровне закрепить свое высокое положение в обществе.

Таким образом, подстраиваясь под новую политическую ситуацию, бурятские родоначальники стремились сохранить свое положение и влияние в обществе, а также сосредоточить в своих руках широкие полномочия, что нашло свое выражение в адаптации норм обычного права в своих интересах.

Изучение корпуса источников по данной тематике позволяет рассмотреть правовое положение представителей родовой аристократии бурят в обычном праве в указанный период, а также проследить их интересы и привилегии.

В контексте задач статьи несомненный интерес представляют исследования проблемы обычного права коренных народов России, в том числе и Сибири. Материалы по обычному праву стали активно собираться по инициативе Российского правительства в начале 1840-х гг. Первые работы появились в 1870-х гг. Издание памятников обычного права сибирских инородцев в сборнике Д. Я. Самоквасова

в 1876 г. положило начало научным исследованиям в этой области [История органов самоуправления 2013: 83]. В сборнике опубликованы сведения первой четверти XIX в. в рамках программы по реформированию управления Сибирским краем. В нем представлены отчеты четырех прибайкальских бурятских родов и фрагменты переводов Степных уложений двух забайкальских родов [Тумурова 2004: 10]. Однако опубликованный материал имеет недостатки в виде неточности перевода, примерной передачи правовой нормы, а также неполноты текста [Тумурова 2004: 10].

Рассматривая родовую аристократию XVIII–XIX вв. в контексте обычного права бурят, важно отметить фундаментальную монографию Е. М. Залкинда [Залкинд 1970], в которой проводится анализ брачно-семейных, административных, имущественных отношений в бурятском обществе после присоединения к России до середины XIX в. Большой вклад в изучение норм обычного права бурят внес Б. Д. Цибиков [Цибиков 1970; Цибиков 1992]. Им были опубликованы памятники обычного права хоринских и селенгинских бурят, а также представлен краткий обзор данных документов. Проблемам обычного права бурят посвящены монографии А. Т. Тумуровой [Тумурова 2004; Тумурова 2005]. Автор рассматривает развитие правовой культуры бурят, как части российской правовой системы и ее истории. Следует отметить работы исследователя С. Ю. Даржаева [Даржаев 2001; Даржаев 2008].

Материалы и обсуждение

Одним из наиболее ранних памятников обычного права бурят является «скаска» балаганских бурят, дошедшая до нас в отписке енисейского воеводы Степана Коровьина в сибирский приказ. Данный памятник датируется 1693 г. Этот памятник был обнаружен С. А. Токаревым и был им опубликован в 1939 г. Автор характеризует «скаску» как самую раннюю из сохранившихся записей обычного права бурят [Токарев 1939: 39]. Основная часть документа состоит из 11 статей, которые содержат в себе нормы обычного права бурят. Как отмечает С. А. Токарев, данный исторический источник представляет большой интерес, поскольку в нем зафиксированы правовые нормы в их первозданном виде, вне влияния царской судебной практики [Цибиков 1970: 79].

При изучении памятников обычного права бурят в указанном контексте исследования, особое внимание следует уделить вводной части сборника «степных законов». Вводная часть сборника помогает раскрыть первопричины создания документа, а также круг лиц, которые принимали участие в его составлении.

Вышеупомянутая «скаска», как отмечает С. А. Токарев, является записью сделанной царскими властями со слов «лутчих балаганских братцких мужиков» [Токарев 1939: 39]. Во введении уложения хоринских бурят 1851 г. говорится, что документ был выработан на «полном сейме» Хоринской степной думы 20 декабря 1851 г. в присутствии почетных лам хоринских дацанов, заседателей степной думы, голов каждого отока, выборных, старост, доверенных от населения, «лучших» людей. На этом собрании главный тайша Т. Жигжитов сообщил присутствующим о предписании забайкальского военного губернатора проверить «Степное положение хоринских бурят 1823 года» и, обновив его и снабдив примечаниями, представить ему [Цибиков 1992: 12]. Таким образом, составление подобных документов происходило в присутствии «лучших людей», что давало представителям родовой аристократии бурят возможности адаптации норм обычного права в своих интересах.

Несколько иное происхождение имеет Селенгинское уложение 1823 г. В вводной части документа говорится о том, что данный памятник был составлен без предписания или запроса царской администрации. Его создание — следствие внутренней потребности общества, инициатива местных родоначальников. Для решения острых социальных противоречий в бурятском улусе, представители родовой аристократии приняли решение о составлении нового уложения «в целях судопроизводства возникающих дел» [Цибиков 1970: 8].

Составляя ответы на запросы представителей царской администрации, местные родоначальники стремились сохранить уже существующую практику разбирательства дел на местах, без участия представителей царской администрации, аргументируя данное обстоятельство тем, что «по простоте нравов и непросвещению» это может привести к неразберихе. Приговор Балаганского бурятского общества 17 родов был составлен 17 апреля 1818 г. и являлся от-

ветом на запрос Иркутского земского суда об управлении и судопроизводстве среди бурят в прошлом и настоящем и о намерениях в будущем [Цибиков 1970: 18].

В «мирском приговоре» было выражено мнение, что «по вере нашей ни в каких случаях и никогда от древних наших обычаев и преданий, предками оставленных, и законов нам хранимых, отступать мы не должны» [Цибиков 1970: 19]. Как отмечает Б. Д. Цибиков, причиной этому является не только боязнь неразберихи, но и боязнь административного произвола и судебной волокиты, связанных со взятками и вымогательствами со стороны царского чиновничества [Цибиков 1970: 19].

Порядок судопроизводства нашел довольно полное отражение в сводах обычного права различных ведомств, причем, сохраняя всюду единообразие в основе, он несколько варьирует по отдельным ведомствам. В некоторых уложениях сохранились черты старинного родового суда, в котором велика была роль старейшин, и состав суда не ограничивался одними родоначальниками [Залкинд 1970: 124]. Основная ответственность за сохранение порядка лежала на главных и вторых тайшах. По «степным законам» и предписаниям царской администрации «власть Главного тайши заключалась в сохранении тишины и порядка вверенного ему народа» [Даржаев 2008: 4]. Однако они не могли определять степень вины и вид наказания без решения общества. Только общественный приговор, принятый на общем собрании — суглане — был правомочен назначать наказания [Даржаев 2008: 4].

Как отмечал Е. М. Залкинд, право осуществления суда и судопроизводства родоначальниками для простого народа была палкой о двух концах: избавляя их от мелочного и назойливого вмешательства корыстолюбивых чиновников, она в то же время значительно усиливала власть местных старшин, которые оберегали не столько святость древних обычаев, сколько свои классовые интересы [Залкинд 1970: 123].

Высокий социальный статус родовой знати в памятниках обычного права бурят особенно отчетливо проявляется в системе наказаний и материальных взысканий за нарушение норм обычного права. Нормы обычного права бурят предполагали разные виды наказания, в том числе и телесные.

За оскорбление нойонов и сайтов[1] социальными низами, предусматривалось крупное взыскание с них в виде штрафа и телесные наказание, за оскорбление же нойонами податных взыскивались относительно незначительные суммы [Арсаланов 1986: 108]. Так в Селегинском уложении 1775 г. говорится: «если пьяный сайт изобьет казака или податного без увечья, то он должен отдать один рубль. Если пьяный казак или податной изобьет сайта без увечья, то он должен заплатить штраф одну трехгодовалую лошадь и наказать его розгами» [Цибиков 1970: 36]. Таким образом, тяжесть наказания зависела от положения человека в обществе и его репутации.

Ярко выраженное социальное расслоение бурятского общества в судебной практике наблюдалось еще в XVII в. В «Скаске балаганских бурят» 1693 г., отмечается, что за убийство привилегированного человека платится «анза» в размере 66 голов скота, а за убийство «холопа или холопки» — конь с седлом и уздой или «что за него цены дано» [Арсаланов 1986: 109]. Тайша мог подвергать телесным наказаниям даже сайтов низшего разряда, которые за «послабления в сборе ясака» подлежали наказанию «палочьями, коим длина в русскую сажень, а толщина — смотря по шубе» [Даржаев 2001: 74].

В Хоринских уложениях 1808 и 1823 гг. еще более подробно устанавливаются нормы наказания за оскорбление словами или действиями представителей родовой знати. В данных памятниках последовательно проводится грань между основными классами бурятского общества в первой половине XIX в. — между нойонами и сайтами, с одной стороны, и простыми податными — с другой. Степень наказания зависела от социального статуса не только обидчика, но и обиженного. За оскорбление нойона или сайта предусматривалось крупное взыскание в виде штрафа и телесного наказания по отношению к социальным низам, за оскорбление простых податных нойонами взыскивается относительно небольшая сумма [Цибиков 1970: 28].

Наиболее широкие полномочия родовой знати проявились в нормах обычного права, которые касались вопросов землеустройства. В частности, за представителями родовой аристократии закрепилось право распоряжения земельными наделами подвластного им населения. Такие полномочия родовой аристократии выразились

[1] Сайт — родоначальник.

в различных злоупотреблениях нойонства в вопросах земельного урегулирования. Так, в «Положении о степных законах кударинских бурят…» 1860 г. отмечено: «Так как главный начальник в ведомствах, заседатели думы и родовые старосты, головы никакого жалованья не получают, то в вознагражденье за их службу отводятся им особые участки пахотной и сенокосной лучшей земли в несколько раз более против простого инородца» [Арсаланов 1986:109].

Как отмечает Е. М. Залкинд в своей монографии, аграрными конфликтами заполнена вся вторая половина XIX в., что свидетельствовало о неурегулированном вопросе землепользования. Нойонство, используя свою власть, прибегало к прямому захвату общественных земель или наделов, отведенных подвластным им родовичам. Особенно участились эти захваты к концу изучаемого периода, когда нойонство стремится укрепить свои пошатнувшиеся позиции концентрацией земли в своих руках [Залкинд 1970: 250]. Также через призму социально-экономического развития региона показывает жизнь и деятельность бурятского нойонства крупный исследователь бурятской истории — И. А. Асалханов [Асалханов 1963].

В памятниках более позднего периода мы наблюдаем стремление представителей родовой знати законодательно закрепить отличительные знаки в одежде. В преамбуле к Уложению 1841 г. одной из причин составления данного сборника упоминается отсутствие отличительных знаков для представителей родовой знати. В период первых контактов русских казаков с бурятами, внешние отличия бурятской родовой знати легко фиксировались казаками. Согласно первым отпискам русских казаков, князцы и лучшие люди по преимуществу были конниками и «куяшными мужиками», отличались от остальной массы населения даже внешним видом. Бурятские князцы и их дружинники, «лучшие люди», имели шеломы, куяки, луки и сайдаки [Окладников 1937: 312].

В последующем в правовых актах родовая аристократия постаралась более четко выразить внешние отличия своей социальной группы. Одним из отличительных знаков был определен жинчи — украшение головного убора. Для главных тайшей отоков был определен красный жинчи из маржана (коралла), подставку делали из золота или серебра. Зимнюю шапку следовало шить из соболей

или из их хвостов, а летнюю — из плиса; дэгэлы шить из гладкого или вышитого шелка, воротник дэгэла должен быть с отворотами, вышитыми золотыми нитками, кушаки — из шелка; унты — из плиса или юфти. Также должны были одеваться супруги тайшей [Цибиков 1970: 78].

Шуленги приравниваются к главам отоков, и им предписывалось носить жинчи из ляпись-лазури, а также одежду из вышитого и узорчатого шелка и тонкого сукна [Цибиков 1970: 79]. Простым податным людям было запрещено носить шапки с различными жинчи. За нарушения данного правила полагался штраф [Цибиков 1970: 79]. В статье 53 вышеназванную одежду и отличительный знак — жинчи, показывающий на занимаемое положение, должны носить при посещении высшего начальства, официальных учреждений и празднеств, устраиваемых по законам своей религии. Если вышеназванные положения не будут выполняться, то, считая тех нарушителями постановления, взыскать с них соответствующий их положению штраф в пользу казны дацана [Цибиков 1970: 79].

Заключение

Таким образом, оставление сборников «степных законов» был одним из инструментов для бурятской родовой знати, чтобы закрепить свое высокое положение в обществе в новой сложившейся политической обстановке, а также установить диалог с царской администрацией. «Степные законы» составлялись на собраниях, где основными участниками были представители родовой аристократии, а в более поздний период и представители буддийского духовенства. Безусловно, что при составлении подобных документов представители родовой аристократии действовали в своих интересах. Как отмечает Б. Д. Цибиков писаное право бурят XVII–XIX вв. представляет собой классовое право, составленное преимущественно для охраны верхушки бурятского общества [Цибиков 1970: 5]. Это нашло свое выражение в системе наказаний, судопроизводстве, земельном вопросе, а также в решении более мелких вопросов общего характера. Представители родовой аристократии не были ограничены в своей правотворческой деятельности, им не нужно было приспосабливаться к новым для них законам, в результате чего

составлялись такие нормы, которые позволяли бы им сосредоточить в своих руках широкие полномочия.

Важно отметить, что процесс закрепления прав управления бурятскими родами за родовой знатью носил двойственный характер. Так, в результате прямого администрирования со стороны царского правительства власть главных тайшей не получала законодательную поддержку, за исключением положений, разработанных иркутским гражданским губернатором Н. И. Трескиным в 1812 г. [История органов самоуправления 2013: 149], в связи с чем бурятские родоначальники приложили немало усилий к изменению норм обычного права с целью укрепить свое привилегированное положение.

Литература

Арсаланов 1986 — Арсаланов *Б.* Г. Взаимодействие обычного права и народных традиций у бурят // Исследования по исторической этнографии монгольских народов: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. С. 102–110.

Асалханов 1963 — Асалханов *И.* А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1963. 493 с.

Базаров, Даржаев 2008 — Базаров *Б. В.,* Даржаев *С.* Ю. Влияние русской государственности на процесс эволюции обычного права бурят // Этническая и национальная политика государства в Бурятии XIX – начало XXI вв.: в 2 ч. / под ред. Б. В. Базарова. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 30–44.

Даржаев 2001 — Даржаев *С.* Ю. Степные думы — органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2001. 139 с.

Даржаев 2008 — Даржаев С. Ю. Суд и судопроизводство у бурят в XIX – начале XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. №15. С. 1–10.

Залкинд 1970 — Залкинд *Е.* М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 398 с.

История органов самоуправления 2013 — История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

Окладников 1937 — Окладников *А.* П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, Ленигр. отд., 1937. 424 с.

Сибирь в составе 2007 — Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. Л. Зиновьев, А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. Л. Шахеров, М. В. Шиловский. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Токарев 1939 — Токарев С. А. Памятник обычного права бурят XVII века // Исторический архив. Т. II. М.; Л., 1939. С. 39–50.

Тумурова 2005 — Тумурова *А.* Т. Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. 240 с.

Тумурова 2004 — Тумурова *А.* Т. Обычное право бурят. Селенгинское уложение 1755. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 115 с.

Федоров 1978 — Федоров М. М. Правовое положение народов Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

Цибиков 1970 — Цибиков *Б.* Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1970. 283 с.

Цибиков 1992 — Цибиков Б. Д. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

References

[History of Buryat Local Self-Government Institutions: 19th – early 20th Centuries]. Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L.V. Irkutsk: Irkutsk State University, 2013. 503 p. (In Russ.)

[Siberia in the Russian Empire]. I. L. Dameshek et al. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007, 368 p. (In Russ.)

Arsalanov B. G. The interaction of customary law and national traditions among the Buryats. In: [The Mongolic Peoples: Studies in Historical Ethnography]. Coll. papers. Ulan-Ude, 1986. Pp. 102-110. (In Russ.)

Asalkhanov I. A. [Socio-Economic Development of Southeastern Siberia: Mid-to-Late 19th Century]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1963. 493 p. (In Russ.)

Bazarov B. V., Darzhaev S. Yu. The impact of Russian statehood on the evolution of Buryat customary law. In: [State Ethnic and National Policies in Buryatia: 19th to Early 21st Centuries]. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2008. Pp. 30–44. (In Russ.)

Darzhaev S. Yu. ['The Steppe Dumas' — Buryat Self-Government Institutions in the Russian Empire: 1822 – 1904]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2001. 139 p. (In Russ.)

Darzhayev S. Yu. The court and legal proceedings of the Buryats in the 19th – early 20th centuries. *Public Administration. E-Journal*. 2008. No. 15. Pp. 1-10. (In Russ.)

Fedorov M. M. [Legal Status of Siberia's Peoples: 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1978. 207 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. [History of Western Buryat-Mongols in the 17th – 18th Centuries: Historical Essays]. Leningrad: Sotsekgiz, 1937. 424 p. (In Russ.)

Tokarev S. A. A 17th-century monument of Buryat customary law. *Istoricheskiy arkhiv*. 1939. Vol. 2. Pp. 39–50. (In Russ.)

Tsibikov B. D. [Customary Law of the Khori Buryats: Classical Mongolian-Language Monuments]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 312 p. (In Russ.)

Tsibikov B. D. [Customary Law of the Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1970. 283 p. (In Russ.)

Tumurova A. T. [Buryat Common Law: a Case Study of the 1755 Seleginsk Code]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2004. 115 p. (In Russ.)

Tumurova A. T. [Buryat Customary Law: Genesis]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2005. 240 p. (In Russ.)

Zalkind E. M. [A Social Structure of the Buryats: 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Moscow: Nauka, 1970. 398 p. (In Russ.)

УДК 294.3
DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542

Религиозный фактор и этническая идентичность калмыков после 1771 года

Кеемя Владимировна Орлова[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена религиозному состоянию и идентичности калмыков после ухода их части в 1771 г. в Джунгарию. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной калмыцкой историографии. Грандиозный исход не дал ожидаемых результатов: мечты о возрождении ханства оказались иллюзией, а народ оказался расколотым: одна часть оказалась на территории Китая, а другая — в России. *Цель статьи* — рассмотреть изменения в конфессиональной ситуации у калмыков после 1771 г. в свете вопроса этнической идентичности. *Материалы.* Проанализированы основные законодательные изменения в отношении буддийской церкви, освещены факторы сохранения идентичности. После исхода калмыков российские власти особенно внимательно стали наблюдать за положением буддийской церкви, ее численностью, а также за количеством калмыцких духовных лиц, их влиянием на жизнь как всего калмыцкого общества, так и каждого калмыка. *Результаты.* Показано, что власти понимали и учитывали, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности.

Ключевые слова: калмыки, ойраты, буддизм, Лама калмыцкого народа, идентичность, хурулы, христиане

Благодарности. Работа подготовлена по проекту КалмНЦ РАН при финансовой поддержке объединенной программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

Для цитирования: Орлова К. В. Религиозный фактор и этническая идентичность калмыков после 1771 года. Монголоведение. 2019; (3): 531-542. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542.

UDC 294.3
DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542

Kalmyks after the Year 1771: the Religious Factor and Ethnic Identity

Keemya V. Orlova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk@mail.ru

Abstract. *Introduction*. The article deals with the religious affairs and identity of the Kalmyks after the 1771 Exodus to Dzungaria. This event and its consequences have been comprehensively examined and evaluated by modern Kalmyk historiography. The grandiose exodus yielded no expected results: dreams to revive of the Dzungar Khanate proved an illusion, and the nation became split between China and Russia. *Goals*. The paper seeks to investigate the changes in confessional affairs of the Kalmyks subsequent to the year 1771 – from the perspective of ethnic identity. *Materials*. The work analyzes most essential legal changes towards the Buddhist church, reveals factors to have facilitated the preservation of identity. After the Kalmyk Exodus, the Russian Government put the Buddhist church under strict control, paying special attention to its size and numbers of Kalmyk clergymen, their influence on the whole of Kalmyk society – and each Kalmyk individually. *Results*. It is shown that the authorities actually understood and recognized religion as a socio-cultural element of identity.
Keywords: Kalmyks, Oirats, Buddhism, Lama of the Kalmyk People, identity, *khurul*, Christians
Acknowledgements. The reported work was prepared under the project by Kalmyk Scientific Center of the RAS, funded with financial support from the Fundamental Research Program of the Bureau of the RAS – 'Sustainable Development and Ensuring of Russia's Strategic Breakthrough: Socio-Humanitarian Aspects' (subprogram 'Culturally Complex Societies: Understanding and Controlling').
For citation: Orlova K.V. Kalmyks after the Year 1771: the Religious Factor and Ethnic Identity. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 531-542. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-531-542.

Введение

1771 год — трагический год в истории калмыков. После векового пребывания в России часть калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства вернулась на свои исконные земли. Это событие и его последствия получили широкое освещение и оценку в современной калмыцкой историографии [Дорджиева 2002; Колесник 2003; и др.]. Однако грандиозный исход не дал ожидаемых результатов:

мечты о возрождении ханства в Джунгарии оказались иллюзией, а народ оказался расколотым. Печальная участь постигла прибывших в Китай калмыков: одну группу отправили в Тарбагатайский округ Джунгарии, через некоторое время (1773 г.) они оказались в Карашарском округе Восточного Туркестана, основное население которого составляли мусульмане [Санчиров 1990: 100, 106]; других поселили в 600 км от Тарбагатая; третьих отправили в Урумчинский округ [Санчиров 1990: 107–108]. Все прежние титулы и звания ойратских князей отменили, на прибывших калмыков распространили ту же систему административного и военного устройства, которая в Цинской империи уже существовала, — хошунную (систему «знамен»).

Тем временем в низовьях Волги своим рескриптом Екатерина II упразднила Калмыцкое ханство — соответственно, значительно сократилась территория кочевания, резко упало поголовье скота, затормозилось развитие новых форм хозяйствования, калмыки в своем большинстве остались без владельцев. Перед российским правительством встала задача не допустить повторного исхода оставшихся калмыков, а главное — подсчитать тех, кто не ушел, и решить, что с ними дальше делать.

Согласно данным калмыцких исследователей, в 1720 г. население Калмыцкого ханства исчислялось примерно 55 тыс. кибиток [Калмыки 2010: 49]. Цифра относительно условная, поскольку чиновники традиционно вели подсчет, исходя из: одна кибитка — четыре человека. После ухода численность калмыков незначительно варьируется: 11 258 кибиток [Батмаев 1993: 365]; по подсчетам министерства государственных имуществ — 13 тыс. кибиток, нойонов же — всего 13 человек [Историческое обозрение 1888: 157]. Более достоверные данные приводятся по первой российской переписи (1897 г.) — 143 191 человек [История Калмыкии 2009: 528].

На территории России остались калмыки дербетовских улусов, а также находившиеся вне юрисдикции группы донских, ставропольских, терских и других калмыков. Населению торгутского Эркетеневского улуса и других мелких групп калмыков не дали уйти и вернули на прежнее место кочевания. Икицохуровские улусы владельцев Асархо и Маши вернулись уже после перехода через Яик [История Калмыкии 2009: 428]. Кроме них, не ушли оставшиеся на

полях сражений еще шедшей русско-турецкой войны (1768–1774), из нойонов — Теке, Яндык и Замьян, князь А. Дондуков. Перед российским правительством встала важнейшая дилемма: что делать с оставшимися калмыками, в том числе с оставшимися без владельцев, отставшими во время откочевки. Астраханский губернатор временно назначил своим помощником и главой над калмыками крещеного князя А. Дондукова. Однако его назначение вызвало глухое раздражение среди населения, ибо было воспринято как намерение властей продолжить политику христианизации.

Основная часть

После исхода калмыков власти особенно внимательно стали наблюдать за положением буддийской церкви, ее численностью, а также за количеством калмыцких духовных лиц, их влиянием на жизнь как всего калмыцкого общества, так и каждого калмыка. Правительство было прекрасно осведомлено об активной роли верхушки калмыцкого духовенства в откочевке, особенно его главы — ламы Лоузанг-Джалчина [Дорджиева 1995: 63, 213].

Принятие законодательных актов в 1825, 1834 и 1847 гг. обусловили проведение административной реформы в калмыцких степях. Пристальное внимание было уделено буддийской сангхе. Однако «Правила для управления калмыцким народом» (1825) не внесли существенных изменений в положение буддийской церкви, за исключением одного – Ламу калмыцкого народа включили в состав Комиссии калмыцких дел (ККД). ККД вменялось собирать сведения о состоянии хурулов и калмыцкого духовенства, списки представителей высшего духовенства, *«сведения об отношении владельцев к духовенству, о степени власти духовенства и их обязанностей, влиянии их на дела народа, на владельцев, зайсангов и простолюдинов»* [ПСЗРИ 1830: § 27–28]. Духовенству вменялось решать исключительно духовные дела, не допускалось вмешиваться в светские, кроме разбирательств между супругами и родителями и детьми [ПСЗРИ 1830: § 38; 161, § 56]. Правила 1825 г. таким образом значительно сузили сферу деятельности Ламы калмыцкого народа.

Согласно принятому в 1834 г. «Положению об управлении калмыцким народом» [ПСЗРИ 1835: № 7560], духовная власть передавалась образованному Ламайскому духовному правлению

(далее — ЛДП), куда входили Лама калмыцкого народа и четыре члена, избираемые из числа бакшей или монахов-гелюнгов на три года, они обеспечивались государственным содержанием и, по представлению главного пристава, утверждались астраханским губернатором [ПСЗРИ 1835: § 10, 17]. Лама калмыцкого народа обязывался быть предельно лояльным местной и центральной властям, а как духовное лицо обладать влиянием и авторитетом среди своих соплеменников. ЛДП наделялось правом рассматривать семейные дела, им вменялось наблюдение за духовными лицами, которым без письменного разрешения не позволялось покидать хурулы. ЛДП имело право только присваивать и утверждать духовные звания и степени, собирать сведения о каждом хуруле и его служителях, о доходах каждого хурула и духовных лиц, «о всех вообще сделанных этим лицам и хурулам приношениях» [ПСЗРИ 1835: § 116, 120]. Таким образом, в результате принятия Положения 1834 г. вся деятельность буддийского духовенства оказалась под строгим контролем властей. Оно было отстранено от ведения светских дел, под контролем оказались доходы хурулов. Особенно важно то, что Лама и члены ЛДП были переведены на государственное содержание, утверждались местной властью, соответственно и решения, принятые ЛДП, исполнялись лишь при поддержке Совета калмыцкого управления, астраханским губернатором и министерством внутренних дел.

Завершающим этапом в обеспечении государством полного контроля за буддийской сангхой калмыков стало принятие в 1847 г. нового «Положения об управлении калмыцким народом». В соответствии с ним ЛДП как коллегиальный духовно-административный орган ликвидировался, а его функции передавались Ламе калмыцкого народа [ПСЗРИ 1847: ст. 101]. По данному Положению должность Ламы калмыцкого народа стала штатной единицей в Управлении калмыцким народом, куда входили письмоводитель (как правило, русский чиновник) и переводчик. Избираемый из среды бакшей больших хурулов Лама по представлению министра внутренних дел утверждался высочайшим указом. В обязанности ему вменялось благоустройство и содержание хурулов, нравственное состояние паствы и духовенства, присвоение духовных степеней и разрешение брачных дел. Существенным дополнением в данном Положении, не

зафиксированным ни в Правилах 1825 г., ни в Положении 1834 г., стало обязательство Ламы в присутственных местах с должностными лицами вести переговоры на «российском языке» с переводом на калмыцкий [ПСЗРИ 1847: ст. 185, 189, 190]. Духовные дела распределялись между Палатой государственных имуществ и Ламой [ПСЗРИ 1847: ст. 203]. В обязанности Ламы входило наблюдение за всеми хурулами и «нравственным состоянием» духовенства. Он имел право переводить духовных лиц из низших степеней в высшие. Если имелось увольнительное свидетельство от улусных попечителей, которое подтверждалось Палатой государственных имуществ, то он мог принимать светских лиц в духовное сословие, а также исключать из него, лишать духовного сана, при этом обязательным было уведомление главного попечителя об изменении численности духовных лиц [ПСЗРИ 1847: № 21144, ст. 210–212]. Формально официальный статус Ламы повышался, но реально он оказывался в непосредственном подчинении центральной власти.

Палате государственных имуществ вменялось следить за количеством хурулов и духовенства, чтобы их численность не превышала штатного расписания, предусмотренного Положением 1847 г.: 67 хурулов и 1 656 духовных лиц. Даже эти мероприятия правительства вызывали недовольство со стороны православной церкви, они считали, что меры по ограничению активности буддийского духовенства недостаточны. Так, один из видных церковных деятелей архимандрит Гурий (Степанов) считал, что вероисповедные законы (Положение 1834 г. и Положение 1847 г.) способствовали возвышению религии калмыков.

Однако такие обвинения в адрес правительства не имели оснований. За ними стоит лишь желание понизить роль и значение буддийских духовных лиц, устанавливался жесткий контроль над калмыцким духовенством со стороны властей. В результате принятия данных законов значительно сократилась численность духовенства и хурулов, строго регламентировались строительство новых и ремонт старых хурулов [Дорджиева 1995: 50–52, 55, 65].

Однако буддийская сангха все еще обладала большими кадровыми и материальными средствами, позволявшими ей активно и в то же время негласно противодействовать местной и центральной властям. Несмотря на жесткие требования властей еще большего

сокращения численности буддийского духовенства, в ноябре 1836 г. ЛДП запросило разрешение определять духовных лиц не по числу хурулов, а по количеству населения: «на 200 кибиток при одном хуруле 50 духовных лиц: гелюнгов 25, гецулей 10, манджиков — 15», оговаривая возраст — *«не очень стар и не очень млад»* [НА РК Ф. И-42. Оп. 1. Д. 2. Л. 4]. Хотя еще в 1802 г., по сведениям главного пристава Н. И. Страхова, численность калмыцкого духовенства в начале XIX в. составляла 1 546 человек, он предложил при каждом хуруле установить штат в 100 духовных лиц (25 гелюнгов, 25 гецулей и 50 манджиков), оставшихся сверх штата перевести в светское состояние, запретить семьям калмыков отдавать одного из сыновей в хурул, а владельцам — своих подвластных в шабинеры [Страхов 1810: 18–20]. Зачастую для отвода глаз царских чиновников хурулы закрывались на бумаге, а на самом деле продолжали функционировать. Так произошло с монастырем Раши Лхунбо, который *«на протяжении 50-ти лет (с 1856 по 1906 гг.) считался закрытым, хотя продолжал функционировать»* [Калмыки 2010: 413].

Действительно, соотношение количества буддийских и православных духовных лиц было явно не в пользу последних. Так, в Большедербетовском улусе на 10 тысяч православного населения приходилось не более 15 священников, тогда как на то же число калмыков-буддистов — 133 лам, т. е. в 7,5 раз больше [КЕВ 1881: 16–25]. Такие же данные приводит и Н. Кутепов: *«У донских калмыков 14 хурулов, а у православных в Сальском округе 5 храмов. Калмыки при кочевании отстают от хурулов на 20 верст, а русские храм свой имеют за 40, 50 и даже более верст»* [Кутепов 1891: 111–115].

Астраханские калмыки в 1 895 г. имели 23 больших и 42 малых хурула, в них 1 645 духовных лиц. Крещеных же калмыков за этот же год по станам (Ноин-Шире, Чилгир, Улан-Эрге) и уездам Астраханской губернии (Астраханский, Красноярский, Енотаевский) 951 человек, некрещеных — 140 тысяч [АЕВ 1897: 282–283].

Лояльность российского правительства по отношению к буддистам-калмыкам вполне объяснима. Явное сокращение численности калмыцкого духовенства и хурулов вызвало бы раздражение буддийского мира — Тибета, Монголии, Китая, единоверцев из Бурятии, несмотря на то, что после 1771 г. калмыков не только не отправляли на учебу в тибетские и монгольские монастыри, но и не разрешали

совершать паломничества. Кроме того, правительство имело свои планы относительно буддийской религиозной организации и духовенства — поставить их себе на службу в достижении собственных интересов не только внутриполитических, но и внешнеполитических. Законы 1834 г. и 1847 г., с одной стороны, были направлены на усиление контроля над калмыцким духовенством, с другой — на то, чтобы иметь в его лице союзника.

Власти в действительности понимали, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности. Неслучайно поэтому систематически запрашивались сведения о национальных обрядах, а именно: *«какие духовные обряды совершаются для духовной веры; какие обряды проводятся при погребении, рождении ребенка, браках, какие праздники проводятся»* [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 23. Л. 2], т. е. власть, по сути, осознавала необходимость практических знаний о культуре народа. Вполне логично, что в калмыцкие степи регулярно отправлялись ученые, студенты, миссионеры, священники, которые проводили исследования быта, обычаев и традиций калмыков и оставили заметки, статьи. Суть всех публикаций можно обобщить следующими словами А. А. Бобровникова: *«Калмык думает, что перестанет быть калмыком, когда отстанет от своих древних суеверий и привычек... »* [Бобровников 1865: 499].

Немаловажную роль в этнической идентичности калмыков сыграла ойратская письменность, которую с собой в степи Поволжья принесли ойраты и продолжили развивать калмыки. Переводческая и просветительская деятельность не прекращалась и на новой территории обитания. Буддийские проповедники, несмотря на сложные сентенции или догмы переводных трактатов, старались доходчиво излагать заложенные в них этические, правовые положения. Калмыцкие священнослужители, как *«прямые предшественники и генераторы идей»* [Оглаев 2005: 12] вели активную общественную деятельность, пропагандировали свободу вероисповедания, стремились к основанию национальных школ. Благодаря их самоотверженному труду создавались буддийские школы, сочинялись и переводились новые сочинения, публиковались путевые заметки об их путешествиях в Тибет и Монголию. Так, сочинение багши Дунду хурула Бааза Менкеджуева (1846–1904) положило начало жанру хождений. В своем родовом хуруле он занимался изучением

тибетской медицины, которое пригодилось во время путешествия в *«страну Тибет», «до которой 135 лет никто не ходил»* (цит. по: [Дорджиева 2012: 86]). После Бааза-багши такие длительные и нелегкие путешествия совершали П.-О. Джунгруев, Л. Арлуев, Д. Ульянов.

Немаловажным фактором сохранения идентичности калмыков было поклонение святым местам. Приход в Поволжье калмыков лишил их традиционных культовых мест, на новой территории необходимо было адаптировать прежние сакральные объекты и сохранить незримую связь с прежним отечеством, пусть даже и на огромном расстоянии друг от друга, т. е. *«частичное перенесение сакрального предмета (земли с горы) ... символизировало освящение нового сакрального места по принципу парциальной магии».* Так, считается, что священную гору Богдо калмыки *«перенесли»* и установили вблизи озера Баскунчак, и на новой территории обитания поклонялись и до сих пор поклоняются ей как святыне [Бакаева 2003: 207].

Заключение

Исход калмыков не повлиял на их религиозную и этническую идентичность, хотя большая их часть и покинула пределы новой родины и оставшиеся должны были раствориться. Заложенный код памяти, глубокое проникновение буддизма помогли устоять калмыкам. На ойратской письменности, уже на новой родине именовавшейся старокалмыцкой, создавались оригинальные сочинения, переводились трактаты с тибетского и монгольского языков. Особенно распространенным оказался жанр хождений, памятники которого составлялись известнейшими калмыцкими паломниками, монахами. Эти писания читались, изучались в монастырях, распространялись среди верующих. Устояться религиозной и этнической идентичности калмыков помогло и сохранение монастырей, святых мест, которые были приспособлены и аккомодированы на территории проживания оставшейся части населения.

Источники

ПСЗРИ 1830 — Высочайше утвержденные Правила для управления калмыцкого народа // ПСЗРИ, собрание 1: с 1648 г. по 12.12.1825 г.

Т. 40, отд. 2. № 30290, марта 10, 1825 г. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. С. 155–161.

ПСЗРИ 1835 — Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // ПСЗРИ. собрание 2. 1830–1855. Т. 10. Отд. 2. № 7560. Прибавление к Т. 9, ноября 24, 1835 г. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1835. С. 18–40.

ПСЗРИ 1847 — Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом // ПСЗРИ, собрание 2. 1830–1855. Т. 22. № 21144. Отд. 2, апреля 23, 1847. СПб.: Тип. II отделения собств. Е. И. В. канцелярии,1847. С. 349–372.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Sources

NA RK — National Archive of the Republic of Kalmykia.

Imperially Approved Regulations for Governance over the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2: 1830–1855. Vol. 10, part 2, no. 7560. Supplement to vol. 9: November 24, 1835. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1835. Pp. 18–40. (In Russ.)

Imperially Approved Regulations for Governance over the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2: 1830–1855. Vol. 22, part 2, no. 21144: April 23, 1847. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1847. Pp. 349–372. (In Russ.)

Imperially Approved Rules for the Administration of the Kalmyk People. In: [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1: 1648 to December 12, 1825. Vol. 40, part 2, no. 30290: March 10, 1825. St. Petersburg: Department Two of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Pp. 155–161. (In Russ.)

Литература

АЕВ 1897— Астраханские епархиальные ведомости. 1897. № 7–8. С. 282–283.

Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х книгах. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

Бобровников 1865 — *Бобровников А. А.* Очерк религиозного состояния калмыков // Православный собеседник. 1865. Т. 17, № 8. С. 401–510.

Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской

империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.

Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.

Дорджиева 2012 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX в.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.

Историческое обозрение 1888 — Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. II. Попечительство. Поземельное устройство. СПб.: Министерство гос. имуществ, 1888. 26 с.

История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 848 с.

КЕВ 1881 — Кавказские епархиальные ведомости. 1881. № 1. С. 16–25.

Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.

Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье калмыков. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Кутепов 1891 — *Кутепов Н.* О языческих капищах, или хурулах донских калмыков // Донские епархиальные ведомости. 1891. № 3. С. 111–113.

Оглаев 2005 — *Оглаев Ю. О.* Первые шаги высшего образования в Калмыкии (1920–1943). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. 179 с.

Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука; ГРВЛ, 1990. 137 с.

Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц, песни Савардин. Соч. и издал Н. Страхов. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

References

[History of Kalmykia: from the Earliest Times to the Present Days]. Vol. I. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)

[Ministry of State Property: a Historical Review of the Fifty Years of Work (1837–1887)]. Vol. II: Patronage (of State-Owned Peasants). Management of (State-Owned) Lands. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1888. 26 p. (In Russ.)

[The Kalmyks]. E. P. Bakaeva, N. L. Zhukovskaya (eds.). Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)

Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti. 1897. No. 7–8. Pp. 282–283. (In Russ.)

Bakaeva E. P. [Pre-Buddhist Beliefs of the Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Kalmyks in the 17th – 18th Centuries: Events, People, Everyday Life]. In 2 parts. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Bobrovnikov A. A. An essay on religious affairs of the Kalmyks. *Pravoslavnyi sobesednik*. 1865. Vol. 17, no. 8. Pp. 401–510. (In Russ.)

Dordzhieva E. V. [The 1771 Kalmyk Exodus to China]. Rostov-on-Don: North Caucasus University Education Research Center, 2002. 210 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. Sh. [Buddhism and Christianity in Kalmykia: Analysis of Religious Policies Pursued by the Russian Imperial Government (Mid-17th – Early 20th Centuries)]. Elista: Dzhangar, 1995. 126 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. Sh. [Kalmykia's Buddhism in Confessional Policies of the Russian State: Mid-17th – Early 20th Centuries]. Elista: Kalmyk State University, 2012. 203 p. (In Russ.)

Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1881. No 1. Pp. 16–25. (In Russ.)

Kolesnik V. I. [The Last Great Migration of Kalmyk Nomads: a Relocation of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Their Way Back in the 17th and 18th Centuries]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)

Kutepov N. About pagan shrines, or khuruls, of the Don Kalmyks. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1891. No. 3. Pp. 111–113. (In Russ.)

Oglaev Yu. O. [The First Steps of University Education in Kalmykia: 1920–1943]. Elista: Kalmyk State University, 2005. 179 p. (In Russ.)

Sanchirov V. P. ['Ilethkel Shastir' as a Source on Oirat History]. Moscow: Nauka; GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)

Strakhov N. I. [(Description of) the Present-Day Conditions of the Kalmyk People, Supplemented with (Texts of) Kalmyk Laws and Judicial Proceedings, Ten Precepts of Their Religion, a Prayer, a Morality Novel, a Fairy Tale, Proverbs and 'Savardin' Song]. N. Strakhov (comp.). St. Petersburg: Schnor, 1810. 97 p. (In Russ.)

УДК 394
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-543-563

У каждого своя Сибирь. Биографическое интервью с В. П. Санчировым

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Предлагаемая публикация представляет собой текст биографического интервью выдающего калмыцкого историка-ойратоведа Владимира Петровича Санчирова (1947–2019) и комментарии к тексту. Беседа состоялась в Элисте в 2004 г. в рамках исследовательского проекта «У каждого своя Сибирь», который посвящен важному в истории Калмыкии периоду, но еще недостаточно исследованному антропологами и социологами — депортации народа в Сибирь (1943–1956 гг.) и памяти об этом. *Цели и задачи* проекта — показать повседневные практики выживания калмыков в Сибири, а также и отдать дань уважения к недавно ушедшему от нас старшему товарищу и коллеге. К тексту спонтанных интервью был применен текстологический анализ и метод деконструкции текста. Из транскрибированного текста интервью мы видим стратегии выживания и адаптации юного поколения спецпереселенцев в местах вынужденного проживания, видим, как растет и взрослеет В. Санчиров в Ханты-Мансийске, как противостоит практикам исключения на этнической основе и как переживает стигму запрещенной властью этничности, как знакомится с Калмыкией. Текст интервью представляет интерес всем исследователям депортации калмыков и памяти об этом периоде.

Ключевые слова: депортация, калмыки, репрессии, нарратив, устная история, политики памяти, гендер, дискурс, В. П.Санчиров

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Интервью с В. П. Санчировым. Монголоведение. 2019. № (3): 543-563. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-543-563.

UDC 394
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-543-563

'Everyone's Got His Own Siberia': a Biographical Interview with Vladimir P. Sanchirov

Elza-Bair M. Guchinova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Abstract. *Introduction*. The publication consists of a transcription of a biographical interview of the celebrated Kalmyk historian and Oiratologist – Vladimir Petrovich Sanchirov (1947-2019), supplemented with the author's commentaries. The interview took place in Elista in 2004 as part of the research project *'Everyone's Got His Own Siberia'* dealing with the crucial but understudied period of Kalmyk history – the nation's Siberian deportation of 1943–1956 and memories thereof. *Goals*. The project aims is to investigate the everyday survival strategies of Kalmyks in Siberia, as well as to pay tribute to the recently deceased colleague and friend. *Methods*. The methodology used to study the raw interview text includes the textual analysis and deconstruction. *Results*. The transcribed text shows survival and adaptation strategies of the young generation of *spets-pereselentsy* at places of forced settlements; we see V. Sanchirov's youth in Khanty-Mansiysk, his opposition to ethnical oppression, his dealing with the stigma of government-forbidden ethnicity, and his acquaintance with Kalmykia. The text may be of certain interest to all researchers studying the Kalmyk deportation and memories thereof.
Keywords: Deportation, Kalmyks, repression, narrative, oral story, politics of memory, gender, discourse
For citation: Guchinova, Elza-Bair. *'Everyone's Got His Own Siberia'*: a Biographical Interview with Vladimir P. Sanchirov. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 543-563. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-543-563.

Беседа с Владимиром Петровичем Санчировым состоялась в 2004 г. в Элисте в рамках исследовательского проекта «У каждого своя Сибирь» [подробнее: Гучинова 2005]. Я была знакома с Владимиром Петровичем с детства, но возможность общаться с ним как с коллегой у меня появилась только после окончания Калмыцкого госуниверситета, когда мы стали работать в одном институте.

Это был спонтанный устный рассказ о своей семье и сибирском детстве крупного калмыцкого историка. Присущий В. П. Санчирову ясный стиль мышления отразился в его повествовательной манере, такой же ясной и внятной, — на первый взгляд, даже совсем простой. Однако за лаконичностью формулировок ученого кроется умение точно и корректно формулировать мысль, а также и скромность рассказчика, понимающего ценность своих компетенций.

Владимир Петрович родился в Ханты-Мансийске в 1947 г. Он не знал своего отца, и согласие на биографическое интервью предполагало, что мы затронем и этот деликатный вопрос. Транскрибировав запись на бумагу, я отдала текст Владимиру Петровичу для ознакомления. Санчиров попросил, все оставить как есть, видимо, увидев в смелом решении Марии Васильевны завести ребенка желание обрести новый смысл в жизни после потери двоих детей во время войны — желании, поддержанном ее свекровью.

В. П. Санчиров относится к поколению калмыцких детей, для которых первые образы мира были сформированы за Уралом, а тайга так и осталась образом малой родины, а Сибирь, — может быть, первой малой родиной (или второй?). Он рос, когда в библиотеках не было калмыцких сказок и надо было спорить с мальчишками, что есть такой народ — калмыки. В своем интервью он рассказывает, как по крохам, вопреки обстоятельствам медленно формировалась его этническая идентификация, проявлять которую публично в том сталинском обществе было запрещено. Калмыцкую музыку он услышал впервые в 3-м классе, когда ее передавали по Всесоюзному радио. И только бабушкин калмыцкий язык, общение с земляками и уйгурские сказки с упоминанием калмыков укрепляли его этническую идентичность. Парадоксально, но, когда изъяли калмыцкие книги из библиотек, мальчик нашел в отрицательном фольклорном герое уйгуров — калмыке — опору и подтверждение, что калмыки были не настолько воображаемой общностью, что следы их остаются хотя бы в уйгурских сказках и негативный персонаж сыграл для В. П. Санчирова позитивную роль.

Невидимые практики исключения калмыков хорошо видны в сюжете, связанном с оформлением документов как знаков гражданства. Сыну спецпереселенки не полагался даже такой простой

документ, как свидетельство о рождении, — только справка о рождении. Поэтому получение полноценного свидетельства, о чем рассказчик упоминает дважды, в 1955 г., когда страна жила без Сталина уже два года, становится событием для семьи, по значению равном получению паспорта матерью и отмене ежемесячной регистрации в комендатуре. Это были первые шаги к реабилитации народа.

В предложенном нарративе мы встречаемся с разными стратегиями выживания калмыков, в данном случае — семьи Санчировых. В первую очередь это характерная для многих советских репрессированных семей практика помалкивать, особенно во взаимодействиях в сфере официального [Байбурин 2017: 29]. Эта «тактика слабых» (М. Серто) в противостоянии с могущественным и коварным государством в устах мудрой бабушки звучала пословицей: «Не знаю» — это одно слово, а «знаю» — это много-много разных слов.

Также работало и другое правило, сформулированное Константином Эрендженовым в колымском лагере: *«надо уметь быть полезным людям. Только таким образом, утверждая свою полезность, убеждая своим умением в том, что ты можешь не хуже других, даже в чем-то превосходить, — можно было наравне общаться изгою с теми, кто сделал или считал тебя таковым»* [Эрендженов 2001: 107]. И та же мудрая бабушка, вооружившись суровой ниткой и цыганской иглой, идет в детский сад, который посещает внук, и латает все износившиеся дырявые матрацы.

Наконец, важным было работать изо всех сил. В повествовании дважды упоминается, что «мать работала как лошадь», поэтому «мы жили неплохо». В этом сравнении с животным отражается язык травмы: чтобы жить по-человечески, надо было работать подобно рабочей скотине. Примечательно, что в своем нарративе Владимир Петрович не произнес ни одного штампа, ни разу не сделал обобщений, последовательно оставаясь в рамках индивидуального опыта и семейной хроники.

Стоит отметить, что нарратив В. П. Санчирова о депортации — позитивный в терминах Джеффри Александера [Александер 2013: 164], т. е. его повествование не акцентирует страдание и трагедию как таковые, а депортацию вписывает в исторический процесс,

который продолжался. «Хорошая» память о детстве, которое пришлось на те «проклятые годы» сохранилась почти у всех «калмыцких детей Сибири», которые не застали самого тяжелого времени, или не помнят их как таковые, потому что старшие родственники смогли смягчить тяготы тех лет.

Владимир Петрович хорошо помнил годы, завершавшие сталинское правление, и то, что такого вопроса «ехать или не ехать на родину» для матери не было. Он сохранил хорошую память о сибирских годах, когда его семья жила в лучших условиях, чем вернувшись в Элисту, когда среди калмыков не чувствовалось того социального и имущественного неравенства, которое появилось на обретенной степной родине.

Несколькими словами В. П. Санчиров обрисовал укрепление этнической идентичности у взрослых представителей калмыцкого сообщества из-за жестких рамок этнической группы, границами которой были внешность, калмыцкий язык и незнание русского языка стариками, религия и самый важный на тот момент фактор — обвинение в предательстве, репрессированный статус и выселение «навеки»: «общая беда сплачивала людей», «общались друг с другом больше».

Как видно из нарратива Владимира Петровича, «дети Сибири» не хотели ее покидать и, вернувшись на «настоящую» родину, с трудом привыкали к ее природе, климату, закатам. Процесс этнической идентификации продолжался, и потребовалось время, чтобы привыкнуть и полюбить калмыцкие степи.

Несмотря на «хорошую память», нарратив В. П. Санчирова в целом отражает равновесие добра и зла в обществе. Как и во многих других рассказах калмыков о депортации, в его повествовании присутствуют два противоположных типажа, представляющих власть, как два образа Родины. Нехороший солдат — толкал, пинал, не дал собрать вещи, взять с собой патефон, швейную машинку. Второй успокоил, посоветовал записать на себя чужого ребенка, сойти в Ханты-Мансийске, где климат помягче, и не стремиться в Салехард, где лютые зимы.

Я пришла на работу в КНИИИФЭ в 1983 г., и тогда многие старшие коллеги повторяли шутку о защитах кандидатских диссертаций как о «получасах позора», за которыми следует достой-

ная зарплата всю жизнь. Это были ученые, которые пользовались статусом представителей незаслуженно репрессированного народа и попали во вторую волну вдвойне аффирмативной коренизации в науке в 1960-е гг.

Совсем не таков был Санчиров. Он и вуз выбрал достойный — Ленинградский университет, и поступил на общих основаниях на самый престижный факультет — восточный. В качестве диссертационного исследования он выбрал довольно сложную тему — «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. Написать такую работу было непросто: это и темный, малоизученный, период в истории калмыков, и источниковедческий подход предполагает знание и многих других источников той эпохи, и отечественной историографии того периода, и то, как изучали эту проблему зарубежные коллеги, и то, как она корреспондирует с имеющимися в архивах неопубликованными документами. Вышедшая в издательстве «Восточная литература» эта диссертация [Санчиров 1990], ставшая монографией (много ли из коллег печатались в то некоммерческое время в центральных издательствах?), и сейчас, как и опубликованная в 2016 г. монография «Письменные источники по истории ойратов в XVII–XVIII веках», также вошла в золотой фонд калмыцкой науки [Санчиров 2016].

К сожалению, в той беседе мы ограничились сибирской темой. Студенческая жизнь в Ленинграде осталась за рамками разговора. А как было бы интересно узнать о его интеллектуальной жизни в Питере. Знаю, что он бывал в гостях в легендарной квартире сестер Т. А., Г. А. и Е. А. Бурдуковых на Фонтанке. Как-то обсуждая книжные новинки, я упомянула воспоминания Н. И. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1994]. Оказалось, что Владимир Петрович бывал и у нее дома. Видный этнограф, прошедшая колымские и мордовские лагеря, полностью реабилитированная, сотрудница Кунсткамеры приглашала калмыцкого студента в гости, видимо, потому что видела в нем интересного собеседника.

Рано став книжным ребенком, В. П. Санчиров всю жизнь был книгочеем. В его небольшой квартире основное пространство было отдано под книжные полки, но книги лежали также и на стульях, и на столах. Из его рассказа мы узнаем, что началом этой книжности стала сказка «Чипполино» и атмосфера, в которой он

рос: любящая семья, в которой все уважали знания, и та советская школа с учителями, представлявшими, как рассказывал В. П. Санчиров, в то время особое сословие.

В. П. Санчиров был честным ученым и честным человеком, потому для многих и неудобным. В его нарративе — вопреки общим схемам — он упоминает факты своей семейной хроники во всех проявлениях, независимо от того, какие тренды в современном обществе на освещение подобных событий сформированы, не сгущая красок в описании трудностей: и мы узнаем как о негодяе-калмыке, так и о добром неизвестном сотруднике НКВД. В его памяти калмыков в Ханты-Мансийске не дразнили, но в воспоминаниях других калмыков, чуть старше, мы такие факты находим. Видимо, в 1950-е гг. к калмыкам в этой местности уже привыкли, а может быть, ему повезло с микросредой.

Мы знаем опубликованные научные работы В. П. Санчирова, здесь я предлагаю его спонтанный устный рассказ о детстве и жизни в Сибири — рассказ, который дополняет дорогой для нас образ ученого.

В. П. Санчиров

Я родился в 1947 г. Моя мать Санчирова Мария Васильевна, 1914 г. рождения, до войны была учительницей и жила в Элисте, преподавала историю в средней школе. Ее муж был бухгалтером и работал в потребсоюзе. Когда началась война, муж ушел на фронт и погиб, пропал без вести в Харьковском котле летом 1942 г., и мама осталась одна с двумя детьми. В Элисте было голодно, карточки трудно было отоваривать, и она вынуждена была перебраться в Западный улус, сначала в Башанту, а потом в совхоз «Южный», пряталась там от немцев. Во время оккупации дети заболели дизентерией, эта болезнь заразная, и они умерли один за другим: вначале сын, потом дочь. От мужа не было сведений, похоронку на него она получила позже, уже в Сибири.

Оставшись совсем одна, после освобождения Калмыкии в конце 1942-го – начале 1943 г. мама готовилась к мирной жизни. У нее была котиковая шуба, и за месяц до выселения она ее сменяла на корову. Она с детства была приучена к крестьянскому труду и поэтому думала, что сможет держать корову и немножко этим кормиться.

Ее выселяли из Башанты. В Омской области она попала в латышское село. Определилась в школу преподавателем истории. Директриса, латышка по национальности, очень хорошо относилась к ней, и школьный коллектив тепло ее принял. По весне ей выделили участок под картошку, помогли вскопать. Она посадила картошку и стала жить-поживать дальше. В мае началась навигация по Оби, и часть калмыков определили везти дальше — в Салехард, за Полярный круг. И мама пошла на пристань провожать свою подругу с двумя детьми, вдову, ее муж тоже погиб на фронте.

Там ее заметил бывший башантинский начальник милиции по фамилии Бурлуткин. С ним у нее были испорчены отношения. Когда их вывозили в ссылку, она и ее подруга ехали с ним в одном вагоне. Бурлуткин с семьей ехал в Сибирь с большим комфортом, заняв полвагона. Он заранее знал о выселении и хорошо подготовился. Они были подготовлены, у них был при себе примус, бидоны с маслом, сало, мешки муки. Они жарили оладьи, запах от которых разносился по всему вагону. На второй половине вагона ехали горькие вдовы с голодными детьми. А мама по молодости была человеком горячим. Голодные дети все время плакали, хотели кушать, просили еду, и мама стала ругаться с Бурлуткиным и обозвала его фашистом. Тут он обещал ей припомнить это. Когда Бурлуткин ее увидел на пристани, он выполнил свое обещание и внес ее в список на выезд. Ее прихватывают там. Она говорит: я плакала, кинулась к другим начальникам, но все было бесполезно.

Попался ей один сердобольный начальник из НКВД, который помог ей добрым советом. Он сказал ей: «Вы, гражданочка, сильно не расстраивайтесь. Конечно, дело уже не поправишь — Вам придется ехать. Я Вам дам один совет. Вы — одинокая, у Вас ведь должны быть здесь знакомые люди с детьми? Вы запишите на себя одного ребенка и постарайтесь в пути сойти в городе Ханты-Мансийске. Это хорошее место, богатое. Там картошка хорошо родится, много ягод, рыбы много. Климат там довольно мягкий. Это вам не Салехард, где верная смерть за Полярным кругом».

Мать так и сделала. Сошла в Ханты-Мансийске и, действительно, говорит: мы здесь немножко вздохнули от тягот войны. До войны в эти места завозился большой запас продуктов и товаров на несколько лет вперед. И когда мы приехали, нам вдруг отовари-

ли карточки. Раньше вместо мяса давали яичный порошок, разные суррогаты. А здесь давали муку, масло, сахар, мыло настоящее, а мы дома уже года три не видели мыла.

В Самарове был первенец пятилетки — большой рыбоконсервный комбинат. Самарово — это пристань и поселок в трех километрах от Ханты-Мансийска. Большинство калмыков там стали работать. И это позволило им немного оправиться от пережитых лишений. Производство заключалось в изготовлении консервов из жареной рыбы. Там были отходы производства — рыбьи головы и горелая мука от обжарки в масле. На этом, да еще на картошке калмыки выжили. Воспоминания моего детства: если к калмыкам пойдешь в гости, там выставляется угощение. Обычно это кастрюля с ухой из огромных рыбьих голов и блюдце с маслом и горелой мукой, в которое макаешь картошку. А те, кто остался в Омской области, говорят, там было очень голодно, и многие из них умерли.

О самом Ханты-Мансийске я вспоминаю с очень большой любовью и теплотой. Это был молодой город, основанный в 1932 г. Туда завезли ссыльных раскулаченных крестьян из Приуралья — из Свердловской и Пермской областей. Они стали первыми поселенцами, быстро обзавелись хозяйством — в общем, прижились. И по политическим мотивам, чтобы нас кто-то предателями называл, — такого не было. На национальной почве — да, может, какие-то конфликты возникали, но на политической — никаких. Видимо, все местные знали «справедливость» такого рода обвинений, сами побывали в шкуре врагов народа и поэтому относились к ссыльным калмыкам с сочувствием.

В Ханты-Мансийске было педучилище, а в нем отделение для детей народов Севера. Для представителей местных национальностей — хантов и манси, которые жили в тайге. А самих хантов и манси в городе не было, только несколько человек — из партийной элиты, помню, женщина была, депутат Верховного Совета, еще кто-то, может, и был. Население было в основном русское, да еще татары и некоторые другие, и потом вот калмыки.

И маму сразу же назначили заведующей интернатом для детей народов Севера. Детей вывозили из кочевых таежных поселков и привозили в город. Раньше они учились в школах-интернатах, потом, кто хотел учиться, того привозили в интернат при педучи-

лище. Они жили на полном государственном обеспечении. Я родился в этом интернате. Там у нас была комната. Мама с бабушкой рассказывали, что в общежитии я вольготно себя чувствовал. Как хозяин ходил по всем комнатам. А дети, говорят, были смирные — ошарашенные такой новой жизнью.

Но потом, в 1949 г., что ли, маму уволили с работы, когда поступил циркуляр о том, что ссыльнопоселенцев на всяких таких работах запрещается держать. Она рассказывала, что по разным местам ходила, чтобы устроиться на работу. Специалистов везде не хватало, и ее везде соглашались брать. Когда же узнавали, что она ссыльнопоселенка, то на следующий день ей говорили: «Извините, мы Вас неправильно информировали, оказывается, вакантного места нет». Ей сказали в одном месте откровенно, что город маленький, не ходите, не тратьте время. Есть строжайший циркуляр из НКВД — не брать ссыльнопоселенцев на работу.

Мама вынуждена была пойти на черную работу. Выбор был такой: или на рыбоконсервный комбинат, или же на лесоповал. При леспромхозе были большие ЦРММ — центральные ремонтно-механические мастерские, а при них поселок на окраине города. Бараки для тех, кто там работал. И мать устроилась туда в эти мастерские и получила комнату в бараке. Все мои воспоминания связаны с этим бараком. В мастерских она работала мойщицей. Что это за работа была? Там ремонтировались огромные трактора, моторы которых разбирались на запчасти. Она мыла в солярке детали тракторов. Надо было ножичком отскребывать с деталей грязь и тереть их тряпкой с соляркой. Стояли большие ванны с соляркой, туда огромную шестерню опускают кран-балкой, и женщины ножичком чистят и драят ее. Тяжелая работа и вредная. Ну и попутно всякую другую черную работу выполняли.

У меня в памяти осталась такая картина. Как-то прихожу я к матери на работу и вижу, что всех женщин из ее цеха выгнали на улицу рубить дрова. В те времена вокруг города была вековая тайга, и на дрова шли кедры в три обхвата. Там стоял такой механический колун во дворе мастерских. Спиленные в тайге бревна доставлялись сюда и разрезались бензопилой на чурбаны. А женщины должны были эти тяжелые чурки поднимать до уровня груди и нести их, утопая в глубоком снегу, к механическому колуну.

Здесь их нужно было ставить на транспортер, который подтаскивал огромные чурки к колуну и с размаху бросал на него. Иногда такую операцию приходилось повторять несколько раз, чтобы разбить чурбан на несколько частей, которые уже потом можно было рубить на поленья. Каторжный труд для несчастных женщин.

А сам я ходил в детский сад. В те времена учителя как бы принадлежали к особому, более уважаемому сословию. Они должны были вести себя несколько иначе, чем простая масса, и друг к другу они относились с уважением. Я ходил вначале в городской садик, потом в детсад при поселке, а потом в школу. И везде в городе меня узнавали. Все помнили мою мать как члена учительского коллектива и при виде меня говорили, это сын Марьи Васильевны. Многие учителя при встречах со мной спрашивали о ее здоровье и просили передать ей свой нижайший поклон.

Мы единственные из калмыков жили в этом месте, потом сюда приехала еще одна молодая калмыцкая семья. Более компактно калмыки жили в Самарово в пяти километрах от города и на так называемом опорном пункте между Самарово и Ханты-Мансийском. Туда я ходил в гости с бабушкой. У меня была бабушка, уральская калмычка, которая не знала русского языка, но хорошо знала казахский. Я не знаю, как она умудрялась объясняться с русскими соседями на своем ломаном языке, жестами и разными словами.

Меня растила бабушка. Мой первый язык был калмыцкий. Мама очень сильно беспокоилась по этому поводу. Говорила, вот сыночек мой растет с бабкой и говорит только по-калмыцки. Как же ему дальше жить? А она ей говорила: «Что ты беспокоишься, мы среди русских живем, что же он, не научится русскому языку, что ли? Вот сейчас научится ходить и выйдет на улицу и обязательно научится. И будет говорить по-русски так же, как и все другие». Так оно и случилось. Благодаря бабушке у меня хороший разговорный калмыцкий. У себя дома между собой мама и бабушка говорили по-калмыцки. Калмыцкий язык мы слышали в гостях или дома. А так — кругом была только русская речь.

Мама пользовалась на работе большим уважением. Ее избрали председателем месткома. Она имела высшее образование, а таких было мало в те времена. Я был очень озорной парнишка, дрался с другими детьми, не слушался воспитательницы. И воспитатели

боялись жаловаться, считали мать такой крутой. Мать стороной узнала через знакомую про мои проступки, что я спорил с воспитательницей, дрался, нарушал дисциплину. Она пошла, выяснила, и мне была большая нахлобучка.

Я был в классе из калмыков один. У нас одни соседи были татары. Дело в том, что меня дразнили татарином. Причем для этого города татарская тематика почему-то была актуальная. В городе был краеведческий музей, а в нем экспозиция, посвященная завоеванию Сибирского ханства. В этих местах Ермак воевал, сибирские татары в памяти сохранились. Среди детей отношение к татарам было не очень. Когда я кричал, что не татарин, а калмык, они говорили: врешь ты, нет такой национальности!

Я был книжный мальчик, все искал в книгах и не мог найти упоминания о калмыках. У матери я стеснялся спросить в первом и втором классе. Но потом мне попался один сборник уйгурских народных сказок, изданный еще до войны в Казахстане. В одной уйгурской сказке я встретил упоминание о старом злобном калмыке, с которым воевал главный герой, и это тоже не удовлетворило мое любопытство. Никто мне про Пушкина не говорил.

Учительница относилась ко мне хорошо. Она знала мать по прежней ее работе. Когда Марья Петровна приходила к нам с визитом, мамы обычно дома не было, она была на работе, а принимала ее бабушка. Тогда бабушка бражку на стол ставила. Она там бражку варила на праздники. Когда я в школе выходил из рамок, моя учительница говорила: «Ой, что-то давно я не видела Марью Васильевну, надо бы мне с ней повидаться». Тогда я затихал ненадолго и вел себя прилично.

А мать работала как лошадь. Рабочий день длился с восьми утра до шести вечера, но все время были еще сверхурочные. Она никогда в шесть часов домой не приходила, работала до восьми. Единственный выходной в воскресенье. Тогда можно было еще в баню сходить, постираться, приготовить еду, да еще и в кино сходить.

В детском саду мы спали на матерчатых кроватях, которые раскладывались во время тихого часа, а потом убирались. Со временем они пришли в негодность, и бабушка увидела это и пришла как-то с цыганской иглой и суровой ниткой. И починила все

детские кровати. Почему-то воспитатели сами этого не могли сделать. Даже в газете была потом благодарность ей. Русские соседи иногда просили ее помочь им ухаживать за детьми, она присматривала за ними, шила для них, доила корову. Ее прежние навыки здесь пригодились.

Мама и бабушка были страшно напуганы. При мне, во всяком случае, ничего серьезного не обсуждали. Обрывки их разговоров я слышал только краем уха. Почему мы уехали, как мы попали в Сибирь, за что мы сюда попали — все это для меня была страшная загадка. Когда я спрашивал их, они отмалчивались. Бабушка водила меня к своим знакомым калмыцким старушкам. У уральских бабок второй язык был казахский, они говорили на нем свободно. Я бабкин внук, все время с ней. Они собирались вместе, могли выпить даже. И вот они что-то интересное обсуждают, то поспорят, то взгрустнут. И говорят все время на казахском языке. А мне же интересно знать, о чем говорят, и я тереблю ее: «Эджя, хальмгар келтн (‘Бабушка, говорите по-калмыцки’)».

А когда мы собирались куда-то идти, она меня предупреждала: «Вот когда мы придем в гости, тебя могут чужие люди спрашивать: а что твои мама и бабушка говорят по такому-то вопросу, что они думают? Говори: спросите у бабушки, я не знаю. Никому ничего лишнего не говори». И приводила мне в пример казахскую пословицу: «Не знаю — это одно слово, а знаю — это много-много разных слов». Оказывается, есть такая и калмыцкая пословица. В этом отношении было очень строго.

Как-то я подслушал разговор матери и бабушки, что у них до войны были патефон и швейная машинка. Они все мечтали купить швейную машинку, потому что бабушка умела шить. Мы вынуждены были просить ее у русских соседей, что было неудобно. А иметь патефон в те времена было все равно, что во времена позднего застоя иметь видеомагнитофон. И я приставал к маме: почему ты не взяла патефон? Подушки, зачем эти подушки, можно и без подушек спать. А вот патефон… А мать говорила: «А, так… не смогла».

Сейчас я думаю, что ей тогда просто не разрешили взять. Солдаты же мародерствовали. Кому-то же это досталось потом. Кому-то говорили: «Возьмите швейную машинку, вам она в Сибири пригодится», и те люди до сих пор благодарны, а кому-то запрещали.

Один старик знал моих родителей до войны и даже жил у них на квартире. Я спрашивал у него: может, какие-нибудь фотографии у вас сохранились?

— Нет, — отвечал он, — никаких фотографий не сохранилось.

Я спросил у него: а у Вас что, не было никаких фотографий?

— Почему не было, — отвечал он, — были. Когда я был на фронте, выселяли сестру и мать. Когда их выселяли, то ничего не дали взять с собой. Пришли солдаты, штыком колят их и подгоняют: «давай-давай». Успели только подскочить к вешалке и одеться. Полушубок, шаль и все такое — с чем вышли, с тем и поехали в дальнюю дорогу.

В принципе мать мне особенно нотаций не читала. Я вспоминаю, она практически не занималась моим воспитанием. Мать рано вставала и уходила на работу. Мы вставали рано, в шесть часов. Радио заиграло, и мы вставали. Приходила поздно, измочаленная. Только что успевала умыться, поужинать и спать лечь.

Главная еда была картошка. Мы сажали картошку. Это была моя каторга детства. В том смысле, что надо было с родителями ходить на огород. Когда мама работала в педучилище, ей выделили участок, который за ней сохранился до самого нашего отъезда. В свое время он был на краю города, но затем город разросся, и огород вошел в черту города. Наш участок оказался окружен чужими избами и огородами. Со всех сторон жили хозяева.

Я вот опять вспоминаю сейчас, что тогда люди были какие-то другие. Никто на этот огород шагу не ступал. Дети играют на своих огородах, но на наш — ни ногой. Ничего не брали, ничего не трогали, хотя мы жили далеко от нашего огорода. Смотрите, как сейчас дачи обворовывают, а тогда ничего подобного и в помине не было.

По весне огород вскопать надо было. Копали мать и бабушка лопатами. Уже в последние годы стали пахать. Для этого нанимали человека, который приводил лошадь с плугом и выполнял эту тяжелую работу. Потом сажали картошку, и надо было два раза за лето ее окучивать. А мы уже жили в другом месте, надо было пешком приходить, окучивать. И в сентябре уборка. За один день мы не могли убрать, естественно. К вечеру собранный урожай накрываем мешками и ботвой картофельной от дождя, уходим. Никто не тро-

гал. Нравы были вот такие. Половину урожая мать оставляла там, в подполе у русских соседей, они на зиму его закрывали и только весной открывали. В их подвале один отсек мать у них арендовала — за деньги или за картошку, не помню. Половину урожая картошки мы туда ссыпали до следующей весны. А половину увозили домой. У себя дома тоже в подполе держали. Иногда даже продавали ведрами задешево.

Капусту надо было обязательно на зиму солить. Много было рыбы в те времена, которую покупали с рук. Рыба была кондиционной типа стерлядки. А еще муксун, нельма, язь в разных видах. В магазине продавали только селедку в бочках, сало покупали тоже в магазине. С мясом было труднее. В продаже мяса не было. Если соседи резали свинью, корову, то покупали мясо у них. Колбасу покупали в магазине. Помню, что из колбасы даже делали пельмени, тогда колбасу делали из чистого мяса. И еще грибы покупали, соленые грузди.

Места были исключительно богатые. Я до сих пор не болею простудными заболеваниями только благодаря сибирской закалке. Кедровые орехи на зиму собирали — ну там около мешка соберем и всю зиму щелкаем. И еще сюда привезли в свое время, и два года бабушка выдавала по праздникам. После каждой бури выходили собирать шишки. Тогда от ветра они падали на землю, после этого выходим собирать. И еще когда наш сосед дядя Федя ходил шишковать с большой колотушкой. Он ею стучит по стволу, и шишки падают, а мы в мешок собираем.

Летом были белые ночи. Бабушка моя шустрая была. Она вскакивала в четыре часа утра, ходила землянику собирать с большой красной кружкой. Быстренько соберет полную кружку и домой. А у соседей мы ежедневно покупали литр молока. Пол-литра на калмыцкий чай, пол-литра мне на завтрак с куском черного хлеба. Я на всю жизнь запомнил этот свой аристократический завтрак — хоть и не клубника со сливками, а душистая лесная земляника с парным молоком.

Еще летом было много грибов, но наши грибы не готовили. Если я собирал грибы с соседскими детьми, то отдавал их соседям. Мои родители ели только те грибы, которые покупали в магазине. Чаще всего это были соленые грузди.

Еще другая была каторга — дрова. Все лето кололи и пилили дрова. Когда мы уезжали, у нас были большие запасы — целые поленницы дров, мы их потом продали соседям. Мать свой огород отдала соседям, с которыми поддерживала отношения. А наш огород был очень плодородный, хорошо унавоженный.

Однажды, когда я закончил второй класс, мать летом на работе кипятком ногу обожгла. Хорошо, на ней были резиновые сапоги большого размера, она их моментально скинула. Ожог был не очень глубокий, поверхностный. Но все равно она два – три месяца лежала дома. А мы с бабушкой свой огород сами окучивали, без нее.

Я закончил четыре класса в Сибири. Мне хотелось научиться читать, я ждал с таким трепетом душевным, нетерпением и дождаться не мог, когда же я пойду в школу. И вступление в пионеры тоже было волнующим событием для меня, я его так же ждал. Мы же идеологически индоктринированные детишки росли. Нас на образе Павлика Морозова воспитывали. Спасло то, что наша учительница нас рано приучила к чтению. Она читала нам хорошие книги: сказки Андерсена, Тома Сойера. Громкую читку она нам часто устраивала. От нее услышишь там название какой-нибудь книги и сразу бежишь в библиотеку. Тогда принято было меняться книгами, как услышишь, что у кого-то из моих одноклассников появилась новая книга, бежишь просить. Мне давали, потому что я бережно относился к книгам. И за хорошую учебу я тоже получал в подарок хорошие книги. Во втором классе мне, например, подарили «Приключения Чиполлино». Я ее прочитал, а потом давал читать всем, кто ни попросит, и мне ее зачитали до дыр буквально, она стала рассыпаться.

В шесть часов зимой, например, лежишь. Вот местное радио заговорило и объявляют, что на улице температура 42 градуса мороза. Занятия в младших классах отменяются. Ура! Встаешь, завтракаешь, надеваешь лыжи и бежишь кататься. Наш барак стоял на краю тайги; катаешься, пока не стемнеет по огромным сугробам. Я помню, что на лыжах хорошо катался. Еще ребята катались на коньках. Но мне купили лыжи.

О том, что мы — калмыки, я услышал от мамы. Дома все время разговор шел о калмыках. Наши калмыки собираются в какой-то

день у тех-то. Кто-то приходит в гости и рассказывает: у того-то в семье родился сын, у того — свадьба скоро, у того кто-то болеет. Циркулировали разные новости. Однако активное общение шло между своими, между оренбургскими калмыками. Оренбургские калмыки тяготели к уральским и донским калмыкам и больше общались с ними.

Единственное, о чем мама рассказывала уже потом, что когда я родился, мама пошла оформлять свидетельство о рождении. А ей его не выписали. Ей справку дают, а свидетельство о рождении не выписывают. Мама говорит: «Ну ладно, я виновата, сама не знаю за что. А мой ребенок в чем виноват? Он вообще здесь родился». Ей отвечают: «Нет, ссыльнопоселенцам не положено». Поэтому выдали справку. И я получил свидетельство о рождении только в 1955 г.

Уральские калмыки были более обрусевшие, мораль у них была иная. А из калмыков, что в своем котле варились, многие женщины остались старыми девами или приживалками в семьях родственниц, няньками.

Бабушка моя в Сибири не молилась. В начале 1960-х гг. умерла бабушкина подружка в Башанте. Ее дочь нам давала статуэтку бурхана, а бабушка отказалась взять. Я спрашивал: а почему ты не взяла? Она мне сказала: «Это грех. Если я возьму, то я должна буду исполнять все обряды, соблюдать посты, а я этого не делаю».

Мы жили в бараке, и однажды бабушка меня разыскала во дворе. Пойдем-пойдем, говорит. Там к нашим русским соседям пришел русский поп. Пойди посмотри, может, в жизни больше не придется увидеть живого попа. Хвать меня за руку и потащила. И я, аман ангачкад (‘разинув рот’), смотрел, как совершают обряд крещения ребенка. У соседей был красный угол, а в нем икона. Поп был приезжий из Тобольска. Это был дюжий дородный мужчина, такой важный, борода, крест в руках, кадил что-то. Примечательно, что у бабушки было такое вот паническое настроение: мол, внук растет, и может случиться так, что больше никогда в жизни не увидит русского попа, а тем более калмыцкого гелюнга.

Политических разговоров бабушка очень боялась. Даже в более позднее время, когда я ее расспрашивал о старых временах, она категорически отказывалась говорить. Одно из моих самых

первых воспоминаний — это время, когда Сталин умер. Как картинку помню: детский сад, радио, тарелка, плачущая воспитательница и какая-то сумятица. А дома я не помню, как отнеслись. При мне политику мать вообще боялась обсуждать.

Мать моя была деревенская девушка, сирота. Закончила школу крестьянской молодежи. Училась на рабфаке в Саратове. Потом училась на историка в Сталинградском пединституте. Она училась в одно время с Б. Тодаевой. У нее даже сохранились старые конспекты. Я помню, принес однажды книгу Геродота, и мама взяла книгу в руки и говорит: да, помню, Геродот, отец истории. А когда мы учились, книг не было, все только на слух воспринимали. Только на лекции у преподавателя. Многих книг в библиотеке не было. Поэтому что успеешь на лекции записать, это твое. Поэтому каждое слово своих преподавателей ловили. А какие это преподаватели были! Мать как раз училась во второй половине 1930-х годов. А потом наступило время репрессий, и их всех пересажали. И им сказали, что это были враги народа, и все, чему они учили, это контрреволюция, происки врагов народа. Видимо, мать страшно боялась. Не то скажешь, и тут тебе пришьют контрреволюцию. У нее был комплекс: то, что она старательно учила, что ей преподавали, потом сказали, что это происки врагов народа. А чтобы сама она могла понять происходившее, переориентироваться, по-другому преподносить те же темы, ей было сложно. Вот отсюда ее недоумение и испуг, оставшиеся на всю жизнь.

Первое послабление для спецпереселенцев наступило, когда не надо было ходить отмечаться в комендатуру. Это было унизительно делать: каждый месяц туда ходить. А потом она паспорт получила на руки и полноценное свидетельство о рождении для меня. Это было событие.

Помню, прибежала русская соседка и говорит, что по радио объявили о том, что будет концерт калмыцкой музыки в час дня, вы слушайте. Я учился в классе третьем. Тогда-то я впервые услышал калмыцкую музыку.

Ехать или не ехать домой, такого вопроса у матери не было. Однозначно решили ехать. К этому времени мы уже расширились в бараке, получили вторую комнату. К этому времени мама должна была получать уже большие северные надбавки, льготы. Но все

равно все бросила и уехала. Барахла у нас было мало, мы все забрали с собой: постель, белье, одежду.

Пять суток из Ханты-Мансийска мы плыли на пароходе до Тюмени. А в Тюмени нас погрузили в товарные вагоны, и мы ехали медленно по железной дороге — недели две. Долгие остановки на полустанках, это был товарный поезд, а не пассажирский.

Мне не хотелось ехать. Но меня так особенно и не спрашивали. Там у меня были товарищи, все было знакомо. Мы уже жили хорошо. Две большие комнаты и одна из них в моем распоряжении. Я был отличник в школе. Я не очень хотел уезжать. Но с другой стороны, там была тогда психология такая, что где-то есть большая земля, а мы живем на дальнем севере. Сообщение с нею, навигация только летом. Зимой прекращалось всякое движение. Замерзала река и автотранспортом не помню, чтобы ездили. Поэтому все, кто жил там, у них мысль о большой земле всегда была — поехать учиться, поехать отдохнуть. Где-то есть красивая жизнь: ходят поезда, автобусы, метро.

Мы приехали в Дивное. Страх божий! Я же родился и вырос в тайге. Меня степь напугала. Абсолютно ровное место. Ни кустика, ни деревца, мне стало чуть ли не физически плохо. Мы приехали 14 июня. Это был ужас. Напугало и то, что вдруг стремительно и быстро солнце закатилось. У нас же там были белые ночи. А здесь темная-темная ночь и яркий-яркий день. Жара. Акклиматизация у меня была трудная: болячки на ногах и руках появились и сильно чесались. Врачи сказали, что это от перемены климата.

Когда мы жили в Сибири, последние пароходы приходили и привозили арбузы и мандарины. Раз в году покупались мандарины и два-три арбуза. И мне разрешалось их есть один раз в год от пуза. А так я вырос на лесной ягоде: землянике, бруснике, чернике, ежевике. Клюква считалась сорной ягодой — слишком кислая, много сахара требовала. Стакан кедровых орехов стоил 50 коп. А стакан лесной малины, такой пахучей, вкусной — один рубль. Воду носили коромыслом, и мы даже привезли коромысло сюда, и я воду в Элисте носил коромыслом. Здесь мы жили очень плохо, нищенствовали, а куда было ехать?

В Сибири я не слышал обвинений в том, что калмыки — предатели. Коммунистическая власть, чтобы успокоить свою нечистую

совесть, устраивала показательные процессы в Элисте. И так лет 15 эти обвинения еще звучали.

Родители всегда вспоминали с благодарностью людей Сибири. А я вспоминаю свое детство в Сибири как прекрасную, счастливую пору. И жили вроде богаче и общались друг с другом больше. Общая беда сплачивала людей. Прекрасная тайга была рядом, сейчас уже там нет такой, всю повырубили. Наш барак стоял на холме, и через полкилометра — Иртыш. Изумительный был вид, особенно весной, когда Иртыш разливался.

Для калмыков эти годы оказались разрушительными в смысле утраты языка и своей культуры. Но имелся и положительный момент: та часть народа, которая раньше не имела контактов с русскими, приобрела опыт проживания в иноэтничной среде. Молодое поколение выросло и могло выживать в русской среде, это те, кто через Сибирь прошел. Но это же привело к утрате языка. Многие люди обзавелись в Сибири полезными специальностями. С другой стороны: а что, если бы не выселяли, то разве они не получили бы высшего образования или хорошую специальность здесь, в Калмыкии?

У меня было в принципе очень счастливое детство в Сибири. Потому что мать работала как лошадь и прилично по тем временам зарабатывала. Я не ходил в обносках. К нам в гости приходила девочка одна, говорила: как я люблю к вам в гости ходить. Там в Сибири очень тесно, близко общались, жили дружно. А здесь такое общение прекратилось. Расслоение пошло. К тем, кто стал начальником или жил побогаче, стало так, что уже запросто и не завалишь в гости, и они сами не придут к вам.

Литература

Александер 2013 — *Александер Д.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Праксис, 2013. 639 с.

Байбурин 2017 — *Байбурин А.* Советский паспорт. История-структура-практики. СПб.: Изд. ЕУ в СПб., 2017. 486 с.

Гаген-Торн 1994 — *Гаген-Торн Н. И.* Мемория / сост., предисл., послесл., примеч. Г. Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение. 1994. 415 с.

Гучинова 2005 — *Гучинова Э.-Б.* У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 400–442.

Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука; ГРВЛ, 1990. 175 с.

Санчиров 2016 — *Санчиров В. П.* Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 269 с.

Эрендженов 2001 — *Эрендженов К. Э.* Чудесная планета. Страницы воспоминаний. М: Новый ключ, 2001. 142 с.

References

Aleksander J. C. The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. G. Olkhovikov (transl.). Moscow: Praksis, 2013. 639 p. (In Russ.)

Bayburin A. [The Soviet Passport: History, Stricture, Practices]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2017. 486. (In Russ.)

Erendzhenov K. E. [*The Marvelous Planet*: Pages of Memoirs]. Moscow: Novyi Klyuch, 2001. 142 p. (In Russ.)

Gagen-Torn N. I. [Memoria]. G. Yu. Gagen-Torn (comp., foreword, etc.). Moscow: Vozvrashchenie. 1994. 415 p. (In Russ.)

Guchinova E.-B. 'Everyone's Got His Own Siberia': two stories about the Kalmyk Deportation. *Antropologicheskij Forum*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)

Sanchirov V. P. ['*Iletkhel Shastir*' as a Source on Oirat History]. Moscow: Nauka; GRVL, 1990. 175 p. (In Russ.)

Sanchirov V. P. [Written Sources (Monuments) on Oirat History: 17th – 18th Centuries]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS, 2016. 269 p. (In Russ.)

УДК 39
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582

Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций)

Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября–26 октября)[1]

Наталия Львовна Жуковская[1]

[1] Институт этнологии и антропологии РАН (д. 32а, Ленинский просп., 119991 Москва, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот сведений по истории этнографического изучения монгольских народов. В работе публикуется дневник, который автор вела в период работы в Советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции. Работа экспедиции началась в 1969 г., в дневнике освещаются события периода с 27 сентября по 26 октября 1969 г. Публикуемые материалы содержат сведения о повседневности полевой экспедиции, об особенностях жилища монголов, их быта, обрядности, а также о приметах.

Ключевые слова: Монголия, Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция, 1969 год, дневник

Для цитирования: Жуковская Н. Л. Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 27 сентября–26 октября). Монголоведение. 2019; (3): 564-582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582.

[1] Данная статья является продолжением статей, опубликованных в журнале «Монголоведение» (2018. № 3; 2019. № 1, 2) [Жуковская 2018; Жуковская 2019а; Жуковская 2019б].

UDC 39
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582

The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions)

Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: 27 September–26 October)

Natalia L. Zhukovskaya[1]

[1] Mikloukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky Ave., Moscow 119991, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Center for Asian and Pacific Studies
ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Abstract. *Goals*. The article introduces into scientific discourse materials dealing with the history of ethnography research of Mongolic peoples. The work publishes a diary kept by the author during the Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition. The expedition began its work in 1969, and the diary covers the events of 27 September to 26 October 1969. The introduced materials contain data about everyday activities of the field research expedition, describe specific features of the Mongolian dwelling, local household traditions, rites and superstitions.
Keywords: Mongolia, Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition, 1969, diary
For citation: Zhukovskaya N.L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (Celebrating the 50th Anniversary of the Soviet-Mongolian Academic Expeditions). Diary of the Ethnography Research Team (Continuance: 27 September – 26 October). *Mongolian Studies*. 2019; (3): 564-582. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-564-582.

27 сентября. Хулэн-Буйр. Восточный аймак, правый берег Керулена, 120 км от Чойбалсана. Население: шинэ-барга, прибывшие в 1945 г. из Внутренней Монголии; халха из разных частей Восточного аймака. С утра Бадамхатан и я отправились к информатору, бывшему ламе, баргуту. Однако у него в этот день происходило переселение из летника (небольшой избушки из деревянных досок) в юрту, утепленную по-зимнему. Он просил прийти завтра. Хулэн-Буйр — это сборное название. Барга, прибывшие сюда во

Внутренней Монголии, жили между озерами Хулэн и Буйр-Нур. Данное место является соединением этих названий. Информатор — мастер по изготовлению деревянных колес для повозок (с деревянным ободом и деревянной сердцевиной, закрепляемой деревянными же втулками).

Вечером с Цэрэннадмид зашли к двум старикам: оба из баргутов, живущих в Хулэн-Буйре; здесь живут представители родов галзут, харсуд, хувдут. Информатору 76 лет, он из рода галзут, из тех баргутов, кто в 1945 г. приехал в эти места из Внутренней Монголии. Имя первого Норов. Информатор живет один, в маленькой юрте, волосы заплетает в косу, что сейчас в Монголии редкость. Хошун Шинэ-цагаан — место, из которого прибыл второй информатор Барча, род галзут. В этой местности был монастырь Дун, который был построен в 1949 г. Его закрыли в 1959 г. Все ламы этого монастыря переехали в Гандан, единственный ныне действующий монастырь в МНР. Это был баргутский монастырь, привезенный баргутами из Внутренней Монголии. Нового *обо* при монастыре они не строили, здесь было старое *обо*.

В сомоне Хулэн-Буйр живут представители следующих родов: еншибу, шарад, озон, сехер, авугсуд, улият, жорон, харган, галзут, хагсуд. Все эти роды раньше жили в 4-х сомонах, 17 хошунах. Вместе с бурятским будет 18 хошунов. Узумчины имели отдельно 49 хошунов. Главное обо местного хошуна называется Баин-уул. После 1945 г. там больше не было молений. Спросила, слышали ли они про кибитку Чингис-хана, которую привезли с собой узумчины. Ответ: нет, не слышали. Про местечко Эджен-хоро, где отмечался ежегодно культ Чингис-хана, они тоже ничего не слышали. Слово Эджен- хоро их вообще удивило (взамен предлагалось почему-то Дуинхор).

28 сентября. Утром я и Бадамхатан пошли к информатору-ламе, который вчера из-за переезда из летника в зимник не смог нас принять. Его не оказалось на месте. Работы по переезду были в самом разгаре. Вокруг лежали войлоки, внешние покрытия для юрт, уни и пр. Различные предметы сушились на повозках. Вокруг стояло довольно большое количество двухколесных повозок с деревянными колесами, изготовленными хозяином этого дома. Колесо целиком деревянное: спицы, обод, центральная часть, куда встав-

ляются спицы, втулки, клинья. Спиц — 18, они радиальные, а не сквозные. Обод состоит из 2-х частей, которые скрепляются друг с другом посредством вставления зауженной части одной половины в отверстие другой. В центральное отверстие оси вставляется втулка (также деревянная), в которую вбиваются деревянные клинья-гвозди, чтобы она держалась и не вылетала при езде. Более поздний вариант такого колеса: обод обтягивается резиной, а сверху на резину накладывается железный обруч. Еще более позднее колесо — железное с двумя рядами спиц по оси, но один ряд — по ободу. Всего спиц также 18 (в таком колесе все железное: спицы, обод, ось, втулки уже нет). Тут же возле юрты стояла маленькая тележка с маленьким колесом (d=50 см), обитым железом. Диаметр большого колеса от 1 м до 1,80 м (возможны и иные варианты).

Тут же рядом группа семей делала кирпичи для печей в юрты на зиму. Кирпич делался из земли и воды без всякого цементирующего состава, закладывался в формочки, а оттуда вываливался сушиться прямо на солнце. Рядом стояли штабели уже высушенных кирпичей. Занимались этим восемь человек. Печи, сложенные из такого кирпича, действуют до 10 лет, но их обычно меняют года через три. Маленькая юрта хозяина-баргута конструктивно ничем не отличается от обычных халхаских юрт. Те же формы крепления стен, уней, дымового отверстия. В последнем имеется стеклянное окошко, купленное хозяином у бурят (так что в целом для баргутских юрт это явление не типичное), дымовое отверстие держится на одной вертикальной стоящей опоре — для маленькой юрты этого вполне достаточно.

Во второй половине дня пошли на главное хошунное обо. Это самая высокая гора из окрестных — 5 км от сомона на юг (одно из ее названий Их-уул, другое — Баян-обо). На северном склоне горы, не доходя до вершины, среди естественного скопления камней мы обнаружили около двух десятков книг в слипшемся размокшем, заплесневелом состоянии. Тут же валялись жертвенные чашечки, ритуальный кинжал пхурбу, ящик с набором трав. Бадамхатан считает, что после смерти какого-то местного знахаря все это было доставлено сюда его родственниками. Поднявшись вверх по склону на главную вершину горы, мы вышли к обо — бывшему главному хошунному обо этого хошуна — Саруул-гун хошун. Обо имеет

центральную и 12 небольших каменных куч вокруг. Но все это в заброшенном виде. Свежих следов почитания нет. Стоит курильница — небольшая, резная, бронзовая. По бокам 6 из 8 буддийских драгоценностей из традиционного алтарного набора. Крышка с поломанной ручкой. На крышке рельеф в виде буддийской молитвы *ом мани падме хум*.

29 сентября. Утром опять пошли к информатору-ламе. На этот раз он помогал печнику в собственной юрте складывать печь. Беседа опять не состоялась. Вечером ребята — Жанлав, Лубсан, Цэрэннадмид, Бадамхатан — взялись готовить борцоги. Для этого был желателен такой набор продуктов: масло сливочное — 0,5 кг, мука — 3 кг, сахар — 0,5 кг. Желательно было бы на это количество муки еще 5 яиц и еще 1 кг масла сливочного. Затем тесто раскатывается в лепешку, режется на небольшие кусочки, которым придается разнообразная форма. Все это кипятится в масле несколькими порциями, по 15 минут каждая. Масло — это растопленный коровий жир, может быть и бараний жир, и подсолнечное масло. Одна из фигурок борцогов делается в виде змеи, свернувшейся кольцом. Ее первой бросают в котел с кипящим маслом: считается, что она впитывает в себя весь яд, содержащийся в масле. Ее не едят, а бросают в огонь и сжигают. А вот Цэрэннадмид ее съела, не испугалась.

30 сентября. Днем я и Бадамхатан ходили на обо (третье по счету, расположенное вокруг сомона Хулэн-Буйр) примерно в 6 километрах на юго-запад от сомона. Обо представляет собой небольшую кучу камней плюс шесть еще более маленьких вокруг, никаких предметов, монет, курильниц, денег — ничего нет. От этой горы к юго-западу в километрах двух возвышается еще одна гора с обо. Так что с юга идет целый пояс гор, увенчанных обо. Практически каждая из этих гор имеет хоть какое-нибудь обо. Вечером ребята делали хушуры. Угощали нас ими. Вслед за хушурами был испечен бин (китайский вариант блина) на масле, слоеный, из теста без сахара!

1 октября. Ходила по сомону, знакомилась с его общим видом. Жилая часть — юрты, вытянутые с востока на запад со входом-выходом на юг, стоят двумя параллельными рядами. Третьим, с северной стороны, рядом тянутся административные постройки. Дэлгур (магазин), выставочный зал с достижениями полеводче-

ской бригады, столовая, гостиница, детсад, ясли, больница, почта, правление сомона и сомонного комитета партии, школа (старое здание и территория с трибуной и мачтой с флагом), рядом строится новая школа — заложен кирпичный фундамент. В сомоне есть клуб, баня, электрический движок (часы работы — с 20 до 23 час.), автомеханическая мастерская, стадион, молочный завод («Холэнбуйр сум суутасны завод») с несколькими подсобными помещениями, с заготовленными бочками для будущих продуктов. Позднее оказалось, что бочки предназначены для масла. Завод пока бездействует, хотя следы работы, которая здесь велась, уже есть: на дне ямы-отстойника белая лужа — отходы от молока. Тут же сушатся грибы и арул (обычный и сладкий)

Вечером с Цэрэннадмид ходили в семью местного врача за молоком. Хозяйка работает в сомоне, ее сын — учитель в Халх-голе в школе, невестка учится в Одессе на инженера. Внук Зоригто — 2 года, бабушка и дедушка. Получили пол-литра сырого молока и отправились домой кипятить. Узнали такую деталь: похоронный обряд барга предусматривает белую одежду для родственников умершего. Дети и невестка по умершим родителям носят траур 100 дней, родители по детям — 49 дней.

2 октября. Утром я и Бадамхатан пошли в сенокосную бригаду — три км на юг от сомона. По дорогое пытались найти потерянную мною несколько дней назад варежку. Попутно выясняется, что найти варежку — это хорошая примета, предвещает обильную и полную жизнь. Поэтому найденную варежку обычно прячут в сундук и хранят бережно. Плохая примета — это найти на дороге кнут или треугольную палку для стреноживания коня — примета означает путы и битье для человека (как и для коня). Если человеку понравится кнут и он решит взять его себе, то он должен нарисовать его подобие на земле, что означает то, что кнут, который он взял — это его, а тот, который лежал здесь, так тут и лежит. Так мне это объяснил Бадамхатан, неистощимый знаток всяких народных примет. Бригада выполнила свой план по поставке тарбаганов. Убито их пять тысяч. Тут же в бригаде в особом загоне находятся несколько десятков больных чесоткой верблюдов. Им делают уколы (какое-то венгерское средство) и мажут креолином. При нас началась подготовка к этой процедуре. Верблюды в загоне

сильно чешутся о деревянные столбы. Всю эту процедуру собирались совершить три взрослых и один ребенок. Вид у верблюдов очень жалкий, с некоторых уже почти слезла шерсть.

Зашли в юрту. Хозяйка — пожилая баргутка. Набилось несколько гостей — мужчин, с любопытством нас разглядывающих. Бадамхатан записал несколько диалектологических расхождений в языке барга и халха.

Лубсан записал около 200 слов — терминов, отличающихся в языке барга от языка халха. В основном это названия предметов быта, утвари, частей юрты. Юрта имела верхний круг (тооно) не фабричного вида, а сугубо местный, сделанный из одного ствола гибкого дерева, стянутого в месте соединения железной трубкой. Вечером с Цэрэннадмид опять ходили за молоком к вчерашним хозяевам.

3 октября. Днем ездили удить рыбу. Ничего не поймали. Вечером ходили в юрту врача местной больницы. Хозяйка просит сфотографировать внука и послать его фотографию его маме в Одессу. Получили очередную порцию молока — 0,5 л.

Самоназвание баргутов — бараг, от старых барга, т. е. переселенцев из Внутренней Монголии более раннего периода, они себя не отличают, от халха отличают себя главным образом по языку.

4 октября. Днем я, Лубсан и Цэрэннадмид взяли в юртах трех лошадей, хотя наездник из меня тот еще, и поехали на местное кладбище. Оно в 4-х км к юго-востоку от сомона. Осмотрели типы погребальных сооружений. Стандартный тип захоронения для всего Восточного аймака: ориентировка головой на запад, в изголовье стоит тумба с надписью, кто, когда родился и умер. На одной тумбе изображена звезда, на другой — самолет. Большинство — без всего. Около многих могил лисьи норы. В стену одной из них даже вмонтировался череп из разоренной лисами могилы. Сверху все могилы цементируются. Наиболее старые провалились, т. к. цементом не были покрыты. У барга: если умирают старые родители, то их дочь по ним траур не носит. Если она замужем и живет в семье мужа и умирает его отец, то по нему она траур носит 3 месяца. Траурная одежда — белая. Родственники умершего вырезают из белой материи кружок и пришивают его себе на шапки в знак траура. Считают, что этот обычай заимствован ими от китайцев.

Покойника выносят ногами вперед, так как и в юрту, и из юрты человек выходит сначала ногами, а потом головой. Похоронный обряд для всей Монголии имеет траурную белую одежду. Сроки ношения траура для всех групп также одинаковы — общеламаистские. Интересно проверить: 1) сторона, в которую головой кладут покойника — объяснение этого; 2) поза, которую покойнику придают; 3) какую поминальную еду варят; 4) одежда, какую на него одевают, а также головной убор.

По дороге на кладбище Цэрэннадмид рассказывала, что в трехмесячном возрасте ее забрала от родителей и усыновила семья брата отца, где не было детей. Она была единственным ребенком в этой семье. Когда ей было 14 лет, умер ее приемный отец, а через год от рака — приемная мать. Тогда она вернулась в семью своих настоящих родителей. До возвращения ее отчество было Цэгмидийн, а после возвращения она взяла имя своего родного отца Чолонгийн. Получая паспорт, она так и записалась. Вечером, возвращаясь с кладбища, встретили перекочевку, сфотографировали момент остановки и выпряжки первого верблюда. Приехав в сомон, вернули лошадей и пошли с Лубсаном и Цэрэннадмид в юрту к врачу. Врач еще не вернулся с охоты. Его жена угостила нас вареными внутренностями дзерена и колбасой из бараньей крови и кусочков сала. Потом мы фотографировали ее внука Зоригто на фоне юрты у бабушки на руках. По случаю фотографирования бабушка надела на него пальто, сшитое из шкурок тарбагана (на пальто для двухлетнего мальчика пошло 5 шкурок тарбагана). Хозяин ездит регулярно охотиться на волков. Хорошая обработанная шкура убитого волка принимается государством по цене 10 тугриков за шкуру, плохая по 7 тугриков. Совсем небольшая цена. А шуба из трех волчьих шкур, продававшаяся в магазине при гостинице «Улан-Батор», стоила 1500 тугриков, правда, и цена, и шуба были рассчитаны на иностранных покупателей.

5 октября. Сегодня пошли на самое дальнее из местных обо — в 10 км к юго-западу от сомона. Гора и местность вокруг нее называется Дэл (грива). Обо обычное, без каких-либо вещей и курильницы. Три небольшие кучи камней на западе, три — на востоке. Пили чай в юрте у подножия горы.

6 октября. С утра пошел снег, была сильная метель. Ну что же, октябрь по монгольскому народному календарю считается зимним месяцем. Ходили в юрту жены врача (она сама аптекарь), провели антропонимический опрос о значении разных имен и названий окружающих мест. Ели вареного дзерена, которого привез с охоты хозяин юрты — врач Адъяа. Вечером в местном клубе состоялся вечер в честь открытия месячника монголо-советской дружбы. Л. Л. Викторова выступила с приветственной речью. Был показан фильм «Крылья октября».

7 октября. Опять метель и холод. К середине дня прояснило. Ходили с Цэрэннадмид в юрту к баргутке бабушке Хишигт. Дед играл в соседней юрте в шахматы. Цэрэннадмид расспрашивала про родильные обряды, а я с удовольствием смотрела на то, как неразговорчивая поначалу бабушка втянулась в разговор и рассказывала о своей молодости, родах, детях и т. д.

9 октября. Цэвэлма, халха, род хорчит, 76 лет, живет одна, есть у нее одна дочь, вышедшая замуж и живущая тут же в сомоне. У нашей информаторши на столике в деревянной рамке стоят две непохожие друг на друга иконки с изображением Гови-лха. Оба изображения принадлежали еще ее родителям. Тут же стоят два *гоу*: одно с изображением божества — хозяйка называет его Дарьха. Но что там на самом деле, практически разглядеть невозможно. У другого гоу нет крышки и уже нет бурхана. Родом она из мест, расположенных по соседству, за Керуленом к северу. Главное обо ее мест — это здешнее Баян-уул. Сама бабушка там ни разу не была, т. к. женщинам ходить туда не разрешалось, даже если им не было 18 лет. Имя хозяина обо старушка не знает, но слышала, что это старик с бородой. Километрах в одиннадцати отсюда есть обо Баин-улзий. Женщин туда не пускали. Предание говорит, что на Баин-улзий отдыхал во время перекочевки Чингисхан.

Среди домашней утвари в юрте хранится мешок, сделанный из желудка овцы (хоний гузээ) — в нем хранится масло, и жир сквозь поры мешка не проходит. Когда овцу забивают, ее желудок вынимают, вычищают, надувают воздухом, завязывают. Так и хранят. На жертвенном столике хранится своеобразный подсвечник — *хорог*, железный, состоящий из четырех пластин, соединяющихся вместе, внутрь ставится лампадка. Оказалось, что наш информа-

тор знает, каких животных кому посвящали: корова — Белому старцу Цагаан овгон; пестрых лошадей посвящали Баян-уул, серых баранов с желтым носом — Гови-лха, красных верблюдов — Лхамо. *Улаан-тэмээ* — очень распространенный цвет у верблюда. Бабушка говорит, что здесь был баргутский монастырь, но она в него не ходила, т. к. вера баргутов отличается от веры халха. Сахьюс этого баргутского монастыря был Гомбо-Махагала.

Когда человек умирает, все выносится из юрты, кроме того, на чем он лежит. Покойник лежит на кровати головой на запад. Если человек умер без одежды, то он без нее и остается. Если умер в одежде, то хоронят в ней. Раньше в белую ткань заворачивал покойника лама, а сейчас просто близкий человек. По случаю похорон никакого животного специально не забивают. По родителям носят траур 49 дней, по другим родственникам 21 день. Головой хоронят всегда на запад и только на запад. Сейчас на могилах часто встречается разбитая посуда. Раньше такого обычая не было, а теперь после похорон сразу ставят на могилу любимую чашку умершего с едой и оставляют там.

На кухонном столике среди прочей посуды стоит маленький медный чайник, полный молока. Когда кипятится первое утреннее молоко, ложкой его разбрызгивают по 4 сторонам в юрте, а одна ложка отливается в этот чайник. Из него же наливают молоко в жертвенную чашку. На жертвенном столике у бабушки стоит в деревянном окладе икона Гови-лха, за ней лежат несколько сутр: «Алтан-гэрэл» и др. Тут же стоят несколько *гоу* и маленьких жертвенных чашечек. У нее на шее как ожерелье висели четки «эрх». Спрашиваю, достались ли они ей от родителей или она их где-нибудь купила или получила от ламы. Отвечает, что эрх родительское она потеряла, а это нашла на дороге, когда искала пропавшую овцу.

Вечером ходили с Цэрэннадмид к местной учительнице Буянху, имевшей в своем личном хозяйстве баню, что в сельской Монголии большая редкость. Баня оказалась весьма достойным этнографическим объектом. На троих нам выдали три железные ванны, налив, в каждую по ведру горячей воды. Для мыться головы стояло по одному тазу на каждого. Ведер для слива грязной воды не предусмотрено. Мытье не предполагает никакой проточной воды.

10 октября. Уже две недели в сомоне идет перестройка на зимний лад. Внутри сомона происходит перекочевка юрт. С более открытых мест, продуваемых всеми ветрами (а сомон практически доступен всем ветрам, ибо только с юга его защищают горы, но и они невысоки) хозяева перекочевывают в места, где юрт много. Закономерности две: 1) с высоких мест в низкие; 2) юрты одиночные, стоявшие на отшибе, перекочевывают поближе к общей массе юрт. Уже все наши постоянные информаторы, у которых мы не раз бывали за время пребывания в сомоне, сменили места стоянки своих юрт. Однако принцип протяженности ряда юрт с востока на запад и вход- выход из юрты на юг соблюдаются в условиях зимы даже более строго. Снег, который выпал четыре дня назад, уже сошел. Кое-где лежат его остатки, тающие прямо на глазах. Возле каждой юрты склад зимнего оборудования, все оно перетряхивается, заново укладывается. Юрты утепляются, их обтягивают дополнительным количеством войлоков, как правило, обернутых в материю и простеганных, поверх них накидывается белое покрывало, сшитое по форме юрты с вырезанным по форме и величине верхним отверстием. Поверх всего этого по окружности юрты натягиваются крепко стягивающие ее кожаные веревки, закрепляющиеся с обеих сторон двери. Почти при каждой юрте хозяйственная постройка — небольшой деревянный домик из сколоченных досок, высотой едва-едва в человеческий рост. Там лежат ненужные старые кровати, войлоки, утварь, старые чугунные котлы и т. д. Тут же обычно возле юрты находятся несколько деревянных повозок, незаменимых при кочевке. Правда, здесь в Хулэн-Буйре мы несколько раз видели перекочевку на грузовиках (внутри сомона это намного проще). По соседству с каждой юртой находятся ее запасы топлива — *аргала*. От раздувания ветром они обычно огорожены небольшим забором: либо из прутьев, либо из старых ненужных решеток кроватей, иногда эти кучи бывают даже закиданы шкурами овец. Почти возле каждой юрты сушится какая-либо шкура: овцы, волка, тарбагана. Хозяева их выделывают сами. Снаружи на юртах сушится белье, на крыше располагаются деревянные ящики с сушащимся на солнце *арулом*. Виды еды в этих районах такие. Молочная: арул — сушеный творог, урюм — пенки, снятые с молока, часто пережаренные с мукой; *суутай цай* — чай с молоком; *суу* — кипяченое молоко,

тос — масло; тарак — простокваша. Мясные: *мах* — вареное мясо овцы, дзерена, тарбагана. Мясо варится в пресной воде. Когда его едят, то на стол перед едоками ставится чашка крепко посоленного бульона. От мяса ножами (нож дают каждому) отрезают куски мяса и макают в этот соленый бульон. Иногда на стол ставится квашенный лук *мангир*, он мелко нарезан и густо посыпан крупной солью. Суп-лапша домашнего приготовления с мясом, нарезанным мелкими кусочками. *Хошур* — пирожки типа чебуреков с мясом. Бузы — крупные пельмени, сваренные на пару. Мучные блюда: борцоги — жаренные в кипящем масле куски из теста различных форм. Бин — многослойный блин из пресного теста, жарится на сковороде. Так как в этих районах в сомонах сажают овощи, то последние тоже представлены в блюдах: в супы с лапшой и мясом добавляется то картошка, то капуста, то зеленый огородный лук.

Новинки в одежде: 1) авторучки прикрепляются к вороту дэли; 2) на голове мужчины носят пестрые женские косынки, махровые вьетнамские полотенца; 3) при отсутствии исторического различия между мужскими и женскими штанами на мужчинах часто встречаются женские трико и трусы, в которых они ходят по берегу реки в тёплое время без всякой прочей одежды.

Новинки в быту: бинокль (не целый, а половинка) для высматривания в степи потерявшегося скота, приемники, часы (часто их носят по несколько штук сразу, но время они показывают довольно редко).

11 октября. Начинаю писать отчет. Днем неожиданно приехал Эльбрус Дандар, журналист из Чойбалсана. Остался ночевать в нашей гостинице. Утром он уехал в Булган-сомон, отказавшись прихватить с собой в город нашего Лубсана (у него заболела мама, и ему срочно надо вернуться в Улан-Батор), потому что у него в машине (Газ-69) три пассажира и живой баран, и Лубсану в ней места нет. В 10 вечера проходящей почтовой машиной Лубсан все-таки смог уехать в Чойбалсан, а оттуда добраться до Улан-Батора.

12–13 октября. Пишу отчет. Вечером 13-го идем прощаться в юрту врача, где все время брали молоко. Со мной вместе пошли Бадамхатан, Цэрэннадмид, Жанлав, местная учительница Баинху. В честь нас устроили торжественный ужин, угостили бузами, вареной бараниной, архи. Произносились дружеские тосты и т. д. По

возвращении в гостиницу ребята еще полночи смеялись и что-то рассказывали.

14 октября. С утра идет дождь. Тепло. Сегодня, наконец, в путь — на сей раз в обратный. В 10 часов выезжаем в Чойбалсан. В 15 часов приезжаем. Устроились в гостинице, съездили в ОРС — русский магазин: никаких новинок, только мужские шляпы и те по особым пропускам.

15 октября. Сегодня наша машина заправляется, а мы наносим прощальные визиты. Зашла в музей к директору Гонгору. Он показал мне уже готовое чучело тайменя, которое скоро будет выставлено в музее. Мы с ним обменялись подарками, и я ушла. На улице встретила похоронную процессию, она медленно шла по направлению к кладбищу, играл оркестр. Подъехали машины с траурными транспарантами, и все стали садиться в них, я тоже села в машину и поехала вместе со всеми. На меня смотрели с любопытством, но никто ни о чем не спрашивал. Похороны были не на том кладбище, где мы были с водителем Мишей, а еще дальше, в 10 километрах на север от Чойбалсана. Кладбище совершенно новое: все могилы датированы 1968 и 1969 годами. Похоронная процессия подъехала к кладбищу на четырех машинах — открытых грузовиках: на трех были люди, на четвертой мешок с цементом и фляги с водой, совки и т. д. Очень много детей школьного возраста. Оказалось, хоронят учителя. Накануне здесь уже была вырыта могила и выложена внутри белым кирпичом, скрепленным цементом. Гроб поставили возле могилы головой на север. Сняли крышку, в гроб стали накладывать следующие вещи: еду (конфеты, пенки, арул, вафли), питье (положили коньячную бутылку, наполненную белой молочной водкой домашнего изготовления), сигареты и спички. Саму могилу в это время опрыскали также молочной водкой, посыпали туда ароматного сухого можжевельника, кинули на дно могилы все траурные повязки (красно-черные), которые были повязаны на рукавах приехавших участников церемонии. Потом была прочитана по бумажке какая-то речь, сыграл оркестр, и гроб погрузили в могилу. Потом его сверху заложили досками и стали покрывать раствором цемента. Когда все это было закончено, в изголовье зажгли две ароматных курительных свечи. Из мелких стекол и камней, которые набрали тут же на кладбище, выложили годы жизни

умершего. В цемент вставили две пиалы: первую с едой, вторую с молочной водкой. Потом оркестр сыграл траурную мелодию, а затем сразу перешел на какой-то веселый марш, под который присутствующие три раза обошли могилу по солнцу, после чего все стали садиться по машинам. На обратном пути в машине, где ехала я, царило уже отнюдь не похоронное оживление, смеялись дети, водитель быстро гнал машину и устроил целую свалку в кузове. Все падали друг на друга. Все машины подъехали к дому (юрте) умершего, и все пассажиры стали заходить во двор. Их поклонами встречали хозяева. На этом я ушла.

Вечером в комнате, где жили Бадамхатан, Миша и Жанлав и еще один парень — бурят, специалист по торговым стандартам, состоялась мощная пьянка. Как только выпивалась одна бутылка, тут же кто-нибудь отправлялся за следующей. Всего их 6-7 появились одна за другой. К вечеру перепившие буряты начали буянить и их еле-еле выпроводили.

16 октября. Встали в 7 часов. Быстро поели и в путь на Улан-Батор. К вечеру доехали до Ундур-хана, проехав за день 313 км. Устроились в гостинице. Ребята пошли в кино, смотрели «Мой папа живет в Улан-Баторе» (монгольский фильм).

17 октября. С утра все пошли в местный музей. Он оказался на ремонте, а директор — в отпуске. В аймачном совете шло совещание. Во второй половине дня оно закончилось, и пришедший аймачный дарга дал Викторовой проводника к окрестным каменным бабам. Она и Миша уехали. Вернулись они в 5 часов, голодные, и мы поехали на Керулен делать обед. Вечером съездили в магазин при русском строй-тресте.

19 октября, воскресенье. Викторова, Миша и проводник уехали к очередным каменным бабам. Брожу по городу. Здесь большой мелькомбинат и элеватор. Он расширяется. Большая группа русских строительных рабочих. Ходила по магазинам города. Ассортимент товаров обычный для провинции, была в книжном магазине. Он довольно большой. Есть отдел русских книг. Купила книгу И. М. Майского «Монголия накануне революции». Полдня провела на берегу Керулена, наводя порядок в своих дневниковых записях. Никакого воскресного оживления возле реки не наблюдалось. Впрочем, это вполне понятно — уже холодно для купания,

а любителей рыбной ловли среди местного населения я пока не встречала. Вечером с Цэрэннадмид нашли назавтра двух проводников к обо Ундур-хан. В 9 часов вечера пошли с Бадамхатаном в клуб. Шел советский фильм «Человек в футляре». Подумали, подумали и решили пойти не в кино, а на танцы, которые бывают здесь в клубе по воскресеньям. Вход стоит два тугрика. Пробыли полчаса, как раз до закрытия. Народу много. Танцы под гармошку, есть пожилые люди и даже беременные. И все танцуют. Домой пришли в половине одиннадцатого.

20 октября. С утра едем на обо Ундур-хан. Это главное обо бывшего Цэцэнхановского аймака. Наши проводники халха Чойдор и Гонгор. По прямой до этого обо не больше 25 км, но едем в объезд по специальной машинной дороге, и получается все 50 км. Гора Ундур-хан-обо одна из самых высоких в округе, но окружная дорога идет по сравнительно пологим местам, нет резких подъемов, и машина идет спокойно. Мешают только камни, вывалившиеся на дорогу. Обо громадное. «Хозяин» обо — Ундур-хан. Проводники проявляли любопытство ко всему, что мы делали, а попутно зажгли курильницу, и из нее шел дымок в течение всего времени нашего пребывания там (около 40 минут). Наверху под основным кустом тальника два небольших камня с высеченным на них рельефом. На одном изображен будда Аюши — так определил его наш проводник. Другой оказался в плохом состоянии, и опознать изображение было невозможно. Центральная часть обо называется суншиг — то, куда закладываются бурханы и прочее и что заваливается камнями. К западу от той горы, где мы находились, км в 10 виднелась еще одна гора с весьма круглым обо — она называется Улзий-хангай, именно там первоначально находилось главное обо Цэцэнхановского аймака. Но в середине XIX в. нойон, правитель аймака, бывший в то же время главой представителей аймачной знати, перенес главное обо с той горы на эту. На обратном пути проехали мимо двух гор с обо на каждой — обе называются Баинмонх. Здесь находилось кладбище нойонов, и оба этих обо были только нойонские.

На обратном пути заехали в бригаду и пили кумыс в юрте, где уже третий день идет праздник в честь того, что хозяева взяли себе приемную дочь — девочке всего два месяца, зовут ее Хишигтсам-

бу. Это значит, что девочка родилась в воскресенье. Пили кумыс, чай, ели зимние пенки, у них уже не тот вкус, что у летних, но жирные. Ели свежий сыр — бислэг. Очень вкусный, сделан из коровьего молока, но также он может быть из овечьего, верблюжьего, но не кобыльего.

21 октября. С утра двинулись в обратный путь на Улан-Батор. По дороге видели степной пожар: огня как такового не видать, но зрелище превращающейся на глазах из коричневой сухой в черную травы очень впечатляло, тем более что происходило это в полуметре от дорожной колеи, по которой ехала наша машина. Ночевали в Налайхэ.

22 октября. В 9 утра выехали из Налайхэ. В 10 часов уже были в Улан-Баторе. Получили номер в гостинице «Улан-Батор». Весь день сдавали вещи на склад нашей экспедиции и благоустраивались.

23-25 октября. Последние дни перед отъездом в Москву. Дел немало. Закончила отчет о своей работе в течение полевого сезона. Каждый из сотрудников монгольской части этнографического отряда написал свой. Монгольский отчет остается в архиве Института истории АН МНР. Сводный отчет о работе всех отрядов советской части экспедиции должен храниться в архиве комиссии о научном сотрудничестве Академий наук СССР и МНР в Москве.

На базе геологической экспедиции (тоже совместной советско-монгольской) нам выделили небольшой склад. Туда свезли вещи всех отрядов: палатки, раскладушки, спальные мешки, кастрюли, сковородки, миски, ложки, 40-литровые фляги, в которых возили воду (чистая вода из артезианских колодцев у нас всегда была при себе, речной водой для приготовления еды и чая мы пользовались редко). Но сначала мы всё, что можно выстирать, выстирали и высушили, отскребли грязь со всех кастрюль и сковородок, раздали в знакомые монгольские семьи остатки продуктов. Потом склад был заперт до следующего полевого сезона 1970 года.

В один из этих дней Бадамхатан преподнес мне незабываемый подарок, он пригласил меня в цирк. Это оказалось старое здание в виде большой деревянной юрты с небольшой ареной в центре. Номеров в программе было не очень много: ловкие акробаты, ловкие наездники, могучие силачи, поднимавшие себе на плечи чуть ме-

нее могучих силачей, а те в свою очередь еще меньших собратьев по цеху до тех пор, пока на вершине пяти- или шестиэтажной пирамиды не оказывался совсем малыш, но тоже с уже крутыми бицепсами. Все это было похоже на то, что можно увидеть и в нашем цирке. А потом случилось нечто, что я запомнила надолго. На арене поставили стол, стул, кровать. На столе поставили тарелку с куском мяса, положили вилку и нож. Кровать застелили одеялом. На арене появилась белая лошадь, она села на стул, придвинула к себе тарелку, взяла… хочется сказать, в руки нож и вилку и начала резать на тарелке мясо на куски, а потом, подцепив вилкой, их съела. Покончив с едой, она подошла к кровати, откинула одеяло, легла и натянула одеяло на себя. Через некоторое время встала и убежала за кулисы. Пока все это происходило, зрители вели себя тихо, как и я, не очень веря своим глазам. А потом весело зашумели, затопали, захлопали и стали расходиться, толкаясь в дверях (монголы мне не верили, когда я рассказывала им про этот цирковой номер, и всегда говорили, что такое «издевательство» над лошадью в их стране невозможно, что мне это привиделось, показалось и т. д. Но это было, было… И забыть это невозможно).

26 октября. Московская и ленинградская часть экспедиции почти в полном составе улетает в Москву. В Улан-Баторе пока остаются водители, которые должны законсервировать на зиму машины, оставить их на советской автобазе, где они будут стоять до следующего нашего приезда.

Примечания

Первые дни в Москве еще живу по улан-баторскому времени — все-таки пять часов разницы. Постоянно беру в руки свой дневник, перечитываю некоторые места, вспоминаю что-то, что не успела своевременно в него вписать. В тетрадь вложены несколько закладок и записок. Одни из них имеют научную ценность, другие — нет, но для меня они все — живая память о моей первой встрече с Монголией.

Заметки научные (не осталось пометок, у кого и где записаны). 1. Первая стрижка волос у детей и у баргутов, и у халха происходит в одни и те же детские годы: мальчика стригут в три года, девочку — в пять лет, срезанные волосы не выбрасывают, а со-

бирают в отдельный маленький мешочек и пришивают его к дэли ребенка на спине.

2. В старину в Монголии были две категории замужних женщин: *эхнэр* — когда мужчина выплачивал за женщину калым, *хухэн* — когда мужчина за женщину не выплачивал калым. И в том, и другом случае они жили вместе (во втором случае она могла жить отдельно), имели детей и общее хозяйство (во втором случае оно могло быть раздельным).

3. О мировом дереве. В шаманских обрядах и легендах, сохранившихся у населения Монголии, нет сведений о мировом дереве. Лишь у дархатов в обряде посвящения шамана, после того, как он начал камлать, фигурирует дерево (все эти сведения надо проверять и проверять, так как информаторы могут ошибаться).

Заметки забавные. У некоторых сотрудников экспедиции были любимые изречения, которые они пускали в ход, когда представлялся соответствующий случай.

– С. Н. Астахов, археолог: «Каждый начальник должен изредка бывать подчиненным».

– С. Г. Кляшторный, тюрколог: «Я все время кого-то жду и что-то таскаю — стало быть, я в экспедиции».

– С. Л. Троицкий, геолог в отряде А. П. Окладникова: «То ведают бояре, не нам чета» (это был постоянный ответ на вопрос, не знает ли он, когда мы должны ехать в то или иное место).

– Цэрэннадмид, студентка Монгольского государственного университета, лишь недавно приступила к изучению русского языка, и многие слова у нее составляли целый букет понятий: например, «балвк» — это флаг, булавка, плавки; «мишк» —это шофер Миша, мышь, медведь, мешок. Каждый раз выяснение того, что же на самом деле имелось в виду, доставляло нам много забавных минут.

Все это детали нашей экспедиционной жизни, и память их бережно хранит.

Литература

Жуковская 2018 — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год, самое начало, первые две недели работы (к 50-летию советско-монгольских академических

экспедиций). Дневник этнографического отряда // Монголоведение. 2018. № 3. С. 4–13.

Жуковская 2019а — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение) // Монголоведение. 2019. № 1. С. 116–133.

Жуковская 2019а — *Жуковская Н. Л.* Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция: 1969 год (к 50-летию советско-монгольских академических экспедиций). Дневник этнографического отряда (продолжение: 15–23 сентября) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 205–221.

References

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team. *Mongolian Studies*. 2018. No. 3. Pp. 4–13. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance). *Mongolian Studies*. 2019. No. 1. Pp. 116–133. (In Russ.)

Zhukovskaya N. L. The Soviet-Mongolian Comprehensive History and Culture Research Expedition: 1969 (celebrating the 50th anniversary of the Soviet-Mongolian academic expeditions). Diary of the ethnography research team (continuance: 15–23 September). *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 205–221. (In Russ.)

УДК 811.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-583-593

Увольнительное письмо как жанр калмыцкой деловой письменности XVIII вв.

Дарья Бадмаевна Гедеева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В Национальном архиве Республики Калмыкия хранятся многочисленные тексты делового характера, написанные национальным вертикальным письмом. Разные по содержанию, структуре и оформлению документы создают жанровое многообразие деловой письменности. Данная статья посвящена одному из таких текстов, который можно выделить в отдельный жанр, — увольнительное письмо с правом на свободную жизнь, выдаваемое простолюдину его хозяином. *Материалом* работы послужил текст увольнительного письма дербетовского нойона Ценден Дорджи, выданного манджику Габан Шарапу. *Цель* статьи — описание и введение в научный оборот текста данного документа, что предоставит исследователям как исторический, так и лингвистический материал. *В результате* изучения текста документа мы пришли к выводу, что он является образцовым текстом жанра калмыцкой деловой письменности XVIII в. В этой связи необходимо дальнейшее изучение подобных текстов для определения степени влияния на них правил российского делопроизводства.

Ключевые слова: архивные документы, калмыцкая деловая письменность, увольнительное письмо, учинить вольным, нойон, чашечник, печать

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. Увольнительное письмо как жанр калмыцкой деловой письменности XVIII вв. Монголоведение. 2019. № (3): 583-593. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-32-583-593.

UDC 811.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-583-593

Enfranchisement Letters as a Genre of 18th-Century Kalmyk Official Writing

Daria B. Gedeeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The National Archive of Kalmykia houses multiple official Clear Script texts. Being different in terms of content, structure and format, the documents attest to that the genre diversity of Kalmyk official writing used to be large enough. The paper examines one such text that can be identified as a separate genre – letter of enfranchisement once granted to common people by their landlords.
Materials. The work analyzes the text of an enfranchisement letter issued by the Dorbet *noyon* ('land and war lord') Tsenden Dorji to *manjik* ('lay priest') Gaban Sharap. *Goals.* The article seeks to describe and introduce into scientific discourse the text of the document containing both historical and linguistic research data. *Results.* It is concluded that the letter is a standard text of the genre of 18th-century Kalmyk official writing. In this regard, it is essential to further investigate similar texts to reveal the impact of Russian records management patterns.
Keywords: archival documents, Kalmyk official writing, letter of enfranchisement, affranchise, *noyon*, bowl carrier, seal
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Gedeeva D. B. Enfranchisement Letters as a Genre of 18th-Century Kalmyk Official Writing. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 583-593. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-583-593.

Деловой письменности принадлежит особое место в истории развития калмыцкого языка. Развиваясь в системе литературного языка, она активно обслуживала до определенного времени[1] подчиненную жанровым законам сферу делопроизводства.

Делопроизводство, известное калмыкам еще в ранние времена, с приходом их в XVII в. на территорию России получило новый

[1] Переход в советское время на обучение по всем предметам в школе на русском языке, хорошее знание населением русского языка стали причиной отказа местной государственной власти от делопроизводства на калмыцком языке наравне с русским.

импульс для дальнейшего развития. Осваивались традиции оформления документов, система определенных правил российского делопроизводства, которые применялись калмыками при составлении деловых текстов на калмыцком языке.

Документы направлялись в адрес российской администрации по самым разным вопросам, поэтому они имели разножанровый характер. В период Аюки хана, когда Калмыцкое ханство вело независимую от России политику, документы носили в основном эпистолярный характер: в них сообщались новости, были просьбы прислать положенное им государево жалование за участие в военных походах, порой требование соблюдать обоюдные договоры, часто шла информация о грабежах, угоне скота с обеих сторон и т. д.

В более поздний период, к середине и концу XVIII в., увеличивается количество таких документов, как отчеты, реестры, судебные присяги, устав войска, прошения и т. д.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится большое количество деловых документов, отражающих жанровое разнообразие калмыцкой деловой письменности XVIII в.

Одним из таких документов является копия увольнительного письма на двух страницах, выданная нойоном Ценден Дорджи манджику Габан Шарабу в 1777 г. Ценден Дорджи — дербетовский нойон, после смерти главного дербетовского правителя Цебека Убаши долгое время замещал его на временных основаниях. Впоследствии был объявлен главным дербетовским нойоном [Батмаев 1993]. Выполняя волю ушедшего нойона Цебека Убаши, Ценден Дорджи выдает вольную его чашечнику Габан Шарапу, который с детских лет верно служил своему нойону.

Дата выдачи которого указана в конце текста: γal *taka: jiliyin xuluγuna sariyin 25-du bičibe* ‘написано, в 25 [день] месяца мыши года огня и курицы’, что соответствует октябрю 1777 г. [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 29]. Документ заверен красной именной печатью нойона.

Копия документа была представлена в астраханскую губернскую канцелярию 22 октября 1777 г. вместе с письмом нойона, в котором он доводит ее до сведения о выдаче данного документа манджику Габан Шарабу [НА РК. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 27].

Документ освобождал Габун Шарапа и его семью от власти зайсангов, податей, подвод и других всевозможных поборов, давая возможность свободно кочевать в Дербетовском улусе.

Такой вид благодарности за определенные заслуги перед нойоном в кочевом обществе были определены не только традициями, но и законом. Так, об этом сказано и в тексте ойрат-монгольского закона «Великое Уложение» [Их цааз 1981].

О подобных случаях получения свободы простолюдинами имеются сведения в работах Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» [Нефедьев 1834], П. Небольсина «Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса» [Небольсин 1832], а также в архивных документах, которые использовал М. М. Батмаев, описывая это явление в своей монографии «Калмыки в XVII–XVIII веках» [Батмаев 1993].

Людей, получивших увольнительные письма, в указанной исторической литературе называют дарханами, хотя в рассматриваемом нами калмыцком тексте и переводе этот термин отсутствует.

Данный документ, представляя собой исторический источник, является и памятником письменной культуры калмыков, в частности их деловой письменности. Изучение его и введение в научный оборот подобных текстов предоставит исследователям материал, свидетельствующий о наличии у калмыков развитой культуры делопроизводства.

Рассматриваемый нами документ, как разновидность делового текста, обладает рядом характеристик. Он имеет правовую значимость, отражает определенную ситуацию и единство темы. Имеет композиционное построение, отражающее смысловую целостность и завершенность. Официально-деловой стиль языка документа передается употреблением определенной делопроизводственной лексики. Так, здесь мы встречаем такие слова и выражения как: *köböün bičiq* ‘копия документа (букв. Сыновний документ)’, *bičiq tamaγa* ‘письмо-печать (грамота)’, *gereči boloxu* ‘быть свидетелем’, *zöbšökü* ‘разрешить’, *xayirlaxu* ‘жаловать, соблаговолить’.

Документ имеет определенную структуру, характерную для подобного жанра. В самом начале документа сообщается, что это копия документа *köböün bičiq*, затем идет название документа — *cenden dorǰiyin bičiq tamaγa* ‘письмо-печать Цендена Дорджи’. Далее сообщается цель документа — дарование свободы: *beyei čin beyedüčin öqči amur yabuulxu* ‘отправить на свободу, предоставив себя самому’, затем описывается причина такого решения — *urida cebeq ubaša xayilaqsan tölödü* ‘поскольку Убаши Цебек ранее со-

благоволил', указывается поддержка его со стороны официальных лиц — *toqmidiyin mededegeyin de:re. Baγai γabang. Gendün ubaša. Basa čigi gereči bolǰi* '[судья] Тогмид об этом знал и кроме него Бага Гаванг и Гендун Убаша являются свидетелями'.

Резюмируя аргументы, нойон сообщает, что согласен со всеми, в связи с чем выдает данный документ — *bičigi zöbšöǰi bičiq tamaγa öqböbi.*

Таким образом, увольнительное письмо (вольная грамота), написанное калмыцким вертикальным письмом, является не просто письменным памятником XVIII в., а представляет собой образцовый текст жанра калмыцкой деловой письменности.

Ниже нами даются факсимиле калмыцкого текста и русского его перевода, транслитерация калмыцкого текста, переложения старых текстов соответственно на современный калмыцкий и русский языки.

Транслитерация текста

köböün bičiq

cenden dorǰiyin bičiq tamaγa::

cebeq ubašiyin cögöcöči γabang šarab manǰiyigi.. cebeq ubaša. Ezendü barālxaxai odxudān. Beyei čin beyedüčin öqči amur yabuulxu bi geǰi keleqsen ügeyini bi. Eberēn sonosxuqsani dēre.. zarγuči toqmidtu ene manǰiyigi.. xara baγāsa oyiri mini

yabād.. cögöcöi mini bariǰi yabuqsan ese belü.. öüni amuriyini beyedüni öqnöi bi geǰi keleqsen-düni.. zarǰuči toqmid. Tani tegüǰi xayirlaqsan xoyino bi youn gekü bi zöb gekēse biši geǰi.. cebeq ubašadu medüülǰi zöbšöröqsön mini ünün elie geǰi toqmidiyin mededegeyin dēre. Baγai γabang. Gendün ubaša. Basa čigi gereči bolǰi

čigi medünei.. cebeq ubaša ezeni zergedü barālxaxai odxuyinān urida.. ene gabang šarab manǰiyigi beyelēren daxuul odsu gekü bolbo čigi.. sayiduudiyin köböüdtü öqlöd daxoulǰi odči ülü bolxu bolonoi.. öüni amuriyini beyüdüni öqči. Amuruulsu geǰi yabudaqbi. Öüni xayirlaǰi yabuxu ülü bayinu ta geǰi.. ezeni üyileči andarai peteröbebi vorönin-du.. cebeq ubaša küünüqsen čigi bolonoi.. tere tölö ene γabang

šarab manǰi dörbön örököyigi.. urida cebeq ubaša xayilaqsan tölödü odō bi čigi zöbšöǰi dörböd dunda dērēn zayisang ügei yabutuγai geǰi bičiq tamaγa öqböbi..

γal takā ǰiliyin xuluγuna sariyin 25-du bičibe..

Переложение на современный калмыцкий язык

Көвүн бичг.

Цендн Доржҗин бичг тамһ.

Цевг Увшин цөгцч һавң Шараб манҗиг Цевг Увш эзнд баралх-хар одхдан: «Бийичн бийдчн өгч амр йовулхв»,- гиҗ келсн үгинь би эврән соңссна деер зарһч Төгмдт: «Эн манҗиг хар баһас өөрм йовад, цөгцм бәрҗ йовсн эс билү, үүнә амринь бийднь өгнәв», — гиҗ келсннь зарһч Төгмд: «Тана тегҗ хәәрлсн хөөн би юн гихв, зөв гихәс биш»,- гиҗ Цевг Увшд медүлҗ. «Зөвшәрсн мини үнн билә», — гиҗ Төгмдин меддгин деер Баһа һавң, Гендн Увш бас чигн герч болҗ чигн меднә. Цевг Увш эзнә зергд баралххар одхинан урд эн һавң Шараб манҗиг бийләрн дахул одсу гих болвчн, сәәдүдин көвүдт өөгләд, дахулҗ одҗ эс болх болна, үүнә амринь бийднь өгч амрулсу гиҗ йовдгв. «Үүг хәәрлҗ йовх эс бәәнт», — гиҗ эзнә үүлч Андра Петровечи Воронинд Цевг Увш келсн чигн болна. Тер төлә эн һавң Шараб манҗ дөрвн өркиг урд Цевг Увш хәәлсн төләд ода би чигн зөвшәҗ, дөрвд дунд деерән зәәсң уга йовтха гиҗ бичг-тамһ өгвв.

Һал така җилин хулһн сарин 25-д бичв.

Перевод на русский язык

Перевод с копии даннаго увольнительнаго письма манжику Габун Шарапу в котором писано следующее.

Ценден Доржино письмо и печать.

Владелец Цебек Убаши при отъезде своем в Санкт-Петербург ко двору Ея императорскаго величества обещал чашечника своего манжика Габун Шарапа учинить во всем Дербетовом улусе вольным от податей, подвод и от всех поборов каковое его Цебек Убаши обещание я сам слышел, да сверх сего говорил он Цебек Убаша заргачею Тогмиду, что должно ево манжика зделать вольным, потому что он с детства ево Цебек Убаши при нем чашечником находился, на что соответствовал заргачи Тоггмид, что оное состоит в воле ево до(?) де на то согласен, о чем засвидетельствуют кроме судьи Тогмида зайсанги Доржин Габунг, Генден Убаша и протчия зайсанги. А при отъезде в Санкт Петербург ево манжика намерен был взять с собою, но оставил только для того, что брал при себе из зайсангских детей

и просил меня, чтобы ево не оставить, о чем от него объявлено и господину коллежскому переводчику Воронину. Для чего помянутаго манжика Габун Шарапа в четырех кибитках, как владелец Цебек Убаша из милости обещал, учинить вольным, почему и я ныне дал е(?) за печатью моею письмо в том, чтоб ему во всем Дербетевом улусе быть вольным и не иметь ему над собою из зайсангов никого.

У письма печать красная. Писано месяца хулугуна 25, то есть октября 20 дня 1777 года.

Переводил переводчик *Ипат Федотов.*

Источники

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста. Калм. кн. изд-во. 1993. 381 с.

Их цааз 1981 — Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / Транслитерация сводн. ойрат. текстов, реконстр. монг. текст и его транслитерация (пер., введ. и комент. С. Д. Дылыкова). М.: Наука, Вост. лит., 1981. 148 с.

Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 196 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1834. 306 с.

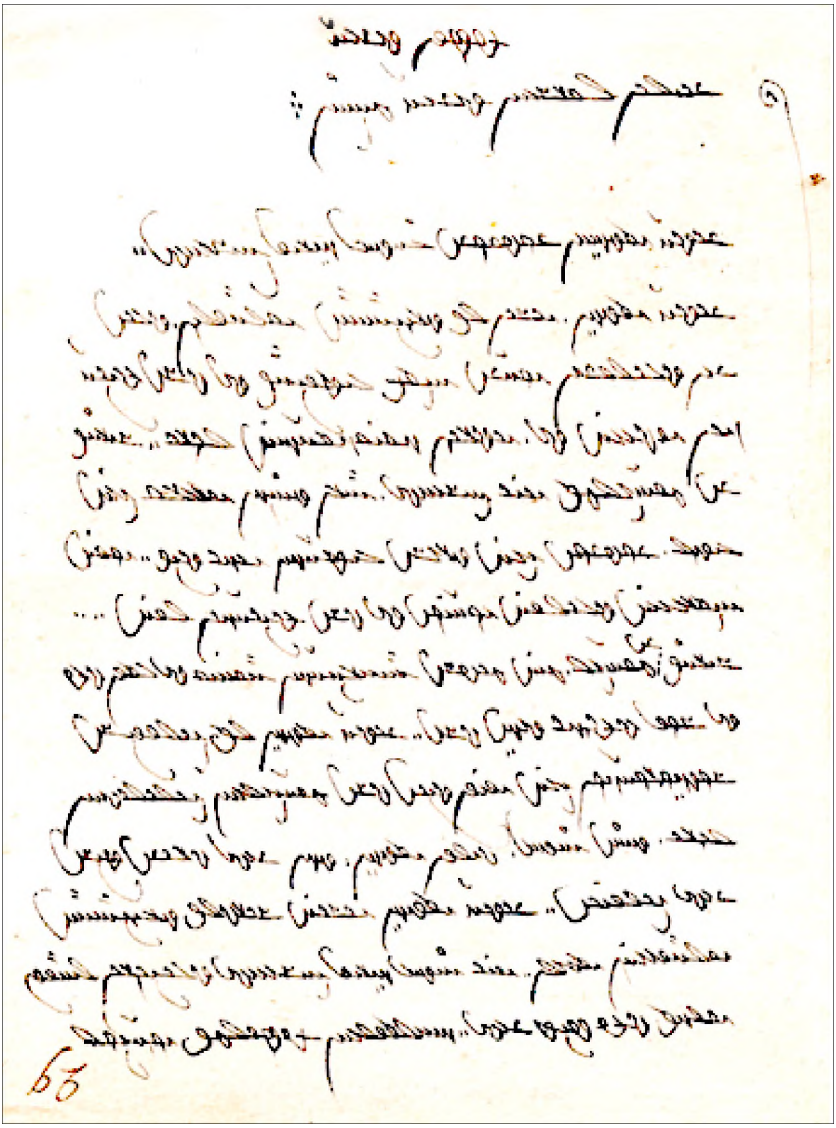
References

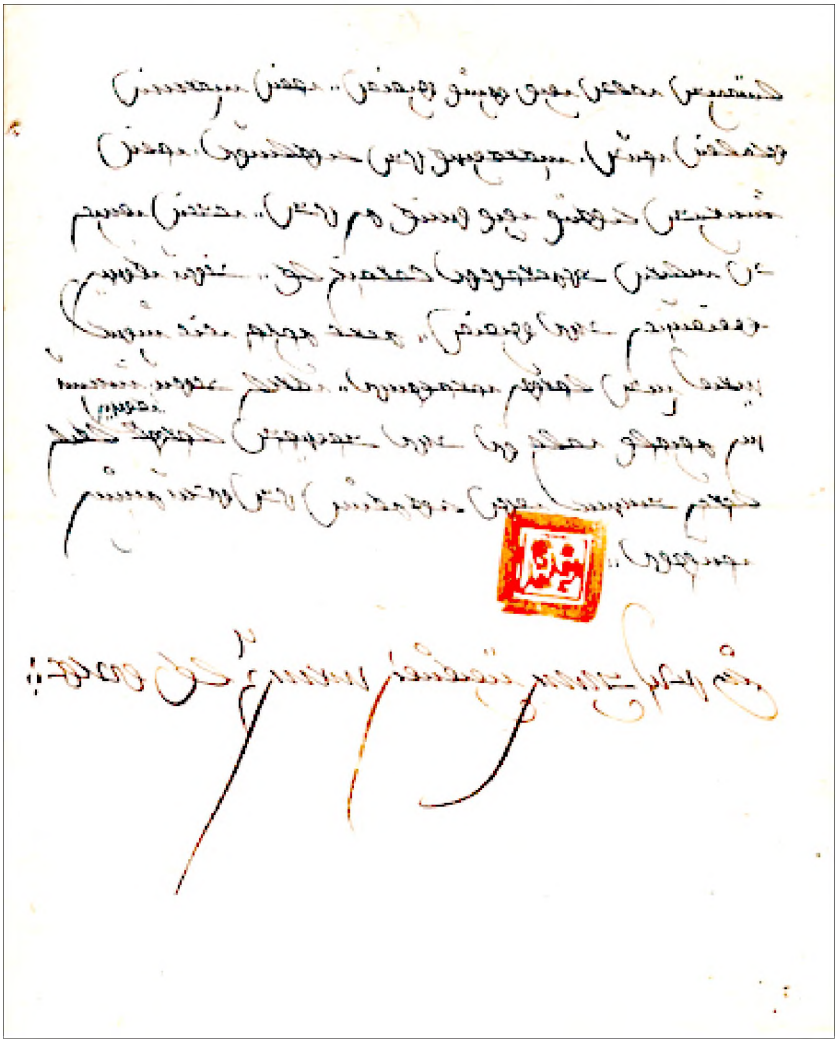
[Ikh Tsaaz (‘The Great Code of Laws’): a 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. Oirat Text]. S. Dylykov (translit, etc.). Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1981. 148 p. (In Russ.)

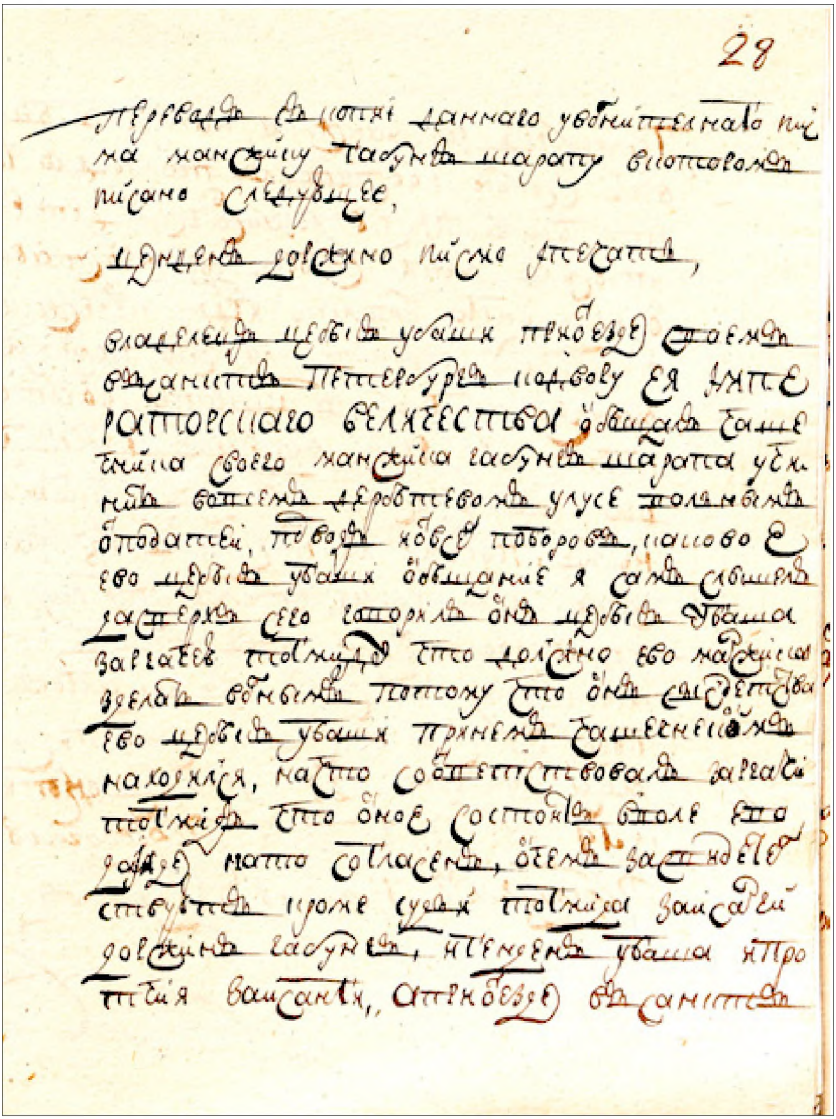
Batmaev M. M. [The Kalmyks: 17th – 18th Centuries]. Elista. Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)

Nebolsin P. [Kalmyks of Khosheutovsky Ulus: Sketches of Everyday Life]. St. Petersburg: Karl Kray, 1852. 196 p. (In Russ.)

Nefediev N. A. [Detailed Data about the Volga Kalmyks]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 306 p. (In Russ.)







28

Первая копія даннаго убѣдительнаго пи-
ма манскому тайшѣ шарапу вѣдомо
писано слѣдующее,

Нынѣ довѣрно писмо отправлю,

владѣлецъ щедвіе ваши прикѣзе своемъ
отъ санитъ Петербурхъ подвоу ея Импе-
ратарскаго величества обѣщалъ тайше
тайша своего манскаго тайшу шарапа уз-
нать вашемъ дербетевомъ улусе толмачи
податей, тевоу новые поборовъ, нашово е
его щедвіе ваши обѣщаніе я самъ слышалъ
настерхъ его говорилъ онъ щедвіе ваши
заргачей толмачи что должно его марскаго
велѣть вынести потому что онъ слѣдствова
его щедвіе ваших приемъ тайшенеймъ
находился, насто соотвѣтствовалъ заргачі
толмачи что оное состоялъ вѣдомо что
дадо матто согласенъ, отемъ настоя-
ствуетъ кроме суды толмачи записей
довѣренъ тайшенъ, нѣнуемъ ваши про
тѣя вашанъ, отъ санитъ

Петербурхъ его манифиа, намѣренъ былъ
взять ссобою но оставилъ только для чего
что брать трудъ изъ за сѣдины детей
и просилъ меня чтобъ его не оставить,
объявилъ онъ о бытлено хѣдну полѣскому
переводчику воронину, для его помянутаго
манифиа. Тамуньъ шарапа въ сентябрѣ
шибитца, и мы владѣлецъ невинъ уба
ша. изъ жалости обещалъ убить во
ны, поэтому на мнѣ далъ къ вамъ
сей моей писма, что мы его вобъ
переводчиковъ улусъ отца обнаружа ни
мѣтъ ему на собо изъ вай сантовъ ни
ково, отсуда тесай красная, писано
мца хулугуна : 25 : что есть октября
19 : дня 1777 года Переводчикъ
Переводчикъ Игнатъ Федотовъ

УДК 821.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-594-612

О функционировании лексемы *hазр* ‘земля’ (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»)

Нина Михайловна Мулаева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Аннотация. Данное исследование является продолжением работ, в которых апробируются материалы Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». *Цель* работы состоит в рассмотрении роли и функции, а также дефиниционном анализе лексемы *hазр* ‘земля’, включенной в словник Толкового словаря. *Материалом* исследования послужили 28 текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар». *Результаты*. В «Джангаре» лексема *hазр* представлена в основном значении земля и переносных значениях: суша, территория, путь, владение, расстояние, место. В своем основном значении лексема *hазр* ‘земля’ в текстах эпоса употребляется в составе сочетаний, относящихся к географическим и земледельческим терминам, степному и пустынному ландшафту. В сочетании *эҗго hазр (эҗгә hазр)* ‘безлюдная земля’, отражается важный признак степи — безлюдность. Слово *hазр* входит в состав сочетаний, которые имеют сакральный смысл (*hазр дунд* ‘посреди Земли’, *hазр, теңгрин киисн* ‘средоточие земли и неба’). Частотным является употребление в текстах эпоса «Джангар» лексемы *hазр* в значении расстояние в «формулах длительности», которые обладают свойством хронотопа, где время выступает мерой длительности, протяженности. Противопоставление своей земли — чужой земле как отражение универсальной, базовой культурной оппозиции *свой – чужой* выражается в сочетаниях *хәр hазр* ‘чужая земля’, *хәрин ик hазр* ‘чужая далекая земля’.

Ключевые слова: лексема, сочетаемость, калмыцкий язык, эпос «Джангар», толковый словарь

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ 0258-2019-0003, номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1)

Для цитирования: Мулаева Н. М. О функционировании лексемы *hазр* ‘земля’ (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»). Монголоведение. 2019. № (3): 594-612. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-594-612.

UDC 821.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-594-612

The Epic of *Jangar*: Functioning of the Lexeme *hазр / γazr* 'Earth' Revisited

Nina M. Mulaeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
ORCID: 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* The study continues a series of works seeking to evaluate materials contained in the Explanatory Dictionary of the Language of the *Jangar* Epic. *Goals*. The article examines the role and functions, analyzes definitions of the lexeme *hазр / γazr* 'earth, ground' included into the word list of the Explanatory Dictionary. *Materials*. A total of 28 different *Jangar* epic texts recorded at different times have been investigated. *Results*. The *Jangar* epic employs the lexeme hазр in the meaning of 'earth, land, ground' and related ones, such as 'terrestrial area', 'territory', 'path', 'domain', 'distance', 'place'. When used in its key meaning, the lexeme *hазр* 'earth, land, ground' largely occurs in word combinations related to geographical and agricultural terms, steppe or desert landscapes. The phrase *эҗго hазр (эҗгə hазр)* 'deserted land' illustrates an important feature of the steppe — its peopleless nature. The word hазр also co-occurs in phrases with sacral meanings (hазр дунд 'amid the Earth', hазр, теңгрин киисн 'center of Earth and Heaven'). The lexeme is also most frequently used in duration formulas that may possess chronotopos properties, with time acting as a measure of duration and length. The contraposition of *own land* to *alien ones* as a reflection of universal, fundamental opposition *us* — *them* is manifested in the combinations *хəр hазр* 'alien land', *хəрин ик hазр* 'remote outland'.
Keywords: lexeme, co-occurrence, Kalmyk language, Epic of *Jangar*, explanatory dictionary
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Mulaeva N. M. The Epic of *Jangar*: Functioning of the Lexeme *h*азр / *γazr* 'Earth' Revisited. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 594-612. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-594-612.

Исследование проведено в русле работ, в которых апробируются материалы Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»[1] (далее — ТСД), создаваемого на базе 28 текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джан-

[1] См. подробно публикации: [Бачаева 2015; Бачаева 2017; Куканова 2016; Куканова 2018; Мулаева 2015; Мулаева 2017; и др.]

гар», объединенных в репертуарные циклы или представленных отдельными песнями.

В статье предпринята попытка дефиниционного анализа и изучения лексемы *һазр* ‘земля’, включенной в словник ТСД[1].

Как известно, у монгольских народов земля как пространство, как образ мира имеет огромное значение в системе нравственных ценностей.

Так, в работе Т. С. Есеновой исследован один из базовых концептов калмыцкой лингвокультуры — земля, в котором выделяется устойчивое словосочетание *төрскн һазр* ‘*досл.* земля / место, где родился’, в нем заключен важный для калмыков смысл, *төрскн һазр*[2] обозначает и малую родину — родное кочевье, где появился на свет человек, и большую родину — страну [Есенова 2011: 40].

Роли и функции основополагающей и универсальной для каждой культуры константы *земля* ‘газар’ у монголоязычных народов рассмотрены в работе Д. Санжиной [**Санжина** 2007].

Понятие о земле как сакрализованном природном объекте в монгольской фольклорно-мифололической традиции подробно изучено в работе С. Ю. Неклюдова, который выделяет набор образов, связанных с представлениями о земле, в частности, что земля — это неперсонифицированное космическое женское начало («мать Этугэн»). По мнению исследователя, слово *этугэн* в своем «космическом» значении заменяется синонимами: *дэлхий* (*алтан дэлхий* ‘золотая земля’, *хөрст дэлхий* ‘користая земля’) или *газар*, параллелизм наименований *этугэн* и *газар* обнаруживается еще в «Сокровенном сказании». Основное значение понятия «земля» автор трактует как ‘мир, свет; вселенная’, во втором значении земля — это ‘земная твердь; лоно земли; ландшафт, местность’, а также ‘мир, белый свет’ [Неклюдов 2019: 199, 224].

В ходе исследования 28 текстов разновременных текстов эпоса «Джангар» выявлено, что многозначная лексема *һазр* ‘земля’ употребляется в эпосе 389 раз в разных значениях.

---

[1] Словник разрабатываемого словаря составлен на материале песен эпоса Малодербетовского и Багацохуровского циклов, а также песен из репертуара джангарчи Ээлян Овла, Мукебена Басангова, Давы Шавалиева, Наснки Балдырова, Бадмы Обушинова.

[2] В текстах эпоса «Джангар» слово *төрскн* в значении ‘родной’ употребляется один раз в сочетании *төрскн Бумб* ‘родная Бумба’: *Эврə төрскн Бумбан хəлəһəд*, / *Ормасн геедрəд одв*. ‘В сторону своей родной Бумбы / Поскакал он’ [ШД: III].

Рассмотрим эти значения подробно.

1) *һазр* ‘земля’

В своем основном значении ‘верхний слой земной коры; почва, грунт’ лексема *һазр* ‘земля’ употребляется в составе сочетаний[1], относящихся к географическим и земледельческим терминам, степному и пустынному ландшафту:

хотхр һазр	‘низина’
хагсу һазр ‘	‘пустыня (досл. сухая земля)’
тала[2] (*талха*) *һазр*	‘равнина’
һазрин көрсн	‘почва земли’
һазрин өр	‘недра земли’
һазрин ө	‘неровности земли’
һазрин адрусн	‘ухабы (кочки) земли’
җилмн ил һазр	‘открытая, ровная местность’
өвсн уга шал һазр	‘местность, где нет никакой травы, растительности’
эҗго[3] *һазр* (*эҗгә*[4] *һазр*)	‘безлюдная степь (досл. безлюдная земля)’

Примеры из текста:[2]

Эҗго[3]*эрм цаһан көдәд / Далврң тиим* ***хотхр һазрт****, / Цуд һучн цаһан өргә*[4]*бәәҗл,* ‘В безлюдной пустынной степи, / В широкой низине / Возвышались тридцать белых кибиток’[5] [БМ: III].

Арнзл Көк_Һалзнь / Алс автлан / Эрмн мөңгн урларн / ***Һазрин көрс*** *зуунад оркв.* ‘Аранзал Кеке Галзан, / Отпрянув, / Губами с серебристым налетом / Коснулся земли’ [БЦ: I].

Күчтә баатр ирсн кевтә билəл, / ***Һазрин өр*** *догдлад одлал.* ‘Сильный богатырь видно прибыл, / Недра земли затряслись’ [БМ: III].

Хагсу һазрин *гөлүрү кевтә җилвкəд йовна.* ‘Ехал быстро, словно ящерица пустыни’ [БН: I].

[1] Все тексты эпических песен «Джангара» загружены в программу TextAnalyzer, программа выдает весь список употребления того или иного слова в примерах, что позволяет сортировать значения и по левому, и по правому контексту, в результате сортировки иллюстративного материала выявляются устойчивые выражения, коллокации [Куканова 2016: 8–9].

[2] *Тала* ‘открытое пространство, поле; равнина’; *тала һазр* ‘равнина’ [КРС 1977: 473].

[3] *Эҗго* ‘необитаемый, безлюдный, пустой’ [КРС 1977: 692].

[4] *Эҗгəрх* ‘становиться безлюдным, пустеть’ [КРС 1977: 692].

[5] Перевод и примечания к текстам эпоса «Джангар» с калмыцкого языка на русский осуществлены авторами публикуемого многотомного «Свода калмыцкого фольклора», выполняемого Калмыцким научным центром РАН (ранее — КИГИ РАН), см. подробно: [Манджиева 2016; Манджиева 2017].

Тавн миңһн өрк медгсн нойинь / Тәкмәрнь ораһад, / ***Тала һазр*** *көөдг,* ‘Нойонов, владеющих пятью тысячами юрт, / Хлеща [плетью] по ногам, / Прогонял он на равнину’ [БМ: I].

Талха һазрас *аңһр-аңһр инәһәд күрәд ирв.* ‘На равнине, широко улыбаясь, [к нему] подошла’ [ЭО: I].

Также можно выделить и другие устойчивые сочетания со словом *һазр* ‘земля’:

чиигтә һазр	‘сырая земля’
һазрин өвсн	‘трава на земле’
һазрин харан[1]	‘очертания земли’

Примеры из текста:[1]

Чиигтә һазр *ишкл уга, / Цеврхн тиим һазрт / Цевкәс гиһәд зогсад бәәҗл.* ‘Не ступая на сырую землю, / На сухом месте / Настороженно [конь] стоял’ [БМ: II].

Хойр талан шуукрлһнд / Һазрин өвсн / Хойр талан әгрәд, ... ‘От его [горячего] дыхания / Трава на земле / По обеим сторонам засыхает’ [ЭО: III].

Күүкн цаһан мөрчиг / Мөртәһинь чирәд, / Зүн һацсин дөрәһинь / Һазрин хара шудрулв. ‘Поволок он вместе с конем / Коневода Кюкен Цагана, который / Бороздил землю / Левым стременем’ [БМ: I].

Одним из частотных является сочетание *эҗго һазр (эҗгә һазр)* ‘безлюдная степь (досл. безлюдная земля)’, которое наряду с другими устойчивыми сочетаниями, встречающимися в эпосе (*эҗго эрм цаһан тег* ‘безлюдная степь’, *эҗго эрм цаһан көдә* ‘*досл.* безлюдная, выгоревшая белая степь’), отражает «важный признак степи — безлюдность» [Есенова 2011: 42].

Примеры из текста:

Эҗго һазр *гидг эн санҗл, / Эрм цаһан көдә гидг эн санҗл.* ‘Это и есть безлюдная земля, / Это есть необитаемая степь, выгоревшая добела’ [БМ: IV].

Эҗгә һазрин *нег көвүг / Арвн хойр бийәрн / Орад, дәәлчксн болҗахар, / Нежәдәр орад, / Бәәр бәрлдий*! ‘Чем всем нам, двенадцати витязям, / Нападать / На одного юношу в безлюдной степи, / Лучше по одному / Вступим в поединок с ним’ [ШД: II].

[1] *Харан* ‘очертание’ [КРС 1977: 577].

2) *һазр* ‘суша’

Лексема *һазр* ‘земля’ во втором значении в эпических текстах представлена как ‘суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)’:

теңгр һазр хойрин шавшлһн (савшлһн)	‘слияние земли и неба (горизонт)’
охтһрһу һазр хойр догдлх	‘небо и земля содрогнутся’
охтрһу һазр хойр негн болх	‘небо с землею сходятся’

Сакральный смысл заключен в сочетаниях *һазрин киисн* ‘средоточие земли (*досл*. пуп земли)’, *һазр, теңгрин киисн* ‘средоточие земли и неба (досл. пуп земли и неба), *һазр дунд* ‘посреди Земли’:

һазрин киисн	‘пуп земли’
һазр, теңгрин киисн	‘пуп земли и неба’
һазр дунд	‘посреди Земли’

В эпическом тексте понятие «центра, середины» имеет ярко выраженный сакральный характер: оно указывает на исключительно важное место, занимаемое героем или почитаемым объектом в окружающем пространстве мироздания [Пюрбеев 2015: 89]. В текстах эпоса это отражено в устойчивом сочетании: ***һазр дунд*** *һанц гинə, һалв дунд өнчн* ‘посреди Земли сирота, у родового очага сирота’ (о богдо Джангаре).

Как отмечает Э. П. Бакаева, символы горы, дворца, трона в эпосе являются отражением идеи центра мира. Дворец Джангара пирамидальной формы расположен на горе Мангхан-Цаган, осмыслявшейся как *пуп земли* — «словно оперенная стрела». Гора является «пупом земли», дворец расположен на склоне этой горы, трон является главным, сакральным местом во дворце, украшенном в своеобразном стиле [Бакаева 2009: 31, 99].

Примеры из текста:

Өл Маңхн Цаһан уулнь / ***Һазр теңгр хойрин киисн болад***, / *Өрүн һарх нарни көл дор / Маңхаһад бəəдг гинə.* ‘Сизая гора Мангхан Цаган[1], / — Средоточие земли и неба / — Под лучами восходящего солнца / Величественно возвышается, говорят’ [ЭО: I].

[1] В эпосе гора Мангхан Цаган соответствует мировой горе, ее вершина (по буддийской мифологии) соотносится с центром вселенной.

Зург болгсн шар-цоохр бәәшңнь / Һарх шар нарни ар көлднь / ***Һазрин киисн*** *болж үзгдв.* ‘Прекрасный желто-пестрый дворец, / К северу от лучей восходящего желтого солнца / стоявший, / Пупом земли ему показался’ [БЦ: II]

3) *һазр* ‘территория’

В третьем значении лексема *һазр* нами выделена как ‘вообще какая-л. большая территория Земли’. Лексема *һазр* в данном значении употребляется в сочетаниях:

дор һазр	‘восточные земли’
хамг һазр	‘разные земли’
хол һазр	‘далекая земля’
деер һазр[1]	‘земля, что лучше’
һазр деерән	‘на своей земле’
хәр һазр	‘чужая земля’
һазрин зах	‘край земли’
күрх һазр	‘земля, которую можно достичь’
тер һазр	‘та земля’

Как известно, в эпических текстах существует противопоставление своей земли — чужой земле, как отражение универсальной, базовой культурной оппозиции *свой – чужой* [Хуснутдинов 2009: 19].[1]

Эпическое пространство в «Джангаре» имеет внутреннее членение — «свой — чужой»: своя страна — чужая страна. «Своя» Бумба — страна богатырей Джангара и «чужая» — страна врагов Бумбы [Пюрвеева 2003: 19].

Понятие *эврә һазр* ‘своя земля’ в эпических текстах отражается в устойчивом сочетании: *һал деерән һанц,* ***һазр деерән*** *өнчн* ‘у родового очага одинокий, на земле своей сирота’, а понятие чужая земля выражается сочетаниями ***хәр һазр*** ‘чужая земля’, ***хәрин ик һазр*** ‘чужая далекая земля’, которые употребляются только в цикле песен из репертуара Ээлян Овла и воспринимаются в фрагментах эпоса как нечто негативное, отрицательное:

[1] *Дарунь дуудгсн дунь: / Җивхлңгин Алта гидг уулас деер һазр олвч, / Җиндмнин хүвлһән богдас деер эз олвч?* ‘Землю, что лучше величественного Алтая, нашел ты? / Хозяина, что лучше чиндамани воплощения — богдо, нашел ты’ [БЦ: III].

Хәр һазрт *хатрад йовхла, / Ардм келдг / Ах-дүүһин оңһа угалм, / Халун хәәсн хот өгдг / Эгч-дүүһин оңһа угалм! гижң уйдн уульв.* ‘Когда по чужой земле поеду рысцой, / Что будут говорить обо мне, / Не будет братьев у меня, / Чтобы в котле горячую пищу подать! / Не будет сестер у меня» — сказав, опечаленный, он зарыдал’ [ЭО: II].

Хәр һазрт *оч, / Арһсн, түләнә күн болҗ заргдхин ормд, / Әгр хар булгин көвәд / Ааһ цусан асхлцнав!* Но чем стать слугой, собирающим топливо / На чужой земле, / Пусть лучше моя кровь прольется / У родника Агир Хара’ [ЭО: IX].

Ода хәрин ***ик һазрт*** */ Һанц бийим юңгад заргснтн энүв*? ‘А теперь на чужую большую землю / Одного меня почему посылает?’ [ЭО: IX].

Понятие *чужая (вражеская) земля* может выражаться дейктически в сочетании: ***тер һазр*** ‘та земля’:

Дөрвн ах баатрнь / ***Тер һазриг*** *дөрвнә кеһәд, / Ховаҗ авад, / Ховаһад авчкад, / Не, лавта Авлңһин хаанаг / Дарв билтәлвидн.* ‘Четыре старших богатыря [Джангара] / Поделили на четыре части / Ту [вражескую] землю [между собой]. / Поделив землю, они сказали: / Наконец мы победили / Авланги хана’ [ОБ: I].

4) *һазр* ‘расстояние’

Наиболее частотным является употребление лексемы *һазр* ‘земля’ в текстах эпоса «Джангар» в переносном значении расстояние, в «формуле длительности». В. М. Гацак, считает, что в «формулах длительности», которые обладают свойством *хронотопа*, время выступает мерой длительности, протяженности. Термин хронотоп исследователь сопровождает пояснением «времяпространство» [Гацак 1989: 15–16].

А. В. Кудияров изначальными видами хронотопа в эпосе считает хронотоп пространства и хронотоп пути [Кудияров 2002: 184].

В эпических текстах лексема *һазр* в значении *расстояние* употребляется во временных показателях хронотопа пространства, где более крупные хронотопы выражены годами, месяцами, днями, а дробные временные показатели выражены сутками или днями, т. е. хронотоп пространства выражается временным эквивалентом[1].

[1] См. подробно: [Молотова 2010: 205–209].

Хронотопы, выраженные годами

җирн йисн җилә һазр	‘расстояние в шестьдесят девять лет’
һурвн җилә һазр	‘расстояние в три года’
җилә һазр	‘расстояние в год’

Хронотопы, выраженные месяцами

һурвн зун һучн зурһан сара һазр	‘в триста тридцать шесть месяцев расстояние’
арвн тавн сара һазр[1]	‘расстояние в пятнадцать месяцев’
тавн сара һазр	‘расстояние в пять месяцев’

Хронотопы, выраженные сутками, днями

хонга һазр	‘расстояние суточного [пути]’
өдрә һазр	‘расстояние дневного [пути] ’
үд (үдә) һазр	‘расстояние в полдня [пути]’

Слово *һазр*[1]употребляется в сочетаниях со словами, обозначающими меру длины: *алд* ‘сажень’, *дууна*[2] ‘верста; расстояние, слышимости человеческого голоса (расстояние, на котором слышен крик человека)’, *берә* (*беерә*[3]) ‘*беря*; древняя мера расстояния, равная примерно семи верстам’, *һуру* ‘в три пальца длиной’, *дөрү* ‘в четыре пальца длиной’:

һурвн алд һазр	‘расстояние трех саженей’
долан миңһн алд һазр	‘семь тысяч саженей расстояние’
дууна чингә һазр	‘расстояние с версту’
тавн беерә һазр	‘расстояние пяти беря’
йирн берә һазр	‘расстояние девяти беря’
һуру һазр	‘в три пальца длиной расстояние’
дөрү һазр	‘в четыре пальца длиной расстояние’

Примеры:

Һурвн алд һазрас / *Хорн шү хойрнь буслад күрдг*, ‘Кипящий яд [на лезвии] которого достает [человека] / На расстояние трех саженей’ [БМ: IV].

[1] *Үүнәс Арнзл Зеердин / Дунд гүүдләр йовхнь, /* ***Арвн тавн сара һазр*** *гинәл.* ‘Если отсюда Аранзала Зерде / Средним ходом скакать, / То это — расстояние в пятнадцать месяцев, говорят’ [БЦ: III].

[2] У калмыков существует реальная пространственная координата, передаваемая словосочетанием *дууна һазр* ‘пространство на расстоянии голоса’ [Убушиева 2013: 18].

[3] *Беерә* ‘миля’ [КРС 1977: 93].

Батын төлəд / Дорас ***долан миңһн алд һазр*** / *Булҗ, делдвл.* ‘Для прочности / На семь тысяч саженей вглубь земли / Закопали [основание дворца]’ [БМ: I].

Һуру һазр *цаһан мөңгəр товчлгсн, /* ***Дөрү һазр*** *цаһан мөңгəр альхлгсн, / Нəəтг залу занднла харһулҗ ишлгсн, / Иш маля хойр зоклцгсн маляг / Барун һартан бəрəд, / Күдр зандн эрк алхад һарв.* ‘В три пальца длиной серебряный наконечник приладили, / В четыре пальца длиной из белого серебра наладонную петлю [отковали]’ [МД: II].

А. В. Кудияровым выделен «особый уровень художественного обозначения дальности расстояния — описание косвенно, обиняком: посредством особых художественных образов, дающих представление о времени преодоления пространственной дали» [Кудияров 2002: 199], который получил название *опосредованный хронотоп.*

Примеры из текста:

Сəəр сəрвң / Сəрсн сүүдəн һуру / Һунн шар-цоохр итлг / Һурв өндглəд, һурв һууҗад, / Күрнүв, угайв гих ***һазр****.* ‘Расстояние таково: трехлетняя желто-крапчатая / самка балобана, / С тонкой кожей на крестце, / С жиром подмышкой — в три пальца, / Трижды в пути яйца снесет, трижды выведет птенцов, / Но долетит или нет, неизвестно’ [ЭО: V].

Нарн һархин өмн үзгт / Деед Девəн гидг уул бəəдг болна. / Һазриннь холнь — тавн җил / Җиврəн татад уга / Тарлң көк цоохр начн / Тəвлһтə уулан бел деернь / Мең юуһан меңнəд, / Өд юуһан сергəһəд нисхнь, / Зууран зун нəəм хонҗ, / Күрш уга ***һазр*** *гинə.* ‘К югу от восхода солнца / Есть гора, называемая Деде Девян. / Расстояние до нее таково — если пять лет / Крыльев своих не расправлявший / Крапчатый, сизо-пестрый сокол / У подножия таволгой заросшей горы / На добычу охотясь, / Перья свои освежая, полетит, / То, сто восемь суток пролетев, / Не долетит — таково расстояние, говорят’ [БЦ: II].

Хронотопы в контексте используются с глаголами движения: *гүүх* ‘бежать’, *гүүлгх* ‘ехать’, *тальвх* ‘мчаться (о лошади)’:

дууна чигə һазрас гүүх	‘с расстояния версты разбежаться’
өөчн йисн хонга һазрт гүүлгх	‘расстояние в сорок девять суток проехать’
тавн беерə һазрас тальвх	‘с расстояния пяти беря помчаться’

В текстах эпоса слово *һазр* употребляется со словами, относящимися к лексике, связанной со зрением, видимостью: *нүдн* ‘глаза’, *харан* ‘поле зрения, видимое пространство’ [КРС 1977: 577]:

нүднд әрә үзгдх һазр	‘расстояние, едва видимое глазу’
харани чигә һазр	‘расстояние, видимое (глазом)’

Примеры из текста:

Нүднд әрә үзгдх һазрас */ Сорҗ авад, тәәрәд, хаяд бәәдг болнал.* ‘С расстояния, едва видимого глазу, / Все втягивалось и срезалось [врагом]’ [БМ: IV].

Ке шар-цоохр олнцгин захар / Дуута долан миңһ дарад, / Дун уга нәәмн миңһ дарад одв, / ***Сән харани чигә һазрт*** */ Күүчн орад одв.* ‘Края красивых желто-пестрых тебеньков / [Мингъян] с гиком семь тысяч раз сдавил, / Молча восемь тысяч раз сдавил, / На расстояние, хорошо видимом, / С налета ворвался [во вражеский стан]’ [ЭО: VIII].

Также это слово отмечено в сочетаниях с лексемами, относящимися к военной лексике:

хах һазр	‘расстояние выстрела’
саадгин сумн күрх дүңгә һазр	‘расстояние, куда может долететь лучная стрела’

Примеры из текста:

Саадгин сумн күрх дүңгә һазрас */ Давсгиннь экнд дарад, делв.* ‘С расстояния, куда может долететь лучная стрела, / Нацелился он пониже пояса и выстрелил’ [ШД: III].

Күчтә Күрл Эрднь хан / Ар талднь ***хах һазрт*** *һанцар йовна.* ‘Могучий Кюрюл Эрдэни хан, / На расстоянии выстрела, в одиночестве едет’ [МД: II].

Для определения протяженности пути слово *һазр* употребляется в сочетании с лексемой *бүүр* ‘кочевка’:

тавн бүүрин һазр	‘расстояние пяти кочевок’
зун бүүрин һазр	‘расстояние в сто кочевок’

Примеры:

Тавтал Күүкн Күрң_Һалзн мөрн / ***Тавн бүүрин һазртл****, / Очн мет, өсрәд, тусад йовна.* ‘Пятилетняя кобылица Кюрюнг Галзан, / Вырвавшись вперед / На пять кочевок, / Скачет, как искра’ [БН: II].

*Шар-цоохр бәәшңнь / **Зун бүүрин һазрас** / Зург болж үзгдв.* ‘Желто-пестрый дворец / С расстояния в сто кочевок / Еще прекраснее казался’ [БЦ: II].

На большую протяженность пути лексема *һазр* указывает в сочетании с усилительными словами: *эдү* ‘такой’, *ик* ‘большой’, *ямр* ‘какой’, *әрә* ‘еле-еле, с трудом’:

эдү хол һазр	‘такое далекое расстояние’
ик хол һазр	‘большое далекое расстояние’
ямр хол һазр	‘какое далекое расстояние’
өдртән әрә гиж ирх һазр	‘расстояние, с трудом преодолевающееся за день’

Протяженность пути указывается и сочетанием: *күмн күрх һазр* ‘расстояние, доступное человеку’:

*Өмн бийдән хәләхнь / — **Күмн күрх һазрт** / Күсх нег баран үзгдх биш.* ‘Вперед посмотрел — / На расстоянии, доступном человеку, / Ни одного достижимого очертания’ [БЦ: I].

5) *һазр* ‘путь’

В эпических текстах можно выделить лексему *һазр* в значении путь (расстояние, которое проходит или проезжает кто-л.).

Это значение отражено в устойчивых сочетаниях:

һазр заах	‘указать путь’
һазр чидшго болх	‘не суметь преодолеть путь’
һазрин өрәл	‘половина пути’
һазрин дундур	‘середина пути’

Например:

***Һазрин өрәлд** ирчкәд, / Зеерд мөрән муурхлань, тәвчкү*в, ‘Середины пути достигнув, / Когда Зерде устал, пустил его [восвояси] [БМ: V].

6) *һазр* ‘владение’

В значение *владение* (территория, принадлежащая *кому-л.*, находящаяся в *чьей-л.* собственности) лексема *һазр* выражается в следующих иллюстративных примерах:

***Һазрим** сурдг болхнь, / Деед Мең Шаран орнд нутгтав,* ‘Если спросить о моих **владениях** / Есть у меня верхняя страна Менг Шара’ [БМ: I].

Эрцс Бумбан бум һолд / Эзн Җаңһрин / Эврәни меддг далн келн алвтнь / Долан сарин һазрт багтж ядад, / Җаңһрин нерәр / Шарин дөрвн түмн орни ***һазринь*** */ Булаж авад, шахж генүлв.* ‘На берегу извилистой Бумбы-реки со ста тысячами притоков, / На пространстве семи месяцев пути не поместившись, / Владыке Джангару / Принадлежащие семьдесят племен подданных, / Джангара именем устрашая, / **Владения** желтой веры сорока тысяч стран / Захватив, притесняли народ’[БЦ: I].

7) *һазр* ‘место’

Слово һазр употребляется в текстах эпоса и в другом переносном значении место (часть поверхности, площади чего-л.):

нимгн һазр	‘след (*досл.* тонкое место)’
үйдх һазр	‘раненое место’
үйн нег һазр	‘раненое место’

Примеры из текста:

Далн җидәр чичәд, / Далн бийләһән әдл баатр арвс күн / Дарсн бийнь, һовчидг нег ***нимгн һазр*** *угал,* ‘Вонзали пики такие, как и он, / Семьдесят богатырей, / Следов не оставалось’ [БМ: IV].

Җирн йисн арслң маңһс хаани көвүд / Дарсн бийднь, оцрж ***үйдх һазр*** */ Уга болж медгдвл,* ‘Шестьдесят девять подобных львам сыновей ханов мангасов, / Не смогли нанести ему ран. / Ничто не проявлялось’ [БМ: IV].

Җирн йисн җидәр чичәд, / Дарсн бийднь / ***Үйн нег һазр*** *уга болж медгдвл.* ‘Шестьдесят девять львов[-воинов] хана мангаса / Ударяли его шестьюдесятью пиками, / На нем не было [видно] ни одного раненого места’ [БМ: I].

Употребление лексемы *һазр* ‘земля’ во фразеологизмах, пословицах, сравнениях

Лексема *һазр* ‘земля’ встречается в текстах эпоса в выражениях, которые в современном калмыцком языке зафиксированы как:

1) пословицы:

Агтын тарһнд һазр тань гидг, эцкин әмдд кү тань гидг ‘Пока скакун в теле — иные края познавай, говорят, пока отец твой жив — иных людей узнавай, говорят’

Пример из текста:

Шин көтч Мөңгн Герлд келв: / «***Агтын тарһнд һазр тань гидг***, / ***Эцкин әмдд күү тань гидг***, / *Нег арвн көвүн / Зуулч йовад ирий», — гив.* ‘Новый слуга Менген Герелу предложил: / Пока скакун в теле — иные края познавай, говорят, пока отец твой жив — иных людей узнавай, говорят. / С десяток храбрецов [соберем], / Постранствуем да вернемся, — сказал он’ [МД: II].

2) фразеологизмы:

Орх нүк, һарх һазр олҗ ядх *‘досл.* яму, чтобы войти, землю, чтобы выйти, не находить’ (не находить места для спасения).

Пример из текста:

Зандн Зула хатн / ***Орх нүк, һарх һазр*** / ***Олҗ ядад****, гүүһәд йовна.* ‘Зандан Зула хатун / Ни ямы спрятаться, ни выхода убежать / Не находя, мечется-бегает’ [МД: III].

Употребляется и во фразеологизированном сочетании:

Һазрин күүкд чилх ‘досл. девушки на земле закончатся’

Пример из текста:

Һазрин күүкд чилгсн биш, / *Тер күүкнд бичкә келтн, гиҗ* / *Күүкнҗ келҗ бәәнә.* ‘Девушки на земле не закончились же, / Ту девицу не сватайте. / Мудро он сказал’ [ЭО: I].

Эта лексема отражена в эпических текстах в сравнении:

Догшн Хар Кинсин элч келҗ бәәнә: / *Һарх шар нарни көл дорк* / ***Һазр, теңгрин кийсн болгсн,*** / *Һалвин дөчн түмн хаани* / *Төр тогтагсн кен гидг* / *Нертә күмбч?* ‘Свирепого Хара Кинеса посланец говорит: / Под восходящего желтого солнца лучами / Пупом земли и неба себя возомнивший, / Этой эры ханов сорока туменов / Державы укрепившим себя считающий, / Как имя твое? / Чей же ты сын’ [БЦ: I].

Функционирование лексемы *һазр* в текстах эпоса в негативном аспекте

Лексема *һазр* употребляется в текстах эпоса, в сочетаниях, в которых заключена негативная окраска:

күчр һазр зөрх	‘досл. в трудную землю направиться’
түрх һазр	‘досл. место, где будут нуждаться’
киитн хар һазр шаах	‘в холодную черную землю воткнуть’
һазрин шуурха	‘трещина в земле (расщелина)’
һазр дор	‘преисподняя’
долан давхр һазр дор	‘семь преисподних’

Примеры из текста:

Чи чиг ***күчр һазр зөрҗ*** *йовдг күнҗлч!* ‘Ты тоже в очень трудную землю направляешься’ [БМ: IV]

Әмн ***түрх һазртчнь*** */ Аштнь би нөкд болхв гиҗ, / Богчин көвүн Бор Маңна бодң келв* ‘Там, где будут угрожать [твоей] жизни, / Помогу тебе я, — сказал / Сын Бокчи Боро Мангна вепрь’ [ШД: I]

Бас у дунднь хойр тулад, / Үүтн дунднь нег тулад, / ***Доладгч һазр дор*** *орад одв.* ‘Вновь, в широких местах упираясь двумя [шестами], / В узких местах упираясь одним [шестом], / До седьмой преисподней добрался он’ [МД: III].

Трещина в земле (*һазрин шуурха*) или огромная яма (*ик нүкн*) являются входом в нижний мир. В «Главе о том, как Алый Хонгорисполин свирепого Шара-Мангус-хана захватил в плен и привез» местом проникновения в нижний мир является *расщелина*, по которой враги эпического мира перемещаются из нижнего мира в средний [Горяева 2016: 90].

Выводы

Исследование лексемы *һазр* ‘земля’ на материале эпоса «Джангар» позволяет сделать следующие выводы:

1) в «Джангаре» лексема *һазр* представлена в основном значении *земля* и переносных значениях суша, территория, путь, владение, расстояние, место;

2) в эпических текстах эта лексема имеет широкую полисемию, употребляется в устойчивых сочетаниях с разными частями речи для обозначения географических и земледельческих терминов;

3) слово *һазр* входит в состав сочетаний, которые имеют сакральный характер (*һазр дунд* ‘посреди Земли’, *һазр, теңгрин киисн* ‘средоточие земли и неба’);

4) наиболее частотной лексема *һазр* является в переносном значении *расстояние* и употребляется в устойчивых сочетаниях, где детально обозначены временные показатели хронотопа пространства.

Источники

БМ — цикл песен из репертуара Мукебена Басангова
БН — песня из репертуара Насанки Балдырова
БЦ — Багацохуровский цикл
МД — Малодербетовский цикл
ОБ — песня из репертуара Бадмы Обушинова
ШД — цикл песен из репертуара Давы Шавалиева
ЭО — цикл песен из репертуара Ээлян Овла

Sources

[Songs from Mukeben Basangov's Repertory]. (In Kalm.)
[Song from Nasanka Baldyrov's Repertory]. (In Kalm.)
[Baγa Tsokhor (*Jangar* epic) cycle]. (In Kalm.)
[Baγa Dorbet (*Jangar* epic) cycle]. (In Kalm.)
[Song from Badma Obushinov's Repertory]. (In Kalm.)
[Songs from Dava Shavaliev's Repertory]. (In Kalm.)
[Songs from Ovla Elyaev's Repertory]. (In Kalm.)

Литература

Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

Бачаева 2015 — *Бачаева С. Е.* Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.

Бачаева 2017 — *Бачаева С. Е.* Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции, обозначающие возраст // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 170–178.

Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.

Горяева 2016 — *Горяева Б. Б.* Мифологическое трехмирие в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и сказках // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 88–91.

Есенова 2011 — *Есенова Т. С.* «Земля» как лингвокультурный концепт ментального мира калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 5. С. 39–43.

Кудияров 2002 — *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.

Куканова 2016 — *Куканова В. В.* Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.

Куканова 2018 — *Куканова В. В.* Лексема *билцг*: к вопросу о происхождении и семантике (на материале эпоса «Джангар») // Oriental Studies. 2018. № 4. С. 100–121.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Манджиева 2016 — *Манджиева Б. Б.* О создании базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение. Вып. 9. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 211–217.

Манджиева 2017 — *Манджиева Б. Б.* К проблеме составления Свода калмыцкого фольклора // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 82–89.

Молотова 2010 — *Молотова Г. М.* Хронотоп в уйгурском фольклоре (на примере дастана «Имир Горогли») // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2010. № 6 (130). С. 205–209.

Мулаева 2015 — *Мулаева Н. М.* Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.

Мулаева 2017 — *Мулаева Н. М.* Титульные лексемы *хан, хаан, хатн* в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение. Вып. 10. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 5–16.

Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.

Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык (= Җаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на рус.и калм.яз. 2-е изд., перераб. Элиста: НГП «Джангар», 2015. 280 с.

Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар»: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2003. 52 с.

Санжина 2007 — *Санжина Д. Д.* Земля в оценке монголоязычных народов // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 11–12 окт. 2007 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 507–516.

Убушиева 2013 — Убушиева Б. Э. Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 34 с.

Хуснутдинов 2009 — Хуснутдинов Д. Х. Концепт «Жир» (земля) в татарской языковой картине мира (на материале произведений Г. Баширова и М. Магдеева): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 23 с.

References

[Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ. and Kalm.)

Bachaeva S. E. Explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*: definitions denoting age. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2017. No. 4 (44). Pp. 170–178. (In Russ.)

Bachaeva S. E. Lexical compatibility of adjectives denoting size and dimensions (a case study of the *Jangar* epic and Kalmyk National Corpus). In: [Topical Issues of Contemporary Mongolian Studies]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2015. Pp. 103–115. (In Russ.)

Bakaeva E. P. [Sacred Codes of Kalmyk Culture]. Elista: IKIAT, 2009. 159 p. (In Russ.)

Esenova T. S. 'Earth' as a linguistic and cultural concept of the mental world of the Kalmyks. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2011. No. 5. Pp. 39–43. (In Russ.)

Gatsak V. M. [Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics]. Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Russ.)

Goryaeva B. B. The Three Worlds (mythological) in the Kalmyk heroic epic of *Jangar* and fairy tales. In: [The *Jangar* and Epic Traditions of Turko-Mongols: Issues of Preservation and Investigation]. Conf. proc. (Elista; September 15–16, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 88–91. (In Russ.)

Khusnutdinov D. Kh. [The Concept *Jir* (land) in the Tatar Language Picture of the World: a Case Study of of G. Bashirov and M. Magdeev's Works]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2009. 23 p. (In Russ.)

Kudiyarov A. V. [The Epic of Siberia's Turko-Mongols: Artistic and Stylistic Traditions]. Moscow: Institute of World Literature of RAS, 2002. 329 p. (In Russ.)

Kukanova V. V. Explanatory Dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*: principles and problems of compiling dictionary entries. In: [The *Jangar* and Epic Traditions of Turko-Mongols: Issues of Preservation and Investigation]. Conf. proc. (Elista; September 15–16, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 7–12. (In Russ.)

Kukanova V. V. The lexeme *biltsg*: etymology and semantics revisited (a case study of the *Jangar* epic). *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2018. No. 4 (38). Pp. 100–121. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. On the creation of a database of authentic texts of the Kalmyk heroic epic '*Dzhangar*'. *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. 2016. Is. 9. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016. Pp. 211–217. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. To the problem of drawing up the Kalmyk Folklore Corpus. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri*. 2017. No. 1 (32). Pp. 82–89. (In Russ.)

Molotova G. M. Chronotope in Uighur folklore (a case study of the epic '*Imir Gorogli*'). *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*. 2010. No. 6 (130). Pp. 205–209. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of plants in the Explanatory Dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)

Mulaeva N. M. The title lexemes *khan, khaan, khatn* in the Definition Dictionary of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. 2017. Is. 10. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. Pp. 5–16. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. [Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual]. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [The *Jangar* Epic: Culture and Language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ. and Kalm.)

Pyurveeva N. B. [Poetics of Heroic Epic of *Jangar*]. A Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Nalchik, 2003. 52 p. (In Russ.)

Sanzhina D. D. Land in the assessment of Mongolian-speaking peoples. In: [Genghis Khan and Destinies of Eurasian Peoples – 2]. Conf. proc. (Ulan–Ude; October 11–12, 2007). Ulan–Ude: Buryat State University, 2007. Pp. 507–516. (In Russ.)

Ubushieva B. E. [Vocabulary of Kalmyk Folk Songs: a Cognitive-Semantic Perspective]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2013. 34 p. (In Russ.)

УДК 81'374.3
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-613-628

Прилагательные, выражающие тактильные ощущения в калмыцком языке (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка)

Саглар Егоровна Бачаева [1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-4484-1085. E-mail: bachaevase@kigiran.com

Аннотация. *Цель* работы. Данная работа посвящена исследованию тактильных прилагательных в калмыцком языке. *Материалом* для исследования послужили песни калмыцкого героического эпоса «Джангар» и тексты Национального корпуса калмыцкого языка. *Результаты.* Прилагательные имеют широкий диапазон лексической сочетаемости, характеризуют внешние проявления человека, его манеры, речь. Тактильные прилагательные, обозначающие внешние признаки предмета, в прямых значениях иногда совмещают тактильные и визуальные семы. Для описания признака предмета мы рассмотрели тактильное восприятие, с помощью которого люди могут получать и осмысливать информацию, создавая образ объективного мира. *В результате* тактильного контакта можно получить информацию о внешнем и внутреннем строении объекта, его фактуре: гладкий, сухой, твердый, мокрый, шершавый, шероховатый, шелковистый. При тактильном восприятии человек и объект взаимодействуют между собой и проявляются только при непосредственном нажатии, при контакте, соприкосновении. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» количество тактильных прилагательных ограниченно, часть из них имеют переносные значения: *шүрүн сәәхн хурдн* 'стремительная красивая скорость', *хату дән нутг* 'жестокая вражеская страна', *бат улан арз* 'крепкий, насыщенный', *хурц хойр нүдн* 'зоркие глаза'. Исследование тактильных прилагательных, позволило выделить несколько видов взаимодействия с объектом при тактильном контакте: в виде давления с применением силы, при надавливании на объект; визуальное восприятие, т. е. зрительный канал; тактильное взаимодействие с объектом в виде проникновения внутрь. Примеров тактильного взаимодействия при участии языка, рта, губ, с помощью спины, тела в эпическом тексте нет.

Ключевые слова: прилагательные, эпос, тактильные, восприятие, прикосновение, калмыцкий язык

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бачаева С. Е. Прилагательные, выражающие тактильные ощущения в калмыцком языке (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка). Монголоведение. 2019: (№ 3): 613-628. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-613-628.
UDC 81'374.3
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-613-628

Kalmyk Adjectives of Tactile Perception: a Case Study of the *Jangar* Epic and Kalmyk National Corpus

Saglar E. Bachaeva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
ORCID: 0000-0002-4484-1085. E-mail: bachaevase@kigiran.com

Abstract. *Goals*. The work deals with Kalmyk tactile adjectives. *Materials*. The paper analyzes texts of the Kalmyk heroic epic of *Jangar* and other materials contained in the Kalmyk National Corpus. *Results*. Adjectives are characterized by wide lexical co-occurrence, serving as means to depict human appearances, manners, and speech. Tactile adjectives denoting external properties of objects sometimes include both tactile and visual semes. For the description of outer properties, the paper examines tactile perception instrumental to obtaining and comprehending information that shape an individual image of the objective world. Tactile contact delivers data about external and internal structures of an object, its texture, e.g., smooth, dry, firm, wet, rough, silky. In tactile perception, man and an object interact and get materialized only when pressed, contacted, touched directly. The Kalmyk heroic epic of *Jangar* contains quite a limited number of tactile adjectives, some of the latter bearing figurative meanings, such as шүрүн сәәхн хурдн 'beautiful rapid speed', хату дән нутг 'rough enemy country', бат улан арз 'hard, vigoruos', хурц хойр нүдн 'sharp-sighted eyes'. The study of tactile adjectives makes it possible to distinguish several types of interaction with an object in tactile contact: pressing with application of force; visual perception; tactile interaction involving penetration. The epic narratives contain no mentions of tactile interaction involving the use of tongue, mouth, lips, back, or body.
Keywords: adjectives, epic, tactile, perception, touch, Kalmyk language
Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Bachaeva S. E. Kalmyk Adjectives of Tactile Perception: a Case Study of the *Jangar* Epic and Kalmyk National Corpus. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 613-628. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-613-628.

Введение

Как указывает А. О. Елисеева, язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Поскольку носители разных языков видят мир через призму своего национального менталитета, каждый язык создает свою картину действительности, отличную от других языков. Специфичным является свойственный конкретному языку способ формирования концептов в сознании индивида в результате осмысления поступающей информации. Индивидуальная картина мира складывается в процессе восприятия действительности, который представляет собой поступление информации через чувственные каналы: визуальный ‘зрительный’, аудиальный ‘слуховой’, осязательный ‘тактильный’, вкусовой, обонятельный и последующую обработку этой информации [Елисеева 2012].

По важности информации этот вид восприятия стоит на втором месте после зрения и слуха, а лексико-семантическая группа (ЛСГ) осязательных прилагательных является резервом для пополнения других групп разряда «чувственное восприятие действительности», что подтверждается синестетическим употреблением тактильных прилагательных (цит. по: [Астапкина 2011]).

Тактильные прилагательные в калмыцком языке

Немало исследований посвящено лексико-семантическим группам имен прилагательных — как в общем языкознании, так и в калмыковедении: [Шрамм 1979; Рахилина 2008; Гетманцев 2014; Бачаева 2016; Куканова 2016; Мулаева 2016].

Как пишет А. Н. Шрамм, с помощью осязания мы воспринимаем температуру, влажность и характер поверхности, весовые и болевые признаки [Шрамм 1979: 38]. Рассмотрим некоторые прилагательные осязательного восприятия в русском и калмыцком языках:

Таблица № 1. Осязательные прилагательные в русском и калмыцком языках
[*Table 1.* Tactile adjectives in the Russian and Kalmyk languages]

	Кинестетические прилагательные	Тактильные прилагательные	Температурные прилагательные	Болевые прилагательные
Русский язык	тяжелый — легкий	острый — тупой шершавый — гладкий твердый — мягкий сухой — мокрый скользкий, клейкий, жирный	горячий — холодный теплый	колючий жгучий
Калмыцкий язык	*күнд — гиигн*	хурц — мока *адрута — гилгр* *хату — җөөлн* *хагсу — чиигтә* *хальтрата, наалдг, тоста*	*халун — киитн* *бүлән*	*хатхдг* *шатагч*

Из данной таблицы видно, что большинство прилагательных имеют антонимы и самой распространенной ЛСГ являются тактильные прилагательные.

При анализе семантики прилагательных, выражающих тактильные ощущения, в качестве основного канала восприятия рассматривается осязательный, когда восприятие основано на тактильном контакте. В ряде случаев информация об объекте, источником которой традиционно считаются тактильные ощущения — мокрый, сухой, шероховатый, гладкий, может поступать также через зрительный канал восприятия. Вывод о состоянии поверхности объекта, его консистенции и, частично, о степени «податливости» объекта может быть сделан на основе визуального восприятия [Елисеева 2012].

Объектом настоящего исследования являются тактильные прилагательные в калмыцком языке на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка [НККЯ]. К тактильным прилагательным (как указанно выше в таблице) относятся: *хату* ‘твердый, жесткий’, *җөөлн* ‘мягкий’, *бат* ‘крепкий’, *көвкр* ‘рыхлый’, *хагсу* ‘сухой’, *чиигтә* ‘мокрый’, *адрута* ‘шероховатый’. Частотность их употребления сильно отличается (см. таблицу № 2).

Таблица № 2. Частотность употребления тактильных прилагательных в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и НККЯ

[*Table 2.* Tactile adjectives in the epic of *Jangar* and Kalmyk National Corpus: frequency of use]

Имя прилагательное	Число словоупотреблений	
	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
хурц ‘острый’	40	1 233
мока ‘тупой’	—	8
шүрүн ‘грубый’	20	667
җөөлн ‘мягкий’	—	1 051
хату ‘твердый’	18	1 065
бат ‘крепкий’	14	1 432
көвкр ‘рыхлый’	—	147
хагсу ‘сухой’	2	291
чиигтә ‘мокрый, влажный’	1	400
адрута ‘шероховатый’	—	121
гилгр ‘гладкий’	—	232

Исходя из данных таблицы, можно отметить, что не все тактильные прилагательные употребляются в эпическом тексте «Джангара», а значения лексем, которые встречаются в эпосе, не всегда являются тактильными, и многие из них имеют переносные значения. Эти прилагательные имеют широкий диапазон лексической сочетаемости, характеризуют внешние проявления человека, его манеры, речь. Возможно, это связано с тем, что текст — специфический, героический, волшебный, и в нем преобладают военные, мифические лексемы. Самыми частотными в эпосе «Джангар» являются прилагательные *хурц* ‘острый’, *шүрүн* ‘грубый’, *хату* ‘твердый’. Рассмотрим употребление тактильных прилагательных в текстах (см. таблицу № 3).

Таблица № 3. Употребление тактильных прилагательных в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и НККЯ [*Table 3.* Tactile adjectives in the epic of *Jangar* and Kalmyk National Corpus: tokens revealed]

Имя прилагательное	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
хурц 'острый'	***Хурц месән*** *ирлә / Харһҗ укв чиг, һундл уга биший!* [БЦ: I][1] 'Нет печали, даже если придется умереть от острого лезвия меча, не так ли'	*Хойр зун харулчнр /* ***Хурц үлдән*** *һарһлдад, / Бәрҗ авад Бадмиг / һар-көлинь күләд, / һазр деер хайна* 'Двести караульных, обнажив острые мечи, схватив Бадму, связали его руки-ноги и бросили на землю'.
шүрүн 'грубый, жесткий'	*Хоңһр шар серүнднь /* ***Шүрүн цаһан элснд*** *көлвәдүләд, / Өвцүнәнь өл-буурл хагзинь унһалһдг.* [БЦ: III] 'В приятной прохладе валялись на жестком белом песке, сбрасывая с грудины сизый волос'.	*Өвдгиг шүргдг, / Тәкин арсн болсн, / Шүрүс шүргәд йовдг /* ***Шүрүн шалвр*** *өмсв* 'Одел из шкуры лошади грубые брюки, которые натирали колени и сухожилия'.
хату 'твердый'	*Аду хәрүлдг Агсахл Бадань / Алдр богдасн гәһәд, / Аңхрҗ ядад, / Арслң Алта уулын белд / Үрһгсн* ***хату харһаһас*** *алд делм хату харһаг...* [БЦ: III] 'Табунщик Аксахал Бада, великого богдо побоявшись, не осмелившись ему сообщить, из крепких сосен, выросших у подножия горы Алтай, выбрал полутора-саженную крепкую сосну…'	*Тиигхд би* ***җөөлн*** *цасн деер унлав, ода* ***хату*** *һазр деер унув* 'Тогда я упал на мягкий снег, сейчас упал на твердую землю'.
көвкр 'рыхлый', *җөөлн* 'мягкий'	*Көк Һалзн күлгин /* ***Көвц***[2] ***болгсн зооднь*** */ Арһмҗиг хойр давхрлад, / Көөс падрулад, гүвдәд авад ирвл* [БМ: I] 'На спине Кёке Галзана, подобной вате, дважды сложив аркан, ударяя, привел его'	*Номһн салькта сөөһин* ***җөөлн*** *аһар чирә илҗ ирвлзнә* 'Ночной мягкий воздух с легким ветерком поглаживает лицо'
бат 'крепкий, прочный'	*Өмн бийәснь барс өтг хойрнь довтлв, / Барун зүн хойрасн / Баатрмуд* ***бат*** *зандн җидәрн худрв* [БЦ: II] 'Понеслись навстречу барс, медведь, справа и слева богатыри ударили крепкими сандаловыми копьями'.	*Мини келсн үг* ***бат*** *чолун мет* 'Сказанное мое слово, подобно крепкому камню'.

[1] Перевод примеров с калмыцкого языка на русский осуществлен автором.

[2] В связи с тем, что в эпосе не встречаются прилагатательные көвкр и җөөлн, приводим пример с лексемой көвц 'вата', т. е. подобный вате, такой же мягкий и рыхлый.

Имя прилагательное	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
хагсу ‘сухой’	***Хагсу*** *һазрин гөлүрү кевтә җилвкәд йовна* [БН: I] ‘Ехал он быстро, словно ящерица на сухой земле’	*Эн цәәһән шулун халултн, хәрү* ***хагсу*** *хувц-хунр, хотхол малын улст күргнәв* ‘Побыстрее нагрейте чай, я снова повезу животноводам сухую одежду, еду’
чиигтә ‘мокрый’	***Чиигтә һазр*** ишкл уга, / Цеврхн тиим һазрт / Цевкәс гиһәд зогсад бәәжл [БМ: II] ‘Не ступая на мокрую землю, на чистой земле осторожно стоял’.	Күүкнә ярһг ээм теврәд, ***чиигтә чирәһинь*** өрчдән шахад, Хоңһр дүүврдж суув ‘Хонгор, обняв худые плечи девушки, прижав мокрое лицо к груди, сел’

Тактильные прилагательные, обозначающие внешние признаки предмета, в прямых значениях иногда совмещают тактильные и визуальные семы: *адрута, цавта модн* ‘шероховатая доска’, *гилгр ширә* ‘гладкий стол’; *шүрүн үсн* ‘грубые волосы’, *җөөлн үсн* ‘мягкие волосы’.

Информация о предмете может поступать как через тактильный, так и через зрительный канал восприятия:

Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
Деерәс хурц шар нарнд далнь асад, / Дор ***хату хаалһд*** *көлнь устад, / Эҗго һазрт уульн гүүһәд йовхларн* [БЦ: I] ‘От палящего желтого солнца лопатки его горели, / От трудной, твердой дороги ноги его волдырями покрылись, / По безлюдной степи бежал он и плакал’	*Һартан* ***чиигтә*** *кенчр бәрсн герн кабинетин үүднд зогсҗаснь үзгдв* ‘У двери в кабинет стояла женщина, державшая мокрую тряпку’ *Баав тер хоорнд хормаһан саҗад, көлдән нааалдсн* ***чиигтә*** *улан шавриг уңһаһад, нан тал хәләһәд, өөрән йовсн күүкн тал заав* ‘Тем временем отец отряхнул подол, сбросил с ног прилипшую мокрую грязь, посмотрел на меня и показал на девушку, идущую рядом с ним’
Көлнь шивртх гиһәд, / ***Көвц арһмҗар*** *бәәсинь / Бас чигн эңгин олн сәәдүд шинҗлҗ бәәнә* [ЭО: VIII] ‘Множество сайдов осматривали, и чтобы ноги не покрылись потом, опутали их мягким (подобном вате) арканом’.	*Ур һарсн* ***көвкр*** *цаһан өдмг, шикртә тоһш, цаһан тосн, эрән цоохр махн бәәнә...* ‘Есть рыхлый, белый хлеб, от которого идет пар, сахарная баранка, сливочное масло, мясо’.

*«**Хурц** зандн армарн цуг бийитн / Армдад одсм эн!»* [БМ: IV] ‘Поэтому проколол вас острым сандаловым копьем!’.	*Ока эрг давшад / **Гилгр** чолун деер суув* ‘Ока, поднявшись на берег, сел на гладкий камень’

Тактильный контакт с объектом с приложением усилия может осуществляться также в виде попытки проникновения внутрь. Тактильное взаимодействие с объектом в виде проникновения внутрь является источником информации о его консистенции, которая может быть представлена в виде следующих признаков: жидкий, вязкий, рассыпчатый, порошкообразный, твердый (если попытка проникновения внутрь не удалась) [Елисеева 2012].

Рассмотрим употребление прилагательных *хату*, *хурц*, *хагсу*, *шүрүн* при тактильных взаимодействиях с объектом в виде проникновения внутрь, в виде давления с применением силы, при надавливании на объект, визуальном восприятии:

	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
	прилагательное *хату*	
тактильное взаимодействие с объектом в виде проникновения внутрь	*Алд делм **хату** харһаг / Энҗүр улан элкәрн шүвт шааһад, / Әмн улан һоларн ивт һарһв.* [БЦ: III] ‘Полуторасаженную крепкую сосну взяв, нежную красную печень проткнул, выйдя насквозь через жизненную красную аорту’	*Арвн хонгт хот угаһар **хату** һазр малтсн күн* ‘Человек, который десять дней без еды копал твердую землю’; *Ода көгшн, шүднь мухад, нам **хату** хотыг бүкләрнь зальгна* ‘Сейчас он старый, зубы стерлись, твердую пищу глотает целиком’; ***Хату** һазрин көрс маажад, бәәсн чидлән һарһад хәәкрнәв* ‘Царапая твердую кору земли, из последних сил закричу’.
	прилагательное *хурц*	
	***Хурц** зандн армарн / Цуг бийитн армдад одсл чигн гиһәд ирләлв* [БМ: I] ‘Приехал, чтобы поднять тебя острым сандаловым копьем’.	***Хурц** утхан авад, / Хар өдмг зүсв* ‘Взяв острый нож, стал резать черный хлеб’.

	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
	прилагательное *хату*	
визуальное восприятие, т.е. зрительный канал	прилагательное *хату*	
	—	*Тергнə төгəст наалдж одсн, зуурлдсн улан шавр* ***хату*** *уульнцд орж ирхлəрн хуурад унв* ‘Когда выехали на твердую улицу (дорогу), вязкая глина, прилипшая к колесам телеги, отпала’.
	прилагательное *хагсу*	
	Ширгəд окхлаг, / Сохр хар цурх / ***Хагсу*** *һол дотран һəрəдəд бəənə* [ОБ: I] ‘Когда вода испарилась, слепая щука стала прыгать по сухому дну реки’;	***Хагсу*** *буурлдан бийнь / Хатханчкан җөөлдүлж тинив* ‘Даже сухая полынь смягчила свои колючки и выпрямилась’
взаимодействие с объектом при тактильном контакте в виде давления с применением силы, при надавливании на объект	*Хад чолуни / Хатуһар чирв, /* ***Хату*** *модни үзүрəр чирв* [БЦ: I] ‘Поволок он его по тверди скал, по твердым, крепким верхушкам деревьев’	*Гостиницəс һарад, балһсна* ***хату*** *чолун уульнцар хурдар йовлав* ‘Выйдя из гостиницы, быстро пошел по твердой каменной улице’.
	прилагательное *шүрүн*	
	Дөрвн күдр цаһан мөчən / Дөрвн үзгүр телəд, / Дөш цаһан маңнаһан / ***Шүрүн цаһан элснд*** */ Дөңнж, кевтв.* ‘Он лег, упираясь широким белым лбом в жесткий белый песок, четыре могучие конечности в четыре стороны раскинув’ [БЦ: I]	*Булһна хажуднь өвгəрг, маштг хар залу ирж сууһад,* ***шүрүн*** *хар сахлан мошкад, үг келх бəдлтəһəр урлан ясад бəəв* ‘Рядом с Булгуной сел пожилой, низенький смуглый мужчина, крутя жесткие черные усы, как бы готовясь что-то сказать, шевелил губами’.

Одним из источников восприятия мира является тактильное взаимодействие с объектом, которое определяется как ощущение — форма кожной чувствительности, основанная на различных способах физического контакта с объектом, которая используется индивидом при восприятии действительности [Елисеева 2013].

Тактильное восприятие часто осуществляется при помощи конечностей: рук, ног. По мнению Е. В. Ивановой, рука является своеобразным органом осязания человека, сформировавшимся в труде и, имея возможность воздействовать на предметы объективной действительности, рука способна к активному осязанию, а не только к пассивному прикосновению. Благодаря этому она дает нам

знание таких важных свойств материального мира, как твердость, упругость, непроницаемость и прочие качества, которыми обладают материальные тела. «Осязательные», равно как и «вкусовые», прилагательные ориентированы на контактные ощущения, т. е. семантически отражают то, что при тактильном и вкусовом восприятии человек и объект взаимодействуют друг с другом (цит. по: [Иванова 2011: 23]).

Мягкость, твердость, жесткость, упругость предмета можно выяснить при нажатии, соприкосновении руками или ногами: ***Җөөлн кевсин*** *деегүр / Җирлзн йовдг билəт* ‘По мягкому ковру скользя ходили’; *Берк* ***җөөлн көвңгəр*** *орав, / Белн бəəсн эмсиг дүрв* ‘Завернул в мягкую вату, приготовленные лекарства заложил’; *Үлмəң авдрин ардас эрчмтə* ***хату*** *хар килһсн арһмəң авад…* ‘Улюмджи, взяв за сундуком крученный твердый черный волосяной аркан …’; *Дор* ***хату хаалһд*** *көлнь устад…* [БЦ: I] ‘От трудной, твердой дороги ноги его волдырями покрылись…’.

Вслед за О. А. Елисеевой мы отмечаем, что тактильное взаимодействие может выполняться при участии языка, рта, губ, зубов, с помощью спины, тела:

	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	НККЯ
тактильное взаимодействие выполняется при участии языка, рта, губ	—	*Эмгн эврəннь нүднəс асхрсн нульмс арчад норһсн* ***чиигтə*** *альхан Амулңгин маңна деер тəвəд, энүнə чирəһинь арһул дорагшан шувтрад, илəд оркв* ‘Свою мокрую ладонь, которой вытерла текущие из глаз слезы, старушка положила на лоб Амуланги и осторожно погладила ею, проведя вниз по лицу’
	—	*Үнринь авсн / хурһд дарцлдад, / Үмтəəҗ* ***җөөлн*** */ хулс җаҗлна* ‘Почуявшие запах ягнята столпившись, отрывая мягкий камыш, жуют его’
тактильное взаимодействие выполняется с помощью спины, тела	—	*Зекүн* ***чиигтə*** *салькн / Зүн үзгəс үləəҗ, / Заратрулəҗ, цогц беерүлв* ‘От дующего с востока прохладного мокрого ветра тело стало зябнуть, дрожать’
	—	*Элвг,* ***җөөлн*** *герлнь / Эəмиг ирəҗ хучна;* ‘Обильный, мягкий солнечный свет (тепло) накрыл плечи’

В текстах эпоса примеров тактильного взаимодействия при помощи языка, рта, спины, тела не обнаружено.

В результате тактильного контакта, при скольжении вдоль поверхности, можно сделать вывод о степени гладкости — шероховатый, гладкий, шершавый, скользкий: ***Гилгр*** *мөсн деерәһүр / Геглзүләд дөшҗ наадцхана* ‘Играют, скользя по гладкому льду’; ***Адрута*** *хаалһар цар / Ачлһта терг чиржҗ* ‘Вол тянул груженную телегу по неровной дороге’. В эпосе «Джангар» примеров с данными прилагательными не выявлены.

В семантике слов, описывающих тактильные ощущения, может отражаться характер взаимодействия с объектом, он может быть представлен в виде физических контактов различного типа. Тактильный контакт в виде прикосновения без (приложения интенсивного) усилия, без указания на специфику движения относительно объекта: трогать, касаться [Елисеева 2012б]: *Тоомсрта* ***җөөлн*** *һаран / Толһаднь әрә күргв* ‘Почтенными мягкими руками слегка прикоснулся к голове’; *Көкрсн* ***җөөлн*** *кевс / Көвүд, күүкдт белглв* ‘Детям подарили мягкий зеленый ковер’; *Иван* ***җөөлн*** *цаһан үсән эн-тендәсн илҗ, карандашарн ширә цокв* ‘Иван, поглаживая свои мягкие седые волосы, ударил карандашом по столу’.

В эпосе «Джангар» примеров с тактильным контактом в виде прикосновения нет, употребляются только с прилагательным *мөңгн*, улан — *Девд* ***мөңгн шалван иләд,*** */ Босад, / Заһснаннь махнас / Дәкәд шарад идв* [ЭО: I] ‘Пригладив свои серебристые кудри, встал, снова пожарил мясо рыбы, поел’; *Лаң шар-цоохр альчурар /* ***Бальмин улан чирә иләд*** *оркхларн, / Базг Улан Хоңһр / Барун эргнд, / Нарн мет, мандлад суув* [МД: I] ‘Желто-пестрым платком из шелка ланг вытер ярко-красное лицо, сияя подобно солнцу, сел на правой стороне воинственный Алый Хонгор’.

Рассмотрим более подробно лексему *хагсу* ‘сухой’ — *усн уга, чиигтә биш, кергтә чиг уга* ‘лишенный влажности, не мокрый, не имеющий достаточной влаги’. Для данного прилагательного в калмыцком языке можно выделить следующие значения, связанные с восприятием поверхности объекта, являющегося языковой реализацией тактильных и визуальных ощущений:

1) не содержащий влаги, не мокрый: *хагсу полотенц* ‘сухое полотенце’, *хагсу хувцн, хувцн-хунр* ‘сухая одежда, *хагсу девл* ‘сухая

шуба’, *хагсу киилг* ‘сухая рубашка’, *хагсу салькн* ‘сухой ветер’, *хагсу харһа* ‘сухая доска’;

2) имеющий небольшое количество влаги: *хагсу тег* ‘сухая степь’, *хагсу һазр* ‘сухая земля’, *хагсу көдә* ‘сухая степь’, *хагсу һол* ‘сухая, высохшая река’, *хагсу худгин йорал* ‘сухое дно колодца’, *хагсу царң* ‘сухой луг’;

3) лишенный влажности: *хагсу урл* ‘сухие губы’, *хагсу амн* ‘сухой рот’, *хагсу нүдн* ‘сухие глаза’;

4) лишенный питательных соков (о растениях, деревьях, высохший): *хагсу модн* ‘сухое дерево’, *хагсу буурлда* ‘сухая полынь’, *хагсу өвсн* ‘сухая трава’, *хагсу ац* ‘сухая ветка’, *хагсу хамтхасн* ‘сухие лепестки’, *хагсу хатханчг* ‘сухие колючки’;

5) характеризующийся небольшим количеством осадков: *хагсу сармуд* ‘сухие месяцы’, *хагсу өдр* ‘сухой день’;

6) сушенный, лишенный влаги: *хагсу солом* ‘сухая солома’, *хагсу хулсн* ‘сухой камыш’, *хагсу арһсн* ‘сухой кизяк’, *хагсу бура* ‘сухая лоза’, *хагсу түлә* ‘сухое топливо’.

На данных примерах видно, что *хагсу* ‘сухой’ отражает тактильный и визуальный контакт. В первом случае дается информация об отсутствии жидкости, восприятие происходит через контакт общего характера: *Нульмсн халх деегүрнь асхрҗ* ***хагсу*** *һазрт дусв* ‘Слезы текли по щекам и капали на сухую землю’; ***Хагсу*** *һазрин гөлүрү кевтә җилвкәд йовна* [БН: I] ‘Ехал он быстро, словно ящерица на сухой земле’.

Процесс восприятия предполагает обнаружение объекта посредством взаимодействия нескольких органов чувств. Например, форму предмета человек определяет зрительно и осязательно в результате ощупывающих движений, т. е. органы чувств не изолированы друг от друга, что находит подтверждение в языке. Можно найти много примеров, где предмет описывается как воспринимаемый одновременно и осязательно, и зрительно [Иванова 2011: 27].

Во втором случае значение *хагсу* ‘сухой’ воспринимается как высохший или не обязательно полностью сухой (о реке, колодце, ручье): *Өөр шидр зуг* ***хагсу*** *һолмуд, усна көвәһәр урһсн нигт хулсн үзгддг билә* ‘Вокруг виднелись только высохшие реки, по краю берега растущие густые камыши’.

Заключение

Таким образом, для описания признака предмета мы рассмотрели тактильное восприятие, с помощью которого люди могут получать и осмысливать информацию, создавая образ объективного мира. В результате тактильного контакта можно получить информацию о внешнем и внутреннем строении объекта, его фактуре: гладкий, сухой, твердый, мокрый, шершавый, шероховатый, шелковистый. При тактильном восприятии человек и объект взаимодействуют между собой и проявляются только при непосредственном нажатии, при контакте, соприкосновении.

Подводя итоги, следует отметить, что в калмыцком героическом эпосе «Джангар» количество тактильных прилагательных ограниченно, часть из них имеют переносные значения: *шүрүн сәәхн хурдн* ‘стремительная красивая скорость’, *хату дән нутг* ‘жестокая вражеская страна’, *бат улан арз* ‘крепкий, насыщенный’, *хурц хойр нүдн* ‘зоркие глаза’. В эпосе широко представлены растительный и животный мир, цветообозначающая лексика, географические объекты, природные явления.

Исследование тактильных прилагательных позволило выделить несколько видов взаимодействия с объектом при тактильном контакте: в виде давления с применением силы, при надавливании на объект; визуальное восприятие, т. е. зрительный канал; тактильное взаимодействие с объектом в виде проникновения внутрь. Примеров тактильного взаимодействия при участии языка, рта, губ, с помощью спины, тела в эпическом тексте нет.

Тактильные прилагательные мало изучены и представляют богатый материал для дальнейшего исследования.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: http://kalmcorpora.ru/ (дата обращения: 25.08.2019).
БМ — Цикл песен эпоса «Джангар» из репертуара Мукебена Басангова
БН — Песня из эпоса «Джангар» из репертуара Насанки Балдырова
БЦ — Багацохуровская версия эпоса «Джангар»
МД — Малодербетоская версия эпоса «Джангар»
ОБ — Песня из эпоса «Джангар» из репертуара Бадмы Обушинова
ШД — Цикл песен из эпоса «Джангар» из репертуара Давы Шавалиева
ЭО — Цикл песен из эпоса «Джангар» из репертуара Ээлян Овла

Sources

[Kalmyk National Corpus]. An Internet resource: http://kalmcorpora.ru/ (accessed: August 25, 2019). (In Kalm.)
[Songs from Mukeben Basangov's Repertory]. (In Kalm.)
[Song from Nasanka Baldyrov's Repertory]. (In Kalm.)
[Baγa Tsokhor (*Jangar* epic) cycle]. (In Kalm.)
[Baγa Dorbet (*Jangar* epic) cycle]. (In Kalm.)
[Song from Badma Obushinov's Repertory]. (In Kalm.)
[Songs from Dava Shavaliev's Repertory]. (In Kalm.)
[Songs from Ovla Elyaev's Repertory]. (In Kalm.)

Литература

Астапкина 2011 — *Астапкина Е. С.* Особенности синестетического употребления осязательных прилагательных (на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков) // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2 / А. И. Головня (отв. ред.). Минск: Белорусский Дом печати, 2011. С. 125–129.

Бачаева 2016 — *Бачаева С. Е.* Прилагательные, обозначающие температурные характеристики предметов (на материале песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» и «Национального корпуса калмыцкого языка») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 27(5). С. 199–206.

Гетманцев 2014 — *Гетманцев С. М.* Национальная специфика лексической сочетаемости прилагательных, обозначающих пространственные измерения (на материале русского и английского языков) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 88– 90.

Елисеева 2013 — *Елисеева О. А.* Концептуализация тактильных ощущений в естественном языке (на примере прилагательного сухой) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 88–93.

Елисеева 2012 — *Елисеева О. А.* Принципы описания семантики прилагательных, репрезентирующих тактильные ощущения // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. IX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012.

Иванова 2011 — *Иванова Е. В.* О порядке следования «осязательных» прилагательных в адъективной цепочке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 22–28.

Куканова 2016 — *Куканова В. В.* Сочетаемость имен прилагательных хурдн и шулун «быстрый» в калмыцком языке (на материале национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 93–99.

Мулаева 2016 — *Мулаева Н. М.* Синтагматика имен прилагательных төгрг ‘круглый’, утулң ‘овальный’ // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 207–209.

Рахилина 2008 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Шрамм 1979 — *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале современного русского языка / Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 132 с.

References

Astapkina E. S. Tactile adjectives: peculiarities of synesthetic use revisited (a case study of the Russian, Belarusian, English and German languages). In: [Karpov Scholarly Readings]. Coll. papers. Vol. 5, in 2 parts. Part 2. A. I. Golovnya (ed.). Minsk: Belorusskiy Dom Pechati, 2011. Pp. 125–129. An Internet resource: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/53702/1/Астапкина%20Е.С.%20Особенности%20синестетического%20употребления%20осязательных%20прилагательных%20(на%20материале%20русского,%20белорусского,%20английского%20и%20немецкого%20языков).pdf (accessed: August 15, 2019). (In Russ.)

Bachaeva S. E. Adjectives denoting temperature (evidence from the Kalmyk heroic epic of *Jangar* and Kalmyk National Corpus). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2016. Vol. 27. No. 5. Pp. 199–206. (In Russ.)

Getmantsev S. M. Adjectives denoting spatial measurements: national specific features of lexical co-occurrence (a case study of the Russian and English languages). *Proceedings of Voronezh State University*. Ser. ‘Linguistics and Cross-Cultural Communication’. 2014. No. 2. Pp. 88–90. (In Russ.)

Eliseeva O. A. Conceptualization of tactile sensations in natural language (the case of the Russian adjective сухой). *Vestnik of Moscow City Teacher Training University*. Ser. ‘Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education’. 2013. No. 1 (11). Pp. 88-93. An Internet resource: http://mirznanii.com/a/270579/kontseptualizatsiya-taktilnykh-oshchushcheniy-v-estestvennom-yazyke-na-primere-prilagatelnogo-sukhoy (accessed: August 15, 2019). (In Russ.)

Eliseeva O. A. Adjectives representing tactile sensations: principles of semantic description. In: [In the World of Science and Arts: Issues of Philology, Art and Cultural Studies]. Conf. proc. Novosibirsk: SibAK, 2012. An Internet resource: https://sibac.info/conf/philolog/ix/27010 (accessed: August 15, 2019). (In Russ.)

Ivanova E. V. The order of tactile adjectives within respective lexical chains revisited. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011. No. 3. Pp. 22–28. (In Russ.)

Kukanova V. V. Co-occurrence of the adjectives *khurdn* and *shulun* 'quick' in the Kalmyk language (evidence from the Kalmyk National Corpus). *Vestnik of Kalmyk University.* 2016. No. 4 (32). Pp. 93–99. (In Russ.)

Mulaeva N. M. Syntagmatics of the adjectives *төргг* 'round', *утулң* 'oval'. In: [Humanities in South Russia: International and Interregional Cooperation]. Conf. proc. (Elista; September 14-15, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 207-209. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Cognitive Analysis of Concept Names: Semantics and Co-Occurrence]. Moscow: Russkie Slovari, 2008. 416 p. (In Russ.)

Shramm A. N. [Essays on Semantic of Qualitative Adjectives: a Case Study of Modern Russian]. Leningrad: Leningrad State University, 1979. 132 p. (In Russ.)

УДК 81'373.23
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639

Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах

Галина Михайловна Ярмаркина[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Специфической особенностью общественно-политической лексики языковеды считают способность отражать исторические события социума. Общественно-политическая лексика (ОПЛ) исследуется, как правило, в синхронном плане, на материале словарей и публицистических текстов. Изучение функционирования общественно-политической лексики в разных языках (в том числе и калмыцком) с исторической точки зрения имеет перспективы: анализ общественно-политической лексики в диахронии способствует выявлению этапов формирования и изменения поля общественно-политической лексики в конкретном языке в зависимости от трансформаций определенного социума. Номинации лиц по социальному положению соотносятся с группой общественно-политической лексики «лексика, обозначающая сословия», однако не тождественны ей, поскольку социальное положение включает в себя не только понятие социального статуса, но и понятие социальной роли. *Цель* настоящей статьи — анализ функционирования одной из групп общественно-политической лексики — номинаций лиц по социальному положению (статусу, сословию) — в калмыцких деловых письмах XVIII в. и их эквивалентов в русских переводах того же периода. *Материалы.* Источником материала для настоящей работы послужили 28 писем калмыцкого хана Аюки и русские переводы этих писем, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Все тексты относятся к 1714 г. В анализируемых калмыцких письменных источниках нами обнаружено 5 номинаций лиц по социальному положению: 1) xa:n / хан; 2) yeke caγa:n xa:n / *ик цаһан хан*; 3) kinas / *кинас;* 4) bayar / *баяр*; 5) elči / *элч*. Указанным лексемам в русских переводах XVIII в. соответствуют 7 номинаций лиц по социальному положению: 1) хан; 2) Великий Государь; 3) князь; 4) боярин; 5) комендант; 6) губернатор; 7) посыльщик / посыльный. *Выводы.* В ходе анализа функционирования номинаций лиц по социальному положению в письмах хана Аюки и их русских переводах выявляются определенные этнолингвистические закономерности использования адресантом и переводчиками ОПЛ. Номинации лиц в калмыцких текстах и русских переводах используются в соответствии с принятой в XVIII в. практикой

речевого оформления деловых текстов, способны отражать реальный ход событий общественно-политической жизни петровской России и Калмыцкого ханства.
Ключевые слова: номинации лиц по социальному положению, общественно-политическая лексика, калмыцкие деловые письма XVIII века, эквивалент, русский перевод
Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).
Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах. *Монголоведение*. 2019; (3): 629-639. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639.

UDC 81'373.23
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639

Kalmyk Official Letters of the 18th Century: Social Position-Related Naming Units and Their Equivalents in Russian Translations

Galina M. Yarmarkina[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Abstract. *Introduction*. Linguists consider the ability to reflect historical events of society to be a specific feature of socio-political vocabulary. Socio-political vocabulary is basically studied in synchronous perspectives, through the use of dictionaries and journalistic texts. Insights into the functioning of socio-political vocabulary in different languages (including Kalmyk) are historically promising: analysis of socio-political vocabulary in diachrony helps identify stages of formation and transformation of the lexical cluster within a particular language depending on changes in a particular society. Social position-related naming units align with the group of socio-political vocabulary referred to as 'vocabulary denoting social classes' but are not identical to the latter, since the social position implies not only social status as such but also respective social roles. *Goals*. The article seeks to analyze functioning patterns of the mentioned lexical cluster in 18th-century Kalmyk official letters and in Russian translations of the same period. *Materials*. The work examines 28 letters of the Kalmyk Khan Ayuki and their Russian translations housed by the National Archives of Kalmykia. All the texts date to the year 1714. The investigated Kalmyk written sources contain a total of five social position-related naming units, such as 1) *ха:n* (transliteration) / *хан* (modern Kalmyk spelling); 2) *yeke саγа:n ха:n* / *ик цаһан хан*; 3) *kinas* / *кинас*; 4) *bayar* / *баяр*; 5) *elči*

/ *элч*. In Russian 18th-century translations, the indicated lexemes correspond to seven units of the same cluster, namely: 1) *хан* ('khan'); 2) *Великий Государь* ('Great Sovereign'); 3) *князь* ('prince'); 4) *боярин* ('boyar'); 5) *комендант* ('commandant'); 6) *губернатор* ('governor'); 7) *посыльщик* / *посыльный* ('messenger'). *Conclusions.* The analysis of functioning patterns of the lexemes traced in the letters of Khan Ayuki and their Russian translations reveals certain ethno-linguistic trends in the use of the vocabulary by the addressant and Russian translators. Social position-related naming units used in the Kalmyk and Russian texts illustrate the 18th-century official correspondence practices, and can reflect the actual course and circumstances of socio-political relations between Peter the Great's Russia and the Kalmyk Khanate.

Keywords: social position-related naming units, socio-political vocabulary, 18th-century Kalmyk official letters, equivalent, Russian translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no.: AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Yarmarkina G. M. Kalmyk Official Letters of the 18th Century: Social Position-Related Naming Units and Their Equivalents in Russian Translations. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 629-639. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-629-639.

Введение

Исследование общественно-политической лексики (далее — ОПЛ) в различных языках обусловлено постоянным пополнением указанного лексического пласта в связи с активизацией общественно-политических процессов. Специфической особенностью ОПЛ языковеды считают способность отражать исторические события социума. К ОПЛ традиционно относят слова собственно политического дискурса, термины права, военную лексику. С течением времени поле ОПЛ расширяет границы, вбирая в себя лексемы, обозначающие социально значимые реалии (терминология политтехнологий, наименования политических партий, экономическая и религиозная терминология, технические, культурологические, социологические и иные термины).

Анализ ОПЛ в современном языкознании ведется в нескольких направлениях: описываются продуктивные словообразовательные модели, на основе которых образуются новые пласты ОПЛ того или иного языка, выявляются источники заимствования ОПЛ, выделяются тематические группы ОПЛ [Алеева 2009; Бачаева 2012; Ресутова 2017].

ОПЛ исследуется, как правило, в синхронном плане, на материале словарей и публицистических текстов. Так, ОПЛ современного

калмыцкого языка подробно анализируется в работе С. Е. Бачаевой [Бачаева 2012]. Автор, опираясь на фундаментальные труды исследователей-русистов и монголоведов, обращает особое внимание на состав и способы образования ОПЛ в современном калмыцком языке. Рассматривая историю изучения ОПЛ, С. Е. Бачаева констатирует отсутствие специальных исследований ОПЛ в диахронии: «В имеющихся работах рассматриваются лишь отдельные фрагменты этой лексической подсистемы, история некоторых слов и т. п.» [Бачаева 2012: 18] (см., например, статью А. А. Алексеева об истории ОПЛ Петровской эпохи на примере лексем *общество*, *дружество* и *общенародие* [Алексеев 1974]).

На наш взгляд, изучение функционирования ОПЛ в разных языках (в том числе и калмыцком) с исторической точки зрения имеет перспективы: анализ ОПЛ в диахронии способствует выявлению этапов формирования и изменения поля ОПЛ в конкретном языке в зависимости от трансформаций определенного социума. Источником материала в этом случае могут послужить как опубликованные письменные памятники, относящиеся к разным эпохам, так и еще не введенные в научный оборот письменные документы из архивных фондов и коллекций.

Диахронический аспект анализа ОПЛ калмыцкого языка к настоящему времени разработан недостаточно. С. Е. Бачаева отмечает, что в словарях XVIII–XIX в. ОПЛ занимает значительное место, перечисляет группы ОПЛ, представленные в «Монгольско-русско-французском словаре» О. М. Ковалевского и дает краткую характеристику официальной, политической, правовой, религиозной лексики и лексики, обозначающей сословия [Бачаева 2012: 24–26].

В современном калмыковедении наиболее близки указанному аспекту, на наш взгляд, диссертация и ряд статей Д. Б. Гедеевой [Гедеева 1999; Гедеева 2018а; Гедеева 2018б; Гедеева 2019; и др.], которые посвящены исследованию правовой лексики в калмыцких документах XVIII в.

Цель настоящей статьи — анализ функционирования одной из групп ОПЛ — номинаций лиц по социальному положению (статусу, сословию) — в калмыцких деловых письмах XVIII в. и их эквивалентов в русских переводах того же периода.

Материалы

Источником материала для настоящей работы послужили 28 писем калмыцкого хана Аюки и русские переводы этих писем, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия [НА РК]. Все тексты относятся к 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2]. Транслитерация и переложение на современную калмыцкую графику, используемые в работе, выполнены Д. Б. Гедеевой.

Номинации лиц по социальному положению соотносятся с группой ОПЛ «лексика, обозначающая сословия», однако не тождественны ей, поскольку социальное положение включает в себя не только понятие социального статуса, но и понятие социальной роли. Обращаясь к реалиям XVIII в., мы учитываем, что высокий социальный статус имели люди, относящиеся к определенным сословиям, к привилегированным классам общества. Однако к этому времени становится актуальным также характер и род деятельности человека.

В анализируемых калмыцких письменных источниках нами обнаружено 5 номинаций лиц по социальному положению: 1) xa:n / хан; 2) yeke caγa:n xa:n / *ик цаһан хан*; 3) kinas / *кинас*; 4) bayar / *баяр*; 5) elči / *элч*. Указанным лексемам в русских переводах XVIII в. соответствуют 7 номинаций лиц по социальному положению: 1) хан; 2) Великий Государь; 3) князь; 4) боярин; 5) комендант; 6) губернатор; 7) посыльщик / посыльный.

Результаты

Лексема *xa:n / хан* — одна из самых частотных в группе анализируемых номинаций, встречается во всех письмах — как в оригинале, так и в имеющихся русских переводах. Как правило, номинация *xa:n / хан* используется пишущим в инициальном предложении, служащем своеобразной этикетной формулой, и называет титул адресанта: *ayu xe (ši) xa:n ende bida bügüde:r mendü / Аюка хан энд бидн бүгдәр менд* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74 (об)].

Известно, что лексема *хан* относится к общеалтайскому пласту ОПЛ [Алеева 2009] и заимствована в русский язык из тюркских языков еще в эпоху Древней Руси [Шипова 1976: 361]. В русских переводах XVIII в. номинация *хан* используется с сохранением порядка слов, принятого в оригинале, после имени адресанта: *Я, Аюка-хан, здесь со всеми здоров* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2.Л. 76]. Отметим,

что в русских переводах, содержащих реквизиты, лексема *хан* более частотна, поскольку в описании каждого письма указывается наличие оттиска ханской печати: *У листа печать хана Аюки* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76об.].

Лексема *хан* закрепилась в составе ОПЛ калмыцкого и русского языков, является частью словника двуязычных словарей, а также включена в материалы к краткому калмыцко-русскому словарю общественно-политической лексики [Бачаева 2012: 238].

Сложная номинация *yeke caγa:n xa:n / ик цаһан хан* используется в письмах хана Аюки для именования русского царя и имеет буквальное значение ‘великий белый хан / царь’. Поскольку рассматриваемые письма адресованы не царю, а астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, в текстах писем номинация *yeke caγa:n xa:n* не выступает в качестве апеллятива, однако используется в повествовательных или императивных конструкциях с актуализацией элемента значения ‘высшая власть’: *mani amiyigi yeke caγa:n xan-du el dayini xariugini ötör abči ögöüte / Мана әмиг ик цаһан хаанд эл дәәнә хәрүгинь өтр авч өгитә* [НА РК Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 40об.] ‘По поводу наших жизней срочно получите ответ от великого белого царя и пришлите нам, в войне мы или в мире’ (перевод Д. Б. Гедеевой).

В русских переводах XVIII в. номинация *yeke caγa:n xa:n / ик цаһан хан* не переводится буквально: переводчики используют наименование царской особы, принятое в эпоху создания рассматриваемых письменных источников, — *Великий Государь*. Так, предложение *yeke caγa:n xani zarliq / Ик цаһан хана зәрлг* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86об.] в русском переводе XVIII в. выглядит следующим образом: *От Великого Государя есть ко мне ныне грамота* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 88].

По мнению Л. Б. Олядыковой, номинация *yeke caγa:n xa:n* является фразеологизмом и в деловых письмах хана Аюки и его современников активно используется в составе формулы вести — вопросе о наличии вестей от русского царя (*йэкэ цаһаан ханааса зангги байину — есть ли вести от царя?*) [Олядыкова 2012: 86]. Незначительные трансформации формулы (расширение или усечение структуры), отмеченные Л. Б. Олядыковой в калмыцких деловых письмах, не меняют функциональную нагрузку устойчивого выражения [Олядыкова 2012].

На связь формулы вести с официальными новостями от русского царя указывают отмеченные в нашем материале примеры использования в русском переводе номинации *Великий Государь* даже в тех случаях, когда в калмыцком письме вопрос о каких-либо новостях не содержит номинации *yeke caγa:n xa:n.* Ср. оригинальный текст письма с переводом на русский язык, выполненным по получении документа. Калм.: *dörbön züge:se zanggi bolxuna mandu bičiǰi ilge* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.] / *Дөрвн үзгәс зәңг болхла, манд бичҗ илгә*. Рус.: *С четырех сторон какие вести есть, о том к нам пиши. Буде есть от Великого Государя какие вести, прикажи ко мне писать* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76].

Номинации лиц по социальному положению, встречающиеся в деловых письмах хана Аюки, отражают особенности межъязыкового взаимодействия в сфере политики и включают в свой круг заимствования из русской системы ОПЛ, которые, вероятно, не имели калмыцких эквивалентов: *kinas / кинас* (рус. *князь*); *bayar / баяр* (рус. *боярин*). Указанные лексемы упоминаются Д. А. Сусеевой в ряду слов, заимствованных из русского языка и зафиксированных в калмыцких деловых текстах XVIII в. [Сусеева 2006].

Номинации *kinas / кинас* и *bayar / баяр* в рассматриваемых письменных источниках встречается, как правило, в этикетном вопросе — осведомлении о здоровье адресата — государственного лица: *tende ayidarxani kinas mendü beyize / Тенд әәдрхнә кинас менд виз* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Л. 64]; *ayidarxani bayar tende mendü beyize / Әәдрхнә байр тенд менд виз* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 40].

Вполне закономерно предположение, что в соответствующих частях русских переводов калмыцких писем на месте *kinas / кинас* и *bayar / баяр* переводчик будет использовать номинации *князь* и *боярин*. В большинстве переводных текстов эта закономерность наблюдается, однако отмечаются и иные варианты перевода. Так, номинация *князь* в некоторых русских переводах отсутствует и заменяется именем и отчеством адресата. Ср. калм.: *tende ayidarxani kinas mendü beyize / Тенд Әәдрхнә кинас менд виз* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.] и русс.: *В Астрахани Михайло Ильич со всеми ли здоров?* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 9об.].

В случае с переводами контекстов употребления номинации *bayar / баяр* мы наблюдаем влияние политических изменений на выбор переводчиком эквивалента, адекватно отражающего совре-

менные ему реалии. Известно, что в начале XVIII в. титул *боярин* был отменен Петром I. Вероятно, этим можно объяснить некоторые факты замены или дополнения в русском переводе лексемы *bayar / баяр* номинациями *комендант* (в тексте перевода — *комендант*) и *губернатор*.

Так, фрагмент письма с номинацией *bayar / баяр* (*manai küün orγoǰi teriyin bayari daxaǰi odo: mandu orγoǰi irebe.. töüni tölö: teriyin mangγuda:sa γurban küü bariǰi bayiǰi zurga:n mingγan tengge γurban mori abči töüni öküül.*[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 64]) в переводе не содержит лексемы *боярин*, а передается номинацией *комендант*: *Человек от нас ушел и с ним на Терек у терского коменданта, а ныне тот наш человек от того коменданта ушел к нам назад, и за него терских татар трое человеком поймали, а с ними взяли шестьдесят рублев да три лошеди. И те деньги и лошеди прикажи отдать, а о том изволь рассудить* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 65].

В другом примере номинация *губернатор* в переводе не заменяет, а дополняет номинацию *боярин* в сочинительном сочетании: К казанскому боярину и губернатору к Петру Самоиловичу послано от вас письмо о даче мне жалования <…> [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 9]. В оригинале же используется одна номинация — *bayar / баяр*: *ǰil bolγun ögügeq dari xorγolǰin möngün caγa:n šoroi kükür araki tömör ide:n.. xazani bayar-tu ilgeqsen bičiq-ten.. ireqsen bolxuna mandu ögüqtün.. / Җил болһн өгдг дәр, хорһлҗң, мөңгн цаһан шора, күкр, әрк, төмр, идән Хазна баярт илгәсн бичгтн ирсн болхла манд өгтн* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.].

Говоря о судьбе слова *боярин*, В. В. Колесов подчеркивает зависимость содержания слова от изменений социальных отношений в обществе: постепенное усиление позиций дворянства приводит к смене политических функций, а в текстах «появляются сочетания с определениями, которые уточняют статус лица: *бояре думные, бояре ближние* <…>» [Колесов 1986: 283]. Прослеживая изменения в семантике номинации *боярин*, основываясь на фактах функционирования данной номинации в текстах, В. В. Колесов констатирует окончательное исчезновение бояр с середины XVIII в. и преобразование в русском языке слова-термина *боярин* в *барин* [Колесов 1986: 283].

В письмах хана Аюки в 1714 г. номинации *комендант* и *губернатор* еще отсутствуют, однако в калмыцких деловых посланиях, написанных позднее, указанные номинации (а также титул *император* [Олядыкова 2012; Сусеева 2006]) фиксируются в качестве примеров заимствования из русского языка [Сусеева 2006].

Редкое письмо хана Аюки обходится без упоминания об имеющейся дополнительной информации, которую устно должен сообщить человек, посланный передать письмо: *elčiyin aman-du üge biy.. elči mazan / Элчин амнд үг бәәнә. Элч Мазн* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.].

Номинация *elči / элч* относится к общетюркскому пласту калмыцкой ОПЛ. В рассматриваемых деловых документах лексема *elči / элч* используется для обозначения посла-гонца, хотя в семантике слова *elči / элч* в XVIII в. имеются и другие содержательные компоненты [Гедеева 1999].

В русских текстах номинация *elči / элч* переводится как *посыльщик*: «С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Моцан с товарищи 5 человек» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83].

Отмечаются случаи, когда в оригинале нет собственно лексемы *elči / элч*, однако русское соответствие имеется в письменном переводе калмыцкого письма. Вероятно, это связано как с типичным оформлением калмыцких писем, так и с определенной формализацией русского делового письма, когда упоминание о посыльном и количестве лиц, сопровождавших его, входит в число обязательных составляющих делового текста.

Выводы

В ходе анализа функционирования номинаций лиц по социальному положению в письмах хана Аюки и их русских переводах выявляются определенные этнолингвистические закономерности использования адресантом и переводчиками ОПЛ. Номинации в калмыцких текстах и русских переводах используются в соответствии с принятой в XVIII в. практикой речевого оформления деловых текстов и отражают реальный ход событий общественно-политической жизни петровской России (Российской империи) и Калмыцкого ханства.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Шипова 1976 — *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1976. 444 с.

Литература

Алеева 2009 — *Алеева Г. У.* Общественно-политическая лексика татарского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2009. 29 с.

Алексеев 1974 — *Алексеев А. А.* Из истории общественно-политической лексики Петровской эпохи // XVIII век. Т. 9. 1974. С. 313–317.

Бачаева 2012 — *Бачаева С. Е.* Общественно-политическая лексика современного калмыцкого языка. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 253 с.

Гедеева 1999 — *Гедеева Д. Б.* Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII – XVIII вв.: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1999. 18 с.

Гедеева 2018а — *Гедеева Д. Б.* О слове biči̇q в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв // Oriental Studies. 2018. № 5 (39). С. 145–151.

Гедеева 2018б — *Гедеева Д. Б.* О судебной присяге в калмыцком судопроизводстве XVII–XVIII вв // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 70–75.

Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Этнолингвистическое исследование языка калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VIII. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. С. 93–96.

Колесов 1986 — *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1986. 312 с.

Олядыкова 2012 — *Олядыкова Л. Б.* Формула *йэкэ цаһаан хан* в языке писем хана Аюки и его современников (1714–1723 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4 (16). С. 84–89.

Ресутова 2017 — *Ресутова Э. И.* История изучения вопроса общественно-политической лексики в отечественном и тюркском языкознании // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2017. № 4. С. 43–47.

Сусеева 2006 — *Сусеева Д. А.* К вопросу о заимствованиях из русского и других языков в калмыцком языке XVIII века // Русская речь в инонациональном окружении. 2006. № 3. С. 53–58.

Sources

[National Archives of the Republic of Kalmykia].

Shipova E. N. [Turkisms in the Russian Language: a Dictionary]. Alma-Ata: Nauka, 1976. 444 p. (In Russ.)

References

Aleeva G. U. [Socio-Political Vocabulary of the Tatar Language]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2009. 29 p. (In Russ.)

Alekseev A. A. Excerpts from the history of socio-political vocabulary: Peter the Great's era. In: [The 18th Century]. Coll. papers. Vol. 9. 1974. Pp. 313–317. (In Russ.)

Bachaeva S. E. [Socio-Political Vocabulary of Modern Kalmyk]. Elista: Dzhangar, 2012. 253 p. (In Russ.)

Gedeeva D. B. [The Oirat Written Language of the 17th-18th Centuries: Legal Vocabulary]. A Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1999. 18 p. (In Russ.)

Gedeeva D. B. The judicial oath in Kalmyk legal proceedings: 17th-18th centuries. In: [The Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture]. Coll. papers. Vol. 5. 2018. Pp. 70–75. (In Russ.)

Gedeeva D. B. The language of Kalmyk official writing of the 17th–19th centuries: an ethno-linguistic study. In: [Annual Scientific Readings of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences – VIII]. Elista, 2019. Pp. 93–96. (In Russ.)

Gedeeva D. B. The word *bičiq* in the language of official Kalmyk writing: 18th–19th centuries. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the RAS)*. 2018. No. 5 (39). Pp. 145–151. (In Russ.)

Kolesov V. V. [The World of Man in the Word of Ancient Russia]. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 312 p. (In Russ.)

Olyadykova L. B. *Yeke tsahaan khan* formula as a linguistic feature of khan Ayuki and his contemporaries' letters (in 1714–1723). *Vestnik of Kalmyk University*. 2012. No. 4 (16). Pp. 84–89. (In Russ.)

Resutova E. I. The history of studying the issue of socio-political vocabulary in Russian and Turkic linguistics. *Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture*. 2017. No. 4. Pp. 43–47. (In Russ.)

Suseeva D. A. Borrowings from Russian and other languages in the Kalmyk language of the 18th century revisited. In: [Russian Speech in a Non-Russian Environment]. Vol. 3. 2006. Pp. 53–58. (In Russ.)

УДК 811.512.37 (Калм)
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-640-655

Анализ лексических единиц раздела «одежда» (на материале эпоса «Джангар»)

Евгений Владимирович Бембеев[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Понимание эпического текста калмыцкого героического эпоса «Джангар», практическое овладение им определяются в значительной мере знанием особенностей его лексического состава. *Целью* нашей работы является лингвистический анализ лексических единиц, обозначающих предметы одежды, выявленных на материале эпоса «Джангар». *Методы.* В работе использованы контекстологический метод, метод анализа словарных дефиниций и валентностного анализа, статистический метод. *Результаты.* Проведенный анализ позволяет установить и восстановить значение лексем из тематической группы «одежда», в частности, обозначающие предметы верхней одежды. *Выводы.* Этимология лексемы *үч* ‘шуба (*меховая*)’ восстанавливается на тюркской языковой основе, где имеются общетюркские основы *icük ‘шуба, крытая материей, шуба (на меху) с покровом’. Лексема *дах* ‘доха’, вероятнее всего, также является древним заимствованием из тюркского языка, где существительное *jaγqu* с первоначальным значением ‘дождевой плащ’ было заимствовано в монгольский язык в виде *daku* ‘меховой плащ мехом наружу’. Впоследствии из калмыцкого языка это слово было заимствовано в русский язык *доха* ‘род шубы из сайгачьей шкуры мехом наружу’. В современном калмыцком языке калмыцком языке лексема *девл* определяется как ‘шуба, теплая зимняя одежда’. Между тем, в языке эпоса «Джангар» выявляется употребление данной лексемы в двух значениях: первое — «зимняя теплая верхняя одежда из кожи с шерстью, шуба, тулуп», второе — «оплетка, верхний слой чего-л.».

Ключевые слова: калмыцкий язык, эпос «Джангар», толковый словарь, одежда, значения, лексема, семантика, эпос «Джангар», корпус

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бембеев Е. В. Анализ лексических единиц раздела «одежда» (на материале эпоса «Джангар»). Монголоведение. 2019. № (3): 640-655. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-640-655.

UDC 811.512.37 (Калм)
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-640-655

The Epic of *Jangar*: Analyzing Lexemes of the Cluster 'Clothes'

Evgeniy V. Bembeev[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* To understand and essentially conceive the epic text of the *Jangar* it is definitely instrumental to examine specific features of its lexical structure. *Goals*. The work seeks to provide a linguistic analysis of lexemes denoting different clothing items and traced throughout the epic narrative. *Methods*. The study employs the contextual and statistical methods, dictionary entry and valency analyses. *Results*. The conducted analysis makes it possible to identify and restore meanings of lexemes of the cluster 'Clothes', and specifically those denoting outer garments. *Conclusions*. The etymology of the lexeme *уч* '(fur) coat' is restored within the Turkic language framework, the latter containing common Turkic stems **ičük* 'coat covered with fabric, (fur) coat with a covering'. The lexeme *дах* 'dokha' also proves an ancient Turkic borrowing: the noun *jaγqu* with the initial meaning 'rain coat' was borrowed into Mongolian as *daku* 'fur coat with pelage set on the outside'. Subsequently, the word was borrowed from Kalmyk into Russian: *доха* 'saiga fur coat with pelage set on the outside'. In modern Kalmyk, the lexeme *девл* is defined as 'shuba, winter garment'. But the *Jangar* epic employs the lexeme in two meanings: 1) 'winter outer garment of furred skin, shuba, overcoat', 2) 'braided cover, surface coating'.
Keywords: Kalmyk language, *Jangar* epic, explanatory dictionary, clothes, meanings, lexeme, semantics, corpus
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Bembeev E. V. The Epic of *Jangar*: Analyzing Lexemes of the Cluster 'Clothes'. *Mongolian Studies*. 2019;(3): 640-655. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-640-655.

Введение

Основным средством выражения духовных ценностей, безусловно, является язык, а устное народное творчество, в том числе эпические произведения, являются важнейшими источниками, где в значительной мере проявляется духовная система ценностей

народа. Понимание эпического текста, практическое овладение им определяются в значительной мере знанием особенностей его лексического состава. Целью нашей работы является лингвистический анализ лексических единиц, выявленных в материале эпоса «Джангар» и обозначающих предметы верхней одежды.

Тематическая группа, обозначающая предметы «верхней одежды», включают следующие лексемы: *уч* ‘верхняя одежда на меху’ *дах* ‘доха ‘шуба шерстью наружу’, *девл* ‘шуба’, *улв* ‘улва (стеганое, с подкладкой платье, надеваемое под панцирь)’, *шеемг* ‘вид теплой военной одежды из шерстяной ткани’.

В рамках поставленной цели выявляется этимология слов, анализируются и восстанавливаются значения лексических единиц по различным признакам, такими как сочетаемость слова, грамматические и акцентологические признаки слова, строение слова и др. Необходимо отметить, что об этих реалиях быта калмыцкого народа написано довольно большое количество этнографических работ, изданы целые энциклопедии материальной культуры [Эрдниев 1970; Бакаева 2017а; Бакаева 2017б]. Однако с точки зрения лингвистического анализа эти лексемы остаются без должного внимания. Исследованию лексики эпоса «Джангар» посвящены работы: [Бачаева 2015; Пюрбеев 2015; Мулаева 2015; Мулаева 2016; Бембеев 2018].

Материалы и методы исследования

Базой для исследования послужил корпус текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар», который был обработан посредством морфологического анализатора «TextAnalyzer». Этот способ автоматической обработки текста позволяет выявить необходимые лексические, синтаксические и многие другие лингвистические данные с максимальной опорой на контекст [Бембеев, Куканова, Каджиев 2014]. Поэтому контекстологический метод является одним из основных методов анализа, позволяющий установить типовую сочетаемость для каждой лексической единицы. Помимо этого используются лингвистические методы анализа, позволяющие выявить особенности семантической дефиниции в лексикографических источниках, грамматические и акцентологические признаки искомых единиц.

Для выявления и реконструкции семантических значений лексических единиц мы использовали различные лексикографические источники: Монгольско-русско-французский словарь [Ковалевский 1844–1849], Монгольско-русский словарь [Голстунский 1893–1895], «Калмыцко-русский словарь» [Позднеев 1911], Калмыцко-немецкий словарь [Ramstedt 1935], «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» [Тодаева 1976], «Калмыцко-русский словарь» [КРС 1977], «Словарь ойратов Синьцзяна» [Тодаева 2001], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [Пюрбеев 1996], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС 2001–2002], «Ойрат-монгольский словарь» [Галцан 2006].

Анализ лексических единиц

Рассмотрим употребление лексических единиц со значением предметы «верхней одежды» в тексте эпоса «Джангар».

В тексте эпоса выявлено употребление лексемы *үч* в следующем контексте: <…> *Замбл хан / Арат* ***үчин*** *барун ханцнасн / Авад, бәрәд окгсн* <…> ‘Замбал хан, схватив за правый рукав лисьей шубы, держал [его][1] [ШД: II]. Современные лексикографические источники калмыцкого языка дают следующее определение: *үч* ‘шуба (*меховая*)’ (нем.) *kurzen pelz aus lammerfell* | ‘полушубок’ [Ramstedt 1935: 460], [КРС 1977: 558], *аңгин арсар кесн девл* ‘шуба (*меховая*)’ [Пюрбеев 1996: 136], ‘шуба, покрытая материей’ [Тодаева 2001: 372]. В халха-монгольском *үч* ‘полушубок, зипун’ [БАМРС 2001, 3: 436], *үч* ‘богино оготор нэхий дээл (короткий открытый халат-дээли)’ [МХИТТ].

Этимология данной лексемы восстанавливается на тюркской языковой основе. Древнетюркский глагол **ič* ‘внутренняя часть > подкладка’ — *‘быть подкладкой (в том числе меховой)’ является производной к общетюркским словам **ičük* ‘шуба, крытая материей, шуба (на меху) с покровом’ [СИГТЯ 2001: 474–475; ЭСТЯ 1974: 393–394] и **ičmek* ‘шуба, из бараньей шкуры; шуба из каракуля или шкуры волка или лисы; меховая шуба; теплая одежда’ [СИГТЯ 2001: 475]. Можно предположить, что данная лексема является позднейшим заимствованием из одного из тюркских языков, с носителями которого калмыки активно контактировали.

[1] Здесь и далее перевод по Своду калмыцкого фольклора с правками автора.

Данное слово встречается в лексиконе целого ряда современных тюркских языков, которые входили в контактную зону: казахское *ішік* ‘шуба мехом наружу’, киргизское *ичик* ‘шуба’, в языке ставропольских туркменов *ičmek*, *üčmek* ‘шуба из каракуля или шкуры волка или лисы; меховая шуба’ [СИГТЯ 2001: 474–475]. Считаем, что данный лексический элемент можно «привязать» к заимствованию из одного из этих языков, где оно было заимствовано без рефлекса тюркского производного на *-mek*. В тексте эпоса «Джангар» контекст слова *үч* обнаруживает употребление его в сочетании со словом *арат* ‘лиса, лисья’ (арат *үч* ‘лисья шуба’), что в свою очередь коррелирует с его значением в языке ставропольских туркменов ‘шуба из шкуры волка или лисы’ и является косвенным подтверждением гипотезы проникновения данной лексемы в калмыцкий в результате этих контактов.

Следующей лексемой, которая обнаруживается на материале эпоса «Джангар» является слово *дах* ‘доха’: <…> *Хар унһн* ***дахан*** */ Ханцнаснь чирн көдрәд, / Гүүһәд һарад ирв* ‘Черную доху из шкуры жеребенка за рукава взяв и на плечи накинув, быстро выбежал он’ [ЭО: VII]. В калмыцком языке лексема определяется как ‘шуба мехом наружу, меховая шуба, теплая одежда: (нем.) *pelz mit dem fell nach aussen, ober pelz* ‘шуба мехом наружу, верхний мех’ [Ramstedt 1935: 72], ‘доха, одевают в холод, когда холодно, морозно’ [Тодаева 2001: 372], доха; меховая шуба [БАМРС 2001: 42], *киитн цагт, үвләр өмсдг дулан һадр хувцн* (*икнкдән аңгин арсар кедг*) ‘теплая верхняя одежда, одеваемая зимой, в холода’ [Пюрбеев 1996: 133]. На материале других монгольских языков имеются следующие значения: монг. *дах* ‘доха’ [МОТ 1957: 148], бур. *даха* ‘доха, зимний тулуп’ [БАМРС 1951: 207], *daxulaxu* ‘надевать, одеваться в доху, в шубу шерстью вверх’ [Голстунский 1893: III, 11].

Кроме того, имеются обширные тюркские параллели *монг.* daxu. В древнетюркском словаре отмечается караханидско-уйгурское *jaγqu* ‘плащ’ [ДТС 1969: 225], в ЭСТЯ: 1. ‘плащ’, 2. ‘шуба; шуба из шкуры диких коз, надеваемая вверх шерстью, ‘доха из шкуры жеребенка’; 3. ‘выделанная шкура, облезлый мех’ [ЭСТЯ 1989: 60]. Существительное *jaγqu* образовано из глагола *jaγ-* ‘идти (о дожде, снеге)’ с первоначальным значением ‘дождевой плащ’. По мнению Дж. Клосона, «слово было заимствовано в монголь-

ский язык в виде *daku* ‘меховой плащ мехом наружу’» [ЭСТЯ 1989: 60–61]. Русское слово *даха* (*доха*) ‘шуба, надеваемая мехом наружу’ является заимствованием из калмыцкого языка [ЭОС-РЯФ; Ramstedt 1935: 72]. На примере из эпоса «Джангар» можно обнаружить, что слово *дах* употребляется в сочетании *хар унһн дах* ‘даха из шкуры черного жеребенка’, что совпадает со значением древнетюркского языкового состояния. Таким образом, можно отметить, что *дах* является общим тюркским элементом, заимствованным в северо-монгольские языки со значением ‘теплая одежда, шуба шерстью вверх’.

В настоящее время среди монгольских народов широко распространен вид верхней одежды, называемый в старописьменном монгольском языке *debel*, *debil* или *degel*, а в современных монгольских языках — халх. *дээл*, калм. *девл*, бур. *дэгэл*. Употребление данной лексемы в халха-монгольском языке определяется как ‘верхняя одежда, имеющая борта [энгэр] и воротник [зах]’ [МХТТ 2011: 449], ‘дэли; шуба; тулуп; халат’ [БАМРС 2001: 117]. В бурятском *дэгэл* означает ‘шуба, пальто’ [БАМРС 1951: 231–232]. На материале языка ойратов Монголии *dewel* — ‘дэли, шуба, тулуп, халат’ [Цолоо 1988: 170]. В калмыцком языке **девл** < dewl (*нем.*) *pelz*, *kaftan*, *langer rock* ‘тулуп, кафтан, длинный сюртук’ [Ramstedt 1935: 90], ‘шуба’ [КРС 1977: 190].

В толковых словарях калмыцкого языка слово *девл* трактуется как ‘одежда, сшитая из кожи, теплая верхняя одежда; шуба’ [Манджикова 2002: 39], ‘*үстә, нооста арсар уяд кесн деерән өмсдг дулан хувцн* ‘зимняя теплая верхняя одежда из кожи с шерстью, шуба, тулуп’ [Пюрбеев 1996: 133].

Лексема *девл* < монг.-письм. *degel* ~ *debel* восходит к основе *deb* ~ *deg*, которая трактуется как ‘то, что накидывают сверху’ [МХТ 2002: 267]. Как известно, в разных монгольских языках согласные «γ ~ g между двумя гласными чередуются с b ~ w ~w ~ б», например *ǰigür* ~ *ǰiwür* ‘крыло’ [Владимирцов 1989: 203–204], а сам процесс образования долгих гласных из комплексов V + γ ~ g + V или V + w ~w + V проходил неоднозначно, вследствие чего слово *degel* ~ *debel* в халх.-монг. развилось в *дээл*, в бурятском — *дэгэл*, в калмыцком — *девл*. Что касается значений слов, то здесь все также не однозначно. Семантически *degel* ~ *debel* паралелльна

с лексемами *дэвших* ‘подниматься’, *дээгүр* ‘поверх’, *дээр* ‘на, над’, т. е. означает что-л. находящее сверху, поверх чего-л. Если в современных монгольских языках лексемы *дээл*, *дэгэл*, *девл* обозначают вид верхней теплой одежды, то на материале эпоса «Джангар» выявляется употребление данной лексемы в двух значениях. В первом случае как «верхняя одежда, шуба»: <…> *Җаңһрин орнд уга девлмүд / һарһәҗ өмскв.* **<…>** — ‘*Шубами* их одарили [*букв.* одели на них], не имевшимися в стране Джангара’ [ЭО: III]. Во втором — в значении «кожаная оплетка [верхний слой] плети»: <…> *Һунн царин арсн һолта, / Дөнн царин арсн девлтә, / Цө болд товчта, / Махн болд альхта, / Гүш торһн салдрһта, / Гүрмр торһн оосрта, / Хадг зандн иштә / Хашл Тәрн гигч / Маля һартан бәрәд… һарв* ‘Со стержнем из шкуры трёхлетнего вола, / с *оплёткой* из шкуры четырёхлетнего вола, / с чугунно-стальной шишкой [на конце], / с пластиной из чистой стали, с петлёй из шёлка гюши, с перевязью плетенной шёлковой, с рукояткой, прочному сандалу подобной, / Хашил Тарни называемую плеть свою, в руках держа… вышел’ [БЦ: I]. Этот пример подтверждает, что значение основы *deb-* означает ‘то, что накидывают сверху’. Таким образом, в отличие от современного монгольского, бурятского и калмыцкого языков, где *дээл, дэгэл* и *девл* означает ‘шуба; длинная верхняя одежда’, в калмыцком эпическом языке слово *девл* параллельно употребляется в двух значениях: первое — «зимняя теплая верхняя одежда из кожи с шерстью, шуба, тулуп», второе — «оплетка, верхний слой чего-л.».

В текстах песен эпоса «Джангар» одной из наиболее частотных лексических единиц, входящих в тематическую группу «одежда», является слово **улв** ‘I. тюфяк, матрас. II. *уст.* платье [стёганое, с подкладкой, надеваемое под панцирь]’ [КРС 1977: 531]. «Большой академический монгольско-русский словарь» дает довольно лаконичное определение халха-монгольскому слову *улба* «I. ватная куртка, надевавшаяся под панцирь» [БАМРС 2001: 323]. В «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедта *ulwa* ‘пух, пуховая подушка; ватная куртка под панцирь’ [Ramstedt 1935: 449], Г. Ц. Пюрбеев толкует как *хуйг дор өмсдг ахрхн көвң күлт* — ‘*уст.* короткое платье (стеганное, с ватной подкладкой, надеваемое под панцирь или щит’ [Пюрбеев 1996: 136].

Данная лексема обнаруживается в текстах Малодербетовского, Багацохуровского циклов, а также в репертуарах Ээлян Овлы и Мукубена Басангова:

<…> Шар-цоохр ***улваннь*** *хавтхаснь / Арвн тавн мөрни үнтә / Атхмл шар алт авад , / Гергнд хайҗ өгв: / «Түрүн шаңм эн!» — гив…* **<…>** — ‘Из кармана жёлто-пёстрой улвы / Ценою в пятнадцать коней / Жёлтого золота слиток достав, / Женщине бросил [Савар]: – Это первая моя награда тебе!’ [БЦ: I].

<…> Далыннь герлд / Далн хойр дарад одв. / Давхрлҗ өмсгсн / Далн давхр / Дарв шар-цоохр ***улвин*** */ Далн хойр шар алтн товч / Мөлтртлнь цокв. <…>* ‘Спину-лопатки [противника] Хонгор / Семьюдесятью двумя ударами осыпал, / В несколько слоев надетый / Стеганого в семьдесят рядов [поддоспешного] улвы его, / Семьдесят две застежки желтого золота / Сорвались-разлетелись, так бил он [плетью]’ [МД: I].

<…> Далн мөрни үнтә ***улвиһән*** */ Алсин ташадан шаңхглвл, / Әмни сәкүл хурц зандн селмиһән / Деернь төдглв гинәл.* **<…>** ‘Улву ценой в семьдесят коней, / На бедре своем привесил. / Длинный белый меч-хранитель его жизни, над крупом пристегнул’ [БМ: V].

<…> Алс ***улв*** *хормаһаснь / Үкс гиҗ шүүрәд, татн авв.* **<…>** ‘За края улвы / быстро ухватив, / потянул [его]’ [ЭО: VII].

Иллюстративный материал показывает, что в тексте эпоса данная лексема использована лишь в значении ‘вид одежды, шелковое платье’, элементами которого являются *хорма* ‘подол’, *хавтх* ‘карман’, *товч* ‘пуговицы’. С лексемой *улв* выявлены следующие коллокации: *шар торһн улв* ‘желтое шелковое стеганное платье’, *шар-цоохр улв* ‘желто-пестрое стеганное платье’, *далн мөрн үнтә улв* ‘стеганное платье стоимостью 70 лошадей’. Эти примеры указывают на материал [шелк], из которого был изготовлен этот предмет одежды, а также фиксируют цветовую гамму [желтый, желто-пестрый] этих тканей.

Между тем, на материале монгольских языков, указанная лексема имеет два значения: ‘1. подушка для сидения’ и ‘2. стеганное короткое верхнее платье, куртка’. Причем, как справедливо отмечает А. В. Дыбо, «специализация значения как детали защитного вооружения наблюдается именно в ойратских источниках; об ойратском же источнике говорит распространение заимствования

с этим же значением в тюркских языках» [Дыбо 2015: 243]. Что касается этимологии данной лексемы, то, по мнению А. В. Дыбо, в глубокой древности слово *улв* могло быть заимствовано прасеверомонгольским языком «из незафиксированного восточно-тюркского рефлекса тюркского производного на *-mak* от глагольного корня **ol-* ‘сидеть’ со значением, естественно, ‘[стеганная] подушка для сидения’; в дальнейшем слово в монгольской среде развило значение ‘стеганная куртка’ и заимствовалось дальше в обоих направлениях в тюркские языки и, вероятно, в маньчжурский» [Дыбо 2015: 244–245].

В тексте эпоса «Джангар» в репертуаре Шавалин Дава встречается употребление лексемы *шеемг*, которую можно трактовать как ‘теплая военная одежда из шерстяной ткани’: <…> *«Дәәнд өмсдг / Далн давхр* ***шеемгинь*** */ hарһҗ өг» — гив* <…> ‘Сказал, дай мне семидесятислойную *шеемг* [одежду], которую одеваю на войну.’; <…> *Эрднь тәвн давхр* ***шеемгән*** */ Үмсн болдг гинә.*<…> [ШД: IV] — ‘Говорят, надел драгоценную пятидесятислойную *шеемг* [одежду]’.

В словарях калмыцкого языка лексема *шеемг* [шээмег] переводится как ‘шерстяной’ [КРС 1977: 669], šēməg ‘satin, satinet (сатин)’ [Ramstedt 1935: 355]. В словарях ойратских языков встречается близкое по звучанию слово *шиимег* ‘свалявшийся (о волосах)’ [Тодаева 2001: 454], šiyimeq ‘1) арһмҗ деес томхар белдсн мөрнә дел сүүл зерг ноосн (конские волосы, приготовленные для плетения аркана); 2) эмгн күүнә гүрсн гиҗг (заплетенные в косы волосы (у замужних женщин)’ [Галцан 2006: 1143]. Можем предположить, что *шеемг* означает ‘верхняя одежда, изготовленная из шерстяных ниток’.

Выводы

В данной статье мы рассмотрели лексемы *үч*, *дах*, *девл*, *улв*, *шеемг*, относящиеся к тематической группе «верхняя одежда» и выявленные на материале эпоса «Джангар». Анализ показывает, что эпический язык отражает этнокультурные контакты древних предков калмыков (ойратов) с другими, в первую очередь с тюркскими народами, объясняются заимствования названий предметов одежды. Причем этот процесс был обоюдонаправлен, к примеру,

слово *улв* первоначально было заимствовано в монгольские языки из тюркского. Затем, развившись в среде монгольских языков в значение ‘стеганная куртка’, было заимствовано обратно в тюркские языки в новом значении. Язык эпоса зафиксировал это слово в значении ‘шелковое платье’.

Этимология лексемы *үч* ‘шуба (*меховая*)’ также восстанавливается на тюркской языковой основе, где имеется общетюркская основа *ičük ‘шуба, крытая материей, шуба (на меху) с покровом’. Интересно, что данная лексема зафиксирована в калмыцком языке и языке ойратов Синьцзяна, но не обнаруживается в языке ойратов Монголии. Лексема *дах* ‘доха’, вероятнее всего, также является древним заимствованием из тюркского языка, где существительное *jaγqu* с первоначальным значением ‘дождевой плащ’ было заимствовано в монгольский язык в виде *daku* ‘меховой плащ мехом наружу’. Впоследствии из калмыцкого языка это слово было заимствовано в русский язык *доха* ‘род шубы из сайгачьей шкуры мехом наружу’. Эпический язык в отличие от современного монгольского, бурятского и калмыцкого языков, где *дээл*, *дэгэл* и *девл* означает ‘шуба; длинная верхняя одежда’, сохраняет два значения данного лексического элемента: первое — «зимняя теплая верхняя одежда из кожи с шерстью, шуба, тулуп», второе — «оплетка, верхний слой чего-л.».

Таким образом, исследования этнокультурной лексики эпических письменных произведений с точки зрения их происхождения и употребления весьма актуальны для исторической лексикологии и лексикографии монгольских языков, а также дают новые ценные сведения в области сравнительно-исторической алтаистики.

Источники

Малодербетовский цикл

МД: I — Ут Цаһан Маңһсиг богд Җаңһр дөрәцүлгсн бөлг (= Песня о победе богдо Джангара над мангасом Уту Цаганом)

Багацохуровский цикл

БЦ: I — Дуут богд Җаңһр Догшн Хар Кинесиг дөрәцүлгсн бөлг (= Песня о победе славного богдо Джангара над свирепым Хара Кинесом)

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

ЭО: III — Баатр Хар Җилһн хаанла бәәр бәрлдгсн бөлг (= Песня о битве с богатырским Хара-Джилган ханом)

ЭО: VII — Күнд һарта Саврин бөлг (= Песня о Тяжелоруком Савре)

Цикл песен из репертуара Басңһа Муковүн (Мукебена Басангова)

БМ: V — Аю Манзан Буурлта Әәх Маңна хаана Очн болгсн Уланта Нарни Герл гидг баатрнь Җаңһрахна шижтә тавн юм сурҗ иргсн бөлг (= Песня о том, как богатырь Нарни Герел Грозного Мангна хана, владельца чалого [коня] Аю Манзан, прибыл на искроподобном коне Улан с требованием выдать пять сокровищ [страны] Джангара)

Цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)

ШД: II —Азг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг (= Песня о женитьбе Азыг Улан Хонгора)

ШД: IV — Оцл Дамбан көк һалзн күлгтә Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртә Арл Манз хааг даргсн бөлг (= Песнь о том, как Азыг Улан Хонгор на Оцол Дамбан Кёке Галзане победил Арала Манза хана на летающем пегом коне)

Sources

Baγa Dorbet Cycle

[Song of Bogdo Jangar's Victory Over Utu Tsagan Mangas]. (In Kalm.)

Baγa Tsokhor Cycle

[Song of Glorious Bogdo Jangar's Victory over Furious Khara Kines]. (In Kalm.)

Songs from Ovla Elyaev's Repertory

[Song of the Battle against Mighty Khara Jilgan Khan]. (In Kalm.)

[Song of Savr the Heavy Armed]. (In Kalm.)

Songs from Mukeben Basangov's Repertory

[Song of the Arrival of Narni Gerel Baatar … Who Demanded to Give the Five Treasures of Jangar's State]. (In Kalm.)

Songs from Dava Shavaliev's Repertory

[Song of the Wedding of Azg Ulan Khongor]. (In Kalm.)

[Song of Azg Ulan Khongor's Victory … over Aral Manza Khan …]. (In Kalm.)

Литература

Бакаева 2008 — *Бакаева Э. П.* Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 189 с.: ил.

Бакаева 2017а — *Бакаева Э. П.* О семантике кроя и декора женского платья типа цегдег у калмыков и ойратов [древние знаки в семиотической системе костюма] // Вестник Калмыцкого института гуманитарных

исследований РАН . 2017. № 4(32). С. 49–69. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-32-4-49-69

Бакаева 2017б — *Бакаева Э. П.* О семантике традиционного женского костюма и орнамента в культуре ойратов и калмыков // Восток [Oriens]. 2017. № 6. С. 61–75.

БАМРС 2001–2002— Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 томах / ред. Лувсандэндэв А., Пюрбеев Г. Ц., Цэдэндамба Ц. М.: Наука, 2001. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ө–Ф. 440 с.; М.: Наука, 2001−2002. Т. 4. Х–Я. 532 с.

Бачаева 2015 — *Бачаева С. Е.* Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85.

Бембеев 2018 — *Бембеев Е. В.* К проблеме семантики некоторых лексических единиц, обозначающих «плеть» (на материале эпоса «Джангар»). Oriental Studies. 2018. № 5(39). С. 132–144. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-132–144.

Бембеев, Куканова, Каджиев 2014 — *Бембеев Е. В., Куканова В. В., Каджиев А. Ю.* Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 128–141.

БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь. / сост. К. М. Черемисов. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. 852 с.

Владимирцов 1989 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 449 с.

Галцан 2006 — *Галцан А.* Өөрд-монһл толь [Ойрат-монгольский словарь]. 1–4 т. Карамай: [б. и.], 2006. 2011 с.

Голстунский 1893–1895 — *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. В 3-х т.: Т. I. – СПб., 1895, 268 с.; Т. II. – СПб., 1894, 462 с.; Т. III. – СПб., 1893. 491 с.

Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Институт языкознания РАН; изд-во «Канцлер», 2015. С. 209–254.

ДТС 1969— Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Ковалевский 1844–1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х т.: Т. I. – Казань, 1844. С. 1–594; Т. II. – Казань, 1846. С. 595–1545; Т. III. – Казань, 1844. С. 1546–2690.

Манджикова 2002 — *Манджикова Б. Б.* Хальмг келнə тəəлвр толь (сурhульчнрт нерəдсн дөңцл) Толковый словарь калмыцкого языка (Пособие для учащихся). Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.

Мулаева 2015 — *Мулаева Н. М.* Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3(18). С. 64–74.

Мулаева 2016 — *Мулаева Н. М.* Тематическая группа «одежда»: система толкований (на материале Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение. 2016. № 8. С. 158–174.

МОТ 1957 — Монгол орос толь (=Монгольско-русский словарь). Общ. ред. А. Лувсандэндэва. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 715 с.

МХТ 2002 — *Нямбуу Х.* Монгол хувцасны түүх. Түүх, угсаатны зүйн шинжилгээ (= История монгольского костюма. Историко-этнографическое исследование). Улаанбаатар: «Монголын суу билэгтэн» сан, 2002. 400 с.

МХТТ 2011 — Монгол хэлний тайлбар толь (= Толковый словарь монгольского языка). Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.

МХИТТ — Монгол хэлний их тайлбар толь (= Большой толковый словарь монгольского языка) / [электронный ресурс] // URL: https://mongoltoli.mn/dictionary/news (дата обращения: 04.08.2019).

Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 312 с.

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. Изд. 2-е, перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 280 с.

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 592 s.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Тодаева 1976 — *Тодаева Б. Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангар» и полевым записям автора / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.

Цолоо 1988 — *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II боть (= Диалектологический словарь Монголии. 2 том. Ойратский диалект). Ойрд аялгуу. Улаанбаатар: Институт языка и литературы АН МНР, 1988. 943 с.

Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки [конец XIX – начало XX вв.]. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

ЭСТЯ 1974 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / авт. сл. статей Э. В. Севортян. М.: Наука, 1974. 767 с.

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ҹ, Ж, Й / авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.

ЭОСРЯФ — Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [электронный ресурс] // URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (дата обращения: 04.08.2019).

References

[A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary[. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)

[An Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels]. Sevortyan E. V. (comp.). Moscow: Nauka, 1974. 767 p. (In Russ.)

[An Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters Ҹ, Ж, Й]. Sevortyan E. V. (comp.). Moscow: Nauka, 1989. 292 p. (In Russ.)

[Buryat-Mongolian-Russian Dictionary]. K. M. Cheremisov (comp.). Moscow: Foreign and Soviet National Dictionaries Publ., 1959. 852 p. (In Bur., Mong. and Russ.)

[Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Russ.)

[Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. Ulaanbaatar: Monsudar, 2011. 1890 p. (In Mong.)

[Kalmyk-Russian Dictionary]. B. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977, 768 p. (In Kalm. and Russ.).

[Mongolian-Russian Dictionary]. A. Luvsandendev (ed.). Moscow: Foreign and Soviet National Dictionaries Publ., 1957. 715 p. (In Mong. and Russ.)

[The Online Russian Etymological Dictionary by Max Vasmer]. An Internet resource: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (accessed: April 4, 2019). (In Russ.)

[Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Academia, 2011–2002. Vol. 1: 'А–Г', 520 p.; vol. 2: 'Д–О', 536 p.; vol. 3: 'Ө–Ф', 440 p.; vol. 4: 'Х–Я', 532 p. (In Mong. and Russ.)

[Unabridged Explanatory Dictionary of the Mongolian Language]. An Internet resource: https://mongoltoli.mn/dictionary/news (accessed: April 4, 2019). (In Mong.)

Bachaeva S. E. Definition formulas of adjectives denoting color (on materials of the songs of the epos *Dzhangar*). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS* (*Oriental Studies*). 2015. No. 4. Pp. 80-85. (In Russ.)

Bakaeva E. P. [Clothing in Kalmyk Culture: Traditions and Symbolism]. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P. The Tsegdeg Dress of Kalmyk and Oirat women: semantics of its fashion and decorative elements (ancient signs in the semiotic system of the garment). *Oriental Studies*. 2017. No. 4. Pp. 49-69. (In Russ.) DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-49-69

Bembeev E. V., Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Frequency dictionary of modern Kalmyk language: rules of analysis of text material. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2014. No. 3. Pp. 128–141. (In Russ.)

Bembeev E. V. Revisiting the problematic semantics of some lexical units to denote whips (a case study of the *Jangar* epic)]. *Oriental Studies*. 2018. No. 5. Pp. 132-144. (In Russ.) https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-39-5-132-144. (In Russ.)

Dybo A. V. Weapon names: from Proto-Altaic to Mongolianones. In: [Russia-Mongolia Linguistic Collection]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Kantsler, 2015. Pp. 209–254. (In Russ.)

Erdniev U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic essays]. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)

Galtsan A. [Oirat-Mongolian Dictionary]. Karamay. Vols. 1–4. 2006. 2011 p. (In Oir.-Mong.)

Golstunsky K. F. [Mongolian-Russian Dictionary]. In 3 vols. St. Petersburg, 1893–1895. Vol. 1, 268 p.; vol. 2, 462 p.; vol. 3, 491 p. (In Mong. and Russ.)

Kovalevsky O. M. [Mongolian-Russian-French Dictionary]. In 3 vols. Kazan, 1844–1846. Vol. 1, pp. 1–594; vol. 2, pp. 595–1545; vol. 3, pp. 1546–2690. (In Mong., French and Russ.)

Mandzhikova B. B. [Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: Manual for Students and Pupils]. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Mulaeva N. M. Definitions of plants in the Explanatory Dictionary of the language of the Kalmyk heroic epos 'Dzhangar'. *Ural-Altaic Studies*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Russ.)

Mulaeva N. M. The lexical-semantic group 'clothes': a system of definitions (evidence from the Definition Dictionary of the Language of the Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*]. *Mongolian Studies*. 2016. No. 8. Pp. 158–174. (In Russ.)

Nyambuu Kh. [History of the Mongolian Costume: a Historical and Ethnographic Study]. Ulaanbaatar: Mongolyn Suu Bilegten, 2002. 400 p. (In Mong.)

Pozdneev A. M. [Kalmyk-Russian Dictionary: a Supplement to the Russian-Language Learning Book for Kalmyk Elementary Schools]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 312 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [The Epic of *Jangar*: Culture and Language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. [Traditional Household Activities of the Kalmyks: Explanatory Dictionary]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm.)

Ramstedt G. J. [A Dictionary of the Kalmyk Language]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 592 p. (In Kalm. and Germ.)

Todaeva B. Kh. [The Epic of *Jangar*: an Effort of Linguistic Research]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. [Xinjiang Oirats: a Dictionary of Their Language]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 494 p. (In Russ.)

Tsolooo J. [Dialectological Dictionary of Mongolia. Vol. 2: Oirat Dialect]. Ulaanbaatar, 1988. 943 p. (In Mong.)

Vladimirtsov B. Ya. [A Comparative Grammar of Mongolian Dialects: Introduction and Phonetics]. 2nd ed. Moscow: Nauka; GRVL, 1989. 449 p. (In Russ.)

Бакаева Э. П. On semantics of the traditional women's costume and ornament in the cultures of Oirats and Kalmyks. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 6. Pp. 61–75. (In Russ.)

УДК 811.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-656-672

Пространственные значения и средства их выражения в калмыцком языке (на примере падежных форм)

Людмила Алексеевна Лиджиева[1], *Бамба Эренджeновна Убушиева*[2], *Болха Алексеевна Шурунгова*[3], *Владимир Наранович Мушаев*[4]

[1] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
ORCID: 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

[2] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
ORCID: 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

[3] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
ORCID: 0000-0001-5064-0661. E-mail: bolha2009@yandex.ru

[4] Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
ORCID: 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru)

Аннотация. *Введение.* Данное исследование посвящено проблеме пространственной локализации в современном калмыцком языке. Занимая важное место в модели мира, пространство нашло свое отражение в языковых фактах. В каждом языке пространственная семантика выражена определенными лексико-грамматическими единицами и имеет ярко выраженную специфику, особую семантическую нагрузку. *Целью исследования* является описание типов локализаций пространственных отношений в калмыцком языке, выраженных падежными формами. *Материалом исследования* послужила выборка из художественных, фольклорных и публицистических текстов, словарей, извлеченных из Национального корпуса калмыцкого языка и Калмыцкого национального корпуса. *Результаты исследования.* В калмыцком языке при выражении пространственных отношений участвуют четыре падежа: дательно-местный, орудный, исходный и направительный, которые служат для обозначения нахождения и движения в пространстве, конечного и исходного пункта, а также перемещения объекта по или/и через пространство. Выявлены и описаны типы локализации в калмыцком языке с различными значениями относительно ориентира. Среди общих пространствен-

ных значений выделены нахождение, приближение, удаление и движение объекта «по, рядом, над» относительно ориентира. Частные локализации (IN, APUD, AD, SUPER, ULTRA, SUPRA), выраженные падежными формами, употребляются при обозначении пространства внутри, вблизи, вдали, на поверхности, над ориентиром и др. Была сделана попытка выявить значения основных локализаций в исследуемом языке.

Ключевые слова: калмыцкий язык, пространственные падежи, послелоги, локализация, ориентир, нахождение, удаление, приближение, движение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта КалмГУ «Типология и динамика языковых процессов в тюрко-монгольском ареале».

Для цитирования: Лиджиева Л. А., Убушиева Б. Э., Шурунгова Б. А., Мушаев В. Н. Пространственные значения и средства их выражения в калмыцком языке (на примере падежных форм). Монголоведение. 2019 (3); 656–672. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-656-672.

UDC 811.512.37
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-656-672

Spatial Values and Means of Their Expression in the Kalmyk Language (an Insight into Case Forms)

Liudmila L. Lidzhieva[1], Bamba E. Ubushieva[2], Bolkha A. Shurungova[3], Vladimir N. Mushaev[4]

[1] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

[2] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

[3] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: 0000-0001-5064-0661. E-mail: bolha2009@yandex.ru

[4] Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department
ORCID: 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Abstract. *Introduction*. The study deals with spatial localization in the modern Kalmyk language. Being an important element of the world model, space finds its manifestation in certain language facts. In every language spatial semantics is expressed by certain lexical and grammatical units, and has somewhat pronounced specifics, particular semantic messages. *Goals.* The research seeks to describe types of localizations of spatial relations in the Kalmyk language expressed through case forms. *Materials.* The work investigates selected literary, folklore and journalistic texts, as well as dictionaries extracted from the National Corpus of the Kalmyk Language and the Kalmyk National Corpus respectively. *Results.* In the Kalmyk language, a total of four grammatical cases may express spatial relations: the dative-locative, instrumental, ablative, and aditive ones serve to indicate location and motion in space, destination and starting points, and also movement of an object along or in/through space. The work reveals and describes localization types — in the Kalmyk language — with various values regarding a reference point. Among the general spatial values, the paper specificates location, approaching, departure and movement of an object 'on, nearby, over' with relation to a reference point. Private localizations (IN, APUD, AD, SUPER, ULTRA, SUPRA) expressed by case forms are used to indicate space inside, close, in the distance, on the surface, over a reference point, etc. The research attempts to reveal values of key localizations in the language examined.
Keywords: Kalmyk language, spatial cases, postpositions, localization, landmark, departure, approaching, movement.
Acknowledgements. The reported study was funded with financial support from the Gorodovikov Kalmyk State University – research grant name 'Typology and Dynamics of Language Processes in the Turko-Mongolic Area'.
For citation: Lidzhieva L. L., Ubushieva B. E., Shurungova B. A., Mushaev V. N. Spatial Values and Means of Their Expression in the Kalmyk Language (an Insight into Case Forms). *Mongolian Studies*. 2019 (3): 656–672. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-656-672.

Введение

Одной из типологических черт, характерных для многих языков, в том числе и монгольских, является, как известно, наличие разветвленной системы средств выражения пространственных отношений. При этом в каждом языке могут существовать свои специфичные формы выражения того или иного пространственного значения.

В калмыцком языке сложилась развитая система склонения. К исходной форме (ед. и мн. ч., им. п.) присоединяются аффиксы восьми падежей: родительный (*-а/-ə*, *-ин/-ын*, *-н*), дательно-местный (*-д/-т*), винительный (*-иг/-ыг*, *-г*, *-ө*), орудный (*-ар/-ər*), соединительный (*-ла/-лə*), совместный (*-та/-тə*), исходный (*-ас/-əс*) и направительный (*-ур/-үр*).

Падежи обладают набором семантических значений, которые формируются на основе определенных синтаксических связей и

отношений в словосочетаниях, предложениях, различных конструкциях (причастных, деепричастных, послеложных и др.). «К основным значениям в системе падежных форм относят субъектное, объектное и определительное, которое объединяет в себе все виды определительности, включая и обстоятельственно-определительные значения» [Русская грамматика 1980: 476].

«В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Здесь объединяются множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений» [Виноградов 1986: 144].

А. В. Попов, автор первой «Грамматики калмыцкого языка», из восьми падежей выделяет отделительный, дательный или местный, творительный инструментальный падежи, имеющие пространственное значение. Например: *gerēse γarxu* ‘выйти из дома’; *oydu oroxu* ‘войти в лес’ [Попов 1847: 49–60].

А. А. Бобровников в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» отмечает семь падежей: именительный, родительный, винительный, исходный, местный, творительный и соединительный. Пространственную семантику он выделяет в значениях исходного, местного и творительного падежей, причем местный падеж он разделяет на два значения: местный и конечный. Направительный падеж им не выделяется, но автор отмечает частицу *-γur*; *-gür*, которая описывает путь, по которому совершается движение или образ совершения действия: *tügürigöür* ‘кругом’ от *tügüriq* ‘кружок’; *dēgüür* ‘поверху’ от *dēre* ‘наверху’ [Бобровников 1849: 88–101, 237–264, 192].

В. Л. Котвич, исследуя калмыцкий разговорный язык, в число падежей с пространственным значением (дательный, исходный, творительный) дополнительно включает падеж направления, обозначающий «предмет, по направлению к которому совершается движение» [Котвич 1929: 147–161, 160].

Лингвисты Б. Х. Тодаева, Д. А. Павлов, С. М. Трофимова, Р. П. Харчевникова в современном калмыцком языке также выделяют падежи с пространственным значением: дательно-местный, орудный, исходный и направительный падежи [Тодаева 1960; Павлов 1983;

Трофимова 1989; Харчевникова 2006].

Р. П. Харчевникова отмечает, что падежи, выражающие пространственные отношения, функционально весьма разнообразны и представлены в основном в объектном и обстоятельственно-определительном значениях [Харчевникова 2006: 45–65].

Дательно-местный падеж может указывать на место совершения действия и движение внутрь ориентира. Исходный падеж, в противоположность дательно-местному и направительному падежам, обозначает начальную точку отсчета действия (движения) в пространственных отношениях [Харчевникова 2006: 61]. Для орудного падежа характерны разные обстоятельственно-определительные значения, которые конкретизируются различными обстоятельствами. Направительный падеж образовался сравнительно недавно, благодаря переходу послелога *уру* в окончание *-ур/-үр*. Послелог *уруу* (по направлению), означающий вниз по течению, по склону, утратил первоначальную фонетическую структуру (*уруу* > *уру* > *ур*) и стал употребляться в грамматическом значении, показывающем направленность действия на предмет [Лиджиева 2017: 30].

Е. В. Бембеев отмечает: «анализ разновременных текстов эпоса „Джангар“ показывает, что в ранних записях (первая половина XIX в.) формант направительного падежа *-ур/-үр* не употреблялся. Это подтверждается данными грамматик калмыцкого языка, которые вышли параллельно первым записям эпоса „Джангар“» [Бембеев 2017: 51].

Базовые понятия

В языкознании для обозначения пространственных отношений исследователи применяют самую разнообразную терминологию: двигательные и ориентирующие значения [Кибрик 1970], смыслы, локализации, пространственные отношения [Серебренников 1988; Гак 1996], семы [Всеволодова, Владимирский 1982], локализации [Плунгян 1999; Плунгян 2000; Плунгян 2002], смыслы, локализации и ориентации [Мельчук 1998], ситуативные, топологические и эгоцентрические отношения [Невская 1997] и др.

При анализе пространственных отношений в данной работе используются такие термины, как ориентация и локализация, принятые в современной лингвистической типологии.

По И. А. Мельчуку, «категорией локализации называется такая категория, элементы которой характеризуют пространственную локализацию некоторого объекта или факта по отношению к данному объекту или (реже) факту — в терминах геометрической конфигурации» [Мельчук 1998: 52]. Или элементы «…категории локализации указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру» [Плунгян 2000: 175].

Под ориентиром понимается объект, вокруг которого организуется некоторое пространство, которое делится на целый ряд групп или классов, составляющих частные значения локализации. Разные языки могут разбивать окрестность ориентира по-разному. «Тем не менее, можно говорить о некоем универсальном наборе топологических зон, который является максимально дробным разбиением окрестности ориентира [Плунгян 2002: 66].

Пространственные отношения могут выражаться в разных языках падежными формами, послеложными конструкциями, наречиями, глаголами, причастными и деепричастными формами. При этом локализации могут принимать различные значения: верхняя поверхность, внутренность, пространство вне ориентира, под ориентиром, над ориентиром, около, далеко от, перед, позади ориентира, между ориентирами и др.

Цель данной статьи — рассмотреть относительные локализации пространственных отношений в калмыцком языке, выраженные падежными формами.

Материалом для исследования послужили художественные, фольклорные и публицистические тексты, которые привлекались из Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ) и Калмыцкого национального корпуса (далее — КНК).

Основная часть

Различные ориентации обозначаются принятыми в типологии названиями локативных падежей: эссив обозначает «нахождение объекта в покое по отношению к ориентиру», пролатив — «перемещение объекта через пространство, связанное с ориентиром»; аблатив — «перемещение объекта из пространства, связанного с ориентиром»; латив — «перемещение объекта к пространству, связанному с ориентиром» [Великорецкий 2002: 14].

Локализации также отмечаются условными обозначениями, принятыми в современной лингвистике [Кибрик 1970; Плунгян 2000], например: APUD — область пространства рядом с ориентиром; SUPER — (верхняя) поверхность ориентира; IN — пространство внутри ориентира; SUB — пространство под ориентиром; ANTE — пространство перед ориентиром; POST — пространство позади ориентира и др.

С помощью падежных форм от чистой основы выражаются прежде всего двигательно-направительные значения; локализация при этом остается невыраженной, локализационная семантика приписывается форме согласно с узуальными семантическими свойствами слова, обозначающего ориентир (вместилище, автоориентированный объект), или включена в лексическое значение употребленного глагола движения.

Материал современного калмыцкого языка позволил выделить следующие локализации.

1. Нахождение

1.1. Локализация IN. Семантика данной локализации отмечается как пространство внутри ориентира, полого и неполого предмета. В рамках одной локализации может наблюдаться использование разных ориентаций.

Нахождение внутри ориентира (эссив):

а) полого предмета, вместилища: *гер-т* ‘в доме’. *Мана өрк-бүл модн* ***герт*** *бәәнә.* ‘Наша семья живет в деревянном доме’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл]; *хора-д* ‘в комнате’. *Күүкдин* ***хорад*** *һанцхн Буля дегтр умшҗ сууна.* ‘В комнате девочек одна Буля сидит и читает книгу’[1] [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл];

б) неполого предмета: *һол-д* ‘в реке’. *Өцклдүр… хойр орс көвүн болн Арш һурвн Бергәсәс зөв авад, өдрин дуусн* ***һолд*** *өөмлә.* ‘Вчера… двое юношей и Араш, спросив разрешения у Бергяся, целый день купались в реке’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан]; *усн-д* ‘в воде’. *… Замг сәәтә* ***усн д*** *заһсн олн цуглрдг. ‘… В воде с хорошей тиной собирается много рыбы* [Тодаева 2007: 621];

в) метафорическое значение ментального содержимого: *дегтр-т* ‘в книге’. *Хүрмин авъясин тускар* ***дегтрт*** *йир тодрхаһар бичәтә.* ‘Про свадебный обряд очень подробно написано в книге’ [КНК. Хальмг үнн 2006].

[1] Здесь и далее перевод авторов статьи.

1.2. Локализация APUD. Пространственным значением данной локализации является местонахождение рядом, вблизи ориентира (эссив): *бел-д* ‘у подножия [горы]’. *Өндр уулын* ***белд*** *өнр нутг дүрклнә.* ‘У подножия высокой горы счастливо живет многочисленный нутук’ [КНК. Хальмг үнн 2006]; *цецг-т* ‘возле цветка’. *Үнр сәәтә* ***цецгт*** *эрвәкә олн цуглрдг, өңг сәәтә экнрт эр олн цуглрдг* [Тодаева 2007: 31] ‘Возле пахучего цветка много бабочек, возле красивой женщины — много мужчин’.

1.3. Локализация AD. Локализация AD выступает со значением нахождения в контакте с вертикальной поверхностью (эссив): *эрс-т* ‘на стене’. ***Эрст*** *Нохан Дәрк бурхн өлгәтә бәәсмн.* ‘На стене висело изображение божества Зеленая Тара’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин нохан].

1.4. Локализация SUPER. Локализация SUPER в пространственном значении используется для указания на местонахождение объекта на поверхности ориентира [Ганенков, Мерданова 2002: 135]. В данной локализации отмечается наличие или прерывание контакта с ориентиром.

Нахождение на предмете с выделенной горизонтальной поверхностью (контактность) (эссив): *һазр-т* ‘на земле’. *Овата селәнә өөр бурхн буусн* ***һазрт*** *сувр*ḫ *босхв.* ‘Возле села Овата, на земле (в месте), где спускались бурханы, построили субурган’ [КНК. Хальмг үнн 2006]; *Эн орн җаагад күн унтулшго болв,* ***һазрт*** *оран ясҗ авнав.* ‘Эта кровать скрипит, никому не даст спать, расстелю постель на земле’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл].

1.5. Локализация ULTRA. Данная локализация применяется при нахождении вдали от ориентира.

Нахождение далеко (от ориентира) (аблатив) — *нуур-ас* ‘от озера’. *Мекләтин* ***нуурас*** *Дунд Хурл күртл дөчн дууна.* ‘От озера Меклята до Дунд Хурула сорок километров’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин нохан].

2. Приближение

2.1. Локализация IN. Локализация выделяется для обозначения движения внутрь ориентира (латив): *патьр-т* ‘в квартиру’. *Күүкд белдсн хот-хоолан авад, Батан бәәсн* ***патьрт*** *ирцхәв.* ‘Девушки, взяв приготовленную еду, пришли в квартиру, где жил Бата [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл].

2.2. Локализация APUD. Локализация указывает на движение к ориентиру, приближение (латив): *хотн-ур* ‘в село’. *Үкрмүд, туһлмуд мөөрлдәд, хөд, хурһд мәәллдәд,* ***хотнурн*** *ирж йовна.* ‘Коровы и телята мыча, овцы и ягнята блея, подошли к селу’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл]; *гер-т* ‘к дому’. *Хойр көвүн удлго эмгнә* ***герт*** *күрч ирцхәв.* ‘Двое юношей вскоре подошли к дому старухи’ [НККЯ. Куукан Анатоль. Ээҗин йөрәл]; *салаһ-ур* ‘в балку’. *Санҗ шаһлцнас һарад,* ***салаһур*** *одв.* ‘Выйдя из игры, Санджи направился в балку’ [НККЯ. Нармин М. Манцин цаһан ташу].

Лативное значение в данных локализациях продублировано в семантике основных глаголов *ирх* ‘приходить’ и *одх* ‘идти, отправляться’.

2.3. Локализация AD. Значение данной локализации — движение к вертикальной поверхности ориентира (латив): *эрсүр* ‘к стене’. ***Эрсүр*** *өөрдәд, өлгәтә зург шинҗләд хәләв.* ‘Приблизившись к стене, стал рассматривать картину’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан]. Данное употребление значения в калмыцком языке более широко используется послеложными конструкциями. Например: *тал* ‘к, по направлению, в сторону’: *Бәәсн мал хулсн* ***тал*** *туугдад одв.* ‘Весь скот угнан к камышам’ [НККЯ: Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

2.4. Локализация SUPER. Данной локализацией указывается движение на поверхность ориентира (контактность) (латив): *һазр-т* ‘на землю’. *Абиль, энүнлә хамдан йовх үүрмүднь керм деерәс* ***һазрт*** *буув.* ‘Абиль, друзья, следовавшие с ним, спустились с парохода на землю [КНК. Н. Илюмжинов. Абиль].

2.5. Локализация ULTRA. Локализация указывает на движение из пространства вдали от ориентира (аблатив): *балһсн-ас* ‘из города’. *Аһш балһснас Элстүр аадмг, йогурт, нань чигн үснә зүүтә хот-хол авч ирнә.* ‘Из Волгограда в Элисту привозят творог, йогурт и другие молочные продукты’ [КНК. Хальмг үнн 2006].

2.6. Локализация SUPRA. Значением локализации является движение из пространства над ориентиром (аблатив): *уул-ас* ‘с гор’. ***Уулас*** *гүүсн усн уурта, догшн болдг, уулын беләс давн унярта, мелмәһәд номһрдг.* ‘Вода, стекающая с горы, бывает суровой, свирепой, как только достигает подножья горы, разливаясь, успокаивается [НККЯ. Сусен А. Теегин үрн].

3. Удаление

3.1. Локализация IN. Данная локализация указывает на движение изнутри ориентира-вместилища наружу. Элативное значение выражается аблативным падежом. Примеры: *авдр-ас* ‘из сундука’: *Ээҗ* ***авдрас*** *альчур авад өгв.* ‘Бабушка вынула из сундука платок и подала’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл]; *герт-әс* ‘из дома’: *Удл уга ирсн улс* ***гертәс*** *һарцхав.* ‘Вскоре все гости вышли из дома’ [КНК. Сән-Белгин Х. Дурн болн дун]. Во втором примере используется форма склонения с двойным падежом, где основой выступает дательно-местный падеж (эссив).

3.2. Локализация APUD. Она используется для указания на движение от ориентира, удаление (аблатив): *хотн-ас* ‘от хотона’. *Бата Мөңкә хойр харңһуд* ***хотнас*** *заагрв.* ‘Бата и Менкя под покровом темноты удалились от хотона’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл].

3.3. Локализация AD. Выступает со значением движения в контакте с вертикальной поверхностью.

Движение от вертикальной поверхности ориентира (аблатив): *эрс-әс* ‘от стены’. ***Эрсәс*** *алд тусв* [ПМА]. ‘Отлетел от стены на сажень’.

3.4. Локализация SUPER. В данной локализации отмечается наличие или прерывание контакта с ориентиром.

Движение с поверхности ориентира (прерывание контакта) (аблатив): *тергн-әс* ‘с телеги’. *…Бата* ***тергнәс*** *бууһад, ярлзҗ инәһәд, герүр адһад орад ирв.* Бата, спустившись с телеги, смеясь, поспешил в дом. [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл].

3.5. Локализация ULTRA. Данная локализация используется при указании движения вдаль от ориентира:

Движение вдаль (от ориентира) (аблатив): *балһсн-ас* ‘от города’. ***балһснас*** *шилҗрҗ һарх* ‘удаляться от города’ [КРС 1977: 672].

Движение из пространства вдали (от ориентира) (аблатив): *экн-әс* ‘с истоков’. *Деед Яшкулын* ***экнәс*** *мордад, Бурат һолын амнд ирв.* ‘Выехав на коне от истоков Верхнего Яшкуля, прибыл к берегу речки Бурата’ [НККЯ. Нармин М. Манцин цаһан ташу].

3.6. Локализация SUPRA. Локализация указывает на движение в пространство над ориентиром (латив): *теңгүр* ‘к небу’. *Хар утан бадлһҗ* ***теңгүр*** *цацгдв.* ‘Черный дым повалил к небу’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

Данная локализация широко используется при выражении послеложными конструкциями. Например: *теңгр өөд* ‘к небу’: *Хойр мөрнд татсн тергн тоорман* ***теңгр өөд*** *цоонгрулад орад аашна.* ‘Поднимая столб пыли к небу, въезжает телега, запряженная парой лошадей’ [НККЯ. Эрнҗәнә К. Һалан хадһл].

4. Движение ‘по, рядом, над’

4.1. Локализация IN. Семантика этой локализации описывается как движение по, через (сквозь) ориентир (пролатив): *халх-ар* ‘по щекам’. *Нигт чиигтә цасн нүднә сурмсгт наалдад, давста усн болҗ,* ***халхар*** *һооҗв.* ‘Густой мокрый снег, прилипая к ресницам глаз, превращался в соленую воду и капал по щекам’ [КНК. Н. Илюмжинов. Арвн һурвн җилин зовлңд]; *иргвч-әр* ‘сквозь нижний полог’. *Гиич хойр көвүн алң болад эргәд хәләхлә, ишкә герин заагар,* ***иргвчәр*** *шаһалдҗах кесг чирәс эднд үзгдв.* ‘Когда двое юношей-гостей с удивлением обернулись, то увидели глаза, подглядывающие за ними сквозь щель и нижний полог кибитки’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

4.2. Локализация AD. Указывает на движение по вертикальной поверхности (пролатив): *уул-ар ‘по горе’. Цаста* ***уулар*** *давшна.* ‘Поднимается вверх по снежной горе’ [НККЯ. Сусен Аксен. Шин җирһл угтад].

4.3. Локализация SUPER. Значение локализации — движение по верхней стороне ориентира (контактность) (пролатив): *тагтар* ‘по мосту’. *Олуй һол деерк модн тагтар машин һарч йовна.* ‘По деревянному мосту, находящемуся над рекой Олуй, выезжает машина’ [НККЯ. Бадмин А. Алтн шорад даргддго].

Все рассмотренные выше типы локализаций в калмыцком языке могут быть также выражены и послелогами. Иными словами, в рамках одной локализации наряду с базовыми локативными показателями (падежами) встречается и ряд показателей с более конкретным значением (послелоги). Например: значение нахождения передают локализации IN (*дотр* ‘в, внутри, среди’: *гер дотр* ‘в доме’), APUD (*өөр* ‘около, рядом, у, возле’: *хотна өөр* ‘возле хотона’; *хаҗуд* ‘у, возле, рядом, около’: *хаалһин хаҗуд* ‘у дороги’), AD (*деер* ‘на’ (вертикальная поверхность): *эрс деер* ‘на стене’), SUPER (*деер* ‘на’ (горизонтальная поверхность): *ширә деер* ‘на столе’), ULTRA (*тедүкнд* ‘поодаль, в стороне’: *герәс тедүкнд* ‘вдали от дома’: *ууҗмд* ‘вдалеке, подальше’: *хаалһас ууҗмд* ‘вдали от дороги’) и т. д.

Но возможны и другие более конкретные типы локализаций, например, такие, как EXTRA (нахождение и движение вне ориентира — *һаза* ‘вне, снаружи’: *герин һаза* ‘на улице, вне дома’), ANTE (нахождение или движение перед ориентиром — *өмн* ‘перед’: *терзин өмн* ‘перед окном’), INTER (пространство между ориентирами — *дунд* ‘среди, в центре, между’: *хотна дунд* ‘в центре хотона’; *хоорнд* ‘между, среди’: *үүднә хоорнд* ‘между дверями’), POST (пространство за ориентиром — *ард* ‘сзади, за’: *хурлын ард* ‘за хурулом’), SUB (пространство под ориентиром — *дор* (*дора*) ‘под’: *орн дор* ‘под кроватью’), CIRCUM (пространство вокруг ориентира — *эргнд* ‘около, вокруг, в окрестности’: *нуурин эргнд* ‘вокруг озера’) и др., выражаемые только послеложными конструкциями.

Активное употребление послеложных форм для обозначения пространственной локализации свидетельствует о том, что падежная система калмыцкого языка недостаточно отражает детализацию обстоятельственных отношений.

В таблице указаны локализации, выраженные падежными формами:

Локализация	*нахождение*	*приближение*	*удаление*	*движение «по, рядом, над»*
IN	эссив *гер-т* ‘в доме’	латив *патьрт* ‘в квартиру’	аблатив *авдр-ас* ‘из сундука’	пролатив *халх-ар* ‘по щекам’
APUD	эссив *бел-д* ‘у подножия’	латив *хотн-ур* ‘в село’	аблатив *хотн-ас* ‘от хотона’	–
AD	эссив *эрс-т* ‘на стене’	латив *эрс-үр* ‘к стене’	аблатив *эрс-әс* ‘от стены’	пролатив *уул-ар* ‘по горе’
SUPER	эссив *һазр-т* ‘на земле’	латив *һазр-т* ‘на землю’	аблатив *тергн-әс* ‘с телеги’	пролатив *тагт-ар* ‘по мосту’
ULTRA	аблатив *нуур-ас* ‘от озера’	аблатив *балһсн-ас* ‘из города’	аблатив *балһсн-ас* ‘от города’	–
SUPRA	–	аблатив *уул-ас* ‘с гор’	латив *теңгр-үр* ‘в небо’	–

Выводы

В результате проведенного исследования были выявлены основные типы локализаций, выраженных падежными формами и объединенных в пространственные значения нахождения, приближения, удаления и движения объекта «по, рядом, над» относительно ориентира.

Локализации IN (нахождение внутри или движение внутрь, изнутри, через, по ориентир), APUD (нахождение рядом с ориентиром, движение к, от ориентира), AD (нахождение в контакте с вертикальной поверхностью, движение к, от, по вертикальной поверхности), SUPER (нахождение на поверхности, движение на, с, по поверхности) в калмыцком языке передают выделенные основные пространственные значения нахождения, приближения, удаления и движения «по, рядом, над». Локализации ULTRA (нахождение далеко, движение вдаль и из пространства вдали) и SUPRA (нахождение над ориентиром, движение в, из пространства) не представлены в значениях движения «по, рядом, над» и нахождения соответственно. Они могут быть выражены только послеложными конструкциями.

Значение локализаций IN, APUD, AD, SUPER, ULTRA выражается эссивом и аблативом. Локализация IN, APUD, AD, SUPER, ULTRA, SUPRA в значении приближения относительно ориентира передается лативом и аблативом. Широкое употребление имеет форма с лативным значением. Значение удаления от объекта в локализациях IN, APUD, AD, SUPER, ULTRA в основном выражено аблативом. Только локализация SUPRA имеет лативное выражение. Значение движения *по, рядом, над* передается только пролативом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что падежные показатели в условиях сложившейся развитой системы склонения являются специализированным средством выражения пространственных отношений в современном калмыцком языке и несут особую семантическую нагрузку. Падежные формы имеют собственный комплекс пространственных значений, дифференцируемых в зависимости от лексического значения слова, управляющего падежом, либо от семантики всего предложения, либо конструкций, входящих в него. В отличие от послелогов, выступающих с дополнительными оттенками смысла, падежные показатели выражают более общие значения.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: http://kalmcorpora.ru/ (дата обращения: 04.04.2019).

КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/ (дата обращения: 04.04.2019).

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

ПМА — Полевые материалы автора.

Тодаева 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и перев. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Литература

Бембеев 2017 — *Бембеев Е. В.* Направительный падеж калмыцкого языка (на материале эпоса «Джангар») // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2017. № 2. С. 44–54.

Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. 403 с.

Великорецкий 2002 — *Великорецкий А. Д.* Пространство в современных западно-германских и русских языках: опыт построения метаязыка // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 8–34.

Виноградов 1986 — *Виноградов В. В* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

Всеволодова, Владимирский 1982 — *Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 262 с.

Гак 1996 — *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.

Ганенков, Мерданова 2002 — *Ганенков Д. С., Мерданова С. Р.* Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 127–156.

Кибрик 1970 — *Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: МГУ, 1970. С. 110–156.

Котвич 1929 — *Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-е. Ржевнице у Праги: Изд-е калм. комиссии культ. раб. в Чехосл. Респ., 1929. 418 с.

Лиджиева 2017 — *Лиджиева Л. А.* Послелоги калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 143 с.

Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II (Ч. 2: Морфологические значения) / пер. с франц. М.: ЯРК; Вена: WSA, 1998. 544 с.

Невская 1997 — *Невская И. А.* Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Дисс… д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 198 с.

Павлов 1983 — *Павлов Д. А.* Имя существительное // Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 67–149.

Плунгян 1999 — *Плунгян В. А.* К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка: языки динамического мира. Дубна: Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205–223.

Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

Плунгян 2002 — *Плунгян В. А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.

Попов 1847 — *Попов А. В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1847. 392 с.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Том I. М.: Наука, 1980. 784 с.

Серебренников 1988 — *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

Тодаева 1960 — *Тодаева Б. Х.* Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 163–190.

Трофимова 1989 — *Трофимова С. М.* Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. М.: Наука, 1989. 95 с.

Харчевникова 2006 — *Харчевникова Р. П.* Функциональный аспект исследования категории падежа в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 2. М.; Элиста: КалмГУ, 2006. С. 45–65.

Sources

[Kalmyk National Corpus]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: April 5, 2019). (In Kalm.)

[Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

[Kalmyks of Russia and Oirats of China: Proverbs, Sayings and Riddles]. Todaeva B. Kh. (comp. and transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Russ. and Kalm.)

[National Corpus of the Kalmyk Language]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: April 4, 2019). (In Kalm.)

Authors' field data.

References

[Russian Grammar. Phonetics. Phonology. Word Stress. Intonation. Word Formation. Morphology]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1980. 784 p. (In Russ.)

Bembeev E. V., Mandzhieva Ts. D. The directional case in Kalmyk (evidence from the epic of '*Jangar*'). *Oriental Studies* (*Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*). 2017. No. 2. Pp. 44–54. (In Russ.)

Bobrovnikov A. A. [A Grammar of the Kalmyk-Mongolian Language]. Kazan: Imperial Kazan Univ., 1849. 403 p. (In Russ.)

Gak V. G. A functional-semantic field of localization predicates. In: [Theory of Functional Grammar. Locativity. Existentiality. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 6–26. (In Russ.)

Ganenkov D. S., Merdanova S. R. Semantics of spatial forms of nouns in the Aghul language. In: [Grammaticalization of Spatial Meanings in World Languages]. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 127–156. (In Russ.)

Kharchevnikova R. P. Investigating the category of case in modern Kalmyk: a functional aspect. In: [Questions of Kalmyk Theoretical Grammar]. Is. 2. Moscow; Elista: Kalm. State Univ., 2006. Pp. 45–65. (In Russ.)

Kibrik A. E. Typology of spatial meanings revisited (a case study of Dagestani grammatical case systems). In: [Language and Man]. Moscow: Moscow State Univ., 1970. Pp. 110–156. (In Russ.)

Kotwicz W. L. [An Essay on the Grammar of Spoken Kalmyk]. 2nd ed. Řevnice: Kalm. Commission of Cultural Workers in Czechoslovak Republic, 1929. 418 p. (In Russ.)

Lidzhieva L. A. [Kalmyk Postpositions in a Historical Comparative Perspective]. Elista: Kalm. State Univ., 2017. 143 p. (In Russ.)

Melchuk I. A. [A Course of General Morphology]. Vol. II (Part 2: Morphological meanings). Transl. from French. Moscow: YaRK; Wien: WSA, 1998. 544 p. (In Russ.)

Nevskaya I. A. [Typology of Locative Constructions in Turkic Languages of South Siberia (a Case Study of the Shor Language)]. A Doct.Sc. thesis (philology). Novosibirsk, 1997. 198 p. (In Russ.)

Pavlov D. A. The noun. In: [A Grammar of the Kalmyk Language]. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. Pp. 67–149. (In Russ.)

Plungyan V. A. [General Morphology: an Introduction to the Agenda]. Moscow: Editorial URSS, 2000. 384 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. Revisiting the specifics of nominal spatial characteristics within the verb: a category of verb orientation. In: [Grammaticalization of Spatial Meanings in World Languages]. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 57–98. (In Russ.)

Plungyan V. A. Typology of verb orientation. In: [Logical Analysis of Language: Languages of the Dynamic World]. Dubna: Dubna State Univ., 1999. Pp. 205–223. (In Russ.)

Popov A. V. [A Grammar of the Kalmyk Language]. Kazan: Imperial Kazan Univ., 1847. 392 p. (In Russ.)

Serebrennikov B. A. [The Role of the Human Factor in Language: Language and Thought]. Moscow: Nauka, 1988. 242 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Meanings and functions of grammatical cases in the Kalmyk lamguage. *Zapiski KNIIYaLI*. Is. 1. Elista, 1960. Pp. 163–190. (In Russ.)

Trofimova S. M. [Case-Postpositional Constructions of Mongolic Languages and Their Russian Equivalents]. Moscow: Nauka, 1989. 95 p. (In Russ.)

Velikoretsky A. D. Space in the modern West Germanic and Russian languages: an effort of constructing a meta-language. In: [Grammaticalization of Spatial Meanings in World Languages]. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 8–34. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [The Russian Language: a Grammatical Teaching of Word]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. 640 p. (In Russ.)

Vsevolodova M. V., Vladimirsky E. Yu. [Means for the Expression of Spatial Relations in Modern Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1982. 262 p. (In Russ.)

УДК1751, 5527
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-673-688

Старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтә теегм» в исполнении Валентины Ильцарановой

Татьяна Акимовна Убушиева[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-8972-394X. E- mail: tanya-altana@bk.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается жизненный и творческий путь заслуженной артистки Калмыкии, народной певицы Российской Федерации, Почетного гражданина Республики Калмыкия Валентины Бадминовны Ильцарановой. *Цель* статьи — введение в научный оборот уникального образца старинной калмыцкой протяжной народной песни *«Төвтә теегм». Результаты.* Богатство идейно-художественного содержания старинной калмыцкой протяжной песни *«Төвтә теегм»* соответствует многообразию реальной действительности, отсюда и различные формы связи поэтических и музыкальных образов. Самобытность данной песни заключается в богатой ладовой структуре и сложной мелодической линии. Ее определенная характеристика позволяет отнести ее к лирико-драматическим.

Ключевые слова: Валентина Ильцаранова, калмыцкая протяжная песня, жанровые особенности, поэтика текста песен

Благодарности. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Убушиева Т. А. Старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтә теегм» в исполнении Валентины Ильцарановой. Монголоведение. 2019; (3): 673-688. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-673-688.

UDC 1751, 5527
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-673-688

'*Tövtä Teegm*': an Old Kalmyk Lingering Folk Song from Valentina Iltsaranova's Repertory

Tatyana A. Ubushieva[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
ORCID: 0000-0001-8972-394X. E- mail: tanya-altana@bk.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines the life and career journey and of Valentina B. Iltsaranova, a People's Artist of the USSR, People's Singer of the Russian Federation, and Honorary Citizen of Kalmykia. *Goals.* The paper introduces into scientific discourse a unique sample of the Kalmyk lingering folk song genre — '*Tövtä Teegm*'. *Results.* The vivid ideological and creative contents of this Kalmyk lingering song mirrors the manifold surrounding reality, giving rise to different poetic and musical images. Its unique nature is determined by the magnificent tonal structure and sophisticated melodic line. Certain characteristics discovered make it possible to identify the song as a lyrico-dramatic one.
Keywords: Valentina Iltsaranova, Kalmyk lingering song, genre peculiarities, poetics of song texts
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).
For citation: Ubushieva T. A. '*Tövtä Teegm*': an Old Kalmyk Lingering Folk Song from Valentina Iltsaranova's Repertory. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 673-688. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-673-688.

Калмыцкий фольклор — богатейшее наследие устного народного творчества калмыков. Калмыцкая песенная традиция является частью фольклора и отображает исторические события, подвиги богатырей, всю нелегкую жизнь простого кочевого народа с давних времен. Особую и главную часть в песенной традиции составляет калмыцкая народная протяжная песня *ут дун*. История возникновения калмыцкой протяжной песни, жанровая специфика, содержание, ритмический рисунок, мелодические изменения и многие другие аспекты изучения калмыцкой народной песни рассмотрены в работах ученых: [Земцовский 1964; Земцовский 1974; Тритуз 1965; Биткеев 1987; Биткеев 2005; Цебиков 1991; Кульганек 2001; Шивлянова 2003; Манджиева 2014; Коваева 2014; Дорджиева 2018; и др].

Калмыцкая народная песня, относящаяся к основополагающим этническим ценностям, занимает важное место в духовной культуре народа [Коваева 2017; и др.].

Калмыцкое музыкальное народное творчество, в частности песенное наследие, мы ассоциируем с такими известными именами артистов, выступавших в составе Государственного ансамбля песни и танца «Тюльпан», как Улан Барбаевна Лиджиева, Валентина Нимгировна Гаряева, Валентина Бадминовна Ильцаранова, Антонина Георгиевна Мукаева, Булгун Бюрчиева Манджуракова, Лидия Алеексеевна Кулешова. Они стояли у истоков возрождения песенной культуры после возвращения калмыцкого народа из ссылки в 1956–1957 гг. прошлого столетия.

В настоящей статье объектом исследования является старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтә теегм» ('Степь моя') в исполнении Валентины Ильцарановой. Эта песня относится к малоизвестному образцу, ранее не публиковавшемуся в сборниках калмыцких народных песен.

Известная калмыцкая певица Валентина Бадминовна Ильцаранова родилась 16 октября 1939 г. в совхозе «Западный» Целинного района Калмыцкой АССР. По воспоминаниям В. Б. Ильцарановой, при рождении ее назвали Нимит, (по не проверенным данным) в честь буддийского божества, а в период ссылки калмыцкого народа в Сибирь (1943–1957), ей дали новое имя — Валентина[1].

Маленькая девочка пела с самого детства, а песни в семье слышала от своей *ээджи* (бабушки) Чуурльг, которая была знатоком калмыцкого фольклора. Творческий расцвет Валентины Бадминовны начинается после возвращения калмыков из сибирской ссылки, в период восстановления и строительства республики (*приложение № 1. Фото*).

В книге И. Н. Басангова можно прочесть воспоминания самой артистки В. Б. Ильцарановой: «В Элисту из депортации наша

[1] Люди региона. Валентина Ильцаранова [электронный ресурс] // Инф. портал «Калмыкия-online», 13.01.2010. (Архивировано 17.04.2014). URL: https://web.archive.org/web/20140417002449/http://kalmykia-online.ru/region/people/iltsaranova-valentina (дата обращения: 10.09.2019); К 75-летию степного жаворонка Валентины Ильцарановой [электронный ресурс] // Инф. портал «Хадрис». 16 апреля 2014 г. (Архивировано 16.04.2014). URL: https://web.archive.org/web/20140416231958/http://hadris.ru/ilcaranova-valentina.html (дата обращения: 10.09.2019).

семья вернулась в 1958 году. Жить было негде, люди разбивали палатки, ставили небольшие юрты — там и селились с детьми, стариками, с немудренным скарбом. Но не унывали — все были счастливы возвращением на родину, жили надеждами и строили город. Возрождали свою культуру» [Басангов 2011: 9].

В 1961 г. В. Б. Ильцаранова стала солисткой Калмыцкого государственного ансамбля песни и танца «Тюльпан». В этом же году она поступает на учебу во Всесоюзную театральную мастерскую (г. Москва) и в 1974 г. успешно ее заканчивает. Годы учебы определили дальнейший творческий путь певицы, ее работоспособность, упорство и высокий профессионализм дали свои результаты. В 1965 г. Валентина Ильцаранова удостоена звания «Заслуженная артистка Калмыцкой АССР». В 1978 г. в составе ансамбля «Тюльпан» Валентина Ильцаранова стала дипломантом Всероссийского смотра ансамблей песни и танца в Москве. В 1981 г. удостоена звания «Народная артистка Калмыцкой АССР». В 1984 г. удостоена звания «Заслуженная артистка РСФСР». В 1987 г. стала лауреатом премии Калмыцкой АССР имени Героя Советского Союза им. О. И. Городовикова. В 1994 г. Указом Президента Российской Федерации удостоена звания «Народная артистка Российской Федерации». В 2000 г. присвоено звание «Почетного гражданина Республики Калмыкия» [Басангов 2011: 165].

Для поклонников Валентина Ильцаранова была олицетворением народного таланта. Над степью Калмыкии звучал ее тонкий, чистый, высокий голос, завораживая сердца слушателей, особенно поколение пожилого возраста, которые без слез не могли ее слушать. За уникальный тембр голоса в народе ее звали «степным жаворонком». Исполнение ею таких произведений, как «Topha», «Жаворонок», «Элистин вальс» стали визитной карточкой певицы.

Государственный ансамбль песни и танца «Тюльпан» часто приезжал с гастролями в г. Каспийский Каспийского района Калмыцкой АССР (ныне г. Лагань Лаганского района, Республика Калмыкия). Яркие моменты нашего детства связаны именно с выступлением Валентины Ильцарановой: местный «Дом культуры», заполненный зал, не было ни одного свободного места, многие стоя слушали и смотрели выступление заслуженного ансамбля, радость и счастье на лицах слушателей [ПМА 2019].

Особое место в творчестве В. Б. Ильцарановой занимала работа в коллективе «Национального оркестра Калмыкии» под руководством главного дирижера Владимира Карпенко. Благодаря совместной работе профессионалов было проведено немало интересных проектов и творческих вечеров. Одним из таких мероприятий был творческий вечер Валентины Ильцарановой, состоявшийся в марте 1996 г. Народная артистка Калмыкии и России Валентина Ильцаранова открыла свой творческий вечер старинной калмыцкой протяжной песней «Төвтә теегм». Концерт состоял из двух частей, звучали такие известные произведения, как калмыцкие народные песни «Ээҗин дун», «Саат эрәтә бүшмүд», «Зурһан», «Кеемә», «Байсвр», известные авторские песни «Торһа» (сл. Б. Басангова, муз. С-Г. Дорджина), «Деляш» (сл. и муз. Б. Буханкова), «Күүнә дун» (сл. Д. Кугультинова, муз. В. Деренькова), «Харада» (сл. С. Каляева, муз. П.Чонкушова), «Хальмг цә» (сл. Б. Сангаджиевой, муз. В. Ильцарановой), «Легенда о лотосе» (сл. Н. Санджиева, муз. П. Чонкушова), «Милая Калмыкия моя» (сл. Н. Санджиева, муз. Ю. Эрдниева), «Элистинский вальс» (сл. А. Балакаева, муз. П. Чонкушова) и др. [Творческий вечер 1, 1996; Творческий вечер 2, 1996].

Во время творческого вечера Петр Чонкушов — первый профессиональный композитор Калмыкии, заслуженный деятель искусств Калмыцкой АССР (1980 г.), заслуженный деятель искусств РСФСР (1991 г.), кавалер ордена Дружбы (1996 г.), произнес такие слова: «Это маленькая, хрупкая женщина, которую бог наградил таким великолепным, неповторимым голосом, достойна поклонения и самого глубокого уважения. Почти сорок лет смогла сохранить молодость души. Голос, который звучит так же, как звучал в 1958 году, 1959-м, когда мы вместе с Алексеем Балакаевым создавали этот „Элистинский вальс“, и благодаря ее божественному голосу этот вальс сохранил свою молодость. До сих пор он живет. Дай бог еще тебе, Валентина, долго-долго петь и звучать, как сорок лет назад» [Творческий вечер 2, 1996].

Вокальное искусство — не бесстрастное слепое повторение жизни, а ее воссоздание в художественных, музыкальных образах. Об этом задумываешься, слушая песни Валентины Ильцарановой, пишет Л. В. Клименко о степном жаворонке. «Образный язык ис-

кусства не нуждается в переводе, поэтому ее песни понимают и любят не только те, кто знает по-калмыцки, но и те, кому содержание песенного текста неизвестно: эмоциональный рисунок умело выбранных певицей вокальных произведений всегда говорит сам за себя. Вот ее голос взлетел высоко-высоко — так в поднебесье на весь мир кричит о своем счастье, переполняющем грудь, звонкий торлонг, который нашел свою единственную и неповторимую подругу, а вот голос певицы задрожал, как дрожит камыш под ветром ненастья, — это силы зла пытаются разорвать союз двух сердец; но проходят невзгоды, а счастье остается, счастье любить и быть любимым, и вновь радостным потоком льется песня… Лишь абсолютно глухой человек не сумеет услышать в этих трансформациях звука, в этих модуляциях чувств музыку души. Нет, не «всего семь нот» в октаве, а «целых семь нот», дающих возможность певцу сказать обо всем, о чем может и должен сказать человеку» [Клименко 1989: 11].

В репертуаре Валентины Ильцарановой имеется песня на стихотворение Михаила Хонинова — «Өлгэн дун» («Колыбельная»), которую автор посвятил своему младшему сыну Айте; по словам певицы, эта песня была самой любимой, она пела ее на родном калмыцком языке, напевая свою собственную мелодию [Ханинова 2010: 31–32]. Ниже приводятся калмыцкий текст песни и свободный перевод, выполненный Ю. Кочетковым.

ӨЛГӘН ДУН	КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ
Мини Айтад	
Бичкн өкәр иньгм Бүләкн өлгәдән нөөрсич, Байр заясн иньгм Баатр болҗ өсич. Цагин сәәнд һарсн Цаһан хаалһд орхич, Сарин бииднь күрсн Седкл дүүрңг ирхич. Җирһл нас зүүх Җигтә үрн төрв, Көлинь дөрәд күргх Кесг нердүд һарв [Хоньна 1964: 83]	Солнце село, Солнце спряталось опять За горами, За лесами, За морями… Вам пора, мои малышки, Засыпать. Верю, вырастите вы богатырями. Не усну. Буду думать все о вас, Родные дети, Все о том, Что на далекую Луну Улетите как-то утром, Что на далекую Луну

Улетите как-то утром,
На рассвете.
Или в море вы уйдете,
В океан,
К берегам холодной Антарктиды.
Затоскую я,
Но виду не подам
И не затаю на вас обиды.
Знаю,
Солнце завтра выглянет опять,
Будут радоваться утру мои дети.
Верю,
Каждая
О том мечтает мать,
Чтоб светило солнце
Всей планете

(Пер. Ю. Кочеткова)

[Хонинов 1966: 29–30]

М. В. Хонинов посвятил любимой певице Валентине Ильцарановой стихотворение «Ончта дуучла өсв», которое имеет три вариации [Ханинова 2010: 31–32].

ОНЧТА ДУУЧЛА ӨСВ
Мини дурта дууч —
Ильцарана Валентинад

Байрин дууһим дуулсн
Баһчуд билгәрн асв,
Олна седкллә ниилсн
Ончта дуучм өсв.

Аль бис келн
Альх ташч тосна,
Захас негән селн
Зальта дуд ниснә.
Дуучм эрг деерәс
Делүләд малмуд өкәлһнә,
Советин күүг теңгрәс
Седкл санамр буулһна.

Гермүд дүңгәҗ босад
Герл, дулаһан өгнә,
Эргәсн Иҗл һарад,
Эргәд теегим сергәнә.
Алтн буудяс шарлад
Автомашидәр дүүрнә,
Байрин дуудым дуулад
Байсад дуучм өснә.

Балһсн, селәһән өргжүләд
Баһчуд һавшуһан медүлий,
Мөңк цагтан җирһәд
Муурхан кезә чигн мартый.

Баһ насни шүрүһән һарһҗ
Баатр орндан нерәдий,
Бәрсн көдлмшән ончтаһар күцәҗ
Баһчуд бригадан батлый.

[Хоньна М. 1963: 11].

«Но чтобы запеть душой, певцу необходимо найти свою песню. Валентина Бадминовна ищет в огромном многообразии народных песен такие, у которых был бы ярко выраженный второй план, не столько само содержание песни, сколько сложные ассоциации, вызываемые ею, как круги на воде вызываются брошенным камнем. И чем шире ассоциации, тем глубже и интересней песня для самой певицы и для окружающих, для слушателей» [Клименко 1989: 11].

К своей профессии вокалиста Валентина Бадминовна Ильцаранова всегда относилась с огромной любовью и уважением, и была отличным примером для многих поколений артистов. Валентина Ильцаранова не только пела, но и собирала забытые старинные калмыцкие народные песни. Одним из таких уникальных произведений народа является песня «Төвтә теегм». Текст данной песни был расшифрован из видеозаписи творческого вечера певицы Валентины Ильцарановой (запись произведена Калмыцким телевидением 26 марта 1996 г.) [Творческий вечер 1, 1996].

Старинная калмыцкая народная протяжная песня «Төвтә теегм»

«ТӨВТӘ ТЕЕГМ»	«СТЕПЬ МОЯ, РОДИМАЯ»
Теег мини, бүтәсн лой	*Степь моя, родимая*
Адунә ла сәәхн.	*Прекрасна табунами.*
Эңкрләд өсәгснла	*С любовью растившая меня*
Ээҗ мини сәәхн.	*Мама моя прекрасна.*
Өкәрләд өсәгснла	*В нежности растивший меня*
Аав мини сәәхн.	*Отец мой прекрасен.*
Охтрһу өрүнлә лой	*Если в небо утреннее*
Ай хәләхинь, хәләхнь,	*Посмотреть, посмотреть,*
Олндан тустаяла лой	*Прекрасно, словно солнце,*
Нарнла сәәхн.	*Приносящее пользу всем.*
Алдар хәәртә Җаңһрини	*Славного священного Джангара*
Айсинь өргҗ дуравд,	*Воспетая мелодия звучит,*
Өгәнчинь теегин аһарнь	*Щедрой степи воздух*
Киильҗ сәәхн җирһнәвдн.	*Вдыхая, в благоденствии пребываем.*
Улан гинә, залата лой	*С красными кисточками*
Хальмг гинә улсинә	*Калмыцкий народ*
Дала ялой ламань лой	*Далай-лама*
Евәтхә лой, евәтхә.	*Пусть оберегает, оберегает.*
Дала ялой ламань лой	*Далай-лама*
Евәтхә лой, евәтхә	*Пусть оберегает, оберегает.*

Перевод Григория Авджаева

Анализ исполнения калмыцкой народной протяжной песни «Төвтә теегм» показал, что песня звучит в темпе largo, размер 4;4. Каждая строфа начинается с затакта, слоготип начального типа варьируется. Первый слог дробится на четверть с точкой, восьмую, затем половинную, зона распева на первую долю второго такта, в последующих тактах наблюдаются распевы на дополнительные слоги: «лой», «ла». Фактура и высота исполнения имеет диапазон двух октав (*ноты представлены в приложении № 2*).

По мнению Н. Ц. Биткеева: «Многие же калмыцкие народные протяжные песни берутся высоко, на одном дыхании льются звуки самых различных тональностей, ритмических строений, соотношений фраз в текстах, часто объединяются звуки в пределах одного слова /легато/. Широкий диапазон исполнения таких песен захваты-

вает душу слушателя. Сейчас эти песни можно услышать в основном из уст пожилых исполнителей. <...> Своей ладовой метрико-ритмической структурой, оригинальной распевностью, своеобразной манерой народного исполнения заметно отличается от музыкального творчества народов нашей страны» [Биткеев 1987: 50].

«Протяжные песни представляют собой сложные музыкальные произведения, исполнять которые способен не каждый. Но Валентина Ильцаранова обладает всеми данными, чтобы петь в этой манере, и потому смело включает их в свой репертуар. В ее подаче *ут дуд* обрели новое лицо. Если народные певцы исполняли их в основном в низком регистре, то она резко подняла «потолок» тональности и поет в верхнем регистре. Это позволяет сделать мелодию песни прозрачной и тонкой, вложить в нее более широкую гамму чувств, ярче оттенить художественный образ. Конечно, певица вносит в старинные песни необходимые смысловые поправки, насыщает новым содержанием стародавние мелодии» [Клименко 1989: 8].

Богатство идейно-художественного содержания старинной калмыцкой народной протяжной песни «Төвтә теегм» соответсвует многообразию реальной действительности, отсюда и различные формы связи поэтических и музыкальных образов. Самобытность данной песни заключается в богатой ладовой структуре и сложной мелодической линии, а также наполнена особой манерой ее исполнения. Текст песни имеет куплетную форму, состоящую из четырех куплетов, до начала исполнения солиста идет музыкальное оркестровое вступление: три такта полные, в четвертом такте на 4 долю вступает солист. После двух куплетов также музыкальный инструментальный проигрыш, затем третий куплет, музыкальный проигрыш, и финальный четвертый куплет песни с повтором на последние две строчки куплета.

В калмыцкой народной протяжной песне «Төвтә теегм» восхваляется родная степь, объектом возвеличивания являются небо, солнце, родители, табуны. В песне присутствует обращение к эпическому герою — славному «Джангару»:

Алдар хәәртә Җаңһрини	*Славного священного Джангара*
Айсинь өргҗ дуравд	*Воспетая мелодия звучит.*

В песенной традиции калмыков Джангар-хан как властелин всей эпической державы, выполняя функцию центрального персонажа, сопоставляется с вершиной мифической горы Сумеру («О, Джангар, (вознесшийся), словно вершина Сумеру» [Джангар 1978: 166]. Например, известны такие песни-гимны, как «Хвалебный гимн Джангару», в котором восхваляется правитель Бумбайского государства Джангар-хан, или «Гора Сумеру». Песня завершается обращением исполнителя к Далай-ламе с просьбой оберегать калмыцкий народ. Такое заключение песни — распространенное явление для старинных протяжных песен, где стремление достичь желанной цели, вера в благополучное возвращение связываются со всемогуществом *бурханов*, которые помогают им в преодолении всех препятствий и трудностей. «В сознании народа представители духовенства воспринимались как звено, связующее их с божествами» [Хабунова 1998: 14].

В протяжной песне «Төвтә теегм» присутствует такая поэтическая форма, как, аллитерация:

Әңкрләд өсәгснла,	*С любовью растившая меня*
Әәҗ мини сәәхн	*Мама моя, прекрасна.*
Алдар хәәртәҖаңһрини,	*Славного священногоДжангара*
Айсинь өргҗ дуравд	*Воспетая мелодия звучит,*

Также в песне «*Төвтә теегм*» используются художественно-изобразительные средства, например, сравнения: *Өнтрһу өрүнлә лой / Нарнла сәәхн /* ‘Если в небо утреннее / Прекрасно, словно солнце’.

Преданным отношением к труду и песне Валентина Ильцаранова совместно с профессиональными композиторами, знатоками калмыцкого музыкального фольклора создала поистине золотой фонд народного песенного творчества калмыков. Изучение калмыцкой народной протяжной песни «Төвтә теегм» в исполнении Валентины Ильцарановой показало, что вербальные компоненты и приемы композиции данной песни своеобразны, и находятся в неразрывном единстве с такими элементами, как сюжет, стих, мелодия, составляя цельную художественную систему.

Источники

Творческий вечер 1, 1996 — Творческий вечер. 27.03.1996 г. Часть 1 [электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/search/?text=творческий%20вечер%20валентины%20ильцарановой&lr=1094&clid=2270455&win=361#/videowiz?filmId=17640898118721287406 (дата обращения: 10.09.2019).

Творческий вечер 2, 1996 — Творческий вечер. 27.03.1996 г. Часть 2 [электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/search/?text=творческий%20вечер%20валентины%20ильцарановой&lr=1094&clid=2270455&win=361#/videowiz?filmId=17640898118721287406 (дата обращения: 10.09.2019).

ПМА 2019 —. Воспоминания В. У. Баташевой о певице Валентине Ильцарановой. Запись в июне 2019 г. Из личного архива Т. А. Убушиевой.

Sources

[An Evening with Valentina Iltsaranova: March 27, 1996. Part 1]. An Internet resource: https://yandex.ru/search/?text=творческий%20вечер%20валентины%20ильцарановой&lr=1094&clid=2270455&win=361#/videowiz?filmId=17640898118721287406 (accessed: October 10, 2019). (In Russ. and Kalm.)

[An Evening with Valentina Iltsaranova: March 27, 1996. Part 2]. An Internet resource: https://yandex.ru/search/?text=творческий%20вечер%20валентины%20ильцарановой&lr=1094&clid=2270455&win=361#/videowiz?filmId=17640898118721287406 (accessed: October 10, 2019). (In Russ. and Kalm.)

Author's field data

Informant: V. U. Batasheva, recollections of V. Iltsaranova. Rec. of 2019. At: author's personal archives. (In Russ.)

Литература

Басангов 2011 — *Басангов И. Н.* С песней по жизни (О жизни и творчестве народной артистки России Валентины Ильцарановой). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 190 с.

Биткеев 1987 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 141с.

Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.

Джангар 1978 — Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, 1978. Т. 1. 441 с.

Дорджиева 2018 — *Дорджиева Г. А.* Протяжные песни калмыков: история одного сюжета. Исследование и тексты с аудиоприложением. СПб.: Композитор, 2018. 128 с.

Земцовский 1964 — *Земцовский И. И.* Протяжная песня как особая форма русской народной песенной культуры: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1964. 21 с.

Земцовский 1974 — *Земцовский И. И.* Значение теории интонации Б. Асафьева для развития методологии музыкальной фольклористики // Социалистическая музыкальная культура: традиции, проблемы, перспективы. М.: Музыка, 1974. С. 82–93.

Коваева 2014 — *Коваева Б. М.* Калмыцкая народная протяжная песня: степень сохранности текста в современных условиях [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. http://science-education.ru/ru/article/view?id=14298 (дата обращения: 24.08.2019).

Коваева 2017 — *Коваева Б. М.* Калмыцкая народная песенная поэзия: традиция, современное состояние и формы бытования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп. 2017. 22 с.

Клименко 1989 — *Клименко Л. В.* Степной жаворонок: Творческий портрет певицы Валентины Ильцарановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 59 с.

Кульганек 2001 — *Кульганек И. В.* Мир монгольской народной песни. СПб.: Петербург. востоковед., 2001. 224 с.

Манджиева 2014 — *Манджиева Б. Б.* К вопросу изучения калмыцких религиозных песен [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. №4. С. 99–103. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_24/7557-mandzhieva.html (дата обращения: 13.06.2019).

Тритуз 1965 — *Тритуз М. Л.* Музыкальная культура Калмыцкой АССР. М.: Музыка, 1965. 110 с.

Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1998. 224 с.

Ханинова 2010 — *Ханинова Р. М.* Михаил Ванькаевич Хонинов: библиогр. указ. / Р. М. Ханинова; вступ. ст. Б. Налхаевой, Р. Ханиновой; Мин-во образования и науки РФ; КГУ. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 188с.

Хонинов 1966 — *Хонинов М. В.* Гимн человеку: стихи и поэма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 95 с.

Хоньна 1963 — *Хоньна М.* Ончта дуучла өсв // Теегин герл. 1963. № 3. Х. 11.

Хоньна 1964 — *Хоньна М.* Мини домбр күңкнхлə. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1964. 128 х.

Цебиков 1991 — *Цебиков Л. И.* Сто калмыцких песен. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

Шивлянова 2003 — *Шивлянова В. К.* Два варианта монгольской народной охотничьей песни // Mongolica-VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 94–95.

References

[The *Jangar*: a Heroic Epic of the Kalmyks] A. Sh. Kichikov (comp.); G. I. Mikhailov (ed.). Moscow: Nauka, 1978. Vol. 1. 441 p. (In Russ.)

Basangov I. N. [The Song Was Her Lifetime Companion: a Narrative about Valentina Iltsaranova's Life and Career Journey]. Elista: Dzhangar, 2011. 190 p. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Folk Song Poetry]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 141 p. (In Russ.)

Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Song Folklore]. Elista: Dzhangar, 2005. 214 p. (In Russ.)

Dordzhieva G. A. [Lingering Songs of the Kalmyks: History of One Plot Revisited]. Suppl. with audio recordings. St. Petersburg: Kompozitor, 2018. 128 p. (In Russ.)

Khabunova E. E. [Kalmyk Wedding Ritual Poetry]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 224 p. (In Russ.)

Khaninova R. M. [Mikhail V. Khoninov: a Bibliographical Guide]. Ministry of Education and Science of Russia, Kalmyk State University. Elista: Kalmyk State University, 2010. 188 p. (In Russ.)

Khonina M. [When My Dombra Plays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1964. 128 p. (In Russ.)

Khonina M. I grew up next to a special singer. *Teegin gerl*. 1963. No. 3. P. 11. (In Kalm.)

Khoninov M. V. [Hymn to Man: Poems]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. 95 p. (In Russ.)

Klimenko L. V. [The Steppe Lark: an Artistic Portrait of Valentina Iltsaranova]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1989. 59 p. (In Russ.)

Kovaeva B. M. [Kalmyk Folk Music Poetry: Traditions, Present-Day Conditions, and Forms of Existence]. A Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Maykop, 2017. 22 p. (In Russ.)

Kovaeva B. M. Kalmyk folk long song: the degree of the text's preservation in modern conditions. *Modern Problems of Science and Education*. 2014. No. 4. An Internet resource: http://science-education.ru/ru/article/view?id=14298 (accessed: August 24, 2019). (In Russ.)

Kulganek I. V. [The World of Mongolian Folk Song]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. 224 p. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. To the issue of studying the Kalmyk religious songs. *The New Research of Tuva*. 2014. No. 4. Pp. 99–103. An Internet resource: https://www.tuva.asia/journal/issue_24/7557-mandzhieva.html (accessed: June 13, 2019). (In Russ.)

Shivlyanova V. K. Two versions of the Mongolian hunting song. In: [Mongolica-VI]. Coll. articles. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 94–95. (In Russ.)

Trituz M. L. [Music Culture of the Kalmyk ASSR]. Moscow: Muzyka, 1965. 110 p. (In Russ.)

Tsebikov L. I. [One Hundred Kalmyk Songs]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 128 p. (In Russ.)

Zemtsovsky I. I. [The Lingering Song as a Special Form of Russian Folk Song Culture]. A Cand.Sc. (art criticism) thesis abstract. Leningrad, 1964. 21 p. (In Russ.)

Zemtsovsky I. I. The impact of Asafiev's intonation theory to the development of musical folklore methodology. In: [Socialist Music Culture: Traditions, Challenges, Prospects]. Moscow: Muzyka, 1974. Pp. 82–93. (In Russ.)

Приложение № 1

Фото 1. Валентина Бадминовна Ильцаранова [*Photo 1*. Valentina B. Iltsaranova]

Приложение № 2

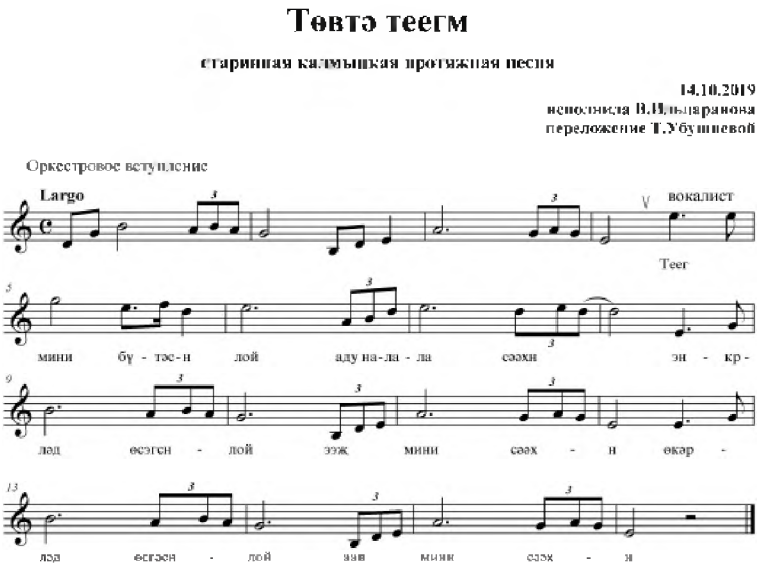


Рис. 1. Нотная запись песни «Төвтэ теегм».
Переложение Т. А. Убушиевой. [*Fig. 1.* Music sheet of the song '*Tövtä Teegm*'. Transcription by T. Ubushieva.]

УДК 71.1
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-689-699

Образ благочестивой женщины в поучениях тибетского царя Усун Дебескерту

Баазр Александрович Бичеев [1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: bazar@mail.ru

Аннотация. *Введение*. Наставления относительно взаимных отношений жены и мужа во многих традиционных культурах сводятся к общему постулату. Предписывается супругам одинаковую обязанность — иметь взаимную любовь и уважение, при этом мужчине отводится роль главы в семье, а женщине — подчиненность мужу. Не являются исключением и воззрения на роль женщины в индо-буддийской культуре. Используя разные методы воспитания, в том числе и наставления, состоящие в словесном назидании того, кто в этом нуждается, буддизм активно вырабатывал идеальный образ женщины. Одним из образцов литературы, в котором освещается вышеуказанная тема, является произведение, в котором содержатся назидательные речи легендарного тибетского царя Ралпачена. *Цель* настоящей статьи — ввод в научный оборот текста памятника старокалмыцкой литературы «История Усун Дебескерту-хана», касающегося освещения образа благочестивой женщины. *Материалы*. Источником для настоящей работы послужили девять списков этого текста, хранящихся в коллекциях ойратских рукописей России, Монголии и Китая. Среди других разделов этого сочинения есть отдельные наставления о том, какие черты должны быть присущи женщинам высшего сословия и обычным женщинам, а также некоторые взгляды, касающиеся отношения мужа и жены. Все эти установки были очевидны и легко понимаемы широкими слоями общества. Нет сомнения в том, что в народном представлении все эти нормы соответствовали тому идеалу, который был выработан задолго до принятия буддизма, но получил новый импульс в период его утверждения. *Выводы*. Содержание памятника свидетельствует, что буддизм, несмотря на признание нравственного равенства женщины с мужчиной, назначает ей скромную, полезную деятельность главным образом в семейном кругу, где она может усовершенствовать частную жизнь — оживлять, украшать ее.

Ключевые слова: наставления, женщина, моральные качества, идеальный образ семьи

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бичеев Б. А. Образ благочестивой женщины в поучениях тибетского царя Усун Дебескерту. Монголоведение. 2019. № (3): 689-699. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-689-699.

UDC 71.1
DOI 10.22162/2500-1523-2019-3-689-699

'*The Story of Usun Debeskertu Khan*': Image of the Virtuous Woman according to the Tibetan King's Homilies

Baazr. A. Bicheev[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0002-9352-7367. E-mail: bazar@mail.ru

Abstract. *Introduction*. Precepts regarding mutual attitudes between husband and wife in many traditional cultures can essentially be reduced to a single common postulate: with equal mutual love and respect stipulated, husband is assigned the role of head of household, and wife – that of the latter's subordinate. And views on the woman's role in the context of the Indo-Tibetan cultural tradition are no exception. Through the use of different educational techniques, including those of verbal precepts (homilies) addressed to respective groups and individuals involved, the Buddhism was actively shaping an image of the ideal Woman. One such literary manifestation is the text containing homilies of the legendary Tibetan king Ralpachen. *Goals*. The paper aims to introduce into scientific discourse the text of an Old Kalmyk literary monument titled '*The Story of Usun Debeskertu Khan*'. *Materials*. The work deals with nine versions (handwritten copies) of the text housed in Oirat manuscript collections of Russia, Mongolia, and China. Other parts of the composition contain special instructions describing features that essentially characterize noble and common women, as well as some views on relations between husband and wife. All the mentioned attitudes are evident enough and can easily be perceived by the bulk of society. There is no doubt that in ethnic mentality the norms corresponded to the ideal that had been elaborated long before the conversion to Buddhism and received another impetus during the consolidation of its positions. *Conclusions*. So, the published text attests to the fact that, admitting the moral equality between man and woman, Buddhism still allots the latter with modest and useful functions actually restricting her activities to the family circle where she can sophisticate private life, i.e. vitalize and decorate it.
Keywords: precepts, woman, moral qualities, ideal image of family
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).
For citation: Bicheev B. A. '*The Story of Usun Debeskertu Khan*': Image of the Virtuous Woman according to the Tibetan King's Homilies. *Mongolian Studies*. 2019; (3): 689-699. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-689-699.

Дискуссия о положении женщины в мировых конфессиях — явление не новое, но получившее заметный импульс в последнее время [Армур 2004; Ворошилова 2017]. Каждая из религий стре-

мится отстоять статус женщины и свое положительное отношение к ней [Троицкий 2001; Женщина в исламе 2004]. Однако что бы ни писали и какие аргументы в пользу своих доводов не приводили те или иные авторы, необходимо признать, что учение о взаимных отношениях супругов во все трех мировых религиях сводится к общему постулату. Предписывается одинаковая обязанность мужу и жене — иметь взаимные любовь и уважение, при этом мужчине отводится роль главы в семье, а жене — подчиненность мужу.

Буддизм, как и другие религии, не дискриминировал женскую природу относительно высшей религиозной перспективы. В пантеоне буддизма есть пусть и немногочисленные, но особо почитаемые женские образы. Такое положение связано с тем, что буддийская философия, глубоко осмыслившая психику человека, воспринимает природу женщины как более подверженную аффектам. Согласно сложившимся представлениям, отрешение от чувственного мира требует от женщины больших усилий, чем от мужчин. Поэтому во многих буддийских трактатах, в том числе и в известном сочинении буддийского учителя-наставника Шантидевы «Бодичарьяаватара», высказывается пожелание всем женщинам переродиться в будущих рождениях мужчинами, чтобы достичь полного просветления [Шантидева 2000: 156].

Однако, согласно буддийской традиции, на многократные пожелания обрести рождение мужчиной Бодхисаттва Тара напомнила буддам о концептуальном положении учения о пустоте — отрицании присущего существования всех вещей и явлений. Вознамерившись достичь просветления, она поклялась, не меняя своего женского облика, спасать живые существа от рождения в сансаре: «Многие желают достичь просветления в мужском перерождении, и лишь единицы стремятся трудиться на благо живых существ в облике женщины. Посему, пока сансара не опустеет, да смогу я в женском теле приносить благо живым существам!» [Эду 2008: 18].

С этого момента она стала известна в буддизме под многими именами и эпитетами. В Индии ее называют Тара (санск. *Tāra*), в Тибете — Долма (тиб. *sgrol ma*), в Монголии — *Дара эхэ* (монг. *Dāra eke*), в Калмыкии — *Дәрк* (ойр. *Dāre eke*) [Яхонтова 2010: 119–122].

Приведенный пример с Тарой — это легендарная сторона проблемы отношения буддизма к женщине. В реальной жизни представление об идеальной женщине непосредственно увязывается с ее повседневным поведением, что опосредованно указывает на ее религиозность. Одним из источников таких представлений служат некоторые тексты, которые в старописьменной ойратской (калмыцкой) литературе принято обозначать как «*сургаал*» (наставление, поучение). Среди ряда таких произведений следует указать на популярный в недалеком прошлом текст под названием «История Усун Дебескерту-хана» («*Üsün debiskertü xāni tuuji orošiboi*»).

О широком распространении этого произведения свидетельствует тот факт, что в известных коллекциях ойратских рукописей России, Монголии и Китая выявлено девять списков этого текста [Сазыкин 1988: № 302, № 425 (5), № 427 (7); Gerelmaa 2005: № 84, № 445а; № 827 (99)].

Еще одним свидетельством популярности этого произведения стало включение его в содержание «Калмыцкой хрестоматии для чтения в аймачных и в младших отделениях школ» [Калмыцкая хрестоматия 1927: 74–84]. Она была подготовлена к печати учителем народной школы Ш. Болдыревым в 1905 г., но в силу различных обстоятельств вышла в свет лишь в 1927 г. в Праге, благодаря усилиям калмыцкой эмиграции.

Не вдаваясь в подробный анализ содержания этого памятника и истории происхождения тибетского текста, укажем лишь на то, что калмыцкий перевод этих наставлений мог появиться после создания «ясного письма» (1648 г.). Переводчиком с тибетского на калмыцкий язык назван знаменитый в истории ойратов и Тибета хошеутовский Гуши-хан, а инициатором перевода — его брат Кундулен-Убаши.

Содержание этого произведения построено на наставлениях, которые дал своим двенадцати главным чиновникам легендарный тибетский царь Три Ралпачан или Тицуг Дэцэн (тиб. *khri gtsug lde brtsan Ral-pa-can*), о времени правления которого (815–841 гг.) сохранилось много преданий как в устной литературе, так и в письменной тибетской исторической литературе [Кычанов, Мельниченко 2005: 66–67].

Среди других разделов этого сочинения есть отдельные наставления о том, какие черты должны быть присущи женщинам высшего сословия и обычным женщинам, а также некоторые взгляды, касающиеся отношения мужа и жены.

Согласно этим наставлениям женщина высшего сословия должна обладать пятнадцатью признаками нравственного совершенства: мудрой в решении светских и религиозных вопросов, внешне привлекательной, немногословной, стыдливой, умеющей управлять хозяйством, не проявляющей гнева, она должна подниматься раньше всех и ложиться позже остальных, почитать мужа как небожителя и др.

Транслитерация[1]	*Русский перевод*[2]
erken sayin ayas eme=setü arban tabun sayin yabudal bui:	Пятнадцать признаков, присущих женщине высшего сословия.
ünen šajin törödü cecēn: üzekü ōnggeni sayin bolxula nigen:	Во-первых, она обладает мудростью в решении государственных вопросов и имеет приятный внешний вид.
ügeni cōn bolōd: ürgüldüi=de beyeben xadγalan ayixu i=čiüri medekü luγā xoyor:	Во-вторых, немногословна, постоянно ухаживает за собой, ей присуща стыдливость.
üyile-bēn üyileden čidad: uči=raqsan bügüdeyigi tejin **[7a]** *čidaxui luγā γurbun:*	В-третьих, умеет решать возникшие вопросы, привечает всех, **[7a]** кто оказался [у них при дворе].
alji=yas xudal kigēd ayil uluši ü=lü keren yabuxui luγā dörbōn:	В-четвертых, не посещает беспричинно соседей, не ведает лжи и пристрастия.
oudan uta sedkil-tu bolōd: amani batu bolxu luγā tabun:	В-пятых, умеет размышлять и хранить тайну.
čiri=ni ariun bolōd urbaxu udxu ügei lügē zurγān:	В-шестых, лик ее чист, без оспинок и прыщей.
küüken kigēd aru bolon asurxu yosor teji=kü luγā dolōn:	В-седьмых, должным образом воспитывает детей и управляет домом.
ed mala xu=rān čidad: our kilinggen darun čidaxui luγā nayiman:	В-восьмых, следит за состоянием имущества и хозяйства, умеет подавлять свой гнев.

[1] Транслитерация текста произведена по рукописи из Научного архива КалмНЦ РАН. В транслитерации знак равенства = ставится в месте переноса части слова на другую строку; квадратные скобки [ ] заключают в себе номер листа рукописи.
[2] В русском переводе в скобки [ ] заключены дополнительные слова, использованные для перевода, но отсутствующие в тексте оригинала. В квадратных скобках также указывается номер листа.

ide un=dagi čoǰid-(tu) ögün čidad xor ügei lüge yesün:	В-девятых, без ложного почтения подносит подаяние пищей монахам [чойджинам].
xuran xo=min čidād: odxu irekü čoǰidi	В-десятых, с почтением встречает и провожает монахов [чойджинов].
kündülen čidaxu luγā arban: ori untan erte bosō=d nöür züsün arčin šürčikü luγā arban nigen:	В-одиннадцатых, ложится позже и встает раньше всех и приводит себя в порядок.
xubcasun ümüsün xoni ükürēn bürid=ken üzēd teǰin üyiledkü luγā arban xoyor:	В-двенадцатых, осматривает состояние хозяйства и опекает домочадцев.
xayiran ü= **[7b]** *gei sedkil-yēr xamaqtu uran ar=γatau külkü-lügē arban γurbun:*	В-тринадцатых, умеет увещевать **[7b]** ласковым и убедительным словом.
dedüšiyin yabudaldu uran bolād öböriyin nökürі tenggeri metü kundülekü-luγā arban dörbön:	В-четырнадцатых, будучи искусной в деяниях предков, почитает мужа подобно небожителю.
ariun sayin sedkil-yēr aryā zali ügei luγā arban tabun:	В-пятнадцатых, непогрешима в мыслях и деяниях.

Примечательно, что в присущих благородным и высоконравственным женщинам качествах, которые отмечаются в сочинении, отсутствуют какие-либо конкретные наставления по практике буддийского учения, кроме некоторых указаний о почитании монахов (чойджинов), но вместе с тем именно эти требуемые от женщины нравственные качества подспудно являются определяющими ее как глубоко верующего человека.

В исторических сочинениях ойратских летописцев упоминаются имена ойратских женщин высшего сословия, чьи славные деяния сохранились в памяти простого народа. Так, Юм Агас-хатун, став женой правителя Джунгарии Эрдени Баатур-хунтайджи, родила знаменитого Галдан Бошокту-хана, ставшего впоследствии правителем страны. После смерти мужа она приняла обеты мирянки-монахини (убсанцы) и строго придерживалась их вплоть до конца жизни [Бадмаев 1969: 99–102].

Гунгчжу-хатун, мать хошутского владельца Цецен-хана, была известна своей набожностью и строгостью в соблюдении обетов. Неоднократно совершала паломничество к святым местам Тибета. После ее смерти Цецен-хан отдал в казну Ойратского Большого монастыря все ее имущество, в память о ней посвятил 100 мальчиков в духовное звание [Бадмаев 1969: 102–103].

Сайханчжу-хатун, мать хошутского Аблай-тайши, по смерти мужа приняла обет мирянки-монахини (убсанцы). Исследователи считают, что знаменитый буддийский монастырь Аблай-кит своим существованием обязан ее мысли [Бадмаев 1969: 103–104]. Существует письменное свидетельство о философском уме и поэтическом даре Сайханчжу-хатун [Раднабхадра 1999].

Ечжи-Цаган, мать известного дербетского правителя-полководца Малай-Батура, совершила паломничество в Тибет. Летом 1662 г., возвращаясь из Страны снегов, в местности Ортен она оказала почетный прием первосвященнику ойратов Зая-пандите, который направлялся к Далай-ламе [Бадмаев 1969: 104].

Согласно наставлениям тибетского царя Ралпачена, обычная женщина должна быть величава, как пава, кротка и немногословна подобно агнцу, трудолюбива и аккуратна подобно мышке, чиста подобно рыбке, предана супругу подобно верблюдице и т. д.

Транслитерация	*Русский перевод*
dumda emeyin nayiman sayin yabudal bui:	Восемь признаков, присущих обычной женщине:
toγos metü üzüskülüngtei bolxula nigen:	Во-первых, величава, словно пава.
xonin metü üge cötöi bolxula xoyor:	Во-вторых, немногословна, подобно агнцу.
xulγu=na metü xarangγui-tai bolxula γurbun:	В-третьих, трудолюбива и аккуратна, подобно мышке.
tolimun nisxulun sou=xui luγā dörbön:	В-четвертых, походка ее подобна полету птицы.
temeyin metü öbörö nökör ese ülü ui=daxui lüγā taban:	В-пятых, предана супругу, подобно верблюдице [своему верблюжонку].
zaγasun metü kebeli ariun bolxu luγā zurγan	В-шестых, подобно рыбке, имеет чистое брюшко.
γulǰimar metü sayin ayilatai bolxu luγā dolon:	В-седьмых, обладает мягким характером, подобно птенчику.
bars metü öbörön tusa-bēn bütēn čidaxu= [**8a**] la nayiman:	В-восьмых, подобна тигрице в достижении необходимого [для семьи].

По сведениям некоторых исследователей, отличительной чертой обычной женщины-калмычки была «страстная любовь к детям, преданность своей семье, своему очагу, привязанность к мужу и полное отсутствие преступности среди женщин» [Прозрителев 1912: 8].

Наряду с идеальными признаками в сочинении указываются восемнадцать отрицательных признаков тех женщин, сознание которых не в состоянии противостоять таким аффектам, как скверный характер, хмурый и неприветливый вид, вспыльчивость, гнев, бесстыдство, себялюбие, прожорливость, беспричинный смех, привязанность к веселью и т. д.

В тексте наставлений прямо указано, что те жены, которые воспринимают мужа как ниспосланного небожителем, почитают его подобно отцу и брату, служат ему подобно рабыне и ведут себя подобно небесной деве — обретут долгую и счастливую семейную жизнь.

Транслитерация	*Русский перевод*
basa učiraqsan nökürön amaran ǰirγaxu yosotu dörbön xatun bui:	Существует четыре условия, при которых жена обретает счастье в браке.
nökürön eke metü asaraxu sedkiltei bolxula amaran ǰir=γaxu:	Счастлива будет та [жена], которая оберегает мужа как мать [свое дитя].
egeči döü metü kündülkü=lē sedkiltei bolxula amaran ǰirγaxu:	Счастлива будет та [жена], которая почитает мужа как сестра своего брата.
bōl šibeqčin metü zang-yēr yabuxula amaran ǰirγa=xu:	Счастлива будет та [жена], которая служит мужу как рабыня.
okin tenggeri metü sedkildü zokistoi bolxula amaran ǰirγaxu:	Счастлива будет та [жена], которая ведет себя подобно деве-богине.

При этом в другом месте сочинения сказано, что женщина, почитающая родителей мужа подобно небожителям, оберегающая мужа подобно собственному сердцу, дивная в своих чувствах, чистая в мыслях, словно сияющей на солнце снежной горе — подобна чистой жемчужине.

Вступление в брачный союз и создание семьи — это естественное призвание мужчины и женщины, это их поприще для творения добродетели и вступления на путь обретения спасения. Брак, освященный небом и людьми, знаменует благополучную семейную жизнь и продолжение рода.

Транслитерация	*Русский перевод*
Сән эр, эмиг теңгр хамтудх. Бурхн болн рагни мет учрад, Цацу нег чинртә болн одад, Җил, сариг җирһләр дуусх.	Мужа и жену высокого происхождения венчают небеса. Встретившись подобно будде и богине-деве, Будучи равными в своей сущности, Они счастливо проживут месяцы и годы.
Дунд эр, эмиг күн хамтудх. Учрад цацу энрх седкл эс тасрх, Он, сариг өңгрхиг эс медх.	Обычных мужа и жену венчают люди. Встретившись, они, не оставляя мысли о милосердии, Не заметят, как счастливо проживут месяцы и годы.
Му эр, эмиг күлцн хамтудх. Ааль ад учрсн мет нүдән буулһн, хамран мурчулж, Он, жил керлдн дуусх.	Несчастливого мужа и жену венчает нужда. Словно подавленные горем, с опущенным взором и поникшей головой, В ссорах и брани проведут они месяцы и годы.

Все эти установки были очевидны и легко понимаемы широкими слоями общества. Нет сомнения в том, что в народном представлении все эти нормы соответствовали тому идеалу, который был выработан задолго до принятия буддизма, но получил новый импульс в период его утверждения.

Таким образом, следует отметить, что буддизм, несмотря на признание нравственного равенства женщины с мужчиной, назначает ей скромную, полезную деятельность главным образом в семейном кругу, где она может оказать все нравственное влияние на мужа и семью, где она может усовершенствовать частную жизнь — оживлять, украшать ее, а это великое и благородное служение обществу. Совершенство нравственной чистоты, жизнь, сосредоточенная в сердце, в его чистых нравственных чувствах, — таковы высокие достоинства женщины в буддизме.

Литература

Армур 2004 — *Армур, Роллин*. Христианство и ислам: непростая история. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2004. 336 с.

Бадмаев 1969 — *Бадмаев А. В.* Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост., вступ. ст., ред. А. В. Бадмаева. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 203 с.

Ворошилова 2017 — *Ворошилова О. Н.* Образ женщины в религиях [электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 23. С. 33–37. URL: http://e-koncept.ru/2017/770428.htm (дата обращения: 20.08.2019).

Женщина в исламе 2004 — Женщина в исламе / ред.-сост. Г. Нуруллина. М.: UMMAH, 2004. 382 с.

Эду 2008 — *Эду, Жером*. Мачиг Лабдрон и основы практики чод / пер. с англ. М. Малыгиной. М.: Открытый Мир, 2008. 321 с.

Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.

Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. 384 с.

Раднабхадра 1999 — Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Заяпандиты. Факсимиле рукописи; пер. с ойратск. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., коммент., прим. и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. 507 с.

Троицкий 2001 — *Троицкий С.* Христианская философия брака. Клин: Христианская жизнь, 2001. 222 с.

Калмыцкая хрестоматия 1927 — Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ, составленная Ш. Болдыревым // Хонхо. Вып. III. Прага: Изд. КККР в ЧСР, 1927. 255 с.

Шантидева 2000 — Шантидева. Путь Бодхисатвы (Бодхичарья-аватара). СПб.: Культурный центр «Уддияна», 2000. 216 с.

Яхонтова 2010 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рук., транслит., введ., пер. с ойр., словарь с коммент., прил. Н. С. Яхонтовой. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.

Gerelmaa 2005 — *Gerelmaa G.* Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu Gerelmaa Guruuchin. Ulaanbaatar: ХЗХ ШУА, 2005. 270 p.

References

[A Kalmyk-Language Reader for Aimag- and Preliminary District-Level Schools Compiled by Sh. Boldyrev]. (In: *Khonkho* journal). Is. 3. Prague: Kalmyk Commission of Cultural Workers, 1927. 255 p. (In Russ.)

[Woman in Islam]. G. Nurullina (ed., comp.). Moscow: UMMAH, 2004. 382 p. (In Russ.)

Armuor R. Islam, Christianity and the West: a Troubled History. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2004. 336 p. (In Russ.)

Badmaev A. V. [Kalmyk Historical and Literary Texts: Russian Translations]. A. V. Badmaeva (comp., foreword, ed.). Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1969. 203 p. (In Russ.)

Edou J. Machig Labdron and the Foundations of Chod. M. Malygina (transl.). Moscow: Otkrytyi Mir, 2008. 321 p. (In Russ.)

Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature by Gerelmaa Guruuchin. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2005. 270 p. (In Eng.)

Kychanov E. I., Melnichenko B. N. [History of Tibet: from the Earliest Times to the Present Days]. Moscow: Vost. Lit., 2005. 351 p. (In Russ.)

Prozritelev G. [The Military Past of Our Kalmyks: Stavropol Kalmyk Regiment and Astrakhan Regiments in the Patriotic War of 1812]. Astrakhan: Executive Office of Astrakhan Governorate, 1912. 384 p. (In Russ.)

Radnabkhadra [*The Moon Light*: a Story of Rabjamba Zaya Pandita]. G. N. Rumyantsev and A. G. Sazykin (facsimile of manuscript and transl.); A. G. Sazykin (translit., foreword, etc.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)

Sazykin A. G. [Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs Housed by the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]. Vol. I. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. 507 p. (In Russ.)

Shantideva. The Way of the Bodhisattva (Bodhisattvacaryāvatāra). St. Petersburg: Uddiyana, 2000. 216 p. (In Russ.)

Troitsky S. [Christian Philosophy of Marriage]. Klin: Khristianskaya Zhizn', 2001. 222 p. (In Russ.)

Voroshilova O. N. Image of woman in religions. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. 2017. Vol. 23. Pp. 33–37. A Internet resource: http://e-koncept.ru/2017/770428.htm (accessed: August 20, 2019). (In Russ.)

Yakhontova N. S. [The Oirat Language: a Dictionary of Poetic Expressions]. N. S. Yakhontova (facsimile of manuscript, translit., etc.). Moscow: Vost. Lit., 2010. 615 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

№ 3

2019

Дата выхода: 09.12.2019. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 11,4. Тираж 100 экз. Заказ 20-19.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 г. Элиста,
Республика Калмыкия, Российская Федерация.
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com